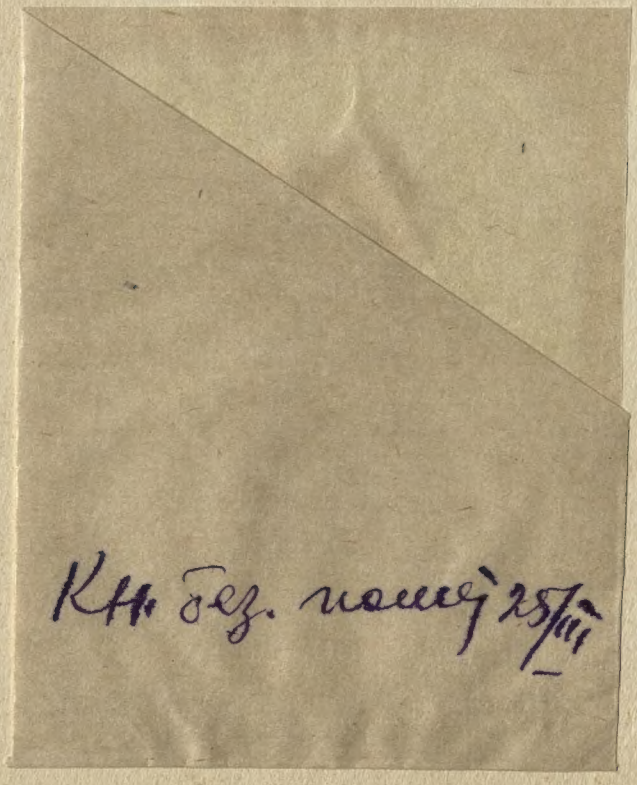
Рб 6/276
ч. 2 в. 1


Кн. без. нашей 25/III

Р 6
Р 276

Н. РОЖКОВЪ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка).

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Р 6/276

Н. РОЖКОВЪ.

ф10-81/538

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка).

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
59769 - 48

2020075366

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Вольныя городскія общины.

Глава первая.

СТРАН.

Природа и населеніе области Великаго Новгорода и Пскова въ XIII—XVI вѣкахъ . . . . . 1—7

Предѣлы владѣній вольныхъ городовъ 1.—Рельефъ 1—2.—Климатъ 2.—Орошеніе 2.—Почва 2.—Ботаническія, зоологическія и минералогическія богатства 3.—Населеніе и колонизація 3—6.—Общіе выводы 6—7.

Глава вторая.

Экономическій бытъ вольныхъ городскихъ общинъ удѣльнаго времени . . . . . 7—32

Относительное значеніе разныхъ отраслей промышленности 7—16.—Формы землевладѣнія 16—24.—Формы хозяйства 24—26.—Система хозяйства 26—28. Распредѣленіе хозяйственныхъ благъ 28—29.—Общіе выводы 29—32.

Глава третья.

Устройство общества въ вольныхъ городахъ удѣльной Руси. 32—46

Бояре 32—37.—Житьи люди 37—38.—Купцы 38—40.—Черные люди 40—44.—Закупни и закладни 44—45.—Холопы 45.—Общіе выводы 45—46.

Глава четвертая.

Политическій строй Новгорода и Пскова въ XIII, XIV и XV вѣкахъ . . . . . 46—81

Средства управленія: вѣче 47—49; правительственный совѣтъ 50—53; князь 53—62; посадникъ 63—64; тысяцкій 64—65; концы и кончанскіе старосты 65—67; соткіе 67; улицы и уличанскіе старосты 67; биричи, подвойскіе, пристава, подверники, дьяки 67; пригороды 68; пятины 68—69; погосты и губы 69; управленіе сѣверными областями 69.—Возстанія

СТРАН.

областныхъ жителей 70.—Цѣль государственнаго союза и субъектъ власти 71—75.—Борьба партій 75—80.—Общіе выводы 80—81.

Глава пятая.

Новгородскій владыка и духовенство . . . . . 81—86

Владыка 81—84.—Софіяне 84.—Приходское духовенство 84—85.—Церковныя отношенія между Новгородомъ и Псковомъ 85.—Борьба новгородцевъ за автонефальность новгородской церкви 85—86.—Заключеніе 86.

Глава шестая.

Духовная культура Новгорода и Пскова . . . . . 87—111

Нравы 87—89.—Религія 89—94. Искусство 94—96.—Изящная литература 96.—Паломническія путешествія и легенды 97.—Историческая литература 97—99.—Научныя понятія 99—100. Личности и характеры 100—110.—Общее заключеніе 110—111.

Глава седьмая.

Литература по исторіи вольныхъ городовъ удѣльной Руси. 111—113

Общія сочиненія 111.—Изслѣдованія по исторіи колонизаціи и хозяйства 111—112.—Сочиненія по соціальной исторіи 112.—Изслѣдованія политическаго строя 112.—Труды по исторіи церкви 112.—Руководства по исторіи искусства 112.—Работы по исторіи литературы и просвѣщенія 112—113.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Сѣверовосточная Русь съ XIII до половины XVI в.

Глава первая.

Природа и населеніе сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI в. . . . . 113—121

Границы области 113—114.—Климатъ, орошеніе и почва 114.—Ботаническія, зоологическія и минералогическія богатства 114—115.—Колонизація 115—121.

Глава вторая.

Народное хозяйство удѣльной сѣверо-восточной Руси . . 122—143

Относительное значеніе разныхъ отраслей хозяйства—122—129.—Формы землевладѣлія 129—133.—Формы хозяйства 133—137.—Система хозяйства 137—138.—Распредѣленіе хозяйственныхъ благъ 138—140.—Общіе выводы 140—143.

СТРАН.

Глава третья.

Устройство общества въ бассейнѣ Оки и верхней Волги съ XIII до половины XVI в. . . . . 143—159

Классовое расчлененіе общества 143.—Бояре и слуги вольные 143—151.—Слуги подъ дворскимъ 151.—Люди черные 151—156.—Холопы 157—158.—Юридическое положеніе женщины 158.—Общіе выводы 159.

Глава четвертая.

Политическій строй сѣверовосточной Руси въ удѣльное время . . . . . 159—194

Два момента развитія политическаго строя удѣднаго сѣверовостока 159 — 160. — Паденіе вѣча 160—161.—Князь 161—164. — Областное управленіе 164—169. — Центральное управленіе 169—171.—Личная дѣятельность князя 171—173.—Цѣль государственнаго союза 173—180.—Субъектъ власти 180—181.—Собираніе Руси 181—184.—Послѣдствія собиранія Руси для организаціи средствъ управленія 184—190.—Вліяніе собиранія Руси на общія понятія о власти 190—192.—Общіе выводы 192—194.

Глава пятая.

Церковь и духовенство . . . . . 194—201

Отношенія русской церкви къ константинопольскому патріарху 194—195.—Перенесеніе митрополіи 195—196.—Епархіи и ихъ устройство 196.—Монашество 196—197.—Церковное законодательство 197—199.—Отношеніе церкви къ государству 199—200.—Матеріальное обезпеченіе церкви 200.—Распространеніе христіанства между инородцами 200—201.

Глава шестая.

Духовная культура сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI в. . . . . 201—223

Порядокъ изложенія 201.—Личности и характеры 202—208.—Нравы и обычаи 208—209.—Религія 209—211.—Искусство 211—213.—Литература и наука 213—223.

Глава седьмая.

Литература по исторіи сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ . . . . . 223—224

Общія пособія 223.—Труды по исторіи колонизаціи 223.—Сочиненія по исторіи хозяйства 223.—Работы по соціальной исторіи 223.—Сочиненія по исторіи государственнаго строя 224.—Труды по исторіи духовной культуры 224.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Вольныя городскія общины.

Глава первая.

Природа и населеніе области Великаго Новгорода и Пскова въ XIII—XVI вѣкахъ.

Второй періодъ русской исторіи, называемый обыкновенно удѣльнымъ, начинается XIII столѣтіемъ и длится до половины XVI вѣка. Изучая этотъ періодъ, удобнѣе всего раздѣлить его на нѣсколько отдѣловъ, потому что и въ природномъ, и въ хозяйственномъ, и въ соціальномъ, и въ политическомъ, и, наконецъ, въ психологическомъ отношеніяхъ отдѣльныя части русской земли и русскаго народа различались между собою въ это время весьма существеннымъ образомъ. Такихъ отдѣловъ три: въ первомъ пойдетъ рѣчь о вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси, второй будетъ посвященъ сѣверо-восточной Россіи, въ третьемъ мы будемъ изучать западную и юго-западную *Русь*.

Начиная изученіе вольныхъ городскихъ общинъ удѣльнаго періода, мы, согласно принятому плану, должны прежде всего уяснить себѣ естественныя условія области Новгорода и Пскова. Но это требуетъ опредѣленія сначала предѣловъ этой области. Владѣнія вольныхъ городовъ удѣльной Руси, если очертить ихъ границы въ пору наибольшей ихъ обширности, поражаютъ своею громадностью; можно сказать, что они съ запада, сѣвера и отчасти съ востока охватывали приволжскую и прикскую Русь. Эти владѣнія занимали нынѣшнія губерніи Псковскую (почти всю, кромѣ юго-восточнаго угла), Петербургскую, Новгородскую (кромѣ восточной части), половину Выборгской, почти всю Олонецкую, всю Архангельскую, весь сѣверъ и востокъ Вологодской и, наконецъ, сѣверо-западную половину Вятской губерніи.

Рельефъ области вольныхъ городовъ отличается вообще однообразіемъ, равнинностью. Окаймляющія ее съ востока Уральскія горы и съ юга сѣверные увалы не мѣшаютъ вліянію сѣверныхъ вѣтровъ, а начинающаяся на западѣ Валдайскими горами средне-русская возвышенность слишкомъ невысока, чтобы оказывать сколько-нибудь замѣт-

ное вліяніе на климатъ юго-западной части страны, заслоняемой ею отъ сѣвера.

Поэтому *климатъ* всюду отличается большой суровостью и непостоянствомъ, причемъ, разумѣется, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу и сѣверо-востоку суровость климата все болѣе и болѣе растетъ.

Въ отношеніи *орошенія* вслѣдствіе особенной суровости климата и каменистой (сланцевой, гранитной) подпочвы выдѣляются крайній сѣверо-западъ (Кольскій полуостровъ) и сѣверо-востокъ (Печорскій край), гдѣ господствуютъ тундры, вѣчно-мерзлыя болота. Вся остальная страна можетъ быть названа типичной болотно-озерной областью, причемъ рѣки всѣ такъ называемаго озернаго типа, т.-е. уровень ихъ зависитъ не отъ зимнихъ и лѣтнихъ атмосферическихъ осадковъ, а отъ озеръ, и потому отличается постоянствомъ. Изъ рѣкъ на сѣверѣ особенно замѣчательны Онега, Сѣверная Двина съ притоками Вагой и Пинегой, Мезень и Печора; съ собственно Новгородской землей сѣверъ или такъ называемое Заволочье связано озерами Онежскимъ и Ладожскимъ и рѣкой Свирью, а въ самой области Новгорода обращаютъ на себя особенное вниманіе рѣки Луга, текущая въ Финскій заливъ, Нева, соединяющая этотъ заливъ съ Ладожскимъ озеромъ, и бассейнъ озера Ильмень съ впадающими въ него и вытекающими изъ него рѣками — Шелонью, Ловатью, Мстой и Волховомъ. Истоки Волги съ ея верхними притоками—Мологой, Тверцой и Шошей, принимающей въ себя въ свою очередь Ламу, также принадлежали Новгороду. Все это вмѣстѣ взятое представляло собою рядъ удобныхъ путей сообщенія во всѣ стороны,—на западъ, югъ, востокъ и сѣверъ.

Почвенныя условія всей области, занятой владѣніями вольныхъ городовъ удѣльной Руси, были мало благопріятны. Иностранные писатели XVI вѣка, какъ Герберштейнъ и Паоло Джовіо, указываютъ на скудость почвы въ Новгородскомъ краѣ и особенно на сѣверѣ. По писцовымъ книгамъ того же времени, отмѣчающимъ качество почвы, очень рѣдко встрѣчается хорошая («добрая») земля, больше попадается средней и очень много худой. Наконецъ, по даннымъ современнаго научнаго почвовѣдѣнія на изучаемомъ нами пространствѣ преобладаютъ почвы болотныя и подзолистыя: подзолъ—это тонкочастичная масса, мучнистая въ сухомъ состояніи, вязкая во влажномъ и очень богатая кремнеземомъ, т.-е. перегнойной кислотой, примѣшавшейся къ песку или глинѣ. Оба эти вида почвъ весьма мало-плодородны. Лучше ихъ гораздо рѣже встрѣчающіяся здѣсь перегнойно-карбонатныя почвы изъ известняковъ и мергелей съ нѣкоторымъ количествомъ растительнаго перегноя. Вообще сколько-нибудь удовлетворительными въ почвенномъ отношеніи во всей громадной области вольныхъ городовъ являются только берега Сѣверной Двины и юго-западъ—отчасти Псковская область, особенно же область Великихъ Лукъ.

Вся изучаемая страна изобиловала важнѣйшимъ изъ *ботаническихъ богатствъ*—лѣсомъ. Объ этомъ можно судить прежде всего по обилію лѣсовъ здѣсь и въ настоящее время. Но нѣтъ недостатка и въ древнихъ свидѣтельствахъ: по словамъ Герберштейна, почти непрерывные лѣса покрывали пространство между Двиной, Корелой, Московіей и Соловками; житія сѣверныхъ святыхъ XV и начала XVI вѣковъ содержатъ въ себѣ такого же рода указанія: такъ, по житію св. Зосимы и Савватія, Соловецкій островъ въ XV вѣкѣ «древесы разными цвѣтяше и боріемъ верси горамъ покровени»; по житію Антонія Сійскаго, въ бассейнѣ Сѣверной Двины въ началѣ XVI столѣтія были «многи лѣса и дебри непроходимые», въ 1524 г. на рѣкѣ Юрѣ за Двиной на 20 верстъ вокругъ расли дѣвственные лѣса; наконецъ, писцовыя книги XVI вѣка свидѣтельствуютъ, что въ областяхъ, ближайшихъ къ Новгороду и Пскову, лѣса въ то время занимали отъ 50 до 77% всей площади.

Обращаетъ на себя вниманіе также обиліе всякаго рода *зоологическихъ богатствъ*. Въ теченіе всего изучаемаго періода въ лѣтописяхъ и договорахъ Новгорода съ князьями упоминается рядъ звѣрей, водившихся въ собственно Новгородской области: таковы дикія свиньи, зайцы, медвѣди, волки, куницы, бѣлки, веверицы (тоже родъ бѣлки), изъ птицъ гаги («гоголи»), тетерева и проч. На бобровъ, куницъ и бѣлокъ указываютъ многочисленные акты, относящіеся къ Двинской землѣ. Но особенно много звѣрей водилось все время на крайнемъ сѣверо-востокѣ новгородскихъ владѣній, въ такъ называемыхъ Печорѣ и Югрѣ: еще въ XI вѣкѣ сложилось преданіе, будто на востокъ отъ Югры и Самояди веверицы и олени валятся прямо изъ тучъ; въ концѣ XII вѣка о соболяхъ говорится, какъ о главномъ богатствѣ Югорской (т.-е. вотяцкой) земли; въ XIV вѣкѣ въ Печорскомъ краѣ упоминаются горностаи, песцы, лисицы, соколы. Очень много было также рыбы: въ лѣтописяхъ, актахъ и иностранныхъ извѣстіяхъ говорится о тюленяхъ, моржахъ и китахъ на морскомъ берегу; по лѣтописному извѣстію 1354 г. рыбу въ Новгородѣ ловили руками: такъ было ея много; на Двинѣ водились семга и лосось, въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ и въ Невѣ были осетры еще въ XV вѣкѣ; упоминаемыя въ писцовыхъ книгахъ конца XV столѣтія репукса и курва—это извѣстныя и теперь ряпушка и корюшка.

Начиная съ XIII вѣка необходимо указать также на нѣкоторыя *минералогическія богатства* области вольныхъ городовъ удѣльной Руси: соль водилась въ Двинской губѣ (въ волостяхъ Неноксѣ и Унѣ), на Терскомъ берегу Кольскаго полуострова (въ Умбѣ и Варзугѣ) и въ Старой Руссѣ — къ югу отъ озера Ильменя; желѣзо встрѣчается въ той же волости Неноксѣ на берегу Бѣлаго моря и въ сѣверныхъ частяхъ Вотской пятины.

Переходя къ исторіи *населенія и колонизаціи*, надо замѣтить, что

въ этомъ отношеніи владѣнія вольныхъ городовъ слѣдуетъ раздѣлить на нѣсколько частей, существенно отличныхъ одна отъ другой. Населеніе собственно Псковской области сильно и быстро увеличивалось въ теченіе XIII, XIV и XV вѣковъ, но, повидимому, это увеличеніе происходило путемъ естественнаго прироста, а не прилива со стороны. Признаками роста населенія являются, главнымъ образомъ, два обстоятельства: умноженіе количества псковскихъ пригородовъ и появленіе новыхъ монастырей внѣ городовъ на незаселенныхъ прежде мѣстахъ. Въ половинѣ XIV вѣка, когда Псковъ достигъ полной независимости отъ Новгорода, было всего два псковскихъ пригорода—Изборскъ и Островъ. Къ XV вѣку прибавилось еще пять: Вороночъ, Велье, Коложе, замѣненное съ 1414 года Опочкой, Котельна и Вревъ. Наконецъ, во второй половинѣ XV вѣка появилось еще пять новыхъ: Гдовъ, Володиміръ, Кобылій, Красный и Вышгородъ. Изъ монастырей основываются во второй половинѣ XV вѣка Мальскій монастырь Рождества Богородицы на рѣкѣ Малѣ, въ 31 верстѣ къ юго-западу отъ Пскова, недалеко отъ Изборска, и Успенскій-Крыпецкій къ сѣверо-востоку отъ Пскова. Въ первой половинѣ XVI вѣка къ нимъ присоединяется на восточной границѣ Псковской области Никандровъ-Благовѣщенскій монастырь. Такой-же выводъ о непрерывномъ ростѣ населенія, и притомъ ростѣ внутреннемъ, лишенномъ прилива со стороны, получается въ результатѣ изученія матеріала, относящагося къ четыремъ новгородскимъ пятинамъ, — Шелонской, Деревской, Бѣжецкой и Вотской. И здѣсь можно наблюдать въ XIII, XIV и XV вѣкахъ появленіе новыхъ внѣгородскихъ монастырей: въ XIII в. въ 6 верстахъ отъ Старой Русы былъ основанъ Косинскій Николаевскій монастырь; въ 1292 году появился Ксенофонтовъ Троицкій монастырь въ 25 верстахъ отъ Новгорода; въ концѣ XIV вѣка возникли монастыри: Лисицкій въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ Новгорода, Коневскій на островѣ Коневцѣ, близъ западнаго берега Ладожскаго озера, и Феофиловъ-Омучскій въ 57 верстахъ къ юго-западу отъ нынѣшней Луги; наконецъ, къ XV столѣтію относится основаніе монастырей Николаевскаго-Напороцкаго въ 53 верстахъ отъ Новгорода и Видогощскаго-Преображенскаго въ 21 верстѣ отъ того же города. Къ концу періода такимъ образомъ плотность населенія въ новгородскихъ пятинахъ значительно увеличилась, что и засвидѣтельствовано писцовыми книгами конца XV вѣка и первой половины XVI: по первымъ, напр., въ Шелонской пятинѣ села и деревни составляли $91^1/_2$ % общаго числа всѣхъ поселеній, пустошей, т.-е. покинутыхъ поселеній, было 8%, и $^1/_2$ % приходилось на починки или селенія, вновь основывавшіяся; по вторымъ тамъ же было отъ 82 до 93% деревень и селъ, отъ 6 до 12% починковъ отъ $^1/_2$ % до 11% починковъ (различныя цифры относятся къ разнымъ мѣстностямъ пятины). Въ Вотской пятинѣ конца XV вѣка 97½ % всѣхъ поселеній составляли

села и деревни, ½ %—починки и 2% пустоши, а въ первой половинѣ XVI столѣтія здѣсь на села и деревни приходилось 88½ % всѣхъ поселеній, на починки 5½ % и 6% на пустоши. Отличительная черта всѣхъ этихъ цифръ — незначительность числа починковъ и пустошей—указываетъ на то, что населеніе достигло извѣстной нормы, и какъ большой отливъ, такъ и приливъ его со стороны не наблюдаются.

Но если исторія населенія четырехъ названныхъ пятинъ имѣетъ много сходнаго съ соотвѣтствующимъ процессомъ, совершавшимся въ Псковской области, такъ что эти пятины и Псковская область могутъ быть соединены съ разсматриваемой точки зрѣнія въ одно цѣлое, то Обонежская пятина Великаго Новгорода, занимавшая часть нынѣшней Новгородской губерніи, почти всю Олонецкую и часть Архангельской близъ устья рѣки Онеги, представляетъ собою уже переходъ къ сѣверу: въ Обонежскую пятину населеніе, несомнѣнно, приливало со стороны, изъ другихъ пятинъ Великаго Новгорода. Это засвидѣтельствовано и актовымъ матеріаломъ, и извѣстіями о томъ, что новгородскому архіепископу въ XV вѣкѣ принадлежали четыре сельца на Бобровой горѣ, а Марѳа Борецкая владѣла 19 деревнями по рѣкамъ Сумѣ и Выгу, и, наконецъ, основаніемъ новыхъ монастырей, какъ появившаяся въ концѣ XV в. Кенская пустынь въ 138 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ нынѣшней Пудожи или возникшія въ началѣ XVI вѣка монастыри Александровъ-Свирскій и Климецкій (на островѣ Онежскаго озера). Къ одному типу съ Обонежской пятиной принадлежатъ въ колонизаціонномъ отношеніи еще бассейны Сѣверной Двины и ея лѣваго притока Ваги: сюда также въ теченіе XIV и XV вѣковъ населеніе непрерывно притекало со стороны, съ запада и юго-запада. Заселеніе Важской земли было дѣломъ одной изъ богатѣйшихъ новгородскихъ боярскихъ фамилій, — Своеземцевыхъ: въ 1315 году четверо чудскихъ (т.-е. финскихъ) старостъ поступились въ пользу Своеземцева всею Вагой за 20.000 бѣлокъ и 10 рублей, а въ первой половинѣ XV вѣка Василій Своеземцевъ основалъ здѣсь Богословскій Важскій монастырь и самъ въ немъ постригся въ монахи. Новгородскими поселеніями въ Важской землѣ были Шенкурскъ, Вельскъ, Терминскъ, Паденгскій погостъ. Кромѣ Своеземцевыхъ, и другіе новгородскіе бояре владѣли здѣсь рядомъ имѣній. Такой же приливъ колонистовъ наблюдается и въ Двинской землѣ: на берегу Двинской губы, сѣвернѣе нынѣшняго Архангельска, въ началѣ XV вѣка былъ основанъ Николаевскій-Корельскій монастырь; новгородскія купчія и данныя XIV—XV вѣковъ содержатъ въ себѣ рядъ указаній на двинскія волости; отъ 1471 года до насъ дошелъ подробный списокъ этихъ волостей, находившихся по обѣимъ берегамъ Сѣверной Двины и на островахъ этой рѣки; особенно замѣчательны изъ нихъ—Нижняя Тойма, Заостровье, Моржегоры, Емецкая волость, Вай-

муга, Матигоры, Быстрокурья, Холмогоры, Орлецъ, Пжма, Койдокурья, Кехта, Чухченема, Куростровъ, Великая Курья, Ухтъ-островъ, Княжъ-островъ, Яковлева-курья, Соломбала, Терпиловъ погостъ и т. д. Въ 1520 году св. Антоній основалъ монастырь на рѣкѣ Сіѣ. Наконецъ, къ тому же колонизаціонному типу отчасти можно отнести Пермь (Біармію)—область по рѣкамъ Сысолѣ, Выми и Вычегдѣ, гдѣ сначала появились отдѣльные поселенцы, а потомъ возникла промышленная вотчина Строгановыхъ, и Вятку, гдѣ новгородскіе повольники или ушкуйники основали города Хлыновъ, Орловъ, Кайгородокъ, Котельничъ и образовали вольную общину, не признававшую совсѣмъ княжеской власти, но существовавшую впрочемъ недолго.

Третій колонизаціонный типъ представленъ поселеніями новгородцевъ по Поморскому, Терскому и Мурманскому берегамъ, т.-е. на крайнемъ сѣверо-западѣ: хотя отдѣльные случаи захода сюда колонистовъ попадаются и во второй половинѣ XIV вѣкѣ (напр., сохранилось извѣстіе отъ этого времени о пребываніи св. Лазаря на Мурманскомъ берегу), но сколько-нибудь замѣтное русское колонизаціонное теченіе въ этотъ суровый, но богатый рыбой и солью край наблюдается въ сущности только послѣ основанія Соловецкаго монастыря свв. Зосимой и Савватіемъ въ 1436 году. Населеніе, сюда проникавшее, ютилось исключительно по озерамъ и приморскимъ рѣкамъ и было поэтому крайне рѣдкимъ. Таковы были поселенія по рѣкамъ Кеми, Керети, Ковдѣ, Умбѣ, Варзугѣ. Въ XVI вѣкѣ появились монастыри Троицкій на р. Колѣ и Печенгскій, основанный св. Трифономъ на р. Печенгѣ на границѣ съ Норвегіей.

Наконецъ, четвертую часть владѣній вольныхъ городовъ, если ихъ дѣлить на части съ точки зрѣнія исторіи населенія, составляютъ бассейны Пинеги, Мезени и Печоры, совершенно нетронутые русской колонизаціей въ изучаемое время. Все дѣло ограничивалось временными походами новгородцевъ въ этотъ край для сбора неопредѣленной и непостоянной дани, точнѣе говоря — для простого грабежа. Походы эти начались еще въ XI вѣкѣ, и съ тѣхъ поръ извѣстія о нихъ идутъ непрерывной цѣпью въ послѣдующія столѣтія.

Сопоставляя теперь результаты произведеннаго нами изслѣдованія природы и населенія владѣній вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси, мы должны сдѣлать выводъ, во многомъ напоминающій заключенія, сдѣланныя въ свое время при изученіи соотвѣтствующихъ вопросовъ въ исторіи древнѣйшей Россіи, кіевскаго періода. Прежде всего нельзя совершенно отрицать вліяніе природы на распредѣленіе населенія и колонизацію: равнинная поверхность и удобные водные пути сообщенія могли и даже должны были содѣйствовать колонизаціи, но именно только *содѣйствовать* ей, а не творить, не создавать ея, т.-е. *вліяніе природы оказывается пассивнымъ*, не творческимъ, не активнымъ. Но это еще не все: и *это пассивное, содѣйствующее или*

противодѣйствующее, вліяніе не было сильнымъ, отличалось крайней слабостью: нельзя забывать, что такія основныя свойства природы, какъ климатъ и почва, чрезвычайно неблагопріятныя на сѣверѣ, оказались безсильными, чтобы задержать колонизацію; конечно, суровый климатъ крайняго сѣвера долго сдерживалъ поселенцевъ, но они все-таки въ концѣ концовъ не остановились передъ этимъ препятствіемъ, какъ и передъ перспективой имѣть дѣло со скудной почвой. Очевидно, были другія, активныя силы, способныя сломить препятствія, создаваемыя естественными условіями. Правда, зоологическія и отчасти ботаническія и минералогическія богатства сѣвера могли привлекать колонистовъ, но, вѣдь, эти богатства требуютъ для того, чтобы вліять привлекающимъ образомъ, эксплуатаціи, а эксплуатація даровъ природы есть не что иное, какъ хозяйственная, экономическая дѣятельность, къ изученію которой мы и должны теперь перейти.

Глава вторая.

Экономическій бытъ вольныхъ городскихъ общинъ удѣльнаго времени.

Мы уже знаемъ изъ исторіи народнаго хозяйства въ кіевской Руси, въ какой сильной зависимости находится *относительное значеніе разныхъ отраслей промышленности* отъ плотности населенія. Поэтому, опредѣляя это относительное значеніе отдѣльныхъ отраслей промышленности во владѣніяхъ вольныхъ городскихъ общинъ удѣльнаго времени, удобнѣе всего различать только что намѣченные нами колонизаціонные районы.

Мы видѣли, какую первостепенную роль играла на зарѣ нашей исторіи первоначальная добывающая промышленность. Традиціи древнѣйшаго періода въ этомъ отношеніи были цѣликомъ усвоены областями третьяго и четвертаго колонизаціонныхъ типовъ, т.-е. поселеніями Поморскаго, Терскаго и Мурманскаго береговъ, съ одной стороны, и территоріей по рѣкамъ Мезени и Печорѣ съ другой. Начать съ того, что на Мезени и Печорѣ не только не было городовъ, но не было и русскаго населенія, а жившіе здѣсь въ небольшомъ количествѣ инородцы платили дань почти исключительно мѣхами звѣрей, т.-е. продуктами охоты. И такъ было не только въ началѣ изучаемаго періода, но и въ концѣ его: еще подъ 1446 годомъ, напримѣръ, читаемъ въ лѣтописи о такомъ походѣ новгородцевъ на Югру за данью и притомъ о походѣ неудачномъ: такъ слаба была хозяйственная эксплоатація этого сурового края русскими.

Поэтическимъ отраженіемъ этой примитивной хозяйственной дѣятельности новгородцевъ въ Югрѣ является извѣстная былина о Чурилѣ Пленковичѣ. Понятно, что о сельскомъ хозяйствѣ, обрабатывающей промышленности и торговлѣ въ собственномъ смыслѣ этого

слова здѣсь не могло быть и рѣчи. Недалеко ушли впередъ и Терскій, Мурманскій и Поморскій берега моря. Ловля рыбы, добываніе соли и охота за морскимъ звѣремъ—вотъ что было основнымъ занятіемъ мѣстныхъ поселенцевъ. Изъ 35-ти земельныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ здѣсь Соловецкимъ монастыремъ въ теченіе XV вѣка, только въ четырехъ указывается пашня или такъ называемая «страдомая» или «орамая земля», обычными же угодьями, подвергавшимися хозяйственной эксплоатаціи, были воды, рыбныя ловища, тони, лѣсъ полѣшій (т.-е. дѣвственный), пожни и «сала морскія». Характернымъ признакомъ безраздѣльнаго господства добывающей промышленности съ нѣкоторой лишь примѣсью скотоводства является и единица обложенія, принятая въ изучаемой области: эта единица носила названіе «лука», заимствованное, очевидно, отъ первобытнаго охотничьяго оружія—лука со стрѣлами, наличность котораго въ извѣстной семьѣ и создавала изъ этой семьи хозяйственное цѣлое съ точки зрѣнія добывающей промышленности. Но не трудно замѣтить, что при всемъ сходствѣ крайняго сѣверо-запада новгородскихъ владѣній съ кіевской Русью въ хозяйственномъ отношеніи, между тѣми и другой существовало и значительное различіе: намъ извѣстно, что въ кіевской Руси хозяйство было чисто домашнимъ, что все необходимое производилось каждой хозяйственной единицей для себя: этого нельзя сказать безъ ограниченій объ изучаемой области: такъ какъ хлѣбъ здѣсь совсѣмъ не производился, то приходилось привозить его хотя бы въ небольшомъ количествѣ со стороны; съ другой стороны существовала несомнѣнная потребность въ продажѣ избытковъ народнаго производства въ сферѣ добывающей промышленности. Все это связывало хотя и слабыми, немногочисленными, но несомнѣнными экономическими узами этотъ первобытный край съ другими новгородскими владѣніями.

Переходимъ къ областямъ второго колонизаціоннаго типа,—именно къ землямъ Двинской и Важской, къ Обонежской пятинѣ и отчасти къ Перми и Вяткѣ. Единственнымъ, хотя и важнымъ, отличіемъ этихъ областей отъ тѣхъ, о которыхъ у насъ только что шла рѣчь, является то обстоятельство, что здѣсь сельское хозяйство въ обѣихъ его главныхъ вѣтвяхъ—земледѣліи и скотоводствѣ—играло болѣе видную роль, при сохраненіи однако въ большинствѣ случаевъ господства за добывающей промышленностью. Картина этого преобладанія добывающей промышленности при нѣкоторомъ значеніи земледѣлія и особенно скотоводства развертывается передъ нами прежде всего при изученіи житій сѣверныхъ святыхъ. Пробираясь черезъ непроходимыя дебри и «дрязги великія», т.-е. непролазныя болота, сѣверный пустынножитель, основатель будущаго монастыря, добывалъ себѣ средства пропитанія обыкновенно рыболовствомъ; когда около него собиралось нѣсколько сподвижниковъ, тогда разводили скотъ; въ гораздо болѣе рѣд-

кихъ случаяхъ посвящали часть времени земледѣлію. Акты, дошедшіе до насъ отъ XIII, XIV, XV и XVI вѣковъ, свидѣтельствуютъ и о господствѣ солеваренія (особенно въ Неноксѣ и Унѣ—на берегу Двинской губы,—а также въ сольвычегодской вотчинѣ Строгановыхъ), добыванія желѣза (въ Неноксѣ), птичьей и звѣриной охоты, рыболовства, и о занятіяхъ скотоводствомъ и земледѣліемъ. Отъ XIV и XV вѣковъ сохранился, напр., рядъ купчихъ Николаевскаго-Чухченемскаго монастыря на Двинѣ, причемъ оказывается, что земля покупалась монастыремъ на сорока бѣлки, что̀ указываетъ на важность охоты. Въ 1449 году нѣкто Власій Степановичъ заложилъ тому же монастырю ½ села на Костковѣ горѣ, на Двинѣ, за 10 рублей и *3 сорока бѣлки*. Въ 80-хъ годахъ XV вѣка Палеостровскій монастырь получилъ отъ нѣкоего Селифонтова въ Обонежской пятинѣ «полѣшій лѣсъ, воды, пожни и ловища всякія»,—пашни совсѣмъ не было. Въ купчихъ XIV—XV вѣковъ, относящихся къ Двинской землѣ, обыкновенно наблюдается перечень такихъ угодій: орамыя, т.-е. пашенныя, земли, пожни (сѣнокосы), притеребы (земли, недавно расчищенныя изъ подъ лѣса), перевѣсища (приспособленія для птичьей охоты), ловища и тони (для рыболовства), путики (мѣста звѣринаго лова), поскотина (выгонъ для скота). Картина сѣверной пахоты изображена въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ въ словахъ: «омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ, то коренья, каменья вывертываетъ, да великіи онъ каменья вси въ борозду валитъ»: валуны—обычное явленіе на поляхъ нынѣшней Олонецкой губерніи. При всемъ томъ однако бо̀льшая часть разсматриваемыхъ областей нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ: это, по словамъ Герберштейна, относилось даже къ Важской землѣ, и только Двинская область, по свидѣтельству Джовіо, питалась своимъ хлѣбомъ и даже имѣла хлѣбные избытки.

Но первенствующее значеніе имѣютъ хозяйственныя условія собственно Новгородской области—четырехъ ея пятинъ: Вотской, Шелонской, Деревской и Бѣжецкой съ нѣкоторыми пограничными внѣпятинными округами,—а также экономическій складъ области Псковской. Относительное значеніе разныхъ отраслей промышленности въ этихъ мѣстностяхъ заслуживаетъ поэтому особенно обстоятельнаго изученія. И здѣсь также чрезвычайно послѣдовательно, хотя съ большими, чѣмъ на сѣверѣ, перемѣнами, были восприняты и развиты кіевскія традиціи. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что земледѣліе не только существовало, но и развивалось въ новгородско-псковскомъ краѣ въ изучаемый періодъ, какъ оно развивалось уже и въ кіевской Руси XII вѣка. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ новгородскія писцовыя (или такъ называемыя «переписныя оброчныя») книги конца XV столѣтія, въ которыхъ пашня принадлежитъ къ числу наиболѣе обычныхъ угодій. Затѣмъ единицей обложенія въ XV вѣкѣ въ Новгородской землѣ сдѣлалась соха и ея третья часть «обжа»; что такое соха и что такое обжа,—

это видно изъ двухъ источниковъ,—изъ грамоты новгородцевъ великому князю Василію Васильевичу на «черный боръ» (особый налогъ на черныхъ людей) и изъ свидѣтельства Никоновской лѣтописи подъ 1477 годомъ: въ первомъ источникѣ соха опредѣляется, какъ «два коня да третье припряжь», по второму, «три обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ и самъ третей оретъ, ино то соха». Ясно, что существованіе такихъ единицъ обложенія указываетъ на развитіе земледѣлія. Третьимъ доказательствомъ такого развитія являются данныя Псковской судной грамоты, въ которой упоминаются неоднократно «изорники», т.-е. земледѣльцы-пахари, «земля ополняя» или «полняя», т.-е. полевая, пашенная, и «нивы розстрадни». Но при всемъ томъ, какъ въ кіевской Руси земледѣліе играло второстепенную роль въ народномъ производствѣ, такъ оно не было главнымъ элементомъ и въ хозяйственной жизни новгородско-псковскаго края. Прежде всего населенію здѣсь сплошь и рядомъ не хватало своего хлѣба, и всегда чувствовалась, поэтому, нужда въ привозномъ зернѣ; это всего лучше подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что суздальскіе и московскіе великіе князья XII, XIII, XIV и XV вѣковъ, при каждой ссорѣ съ Новгородомъ, подвергали новгородцевъ всѣмъ бѣдствіямъ голода, прекращая доставку хлѣба изъ области Волги и Оки. Такъ, извѣстія о голодѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1170, 1188, 1214, 1215, 1228, 1230, 1445 годами и т. д. Цѣны на хлѣбъ при этомъ достигали нерѣдко громадной высоты, что въ странѣ земледѣльческой по преимуществу было бы невозможно. Но голодовки, дороговизна хлѣба и привозъ его изъ другихъ русскихъ земель—не единственное доказательство слабаго значенія земледѣлія въ области Новгорода и Пскова. Вторымъ доказательствомъ этого является ничтожность размѣровъ крестьянской запашки на дворъ и рабочаго: еще въ Вотской и Шелонской пятинахъ въ концѣ XV вѣка въ среднемъ на дворъ приходилось отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ и даже иногда до 5 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей, но въ Деревской пятинѣ того же времени и въ Бѣжецкой первой половины XVI столѣтія средняя запашка на дворъ не превышала $2^1/_2$ дес. и очень часто была ниже; это очень мало, особенно если принять во вниманіе слабую урожайность почвы въ Новгородской области и наличность нѣсколькихъ рабочихъ во многихъ дворахъ, почему, напр., въ Вотской пятинѣ на рабочаго приходилось по одной или по двѣ десятины. Третій признакъ второстепеннаго значенія земледѣлія въ хозяйствѣ новгородско-псковскаго края—это значительное количество городовъ; намъ уже извѣстно, что Псковъ къ половинѣ XV вѣка имѣлъ 12 пригородовъ; рядъ пригородовъ былъ и у Новгорода: таковы—Ржева, Великія Луки, Порховъ, Руса, Торжокъ, Бѣжичи, Ладога, Корела, Копорье, Орѣшекъ, Яма, Демань, Курскъ, Холмъ и Высокій. Кромѣ того, въ новгородскихъ пятинахъ было много «рядковъ», мелкихъ поселеній городского

типа. Конечно, съ нашей точки зрѣнія населеніе этихъ городовъ и рядковъ было не велико, крупными центрами ихъ признать нельзя: въ самомъ крупномъ изъ новгородскихъ пригородовъ—Корелѣ—было въ 1500 году 368 взрослыхъ мужчинъ въ 267 дворахъ, т.-е. все населеніе, считая и женщинъ и дѣтей, не превышало 1.500 человѣкъ. Но при преобладаніи тогда поселковъ въ 2—3 двора имѣло значеніе и такое скопленіе населенія, тѣмъ болѣе, что земледѣліе какъ разъ не принадлежало къ числу главныхъ занятій городскихъ жителей, служило лишь подспорьемъ, и то не всегда и не для всѣхъ. Отъ XIII вѣка до насъ дошелъ любопытный документъ, духовная грамота новгородца Климента, служащая четвертымъ доказательствомъ второстепенной роли земледѣлія въ Новгородской области, потому что о пашнѣ въ ней прямо и не говорится, и много вниманія посвящается другимъ угодьямъ. Наконецъ, какъ на пятое доказательство того же, можно указать на тотъ фактъ, что по писцовымъ книгамъ конца XV вѣка были мѣстности, гдѣ совсѣмъ не существовало земледѣлія: такъ, въ Вотской пятинѣ очень значительная территорія была положена не въ обжи и въ сохи, а въ луки, какъ мы то видѣли на сѣверѣ: такихъ луковъ считалось во всей пятинѣ 3.020.

Гораздо важнѣе земледѣлія, изъ продуктовъ котораго наиболѣе цѣнились лишь техническія растенія—ленъ и конопля,—было скотоводство, и это опять-таки напоминаетъ намъ кіевскую Русь. Если мы раскроемъ ту же духовную Климента XIII вѣка, то увидимъ, что скотъ—лошади, свиньи и овцы—составлялъ одно изъ главныхъ богатствъ завѣщателя. Далѣе: во всѣхъ почти договорахъ Новгорода съ князьями находимъ условіе, опредѣляющее права князя относительно пользованія «пожнями» или сѣнокосами: это условіе не было бы вносимо въ договоры, если бы скотоводство не было значительнымъ. На значительное количество скота въ крестьянскомъ и боярскомъ хозяйствѣ Псковской области указываютъ и невысокія цѣны его, показанныя въ Псковской судной грамотѣ: овца цѣнилась въ половинѣ XV вѣка на наши деньги въ 5 рублей, баранъ въ 3 рубля. Наконецъ,—и это главное—писцовыя книги конца XV вѣка свидѣтельствуютъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ Новгородской землѣ сѣнокосныхъ угодій было гораздко больше, чѣмъ то было нужно для прокорма рабочаго скота, необходимаго для земледѣлія. Дѣло въ томъ, что тогда нормальными для *земледѣльческаго* хозяйства признавались размѣры пахотной земли, въ десять разъ бо́льшіе, чѣмъ количество луговой. Между тѣмъ, напр., въ Шелонской пятинѣ пашня менѣе, чѣмъ въ 6 разъ, превосходила размѣрами сѣнокосныя угодья. Очевидно, скотоводство не играло здѣсь служебной роли по отношенію къ земледѣлію, а пользовалось самостоятельнымъ значеніемъ.

Въ то же время въ области Новгорода и Пскова продолжала сохранять важное значеніе добывающая промышленность, господство-

вавшая также, какъ намъ извѣстно, въ древнѣйшій періодъ русской исторіи. И въ изучаемое время однимъ изъ главныхъ и притомъ серьезныхъ занятій новгородцевъ и псковичей была охота. Въ 1270 году былъ изгнанъ изъ Новгорода князь Ярославъ Ярославичъ Тверской, причемъ новгородцы «исписаша на грамоту всю вину его». Въ чемъ же состояла эта вина? Вотъ въ чемъ главнымъ образомъ: «чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци?» Такимъ образомъ злоупотребленіе гагачьей и звѣриной охотой считалось достаточнымъ основаніемъ для изгнанія князя: очевидно, охотѣ придавали весьма большое значеніе. Это легко усмотрѣть и изъ договоровъ Новгорода съ князьями: князья обязуются на охоту ѣздить въ Русу только осенью, а въ Ладогу лѣтомъ, причемъ обыкновенно даже не каждый годъ, а разъ въ три года; князь имѣлъ право бить дикихъ свиней за 60 верстъ отъ Новгорода, не дальше. Не меньшую важность имѣло рыболовство: въ Псковской судной грамотѣ много говорится о котечникахъ, т.-е. рыболовахъ, и исадахъ—рыболовныхъ селеніяхъ; новгородскіе князья, по договорамъ, имѣли право «въ Ладогу слать осетрьника»; многочисленные «рядки», находившіеся въ западной половинѣ Новгородской области, въ концѣ XV вѣка почти исключительно были населены рыболовами; въ городѣ Корелѣ въ то же время почти половина всего взрослаго мужского населенія (179 чел.) была занята рыбной ловлей; встрѣчались рыболовы и въ другихъ городахъ, напр. Ямѣ. Много занимались — далѣе — новгородцы и псковичи пчеловодствомъ: борти—одно изъ видныхъ угодій въ имѣніи Климента, по завѣщанію послѣдняго; о бортяхъ много говорится въ Псковской судной грамотѣ; новгородскіе князья посылали своего медовара въ Ладогу. Добываніе желѣза распространено было въ уѣздахъ Ямскомъ, Копорскомъ и отчасти Ладожскомъ. Наконецъ, соль добывалась, главнымъ образомъ, въ Русѣ и отчасти въ области Торжка, причемъ первыя извѣстія о солеваренін въ Русѣ относятся къ XIII столѣтію, но оно продолжало существовать и развиваться и въ XV вѣкѣ.

Обрабатывающая промышленность въ области, непосредственно прилегавшей къ Новгороду и Пскову, въ самыхъ этихъ городахъ и ихъ пригородахъ, несомнѣнно, сдѣлала нѣкоторые и даже немалые успѣхи сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, но въ общемъ можно сказать, что въ относительное значеніе ея въ ряду другихъ отраслей народнаго производства почти не измѣнилось: она имѣла очень скромное значеніе. Если не первое, то во всякомъ случаѣ одно изъ первыхъ мѣстъ по распространенности среди отдѣльныхъ вѣтвей обрабатывающей промышленности занимало производство издѣлій изъ металловъ: такъ, довольно часто встрѣчаются кузнецы, — въ Корелѣ, Ямѣ, Деревской, Шелонской и особенно Вотской пятинѣ: въ послѣдней, по писцовой книгѣ конца XV вѣка, ихъ насчитывается

до 48 человѣкъ. Въ Ямѣ встрѣчаемъ ковшечника. Въ Новгородѣ, по лѣтописи, еще въ XIII вѣкѣ упоминаются щитникъ и серебряникъ. Видную роль среди другихъ ремеслъ играло производство деревянныхъ издѣлій: плотничествомъ новгородцы славились, какъ извѣстно, еще въ кіевскій періодъ и не утратили этой славы и въ изучаемое время; плотники встрѣчаются въ Ямѣ, Ладогѣ, Вотской, Деревской, Шелонской пятинахъ; въ городахъ (напр., въ Ямѣ) видимъ лучниковъ; въ Вотской пятинѣ указаны 2 бердника, выдѣлывавшихъ бердни—родъ гребней въ ткацкихъ станкахъ; упоминаются неоднократно учанники, выдѣлывавшіе деревянныя лодки—учаны, токари, рѣшетники. Довольно дѣятельно обрабатывались продукты скотоводства,—кожи и шерсть: на это указываютъ извѣстія о сапожникахъ, кожевникахъ, скорнякахъ, сѣдельникахъ, овчинникахъ и опонникахъ, приготовлявшихъ опоны, т.-е. шерстяныя завѣсы или покрывала. Привлекала рабочія руки и выдѣлка одежды: довольно часто говорится о швецахъ и портныхъ, колпачникахъ и т. д. Наконецъ, изрѣдка встрѣчаются указанія на производство издѣлій изъ глины—гончарами—и изъ камня—жерновниками.

Воспринявъ отъ кіевской Руси основныя черты экономическаго быта, опредѣлявшія хозяйственную дѣятельность народной массы, новгородско-псковской край унаслѣдовалъ отъ того же историческаго періода и развилъ въ очень значительныхъ размѣрахъ и ту отрасль промышленности, которая питала и усиливала высшіе слои общества, внѣшнюю торговлю. Доказательства этого весма многочисленны, и потому мы остановимся только на главнѣйшихъ изъ нихъ. Прежде всего въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе договоры Новгорода съ нѣмцами,—съ островомъ Готландомъ и Ганзейскими городами. Таковы договоры 1195 года, конца пятидесятыхъ годовъ XIII вѣка, 1270 года, самаго начала XIV столѣтія. Сюда же можно отнести и акты, подобные договорной грамотѣ Новгорода съ ганзейскими послами о нѣмецкихъ товарахъ, пограбленныхъ въ Новгородѣ; составленіе этой грамоты относится къ періоду времени между 1360 и 1387 годами. Все это договоры по существу своему чисто-торговые: въ нихъ опредѣляется порядокъ торговыхъ сношеній, устанавливаются торговый и общій судъ между иностранцами и новгородцами, а также нормы права, по которымъ должны вершиться судебныя дѣла, и т. д. Отъ начала XIV вѣка дошла проѣздная новгородская грамота ганзейскимъ купцамъ. Данныя, представляемыя всѣми этими источниками, пополняются донесеніями и грамотами нѣмецкаго купечества и администраціи нѣмецкихъ торговыхъ городовъ; любопытный матеріалъ, содержащійся въ этой перепискѣ, указываетъ, что новгородскіе купцы ѣздили торговать въ Нарву, Ревель, Дерптъ, Ригу, Данцигъ, на о. Готландъ, въ Любекъ, въ Або, Выборгъ и Стокгольмъ, что нѣмцы ввозили въ Новгородъ иногда хлѣбъ, и всегда соль, желѣзо, мѣдь, золото.

серебро, олово, свинецъ, краски, сукна (англійскія, фландрскія и нѣмецкія), полотна, металлическія издѣлія, вина, фрукты, конфекты, а вывозили оттуда, главнымъ образомъ, мѣха—собольи, бобровые, куньи, лисьи, хорьковые, горностаевые, медвѣжьи, волчьи, заячьи, бѣличьи,—воскъ и медъ, ворвань, свиное сало, ленъ и коноплю, что, наконецъ, внѣшняя торговля нерѣдко сопровождалась кредитными сдѣлками. О развитіи кредита свидѣтельствуетъ также и особый источникъ, весьма цѣнный во многихъ отношеніяхъ: это такъ называемая «Рижская долговая книга». Далѣе: на первостепенное значеніе внѣшней торговли въ хозяйственной жизни Новгорода указываютъ договоры Новгорода съ князьями, въ которыхъ содержатся условія, что князь долженъ торговать въ Нѣмецкомъ дворѣ непремѣнно черезъ новгородца и не имѣетъ права приставлять приставовъ къ этому двору или затворять его, и что въ Суздальской землѣ нельзя брать пошлинъ съ товаровъ выше опредѣленной нормы. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ, начиная съ 1188 года, постоянно встрѣчаются извѣстія о торговлѣ съ нѣмцами. Только что приведенное условіе договоровъ Новгорода съ князьями о пошлинахъ въ Суздальской землѣ указываетъ на торговыя сношенія Новгорода съ бассейномъ Оки и верхней Волги. Сношенія эти съ XIII вѣка сильно оживились, въ чемъ убѣждаетъ цѣлый рядъ наблюденій: по лѣтописямъ и договорамъ съ князьями, новгородское купечество посѣщало Суздаль, Переяславль - Залѣсскій, Кострому, Тверь, весь такъ называемый Низовскій край; въ 1273 году вслѣдствіе ссоры новгородцевъ съ низовцами «у гостинниковъ по низовской земли товаръ отъимаша»; особенно краснорѣчивыми свидѣтелями въ пользу сильнаго развитія торговли Новгорода съ бассейномъ Оки и верхней Волги являются два лѣтописныхъ извѣстія: одно, относящееся къ 1216 году, сообщаетъ, что въ Переяславль - Залѣсскій пріѣхали новгородскіе и смоленскіе купцы, причемъ послѣднихъ, т.-е. смоленскихъ, было всего 15, тогда какъ число первыхъ, пріѣхавшихъ изъ Новгорода, простиралось до 150-ти; по другому извѣстію, въ 1214 году одинъ новгородскій князь, поссорившись съ вѣчемъ, захотѣлъ перерѣзать пути новгородской торговли съ Низовской землей и, занявъ Торжокъ, «гостей болѣ дву тысячъ изыма». Продолжалось, наконецъ, и торговое движеніе на югъ Россіи, въ бассейнъ Днѣпра: въ 1225 году князь Михаилъ Всеволодовичъ, уходя изъ Новгорода княжить въ Черниговъ, сказалъ новгородцамъ: «гость ко мнѣ пускайте»; договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ Казимиромъ IV указываетъ на старинныя, не прерывавшіяся и въ XV вѣкѣ, торговыя сношенія между новгородцами, съ одной стороны, и литовцами, витблянами, полочанами, смольнянами и кіевлянами—съ другой.

Переходя къ торговлѣ внутренней, необходимо прежде всего напомнить о торговыхъ поѣздкахъ новгородскихъ купцовъ въ Обонежье, Заволочье и Югру. Говоря объ этихъ поѣздкахъ, мы указывали вмѣстѣ

съ тѣмъ на то, что онѣ не могли втянуть массу населенія цѣликомъ или хотя бы въ сколько-нибудь значительной степени въ торговый оборотъ, лишь поверхностно касались народнохозяйственныхъ отношеній. Это же приходится повторить и собственно объ областяхъ ближайшихъ къ Новгороду и Пскову. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію извѣстное развитіе здѣсь внутренней торговли, первымъ доказательствомъ котораго можно признать ростъ городовъ и рядковъ: нѣтъ сомнѣнія, что Новгородъ и Псковъ были большими по тому времени городами; Новгородъ даже въ пору, когда онъ сталъ падать, — въ 1545 году, имѣлъ тысячъ 25 населенія; Псковъ постепенно росъ и расширялся: сначала онъ состоялъ только изъ двухъ концовъ, не считая Крома, — Боловинскаго и Торговскаго, а въ XV вѣкѣ къ нимъ прибавилось еще четыре: Городецкій, Опоческій, Остролавецкій и Богоявленскій; намъ уже извѣстно постепенное увеличеніе числа псковскихъ и новгородскихъ пригородовъ; что касается рядковъ, то ихъ число къ концу XVI вѣка дошло до 42. Вторымъ доказательствомъ развитія внутренней торговли является преобразованіе новгородской и псковской денежной системы. Отъ кіевской Руси Новгородъ и Псковъ унаслѣдовали вѣсовую (нечеканную) денежную единицу—гривну серебра въ фунтъ вѣсомъ и мѣнявшуюся въ размѣрахъ гривну кунъ изъ низкопробнаго, нечистаго серебра. Но въ 1411 г., очевидно, вслѣдствіе оживленія внутренняго обмѣна новгородцы «начаша торговати промежи себе лобпы (вѣрнѣе: любцы, нѣмецкая монета, чеканенная въ Любекѣ) и гроши литовьскими и артуги нѣмецкими, а куны отложиша»: итакъ, вмѣсто старой вѣсовой единицы были приняты иностранныя чеканныя монеты; такъ продолжалось однако не долго, всего 9 лѣтъ, и въ 1420 году «начаша новгородцы торговати деньги серебряными, а артуги попродаша нѣмцемъ». Старая серебряная гривна (гривна серебра, а не гривна кунъ) была разрублена пополамъ, и получился рубль, причемъ рубли стали чеканиться. Въ 1424 году и во Псковѣ «деньги сковаша». Но какъ ни важны всѣ эти факты, уже они, при внимательномъ ихъ анализѣ, убѣждаютъ, что развитіе внутренней торговли не слѣдуетъ преувеличивать: прежде всего ростъ такихъ городовъ. какъ Новгородъ, Псковъ, Ладога, объясняется не столько внутренней, сколько внѣшней торговлей; затѣмъ были города и рядки, совсѣмъ не имѣвшія торговаго населенія или имѣвшіе его въ самомъ незначительномъ количествѣ: таковы были рядки западной половины Новгородской области; таковы были пригороды Демань и Высокій, гдѣ совершенно не было торговцевъ; но и въ большей части другихъ новгородскихъ пригородовъ ихъ было мало. Что касается денежной системы, то самый фактъ столь поздняго ея преобразованія указываетъ уже на слабость внутренней торговли. Но есть и другія данныя, показывающія, что хозяйство новгородско-псковскаго края продолжало оставаться натуральнымъ въ теченіе всего изучаемаго періода. Важ-

нѣйшимъ изъ этихъ данныхъ являются свѣдѣнія о формахъ оброка, уплачивавшагося новгородскими крестьянами землевладѣльцамъ въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка: въ Вотской пятинѣ въ концѣ XV вѣка 91% всѣхъ крестьянъ платили оброкъ натурой и только 9% деньгами, а въ 1539 г. денежный оброкъ платили даже только 6½% крестьянъ; въ Шелонской пятинѣ въ то же время лишь 10—11% всѣхъ крестьянъ обязаны были денежнымъ оброкомъ и т. д. Господство натуральныхъ платежей—естественный результатъ безобмѣннаго хозяйства.

Мы можемъ теперь формулировать первый общій выводъ, касающійся экономическаго быта вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси: *народныя массы попрежнему занимались по преимуществу добывающей промышленностью, хотя сельское хозяйство и отчасти обрабатывающая промышленность и сдѣлали существенные успѣхи; высшіе и отчасти средніе слои населенія развили до очень большихъ размѣровъ внѣшнюю торговлю, но торговля внутренняя развивалась медленно, хозяйство оставалось натуральнымъ.*

Результаты изслѣдованія вопроса объ относительномъ значеніи разныхъ отраслей промышленности въ отдѣльныхъ частяхъ владѣній вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси проливаютъ свѣтъ на другой вопросъ,—о *формахъ землевладѣнія* въ этихъ владѣніяхъ. Само собою разумѣется, бассейны Мезени и Печоры не подлежатъ съ этой точки зрѣнія нашему изученію, такъ что надо остановиться лишь на грехъ остальныхъ колонизаціонныхъ районахъ.

Ключа для пониманія исторіи землевладѣльческихъ отношеній на Руси,—въ частности въ Обонежской пятинѣ, въ Двинской, Важской и Пермской земляхъ, надо искать въ способахъ первоначальной оккупаціи земли при заселеніи края. Мы уже знаемъ, что въ мѣстной колонизаціи довольно видную роль играли бояре, новгородскій архіепископъ и монастыри. Понятно, что это должно было привести и дѣйствительно привело къ образованію значительнаго количества боярскихъ, монастырскихъ и архіерейскихъ земельныхъ владѣній путемъ простой оккупаціи. Когда шла рѣчь о колонизаціи, были уже приведены относящіеся сюда факты о владѣніяхъ Своеземцевыхъ, Борецкихъ и новгородскаго владыки. Мѣстные монастыри, какъ Николаевскій-Корельскій, Николаевскій-Чухченемскій, Антоніевъ-Сійскій, также захватывали, оккупировали землю. Но было бы ошибочно думать, что оккупація незанятыхъ земель была единственнымъ способомъ увеличенія боярскаго, архіерейскаго и монастырскаго землевладѣнія: многочисленные акты-купчія, закладныя, данныя, духовныя грамоты—показываютъ, что другимъ способомъ являлось пріобрѣтеніе крестьянскихъ земель, заселенныхъ ранѣе отдѣльными колонистами независимо отъ архіепископа, монастырей и бояръ. Такъ изъ 14 поселеній, которыми въ 1554 г. владѣлъ на Двинѣ Николаевскій-Корельскій монастырь, до 11 было

пріобрѣтено именно этимъ вторымъ способомъ, а не путемъ оккупаціи свободныхъ земель. Говоря объ архіерейскомъ и боярскомъ землевладѣніи на сѣверѣ, мы должны однако замѣтить, что оно здѣсь было явленіемъ поверхностнымъ, случайнымъ и отчасти временнымъ. Примѣсь архіерейскихъ и боярскихъ земель была поверхностной, потому что она не повела къ коренной перестройкѣ тѣхъ отношеній крестьянъ къ землѣ, о которыхъ рѣчь пойдетъ у насъ сейчасъ: бояре и владыка пріобрѣли лишь высшее право на землю, подобное праву удѣльныхъ князей на всю территорію ихъ княжества или такъ называемому dominium directum или eminens феодальныхъ сеньоровъ Западной Европы. Но появленіе этой боярской вотчины было еще случайнымъ: это потому, что она была создана не столько мѣстными экономическими условіями, сколько хозяйственными особенностями собственно-новгородскаго края: только пріобрѣтеніе капиталовъ посредствомъ торговой дѣятельности доставило новгородскимъ боярамъ и владыкѣ необходимыя для покупки, захвата и заселенія земель средства. Наконецъ, временнымъ надо признать развитіе боярской и архіепископской вотчины на сѣверѣ по той причинѣ, что съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка эта вотчина была вырвана съ корнемъ Иваномъ III и замѣнена крестьянскимъ, такъ называемымъ чернымъ землевладѣніемъ, причемъ высшее право собственности на землю стало принадлежать московскому государю.

Но кромѣ монастырей, архіепископа и бояръ свободныя земли на сѣверѣ оккупировались еще крестьянами или смердами. Мы должны теперь остановиться на одномъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ исторіи сѣвернаго и даже не одного только сѣвернаго землевладѣнія, на вопросѣ о способѣ крестьянской оккупаціи земли. Надо рѣшить, какъ занимали дѣвственную землю крестьяне, отдѣльными ли семейными поселками или болѣе обширными союзами? Нельзя сказать, чтобы всѣ изслѣдователи давали одинаковый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Нѣкоторые полагаютъ, что первоначальной землевладѣльческой единицей была исключительно деревня или село, состоявшее обыкновенно изъ одного двора или печища, въ которомъ жила одна болѣе или менѣе обширная крестьянская семья, и къ которому «тяготѣла извѣстная совокупность земельныхъ угодій, притянутая къ этому центру трудовымъ захватомъ», что и выражалось въ постоянно встрѣчающихся словахъ грамотъ: «изъ котораго села которыя мѣста дѣлали», «куда топоръ, коса и соха ходила», «куда рука ходила», «что къ той деревнѣ изстари потягли». И въ самомъ дѣлѣ: читая документы, касающіеся заселенія сѣвернаго края, легко убѣдиться, что обычнымъ типомъ колонизаціи здѣсь было именно поселеніе одинокаго крестьянина съ его семьей на пустомъ мѣстѣ среди болотъ и лѣсовъ. Сплошь и рядомъ встрѣчаются указанія, что тотъ или иной крестьянинъ «посѣче лѣсъ и многа древеса, яко ту селитву себѣ сотворитъ» или «завелъ новое мѣсто роспашное».

Все это настолько несомнѣнно, что не отрицается никѣмъ; разногласіе состоитъ лишь въ томъ, что многіе не признаютъ однодворную деревню *единственнымъ* типомъ оккупаціи свободной земли, наряду съ ней допускаютъ оккупацію, совершавшуюся болѣе обширными и притомъ некровными союзами. Предполагаютъ, что землю занимали «цѣлыя дружины, военныя артели» и «образовывали не отдѣльныя печища, а группы деревень». Это предположеніе цѣликомъ опирается на позднѣйшія наблюденія: въ XVII вѣкѣ бывали случаи занятія земли цѣлыми артелями, образовывавшими сразу или деревню въ нѣсколько дворовъ или даже группу деревень; затѣмъ въ то же время на сѣверѣ существовали такъ называемыя волостки, которыя, представляя собою соединеніе ряда деревень, отличались однако отъ тяглыхъ волостей, административнаго дѣленія, введеннаго московскимъ правительствомъ; эти волостки, по мнѣнію изслѣдователей, держащихся излагаемыхъ сейчасъ взглядовъ, и являются остатками артельной колонизаціи. Надо однако замѣтить, что данныя о массовой занятіи земель въ XVII вѣкѣ неубѣдительны въ данномъ случаѣ, потому что позднѣйшая колонизація совершалась въ условіяхъ существенно отличныхъ отъ древнѣйшей: населеніе увеличилось, удобныхъ мѣстъ стало меньше. Военная колонизація также едва ли возможна въ древнее время, потому что совершенно не осталось никакихъ воспоминаній о борьбѣ съ инородцами: очевидно происходило мирное смѣшеніе и ассимиляція финской и славянской народностей. Наконецъ, волостки, какъ показываютъ нѣкоторые источники, образовались позднѣе, путемъ соединенія деревень въ одно хозяйственное цѣлое вслѣдствіе земельной тѣсноты и смѣшенія угодій: писцовыя книги нерѣдко свидѣтельствуютъ что «деревни крестьяне снесли въ одно мѣсто», что они «спустили пашню содного» и т. д. Нельзя, конечно, отрицать, что иногда занятіе производилась и нѣсколькими лицами разомъ: мы имѣемъ, напр., документъ, свидѣтельствующій, что пятеро двинянъ около 1524 года оккупировали землю по рѣчкѣ Юрѣ за Двиной. Но изъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ, стоящихъ въ противорѣчіи съ раннимъ матеріаломъ, который обыкновенно даетъ однодворные поселки, не слѣдуетъ дѣлать поспѣшныя обобщенія: они не были типичнымъ, характернымъ явленіемъ: *господствовали однодворные, семейные крестьянскіе поселки.*

Этотъ выводъ имѣетъ съ нашей точки зрѣнія первостепенное значеніе, потому что позволяетъ связать сѣверное крестьянское землевладѣніе генетическими узами съ землевладѣніемъ смердовъ въ кіевскій періодъ: мы видѣли въ свое время, что тогда владѣльческой единицей являлась отдѣльная крестьянская семья; то же мы наблюдаемъ и сейчасъ на сѣверѣ. Преемство несомнѣнно тѣмъ болѣе, что сходство не ограничивается одной только что указанной чертой: какъ намъ извѣстно, крестьянская семья кіевскаго періода не сознавала себя прочной собственницей земли, временно занимала ее въ предѣлахъ верви, земле-

пользованіе было вольнымъ; непрочность владѣльческихъ правъ крестьянина по отношенію къ землѣ наблюдается до нѣкоторой степени и на сѣверѣ въ удѣльное время: земля считалась Божьей да новгородской, а крестьянину принадлежало лишь «посилье», трудъ, вложенный въ землю, и по этому труду пользованіе землею. Любопытно притомъ—и это представляетъ первое существенное отличіе сѣвернаго крестьянскаго землевладѣнія отъ землевладѣнія смердовъ кіевскаго періода,—что права перваго поселенца, оккупировавшаго землю, и его кровныхъ правопреемниковъ считались болѣе прочными, чѣмъ права позднѣйшихъ занимщиковъ или покупщиковъ, хотя бы первоначальной вотчинникъ или его потомки и бросили занятую ими землю: позднѣйшіе покупатели и занимщики оставались лишь временными держателями земли «до вотчинника». Вотъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ это положеніе: въ 1537 году Комаровъ далъ въ церковь св. Георгія свою землю въ Кехтѣ, которую ему заложилъ и продалъ Инаръ; «а вынщется вотчичъ, и волощаномъ приходу св. Егорія деньги взять св. Егорію въ домъ, а земля ему отдать»; въ 1542 г. двое братьевъ Прощелыкиныхъ и двое Лукиныхъ дали часть своей деревни, куплю ихъ отцовъ, въ ту же церковь; «а выступитъ вотчичъ каковъ съ выкупомъ да выкупитъ у насъ деревни, и св. Георгію отступитись тое земли безденежно» и т. д. Очевидно, *старинное вольное или захватное, кочевое землепользованіе исчезло*: каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себѣ для хозяйственной эксплоатаціи на непродолжительный срокъ любой участокъ земли,—она осѣдаетъ довольно прочно, болѣе опредѣленнымъ образомъ и надолго размежевывается съ сосѣдями. Причина этой перемѣны кроется въ ростѣ населенія и естественныхъ условіяхъ сѣвернаго края, гдѣ суровость климата и скудость почвы, малоудобной для земледѣлія, исключаютъ возможность широкаго простора и требуютъ отъ каждой хозяйственной единицы столь напряженнаго труда, что она неохотно разстается съ облюбованнымъ участкомъ и, даже разставшись, всегда сохраняетъ юридическую возможность къ нему возвратиться, несмотря на совершенный актъ отчужденія. То обстоятельство, что земля въ изучаемый періодъ отчуждается, становится объектомъ свободнаго гражданскаго оборота, также доказываетъ исчезновеніе древнѣйшаго вольнаго землепользованія.

Итакъ, землей на сѣверѣ большею частью владѣла отдѣльная крестьянская семья, прочно усѣвшаяся притомъ на опредѣленномъ участкѣ. Какъ и раньше, семья эта очень часто не дѣлилась, владѣла землей сообща и жила вся въ одномъ дворѣ. Работа въ такомъ случаѣ производилась общими силами, а дѣлились лишь продуктомъ, причемъ основаніемъ для раздѣла продукта служила степень кровной, родственной близости къ основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмемъ простѣйшій схематическій примѣръ. Предположимъ, что у этого родоначальника—перваго поселенца было два сына. Очевидно, каждому изъ

ихъ, при совмѣстномъ веденіи хозяйства по смерти отца, должна была достаться половина продукта. Допустимъ далѣе, что въ третьемъ поколѣніи произошла такая перемѣна: у одного изъ сыновей родоначальника былъ одинъ сынъ, а у другого двое; очевидно, на долю перваго придется половина продукта, а на долю двухъ послѣднихъ лишь по четверти и т. д., такъ что съ размноженіемъ семьи доли въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи дробились все больше, и доля одного не равнялась долѣ каждаго изъ другихъ. До какой степени доходило иногда дробленіе, видно, напр., изъ одного акта 1572 года, гдѣ доля одного изъ совладѣльцевъ составляла всего $^1/_{24}$ часть цѣлаго. Эта крайняя дробность, неравенство долей, наконецъ, появившееся стремленіе личности освободиться изъ-подъ опеки кровнаго союза содѣйствовали стремленію отдѣльныхъ членовъ семьи къ хозяйственной самостоятельности. Первымъ выраженіемъ такого стремленія было пріобрѣтеніе каждымъ членомъ семьи права продавать, закладывать, дарить и завѣщать свои права на долю общаго продукта посторонними, чужимъ людямъ, чужеродцамъ. Путемъ такихъ сдѣлокъ въ составъ семейнаго союза или двора проникли элементы неродственные, и такой осложнившійся чужеродными примѣсями союзъ пріобрѣлъ характеръ товарищества совладѣльцевъ или, какъ тогда говорили, сябровъ (шабровъ), складниковъ, сосѣдей. Но и эти сябры, складники или сосѣди даже въ XVI и XVII вѣкахъ иногда не дѣлились землей, вели хозяйство совмѣстно и распредѣляли по долямъ лишь продуктъ. Мы имѣемъ, напр., купчую 1511 года, по которой Овцынъ купилъ у Паюсова «треть земли Истоцкіе», «а та треть земли вся съ Павломъ съ Карповымъ сыномъ не въ раздѣлѣ». Или въ 1593 г. братья Михайловы продали въ монастырь $^1/_4$ деревни, «а та земля, и дворъ, и пожни, и всѣ угодья, и поскотина съ Дмитріемъ съ Трофимовымъ вмѣстѣ не въ дѣлу». Но чужеродцы, конечно, еще болѣе, чѣмъ родственники, тянули врозь, и въ результатѣ получился уже не дѣлежъ продукта, а раздѣлъ самой земли, сначала временный, предполагавшій возможность новаго передѣла, нерѣдко и осуществлявшагося. Въ 1589 г. была куплена въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ шестая доля деревни, «а та земля съ складниками за межами, а не въ росписѣ»: это значитъ, что складники раздѣлились не окончательно, сохранили право новаго передѣла. Другіе акты даютъ право толковать этотъ текстъ именно въ такомъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что «росписать» землю значило окончательно и навсегда раздѣлить ее между складниками, уничтожить самый фактъ совладѣнія и возможность дальнѣйшихъ передѣловъ, отдѣлить владѣнія прежнихъ совладѣльцевъ постоянными, дерновыми межами, тогда какъ подлежавшія передѣлу складническія полосы отдѣлялись одна отъ другой простыми кольями, почему о временномъ передѣлѣ говорили, что идутъ «вервити деревню на уколотъ». Характеренъ въ этомъ отношеніи одинъ документъ 1631 года, показывающій, что еще въ столь позднее

время, какъ тридцатые годы XVII вѣка, существовали временные складническіе передѣлы; въ немъ между прочимъ говорится, что уложили и излюбили складники всее Кононовскія деревни въ Кононовской деревнѣ горнюю землю и луговую, орамую и ножни вервити и жеребьевати по долемъ»; далѣе упоминается о «новомъ» и «старомъ дѣлѣ» и о перестановкѣ «межнаго колья». Наконецъ, отъ временнаго раздѣла земли не труденъ и не дологъ былъ уже переходъ къ полному и окончательному раздѣлу, т.-е. къ подворно-наслѣдственному владѣнію безъ передѣловъ. Впрочемъ, и этотъ переходъ часто совершался не сразу: союзъ сябровъ дробился иногда на части не по числу отдѣльныхъ семей въ современномъ смыслѣ этого слова, а на болѣе крупныя, чѣмъ союзъ родителей и дѣтей, хозяйственныя единицы. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна одна дѣловая грамота сольвычегодскихъ складниковъ, составленная въ 1572 году: здѣсь *семеро* складниковъ дѣлятъ принадлежащую имъ землю на *четыре* части, причемъ двѣ изъ этихъ частей достались каждая одному складнику, третьей частью стали совмѣстно владѣть трое, четвертой двое. Но еще чаще раздѣлъ производился до конца, складство окончательно прекращалось.

Таковъ былъ процессъ развитія крестьянскаго землевладѣльческаго права на сѣверѣ въ изучаемое время и даже значительно позднѣе. Двѣ причины, содѣйствовавшія, съ одной стороны, сохраненію значительной массы земли за крестьянами, съ другой—замѣнѣ вольнаго землевладѣнія сябринымъ: первое—результатъ почти безраздѣльнаго господства добывающей промышленности, дававшей возможность крестьянину сохранять хозяйственную самостоятельность, потому что добывающая промышленность почти не требовала капитала; второе—слѣдствіе роста населенія и плохихъ естественныхъ условій края, не открывавшихъ простора для кочевого землепользованія.

Много общаго съ изслѣдованными сейчасъ явленіями представляютъ собою формы землевладѣнія на крайнемъ сѣверо-западѣ новгородскихъ владѣній,—на Мурманскомъ, Терскомъ и Поморскомъ берегахъ. Здѣсь совсѣмъ не существовало земледѣлія, а господствовали солевареніе и рыболовство съ примѣсью скотоводства. Понятно, что результатомъ этого явилось преобладаніе крестьянскаго землевладѣнія въ образовавшихся тутъ волостяхъ Колѣ, Варзугѣ, Умбѣ, Ковдѣ, Керети, Кеми, Сумѣ, Шуѣ. Но наряду съ этимъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ, стали пріобрѣтать себѣ отдѣльные участки путемъ покупки или пріема въ даръ и залогъ монастыри, какъ Печенскій, Соловецкій, Кирилловъ-Бѣлозерскій, Сійскій и т. д.

Мы видѣли, какъ сильно содѣйствовала новгородская внѣшняя торговля развитію землевладѣнія новгородскихъ бояръ на сѣверѣ. Еще могущественнѣе было вліяніе того же экономическаго фактора на поземельныя отношенія въ предѣлахъ собственно новгородской области. Нѣтъ сомнѣнія, что исходнымъ пунктомъ исторіи формъ землевладѣнія,

здѣсь существовавшихъ, были явленія, знакомыя намъ по изученію сѣвернаго землевладѣнія, что еще въ XIII и даже отчасти въ XIV вѣкѣ, если не большая часть, то во всякомъ случаѣ много земли сосредоточивалось въ рукахъ простыхъ черныхъ людей. Это видно по сохранившимся въ значительномъ количествѣ отъ XIII, XIV и даже XV столѣтій новгородскимъ купчимъ, закладнымъ, даннымъ и духовнымъ грамотамъ, типическимъ примѣромъ которыхъ можетъ служить хотя бы извѣстное уже намъ завѣщаніе Климента. То же засвидѣтельствовано и писцовыми книгами конца XV вѣка, въ которыхъ показаны между прочимъ владѣнія земцевъ или своеземцевъ, т.-е. черныхъ людей, имѣвшихъ собственную землю. Правда, эти владѣнія не были уже въ то время велики: напримѣръ, въ Вотской пятинѣ они занимали $8^1/_2{}^0/_0$ всей площади, въ Шелонской $7^0/_0$, въ Деревской даже менѣе $4^1/_2{}^0/_0$, но любопытно, что еще въ столь позднее время сохранились небольшіе остатки старины. Что это дѣйствительно были остатки старины, подтверждается еще тѣмъ, что земцы часто были, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, сябрами, сосѣдями, т.-е. совладѣльцами, какъ то было и на сѣверѣ. И въ Псковской судной грамотѣ говорится о «многихъ сябрахъ», владѣющихъ землей. Понятно, почему мелкое крестьянское землевладѣніе сначала господствовало, а затѣмъ, хотя и сократилось весьма сильно, но не вполнѣ исчезло: преобладаніе первоначальныхъ отраслей промышленности, не требовавшихъ большого капитала, давало достаточную хозяйственную самостоятельность крестьянамъ. Далѣе можно наблюдать въ новгородско-псковскомъ краѣ постепенный и послѣдовательный, довольно сильный ростъ монастырскаго землевладѣнія,— явленіе, также знакомое намъ изъ исторіи крайняго сѣвера. Этотъ ростъ совершался очень часто путемъ вклада или завѣщанія, типическими примѣрами чего являются вкладная грамота Варлаама Хутынскаго и духовная грамота Антонія Римлянина, отдавшихъ свои земли въ основанные ими монастыри. Такое дареніе или завѣщаніе земельныхъ владѣній въ монастыри вполнѣ понятно въ обществѣ, которое жило почти исключительно при натуральномъ хозяйствѣ: земля оставалась наиболѣе значительной и самой распространенной цѣнностью, такъ что естественно и являлась наиболѣе удобнымъ средствомъ стяжать себѣ молитвы монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. Но уже отъ XIII и XIV вѣковъ дошли до насъ закладныя и купчія, показывающія, что монастыри пріобрѣтали земли и путемъ пріема въ залогъ и покупки. Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ силой капитала, который, не превративъ хозяйства страны изъ натуральнаго въ денежное, явился, однако, очень сильной примѣсью къ натурально-хозяйственной системѣ, создалъ спросъ на землю, повысилъ цѣну послѣдней и тѣмъ вызвалъ обезземеленіе массы смердовъ, прельстившейся заманчивой надеждой разомъ получить на руки нѣкоторую сумму денегъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, несмотря даже на

два раза повторенную Иваномъ III конфискацію большей части монастырскихъ земель, въ концѣ XV вѣка владѣнія монастырей были значительны: въ Вотской пятинѣ подъ ними было 6% всей площади, въ Шелонской около 5%, въ Деревской даже до 13%. Совершенно аналогичнымъ порядкомъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ шла исторія вотчинъ владыки или архіепископа новгородскаго, который въ концѣ XV вѣка владѣлъ въ трехъ пятинахъ—Вотской, Шелонской и Деревской—2.000 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей одной пахотной земли.

Но уже въ XIII вѣкѣ въ лѣтописяхъ встрѣчаются неоднократныя указанія на боярскія села. Очевидно, и высшій слой новгородскаго общества,—бояре, прилагалъ свои громадные капиталы къ пріобрѣтенію земель. Лучшимъ доказательствомъ того, что не одна заимка была источникомъ боярскаго землевладѣнія, служитъ крайняя черезполосность, разбросанность владѣній бояръ: такъ, бояринъ Захаръ Овинъ и его сынъ Иванъ въ Деревской и Вотской пятинахъ обладали землями, разбросанными болѣе, чѣмъ въ 20-ти мѣстахъ. Будь боярскія владѣнія результатомъ простой оккупаціи свободныхъ земель,—они лежали бы сплошь, какъ то было, напримѣръ, съ владѣніями Своеземцевыхъ на Вагѣ: черезполосность, разбросанность—слѣдствіе пріобрѣтенія земель по частямъ путемъ покупки и пріема въ залогъ. Не даромъ также договорныя грамоты Новгорода съ князьями включаютъ въ себѣ условіе, обязывавшее князей и ихъ бояръ не покупать земель въ Новгородной области: очевидно, покупка селъ была обычнымъ въ то время явленіемъ. Наконецъ, существовалъ еще способъ пріобрѣтенія земли, несомнѣнно примѣнявшійся въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ новгородскими боярами: это—пріемъ свободныхъ людей, владѣвшихъ землею, въ закладни. Недаромъ въ тѣхъ же договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями, съ цѣлью преградить князьямъ возможность обогатиться землею въ новгородскомъ краѣ, постоянно запрещается князьямъ держать гдѣ бы то ни было закладней. Закладни—это то же, что коммендаты въ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы: это лица, отдавшіяся подъ покровительство какого-либо сильнаго человѣка, подчинившіяся ему со своими землями въ податномъ и судебномъ отношеніяхъ. Въ результатѣ въ XV вѣкѣ до самаго паденія Новгорода боярская вотчина продолжала безраздѣльно господствовать, составляла подавляющую массу среди другихъ видовъ земельнаго владѣнія. Надо, однако, замѣтить, что, несмотря на чрезвычайную обширность, засвидѣтельствованную писцовыми книгами, боярское землевладѣніе не отличалось прочностью. Иванъ III однимъ ударомъ уничтожилъ его, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ сравнительной слабости хозяйственнаго значенія внѣшней торговли—этой экономической основы боярскаго землевладѣнія: внѣшняя торговля не стояла въ органической связи съ хозяй-

ственнымъ цѣлымъ страны, не претворила натуральнаго хозяйства въ денежное и потому не могла быть прочной опорой землевладѣльческихъ отношеній.

Переходя къ характеристикѣ *формъ хозяйства*, можно не различать отдѣльныхъ частей страны, потому что сѣверъ въ этомъ отношеніи близко сходился съ землями ближайшими къ Новгороду и Пскову. Притомъ формы добывающей промышленности не отличались существенно отъ формъ, въ какія отливалось земледѣльческое производство. На земляхъ, принадлежавшихъ крестьянамъ или своеземцамъ, главное значеніе принадлежало домашнему производству для собственнаго потребленія и силами своей семьи, обыкновенно безъ постороннихъ работниковъ. Впрочемъ, даже и въ крестьянскомъ (особенно въ земецкомъ) и тѣмъ болѣе владѣльческомъ -боярскомъ, монастырскомъ и архіерейскомъ хозяйствѣ не всегда обходились безъ наемнаго элемента: Псковская судная грамота знаетъ наемъ на сельскія работы, упоминаетъ о «скотникѣ» или наемномъ пастухѣ, а также о подсусѣдникѣ, который, наряду съ неоднократно встрѣчающимися въ писцовыхъ книгахъ захребетниками и подворниками, былъ не чѣмъ инымъ, какъ батракомъ, работавшимъ за плату натурой. Владѣльческую пашню обрабатывали также холопы, которыхъ въ небольшомъ количествѣ перечисляютъ писцовыя книги; одинъ актъ XV вѣка знаетъ «одерноватыхъ», т.-е. полныхъ холоповъ, которые «емлютъ мѣсячину», т.-е. получаютъ пропитаніе за работу на господской пашнѣ, не имѣя своего участка. Но вообще, какъ о томъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги, барская запашка не отличалась обширностью, наибольшіе ея размѣры не достигали и 10 десятинъ, что и естественно при натуральномъ хозяйствѣ и слабой доходности земледѣлія. Въ Псковской судной грамотѣ упоминается «закупень» —очевидно, историческій потомокъ закупа «Русской Правды», лицо, заложившее себя за опредѣленный долгъ; едва ли онъ, однако, работалъ на господской пашнѣ: видно, что онъ пахалъ землю изъ извѣстнаго снопа. Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, были свободными арендаторами, обязанными почти всегда однимъ только оброкомъ и почти никогда барщиной: это видно изъ писцоваго матеріала, да и Псковская судная грамота говоритъ объ изорникахъ, огородникахъ и котечникахъ, отдававшихъ землевладѣльцу долю продукта, хотя, по условіямъ земледѣльческаго производства, требовавшаго капитала, изорники и огородники обязывались уже и «поклономъ», ссудой у землевладѣльцевъ. Чтобы закончить разсмотрѣніе вопроса о формахъ земледѣльческаго производства, остается еще сказать нѣсколько словъ о половникахъ, извѣстныхъ и изъ Псковской судной грамоты, и изъ актовъ, и изъ писцовыхъ книгъ. Такъ какъ съ половниками намъ не разъ еще придется встрѣтиться впослѣдствіи, при изученіи другихъ періодовъ русской исторіи и другихъ частей древней, отчасти даже и новой Россіи, то лучше всего теперь окон-

чательно уяснить себѣ смыслъ этого термина, пользуясь и позднѣйшими источниками, ясно изображающими половничество. Одинъ древній документъ прямо называетъ половниковъ «наемными людьми», но ближайшее изученіе вопроса заставляетъ признать половниковъ найтитами особаго рода, очень мало похожими на современныхъ батраковъ, близкими къ настоящимъ крестьянамъ-арендаторамъ: такъ, половники владѣли иногда хозяйственными постройками, покупали дворы, платили оброкъ помимо доли урожая (обыкновенно половины), имѣли своихъ наемныхъ людей-подворниковъ. Все это совершенно не вяжется съ современнымъ представленіемъ о батракѣ.

Псковская судная грамота доставляетъ намъ цѣнный матеріалъ для изображенія формъ обрабатывающей промышленности: мы встрѣчаемъ въ ней прежде всего свидѣтельство о наемномъ плотникѣ; на другую форму, несомнѣнно гораздо болѣе распространенную,—на форму ремесла указываетъ извѣстіе о платежѣ «учебнаго», т.-е. платы за обученіе ремеслу, ученикомъ мастеру. Наконецъ, существовала и третья форма—чисто-домашнее производство для собственнаго потребленія, о немъ можно заключать по писцовымъ даннымъ о приносѣ полотна крестьянами землевладѣльцамъ: очевидно, это было домотканное, приготовленное женскимъ трудомъ въ крестьянской избѣ полотно.

Формы торговаго товарищества, неразлучныя съ развитіемъ внѣшней торговли и зародившіяся, какъ мы видѣли, еще въ кіевской Руси, продолжали развиваться довольно быстро и сильно и въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода. Мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ еще въ XII вѣкѣ товарищество купцовъ-торговцевъ воскомъ, организовавшееся около церкви св. Ивана на Опокахъ или на Петрятиной дворищѣ; это было товарищество на вѣрѣ или коммандитное, т.-е. такое, въ которомъ матеріальная отвѣтственность участниковъ простиралась лишь на сумму, внесенную въ общую кассу: эта сумма равнялась здѣсь 50 гривнамъ, взносъ которыхъ давалъ званіе «пошлаго», т.-е. настоящаго, полноправнаго купца. Но существовали и полныя товарищества, члены которыхъ несли матеріальную отвѣтственность всѣмъ своимъ имуществомъ. До насъ дошло достаточное количество извѣстій о новгородскихъ и псковскихъ купеческихъ компаніяхъ. «Купецкое сто» упоминается и въ завѣщаніи Климента XIII вѣка, и въ договорахъ Новгорода съ князьями XIII, XIV и XV столѣтій. Псковская судная грамота говоритъ о «сябреномъ серебрѣ купецкомъ или гостебномъ». Въ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія на компанію заморскихъ купцовъ, т.-е. ѣздившихъ торговать за море, за границу, и на товарищество купцовъ-прасоловъ, торговцевъ скотомъ и продуктами скотоводства. Но «Рижской долговой книгѣ»—очень любопытному нѣмецкому памятнику, до насъ дошедшему,—въ Новгородѣ были купеческія товарищества побережское, лубяницкое, даиславское, чудинцевское. Нужды внѣшней торговли—главнымъ образомъ перевозка нѣмецкихъ

товаровъ—создали и артели лоцмановъ, сопровождавшихъ суда въ волховскихъ порогахъ, и лодочниковъ, разгружавшихъ корабли и перевозившихъ товары въ городъ.

Ростъ населенія, уменьшеніе земельнаго простора и развитіе внѣшней торговли вмѣстѣ съ ростомъ земледѣлія оказали также весьма существенное вліяніе на *систему* или *технику хозяйства*. Говоря вообще, можно подмѣтить въ этомъ отношеніи довольно ясные слѣды прогресса, постепенную, хотя, конечно, далеко не повсемѣстную, смѣну первобытныхъ хозяйственныхъ системъ нѣсколько болѣе совершенными. Это замѣтно уже въ добывающей промышленности, напримѣръ, въ пчеловодствѣ: въ кіевской Руси, какъ извѣстно, оно существовало только въ видѣ бортничества, т.-е. разведенія пчелъ въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, безъ особаго ухода за ними; бортничество и въ изучаемый періодъ господствовало, какъ убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ и писцовыя книги, и акты, и Псковская судная грамота, но въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка попадаются указанія на улы, т. е. на переходъ къ болѣе интенсивной пчеловодной техникѣ. Впрочемъ, самая экономическая природа добывающей промышленности и слабая населенность тѣхъ частей новгородскихъ владѣній, гдѣ эта промышленность особенно преобладала, приводили къ тому, что техническіе успѣхи въ этой отрасли хозяйственной дѣятельности были наименѣе замѣтны. Наши источники позволяютъ намъ, напримѣръ, познакомиться съ техникой охоты, добыванія желѣза и соли, и нельзя не признать довольно низкаго уровня ея развитія. Такъ, путики — приспособленія для охоты за звѣремъ — были двухъ видовъ, пасные и силовые: первые — это ямы, западни, вторые — силки. Перевѣсница—приспособленія для птичьей охоты—состояли изъ сѣтей, развѣшивавшихся между деревьями. Желѣзо добывалось самымъ примитивнымъ способомъ и обрабатывалось въ домницахъ, въ большихъ крестьянскихъ печахъ. Для добыванія соли прорывался колодезь, пробуравливалось къ соляному источнику отверстіе, въ которое вставлялась труба; черезъ трубу [illegible] и кипятился въ цѣлой, большую сковороду, гдѣ соль выпаривалась. Остатки старой подсѣчной системы земледѣлія продолжали сохраняться и на сѣверѣ и даже въ собственно Новгородской и Псковской областяхъ: еще въ XV в. въ Псковской землѣ встрѣчается указаніе на лядины; употребленіе въ то же время деревяннаго большого плуга наряду съ болѣе легкой сохой также отзываетъ стариной. На сѣверѣ, по житіямъ святыхъ, употреблялось еще болѣе примитивное орудіе,—мотыка, т.-е. палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, или лопата. Но писцовыя книги конца XV вѣка не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ получила уже преобладаніе переложная система земледѣлія, когда сроки распашки отдѣльныхъ участковъ удлиняются, хотя пашня составляетъ все еще незначительную часть пахотной земли сравни-

тельно съ залежью, такъ что залежь или перелогъ возстановляетъ свои производительныя силы попрежнему естественнымъ путемъ отдыха, безъ всякаго удобренія. Мало того: въ XV вѣкѣ распространяется еще болѣе совершенная паровая-зерновая или трехпольная система земледѣлія, при которой подъ паромъ остается не болѣе половины, а въ болѣе развитомъ состояніи—не болѣе трети всей земли, причемъ паровое поле удобряется навозомъ, а два другихъ поля засѣваются, одно—озимымъ хлѣбомъ, по преимуществу рожью, а другое яровымъ,—овсомъ, пшеницей или ячменемъ. Такъ, въ Шелонской пятинѣ конца XV в. пашни было болѣе 37.000 десятинъ въ трехъ поляхъ, т.-е. паръ занималъ около 13.000 десятинъ, и сверхъ того было до 650 десятинъ перелогу. Что касается техники другой главной отрасли сельскаго хозяйства—скотоводства, то она отличалась еще болѣе первобытнымъ характеромъ: правда, встрѣчаются неоднократно извѣстія о разведеніи лошадей новгородскимъ владыкой, монастырями, боярами, которые имѣли для этого особые конскіе дворы съ конюхами, но хорошія породы лошадей пріобрѣтались обыкновенно изъ-заграницы, обычнымъ же типомъ собственно новгородскихъ лошадей были, по одному лѣтописному извѣстію, такъ называемыя «шкабаты» или клячи. На островѣ Коневецъ, находящійся около западнаго берега Ладожскаго озера, въ XIV вѣкѣ перевозили на все лѣто для пастьбы скотъ, оставлявшійся здѣсь безъ всякаго призора. Это—типическій образецъ экстенсивной системы скотоводства, существующей еще и теперь кое-гдѣ на сѣверѣ Россіи: лѣтомъ, по окончаніи полевыхъ работъ, пускаютъ скотъ съ колокольчиками на шеѣ въ лѣсъ, гдѣ онъ и кормится самъ на полной свободѣ, пока осенью хозяева не розыщутъ его. Намъ уже извѣстно, насколько мало успѣховъ сравнительно съ кіевскимъ періодомъ сдѣлала въ изучаемое время обрабатывающая промышленность. Естественно, что и ея техническій уровень оставался попрежнему весьма низкимъ. Для примѣра можно указать на металлическое производство: мѣстныя техническія средства оказывались совершенно недостаточными, какъ только обнаруживалась потребность въ сколько-нибудь искусной и тонкой обработкѣ металловъ; такъ, мѣдныя двери Софійскаго собора были сдѣланы нѣмецкими мастерами и привезены изъ Германіи; въ XIV вѣкѣ для отливки колокола пришлось выписать мастера изъ Москвы; изъ Москвы же выписали псковичи мастера, который долженъ былъ покрыть свинцомъ кровлю Троицкаго собора въ 1420 году. Наибольшіе техническіе успѣхи выпали на долю внѣшней торговли. Новгородская торговля отличалась весьма важными особенностями отъ древнѣйшей русской: прежде всего она опиралась не на мѣстное производство, а на богатства другихъ мѣстностей; другими словами, новгородская торговля была передаточной, транспортной: закупая въ центральной Россіи и забирая въ видѣ дани на сѣверѣ разные сырые продукты, новгородцы промѣнивали ихъ на заграничные

товары; вторая характерпстическая черта, отличавшая торговлю Новгорода и Пскова отъ древнѣйшей кіевской, заключается въ томъ, что въ этихъ вольныхъ городахъ удѣльной Руси для веденія торговыхъ операцій необходимы были уже предпринимательскіе труды, извѣстная коммерческая техника и значительный капиталъ, такъ какъ не дань уже, не даромъ достающіеся продукты служили главной составной частью товаровъ, предназначенныхъ для заграничнаго вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путемъ торговой эксплуатаціи ихъ производителей. Вотъ почему торговля и денежный капиталъ, несмотря на сохраненіе натуральнаго хозяйства, имѣли такое большое значеніе въ жизни вольныхъ городовъ удѣльнаго времени. Не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать значеніе этихъ перемѣнъ, какъ ни были онѣ важны: торговля отличалась въ общемъ старымъ ярмарочно-караваннымъ характеромъ, лишь нѣсколько смягченнымъ, и сопровождалась постоянными и самыми беззастѣнчивыми обманами: извѣстны жалобы нѣмецкихъ купцовъ, что новгородцы подмѣшивали въ воскъ сало, смолу, песокъ и даже камни, продавали поддѣльные мѣха, обрѣзывали шкурки, красили мѣха и проч.

Послѣдній вопросъ хозяйственной исторіи—это очень важный, но трудно разрѣшимый вопросъ о *распредѣленіи хозяйственныхъ благъ*. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ возможности разрѣшить этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, но приблизиться къ этой цѣли до нѣкоторой степени все-таки можно. Именно мы попытаемся опредѣлить, какую роль въ крестьянскомъ бюджетѣ того времени играло земледѣліе. Извѣстно изъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка, что запашка на крестьянскій дворъ въ новгородскихъ пятинахъ тогда рѣдко была меньше $2^1/_2$ десятинъ въ каждомъ полѣ и никогда почти не превышала 5 десятинъ. Главными обычными въ то время хлѣбами были озимая рожь и яровой овесъ. Средній урожай ржи равняется въ настоящее время 5—6 четвертямъ, а овса 7—8 четвертямъ съ десятины. Принимая во вниманіе слабую урожайность новгородской почвы, мы должны взять низшія нормы, т. е. 5 четвертей для ржи и 7 для овса, такъ что оказывается, что новгородскій крестьянинъ въ среднемъ собиралъ отъ $12^1/_2$ до 25 ч. ржи и отъ $17^1/_2$ до 35 ч. овса. Но древняя четверть была вдвое менѣе современной, такъ что, переводя на древнія мѣры, мы получимъ для крестьянскаго участка урожай ржи въ 25—50 ч. и овса въ 35—70 ч. Владѣльческій оброкъ равнялся большею частью половинѣ урожая, причемъ земледѣлецъ принималъ на себя и уплату государственныхъ налоговъ. Затѣмъ необходимо было оставить сѣмена для посѣва на слѣдующій годъ: такъ какъ сѣялось обыкновенно, какъ показываютъ отдѣльныя указанія источниковъ, по 2 ч. ржи и по 4 ч. овса на десятину, то, слѣдовательно, надо было оставить отъ 5 до 10 ч. ржи и отъ 10 до 20 ч. овса на крестьянскій участокъ. Третій необходимый расходъ—

это расходъ на потребленіе крестьянской семьи. До насъ дошли отъ XVI вѣка извѣстія о потребительной нормѣ въ 13 ч. ржи и въ 4 ч. овса въ годъ на человѣка. Будемъ, однако, умѣренны въ разсчетахъ и допустимъ, что этого количества ржи и овса было достаточно для прокормленія не одного человѣка, а средней крестьянской семьи, состоявшей изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей. Складывая теперь всѣ необходимые расходы—на оброкъ съ налогами; на посѣвъ и на пропитаніе,—получаемъ общую сумму отъ 35½ до 48 ч. ржи и отъ 31½ до 59 ч. овса. Таковъ былъ пассивъ крестьянскаго земледѣльческаго бюджета. Сравнивая его съ активомъ, который равнялся, какъ было только что установлено, въ 25—50 ч. ржи и 35—70 ч. овса, получаемъ въ результатѣ для ржи въ лучшемъ случаѣ остатокъ въ 2 ч. въ годъ, а въ худшемъ громадный дефицитъ въ 10½ ч., а для овса остатокъ отъ 3½ до 11 ч. въ годъ. Принимая во вниманіе скудный размѣръ установленной сейчасъ потребительной нормы и необходимость для крестьянина платить еще такъ называемый мелкій доходъ земледѣльцу и ключничій или приказничій доходъ, можно сказать, что произведенныя вычисленія наглядно показываютъ слабое значеніе земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси. Занятія добывающей промышленностью и скотоводствомъ, очевидно, были настоятельно необходимы даже тамъ, гдѣ земледѣліе отнимало бо́льшую часть времени крестьянина. Доходъ отъ земледѣлія былъ чрезвычайно низокъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что благосостояніе низшихъ слоевъ населенія въ области вольныхъ городовъ удѣльнаго періода сильно уменьшилось сравнительно съ таковымъ же въ кіевской Руси, что количество реальныхъ хозяйственныхъ благъ, находившихся въ рукахъ крестьянской семьи, въ послѣднемъ случаѣ было больше, чѣмъ въ первомъ. Слѣдовательно, распредѣленіе народнаго дохода стало гораздо менѣе равномѣрнымъ, чѣмъ прежде. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что высшіе слои населенія сильно обогатились денежнымъ капиталомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ сильное пониженіе процента на послѣдній: сохранилось преданіе о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ, который отдавалъ деньги въ ростъ всего за 1 въ годъ. Вѣроятно, это гипербола, процентъ не могъ такъ сильно понизиться, но характеренъ самый фактъ возникновенія подобнаго преданія. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что появилась и стала расти земельная рента, на что̀ указываетъ появленіе гражданскаго оборота земли, повышеніе ея цѣнности. Ясны причины всѣхъ этихъ явленій: онѣ коренятся въ ростѣ населенія, въ зависящихъ отсюда перемѣнахъ въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей производства, въ новыхъ формахъ землевладѣнія и хозяйства.

Каковы—спрашивается теперь—соціологическіе выводы, получающіеся въ результатѣ предшествующаго изложенія? Мы должны отмѣ-

тить *внутреннюю* причинную связь изслѣдованныхъ экономическихъ фактовъ и ихъ зависимость отъ *внѣшнихъ*, не экономическихъ явленій. Въ этомъ отношеніи полученные результаты во многомъ напоминаютъ заключенія, сдѣланныя при изученіи народнаго хозяйства въ кіевской Руси; однако получаются и существенныя дополненія: основнымъ элементомъ хозяйственной исторіи и здѣсь оказалось относительное значеніе разныхъ отраслей производства; формы землевладѣнія въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ существовавшихъ въ то время отраслей промышленности: отъ добывающей промышленности съ примѣсью земледѣлія и внѣшней торговли: но—и это ново—землевладѣльческія отношенія уже не всецѣло опредѣлялись этимъ условіемъ: наряду съ нимъ вліяло условіе внѣшнее, не хозяйственное,—ростъ населенія. уничтожившій господствовавшее раньше вольное землепользованіе; формы хозяйства, какъ мы убѣдились, зависѣли отъ сочетанія двухъ элементовъ: извѣстныхъ отраслей промышленности и формъ землевладѣнія: крестьянское хозяйство было по преимуществу домашнимъ, семейнымъ въ силу важности добывающей промышленности и наличности сябринаго землевладѣнія; владѣльческое—было оброчнымъ и мелкимъ, со слабой примѣсью наемнаго труда вслѣдствіе слабости обмѣна; хозяйственная техника также явилась, главнымъ образомъ, результатомъ двоякаго вліянія: во-первыхъ, со стороны господствующихъ отраслей промышленности, во-вторыхъ, со стороны формъ землевладѣнія; но и здѣсь внѣшнее воздѣйствіе—роста населенія—сказалось уже непосредственно и прямо: оно, наряду съ указанными двумя вліяніями, опредѣлило переходъ къ менѣе экстенсивнымъ системамъ хозяйства, повысило техническій уровень производства и обмѣна; наконецъ, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ и теперь оказалось наиболѣе сложной группой экономическихъ явленій, отлившейся въ опредѣленную форму подъ воздѣйствіемъ и существующихъ отраслей промышленности, и формъ землевладѣнія, и формъ хозяйства, и его системы. *Теоретическіе выводы, сдѣланные въ первой части нашего труда, при изученіи кіевской Руси, подтвердились такимъ образомъ всецѣло.* Но этого мало: *эти выводы дополнились новыми наблюденіями.* Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что *непосредственное вліяніе роста населенія оказывается во второй стадіи развитія натуральнаго хозяйства*, когда существуютъ скорѣе количественныя, нежели качественныя различія отъ первой стадіи, *гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ то было раньше,* захватываетъ всѣ сферы хозяйственныхъ отношеній всѣ элементы экономической жизни. Второй рядъ новыхъ наблюденій сводится къ конкретной характеристикѣ изученной нами второй стадіи развитія натуральнаго хозяйства: отличительныя особенности этой стадіи состоятъ: 1) въ господствѣ добывающей промышленности и внѣшней торговли при ростѣ земледѣлія и въ слабой степени—обрабатывающей промышленности, 2) въ развитіи болѣе прочныхъ и опре-

дѣленныхъ отношеній къ землѣ,—сябриннаго, боярскаго, монастырскаго и архіерейскаго землевладѣнія, 3) въ господствѣ оброчной системы и полнаго семейнаго крестьянскаго хозяйства, со слабой примѣсью несвободнаго и наемнаго труда, 4) въ торжествѣ менѣе экстенсивныхъ хозяйственныхъ системъ въ добывающей промышленности, земледѣліи и торговлѣ, 5) въ увеличеніи неравномѣрности распредѣленія хозяйственныхъ благъ къ невыгодѣ низшихъ слоевъ населенія. Спрашивается, насколько эта конкретная характеристика имѣетъ *соціологическое* значеніе, отражаетъ ли она *общіе* законы общежитія, имѣются ли параллельныя явленія въ исторіи другихъ странъ? Стоитъ только раскрыть VII главу I тома «Исторіи Греціи» Белоха, чтобы убѣдиться, что хозяйственное положеніе эллинскихъ городскихъ общинъ VII и VI вѣковъ до Р. Х. очень сильно походило на то, которое изображено нами. Въ то время земледѣліе и добывающая промышленность находились въ Эллядѣ еще въ приблизительномъ равновѣсіи. Обрабатывающая промышленность была слаба: «греческій рынокъ наводнялся произведеніями восточной художественной промышленности», привозившимися изъ-за границы. Внутренняя торговля отличалась слабымъ развитіемъ: натуральное хозяйство преобладало до V вѣка; до начала VII вѣка не существовало чеканной монеты. Но зато расширялись колонизація и внѣшняя торговля въ VII и особенно въ VI вѣкѣ. Этому поразительному совпаденію условій, касающихся относительнаго значенія разныхъ отраслей промышленности, въ древней Греціи и въ Новгородѣ и въ Псковѣ XIII — XVI вѣковъ соотвѣтствовало и сходство явленій, обнаруживавшихся здѣсь и тамъ въ области формъ землевладѣнія: въ Эллядѣ VII и VI вѣковъ наблюдаются знакомыя уже намъ явленія, — дробленіе земли и земельной собственности у массы населенія, ссуды бѣднымъ со стороны богатыхъ подъ обезпеченіе ихъ земельными участками, ростъ крупнаго землевладѣнія. Формы самаго хозяйства въ Греціи также были похожи на новгородскія и псковскія: обрабатывающая промышленность, напр., была или домашней или ремесломъ, мелкимъ кустарничествомъ. То же надо сказать о техникѣ производства: произведеніе греческой обрабатывающей промышленности VII вѣка были несовершенны въ техническомъ отношеніи: техника земледѣлія была довольно низка: скотоводство носило пастбищный характеръ. Наконецъ, разореніе и тупое отчаяніе народа въ Эллядѣ VI вѣка напоминаетъ намъ пониженіе народнаго благосостоянія въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси, явившееся отраженіемъ перемѣнъ въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Параллельныя изслѣдованнымъ нами явленія можно наблюдать также въ итальянскихъ городахъ съ X по XVI вѣкъ и въ жизни торговаго контрагента новгородцевъ—Ганзейскаго союза, но, къ сожалѣнію, исторія тѣхъ и другого изучена недостаточно; существующія изслѣдованія поставлены притомъ не вполнѣ научно, такъ

что не всегда можно прослѣдить всѣ подробности, замѣтныя въ греческой исторіи VII и VI вѣковъ.

Любопытно, что и въ Элладѣ въ то время, какъ и въ Новгородѣ и Псковѣ, развивалась колонизація, и также по экономическимъ причинамъ: вслѣдствіе роста населенія и потребности въ свободныхъ пространствахъ для существованія и развитія добывающей промышленности, скотоводства и земледѣлія. Въ самыхъ внѣшнихъ, природныхъ условіяхъ замѣтно большое соотвѣтствіе: обиліе водныхъ путей сообщенія и близость моря сближаютъ русскіе вольные города съ древней Грецією, Ганзой, итальянскими городами среднихъ вѣковъ.

Итакъ, изслѣдованный нами экономическій процессъ имѣетъ не только частное, но и общее соціологическое значеніе, даетъ возможность формулировать общіе законы хозяйственнаго развитія цѣлаго ряда общественныхъ союзовъ, близкихъ по своей природѣ къ вольнымъ городскимъ общинамъ удѣльной Россіи. Посмотримъ, какъ этотъ важный процессъ отразился на другихъ сторонахъ общежитія.

Глава третья.

Устройство общества въ вольныхъ городахъ удѣльной Руси.

Были ли въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ экономическіе классы, или общество здѣсь дѣлилось также и на юридическія сословія, а также совпадало ли экономическое расчлененіе общества съ юридическимъ, — вотъ два основныхъ вопроса, которые должна разрѣшить исторія новгородскаго и псковскаго общественнаго строя. Для рѣшенія этихъ вопросовъ, равно какъ и другихъ, съ ними связанныхъ, удобнѣе всего разсмотрѣть сначала отдѣльные слои общества вольныхъ городовъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи съ хозяйственной и правовой точекъ зрѣнія, чтобы потомъ сдѣлать общій выводъ.

Высшій слой общества въ Новгородѣ и Псковѣ назывался, какъ и въ другихъ областяхъ древней Руси, *боярами*. Въ другихъ областяхъ еще и въ кіевскій періодъ, какъ и въ удѣльный, этимъ терминомъ обозначались, какъ извѣстно, «княжіе мужи», военные слуги князя, его дружина. Существуетъ мнѣніе, что въ Новгородѣ и Псковѣ боярство произошло внѣ связи съ княжеской властью, совершенно независимо отъ нея, было остаткомъ существовавшихъ еще до князей какихъ-то земскихъ бояръ. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неясностяхъ этого взгляда,—о томъ, напр., что совершенно непонятно, кто такіе были эти земскіе бояре,—существуютъ очень серьезныя основанія сомнѣваться въ его справедливости. Основанія эти формулированы въ ученой литературѣ слѣдующимъ образомъ: 1) о *земскихъ* боярахъ не говоритъ ни одинъ источникъ ни кіевскаго, ни удѣльнаго времени: земскіе бояре были только позднѣе, у Ивана Грознаго послѣ учреж-

денія имъ опричнины, да еще въ договорахъ Новгорода и Пскова съ Ливонскимъ орденомъ въ XV вѣкѣ этимъ выраженіемъ переводится нѣмецкій терминъ Landesherren; 2) псковской лѣтописецъ XV вѣка, которому, конечно, хорошо извѣстно было боярство вольныхъ городовъ, однако, плохо понимаетъ выраженіе «земскій бояринъ»; слѣдовательно, земскихъ бояръ во Псковѣ не было; 3) указываютъ, что ростовскіе бояре, боровшіеся съ братьями Андрея Боголюбскаго послѣ его смерти, были земскими боярами; но, во-первыхъ, лѣтописецъ говоритъ о борьбѣ не «ростовскихъ бояръ», а «ростовцевъ и бояръ», считая бояръ членами княжеской дружины, а во-вторыхъ, нѣкоторые изъ этихъ бояръ были не только княжескими дружинниками, но даже и происходили изъ южной Руси, не были мѣстными боярами: таковъ былъ, напр., Борисъ Жидиславичъ, внукъ Славяты, бывшаго на югѣ въ Переяславлѣ дружинникомъ Владиміра Мономаха. Итакъ, и въ Новгородѣ и Псковѣ терминъ «бояре» былъ примѣненъ къ высшему слою населенія только въ силу того, что этотъ слой вошелъ въ составъ княжескихъ мужей, княжеской дружины. Этотъ выводъ можно подтвердить и еще однимъ наблюденіемъ: высшій слой новгородскаго общества на первыхъ страницахъ новгородскихъ лѣтописей, до 1118 года, ни разу не называется боярами, обычными же терминами, служащими для его обозначенія, являются выраженія «нарочитые», «лучшіе», «вячшіе мужи», «огнищане». Такимъ образомъ, выраженіе «земскіе бояре» есть не болѣе, какъ неосновательная выдумка.

Но передъ нами все-таки стоитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что наступилъ моментъ, когда «нарочитые, лучшіе, вячшіе мужи» или «огнищане» стали называться боярами. Причина этого заключается въ томъ, что, тогда какъ въ другихъ древнерусскихъ городахъ высшій слой городского населенія былъ мало-по-малу оттѣсненъ отъ политическихъ дѣлъ княжеской дружиной, въ Новгородѣ онъ уцѣлѣлъ, сохранилъ вліяніе, не далъ оттѣснить себя дружинѣ. Это произошло подъ вліяніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: во-первыхъ, новгородская колонизація отличалась всенароднымъ характеромъ, производилась самимъ обществомъ, внѣ всякаго вліянія княжеской власти, и такимъ образомъ не давала матеріала для усиленія князя и его дружинниковъ; въ числѣ другихъ слоевъ общества колонизовали страну и огнищане, которые занимали довольно много земель, чѣмъ и закрѣплялось ихъ самостоятельное положеніе; во-вторыхъ, развитію княжескаго и дружиннаго землевладѣнія препятствовало еще то, что, какъ намъ уже извѣстно, видную роль въ хозяйствѣ новгородской области играла добывающая промышленность, а вовсе не земледѣліе. Такое самостоятельное экономическое положеніе огнищанъ на ряду съ невозможностью для княжеской дружины прочнѣе утвердиться въ Новгородской области путемъ земельныхъ пріобрѣтеній и повело къ тому, что князья стали назначать на разныя правительственныя должности

не своихъ дружинниковъ, а новгородцевъ изъ высшаго слоя мѣстнаго общества, а такія назначенія давали имъ значеніе служилыхъ людей и содѣйствовали примѣненію къ нимъ термина «бояре», которымъ обозначались именно только служилые княжескіе люди: такъ, въ разсказѣ о вызовѣ Мономахомъ въ 1118 году въ Кіевъ всѣхъ новгородскихъ парочитыхъ мужей новгородская лѣтопись уже прямо называетъ ихъ боярами; въ церковномъ уставѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича 1135 года въ числѣ совѣтниковъ князя упомянуты сотскіе — выборные новгородскіе начальники изъ нарочитыхъ мужей,—и князь называетъ ихъ при этомъ *своими мужами*.

Итакъ, въ теченіе всего времени до XIII вѣка древніе новгородскіе нарочитые, лучшіе, вячшіе мужи или огнищане мало-по-малу обращались въ бояръ, участниковъ въ управленіи городомъ и его областью по назначенію князя, пріобрѣтали право на занятіе высшихъ государственныхъ должностей, — вотъ первый важный выводъ, который можно сдѣлать изъ наблюденій за соціальнымъ значеніемъ этого слоя новгородскаго общества. Несомнѣнно, это было уже зародышемъ извѣстнаго спеціальнаго, сословнаго политическаго права.

Въ то же время вырабатывалось другое право новгородскаго боярства — право участія въ правительственномъ совѣтѣ. И въ другихъ городахъ древнѣйшей Руси послѣ призванія князей выборная городовая старшина участвовала въ княжеской думѣ наряду съ дружинниками князя, — то же было и въ Новгородѣ, и все различіе между послѣднимъ и другими древнерусскими городскими общинами сводилось въ этомъ отношеніи къ тому, что тогда какъ въ другихъ мѣстахъ выборные городскіе начальники исчезли изъ думы, въ Новгородѣ они удержались въ ней и пріобрѣли господствующее значеніе; это пріобрѣтеніе такъ же упрочилось за новгородскимъ боярствомъ къ началу XIII вѣка, — мы встрѣтимся еще съ нимъ и познакомимся подробнѣе при изученіи исторіи правительственнаго совѣта.

Итакъ, до XIII вѣка мы можемъ наблюдать только постепенную выработку двухъ спеціальныхъ правъ новгородскаго боярства: права исключительнаго занятія высшихъ государственныхъ должностей и права исключительнаго участія въ правительственномъ совѣтѣ. Слѣдовательно, въ это время еще не можетъ быть рѣчи о боярствѣ какъ сословіи; какъ сословіе, новгородское боярство только еще слагается.

Спрашивается теперь, были ли новгородскіе бояре до XIII вѣка, опредѣленнымъ экономическимъ классомъ? И въ этомъ отношеніи можно наблюдать значительную неопредѣленность, броженіе элементовъ. Большинство изслѣдователей склонны считать важнѣйшимъ экономическимъ признакомъ боярства уже тогда землевладѣніе. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что землевладѣльцы-огнищане, на ряду съ другими слоями населенія, колонизовали страну и захватывали землю, но все-таки предполагать особенную концентрацію земельной собственности

въ рукахъ боярства до XIII вѣка мы не имѣемъ никакого права. Есть признаки, которые указываютъ, что, на ряду съ землевладѣніемъ, были и другіе хозяйственные источники, изъ которыхъ новгородскіе бояре почерпали матеріальныя средства: это была торговля, хотя она и не была еще тогда обширна, или, точнѣе, именно потому, что она была еще необширна и не требовала спеціализаціи, не захватывала еще всего человѣка, давала ему возможность посвящать свои силы и другимъ занятіямъ. Что бояре, дѣйствительно, торговали,—объ этомъ свидѣтельствуетъ одна новгородская былина, разсказывающая о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу—купцу богатому, ко боярину»: купецъ и боринъ здѣсь отожествляются. Такимъ образомъ, и какъ классъ, боярство не отличалось опредѣленностью; хозяйственныя, классовыя его особенности еще не сложились.

Съ XIII вѣка и особенно въ XIV и XV столѣтіяхъ картина совершенно мѣняется и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Когда мы знакомились съ исторіей народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, то было замѣчено, что земельныя богатства бояръ, въ силу сцѣпленія неотвратимыхъ условій, возросли до громадныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ боярство колонизовало области по Двинѣ и Вагѣ и снаряжало отряды повольниковъ для опасныхъ, но выгодныхъ экспедицій на Печору и Югру по преимуществу за мѣхами. Продукты, получаемые съ этихъ обширныхъ владѣній въ видѣ натуральнаго оброка и дани, служили боярамъ для ихъ домашняго обихода, а избытки ихъ сбывались купцамъ. Этотъ сбытъ давалъ возможность составлять денежный капиталъ, но для образованія послѣдняго послужили и другіе источники, не менѣе обильные, именно доходы съ занимаемыхъ боярами должностей и особенно проценты съ денежныхъ суммъ, ссужаемыхъ боярами купцамъ и другимъ лицамъ. Банкирская дѣятельность бояръ развилась, по всѣмъ признакамъ, уже въ XIII вѣкѣ: въ 1209 году народъ подвергнулъ конфискаціи («разграбленію») домъ посадника Дмитра Мирошкинича и нашелъ у него множество долговыхъ «досокъ», домашнихъ расписокъ съ обозначеніемъ должныхъ ему разными лицами суммъ; намъ уже извѣстно сказаніе о богатомъ посадникѣ Щилѣ, дававшемъ деньги въ ростъ за небольшіе проценты.

Сдѣлавшись въ экономическомъ отношеніи крупными землевладѣльцами и банкирами-капиталистами, новгородскіе бояре перестали заниматься торговлей, требовавшей уже спеціализаціи вслѣдствіе своего развитія,—спеціализаціи, невозможной для бояръ, такъ какъ они были заняты въ это время усиленной политической дѣятельностью. Какъ политическое сословіе, боярство XIII, XIV и XV вѣковъ является также законченнымъ, совершенно сложившимся цѣлымъ: за нимъ, впервыхъ, окончательно утвердилось исключительное право на занятіе высшихъ должностей,—посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ, при-

городныхъ посадниковъ,—во-вторыхъ, боярство вытѣсняетъ изъ правительственнаго совѣта еще въ XIII вѣкѣ княжескихъ дружинниковъ, а въ слѣдующемъ XIV столѣтіи, быть можетъ даже и раньше, той-же участи подвергаются и купеческіе старосты, до тѣхъ поръ сидѣвшіе въ совѣтѣ на правахъ равноправныхъ членовъ. Такъ образовались два основныхъ спеціальныхъ права боярскаго сословія въ Великомъ Новгородѣ. Оба явились естественнымъ послѣдствіемъ экономическаго господства боярства, какъ класса: въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, бояре держали въ своихъ рукахъ живщихъ на ихъ землѣ смердовъ; какъ капиталисты-банкиры, они подчиняли себѣ купцовъ; и то и другое стало основой политическихъ привилегій боярства, какъ сословія.

Такъ какъ новгородскіе бояре были крупными землевладѣльцами, то своевременно сказать теперь о тѣхъ преимуществахъ, которыя вытекали въ Новгородѣ для землевладѣльцевъ изъ права собственности на землю. Эти преимущества касались исключительно суда: во-первыхъ, по свидѣтельству договоровъ Новгорода съ князьями, въ отсутствіе землевладѣльца княжескіе судьи не могли судить въ области подчиненныхъ ему людей,—старостъ, половниковъ и холоповъ,—судъ надъ ними въ такомъ случаѣ переносился въ Новгородъ; во-вторыхъ, иногда землевладѣльцы путемъ откупа освобождались отъ всякаго вмѣшательства новгородскаго правительства въ судъ надъ крестьянами; въ-третьихъ, по Судной Новгородской грамотѣ 1471 года, землевладѣлецъ имѣлъ право и былъ обязанъ ставить на судъ виновнаго «своего человѣка». Но эти землевладѣльческія права могли быть—по крайней мѣрѣ отчасти—и у землевладѣльцевъ не бояръ и не составляли въ сущности спеціальнаго сословнаго преимущества боярства. Существуетъ, впрочемъ, предположеніе, что у бояръ, какъ землевладѣльцевъ, было еще особое преимущество: они будто бы участвовали въ административныхъ дѣйствіяхъ областныхъ властей; въ доказательство ссылаются на одну неизданную грамоту начала XV вѣка объ отдачѣ нѣкоторыхъ земель на Онежскомъ озерѣ въ Толвойскомъ краю Богородицкому монастырю: въ этомъ актѣ, на ряду съ посадникомъ и тысяцкимъ, значатся какіе-то «скотники» и «помужники», которыхъ и считаютъ—безъ всякихъ, впрочемъ, основаній—мѣстными землевладѣльцами-боярами. Помужники больше не встрѣчаются ни въ одномъ источникѣ; что касается скотниковъ, то о нихъ говорится еще въ грамотѣ великаго князя Андрея Александровича на Двину, относящейся къ концу XIII или началу XIV вѣка, о кормахъ и подводахъ тремъ великокняжескимъ ватагамъ, т.-е. артелямъ, ходящимъ на промыселъ; эта грамота адресована «къ посадникамъ, и къ скотникамъ, и къ старостамъ»; и надписаніе, и содержаніе грамоты какъ будто указываютъ на должностное, а не сословно-землевладѣльческое значеніе скотниковъ. Быть можетъ, скотники—это откупщики суда, тоже, что̀ «бо̀рцы», упоми-

наемые въ откупной обонежской грамотѣ 1434 года, по которой два «бо̀рца», Якимъ Гурѣевъ и Матвѣй Петровъ, «покупаютъ» (т.-е берутъ на откупъ) обонежскій судъ князя великаго; имъ идетъ половина улова осетровъ, кормъ, подводы, «а кто сгонитъ или замѣшаетъ, дастъ князю великому гривну золота, а борцамъ серебро вдвое»: «борцы» отъ глагола «брать», а «скотники»—отъ «скотъ»=деньги. Такимъ образомъ, едва ли есть основаніе предполагать особыя землевладѣльческія привилегіи—спеціально-боярскія.

Новгородскіе и псковскіе бояре имѣли, конечно, право участвовать въ вѣчевой сходкѣ; но это политическое право было достояніемъ всѣхъ свободныхъ людей и не принадлежало, слѣдовательно, къ сословнымъ преимуществамъ. То же надо сказать и о всѣхъ гражданскихъ—личныхъ и имущественныхъ—правахъ, которыми обладали, вмѣстѣ съ другими свободными людьми, и бояре. Поэтому о гражданскихъ правахъ рѣчь пойдетъ у насъ тогда, когда мы будемъ характеризовать юридическое положеніе черныхъ людей.

Временемъ паденія боярства въ Великомъ Новгородѣ надо считать 70-ые годы XV вѣка, когда великій князь Иванъ III двумя послѣдовательными ударами 1470 и 1478 годовъ съ корнемъ вырвалъ новгородскую аристократію, оторвалъ ее отъ родной почвы, лишивъ земель и капиталовъ и переселивъ въ Московскую Русь, гдѣ этотъ нѣкогда могучій соціальный слой, руководившій всей государственной и общественной жизнью новгородской общины, обезсилѣлъ и растворился въ общей массѣ великорусскаго населенія. Ни одинъ чужеземный завоеватель не совершалъ такого коренного потрясенія владѣльческихъ правъ и отношеній, какое совершилъ дѣдъ Ивана Грознаго и повторилъ во Псковѣ отецъ его въ 1510 году. Но оба они были правы со своей точки зрѣнія: только такимъ способомъ можно было сломить грозное могущество боярства вольныхъ городовъ.

Второй соціальный слой составляли въ Новгородѣ такъ называемые житьи люди. Изслѣдователи весьма существеннымъ образомъ расходятся между собою въ пониманіи этого термина: по мнѣнію однихъ, это — лица, имѣвшія осѣдлость и дворы въ городѣ, ремесленники-домовладѣльцы; другіе считаютъ житьихъ людей богатыми купцами. Вѣрно именно это второе объясненіе: житьи люди—это древнѣйшіе купцы вячшіе. Въ такомъ пониманіи термина убѣждаетъ цѣлый рядъ наблюденій надъ нашими источниками: во-первыхъ, въ лѣтописяхъ, когда идетъ рѣчь о всѣхъ новгородскихъ гражданахъ въ совокупности, часто о житьихъ людяхъ упоминается, а о купцахъ при этомъ не говорится: очевидно, между этими терминами существеннаго различія по смыслу не было; въ 1385 г. на вѣчѣ присутствовали посадникъ, тысяцкій, всѣ бояре и дѣти боярскіе, житьи и черные люди,—всѣ пять концовъ; въ 1395 г.—бояре и дѣти боярскіе, и житьи люди и купецкіе дѣти; подобное же явленіе наблюдается и въ договорѣ

Новгорода съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ 1317 г.; во-вторыхъ, если бы житьи люди были простыми ремесленниками, то они занимали бы въ новгородскомъ обществѣ низшее мѣсто, чѣмъ купцы; между тѣмъ во всѣхъ новгородскихъ грамотахъ они ставятся выше купцовъ; въ-третьихъ—и это самое важное—по грамотѣ князя Всеволода Мстиславича 1135 г. церкви св. Ивана на Опокахъ въ товариществѣ *купцовъ*-торговцевъ воскомъ выбирались трое старостъ отъ *житьихъ людей* на ряду съ двоими старостами отъ купцовъ; и всѣ они, и житьи люди и купцы, называются *купечествомъ* Иванскимъ; Нельзя при этомъ думать, что житьи люди были боярами или огнищанами, потому что въ той же грамотѣ содержится такая оговорка: а Мирославу посаднику въ то не вступаться и инымъ посадникамъ въ Иванское ни во что же, *ни боярамъ* новгородскимъ». Итакъ житьи люди — богатые купцы. Значитъ, отдѣлять ихъ отъ купцовъ вообще нельзя, почему мы и будемъ теперь говорить о тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Оставляя разсмотрѣніе гражданскихъ правъ купечества до изученія положенія простыхъ свободныхъ людей въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода, потому что въ этомъ отношеніи всѣ въ Новгородѣ и Псковѣ были равны между собою, мы обратимъ теперь вниманіе на политическія права купцовъ—личныя и корпоративныя, въ связи съ экономическимъ ихъ положеніемъ.

Намъ уже извѣстно, что до XIII вѣка купцы не сосредоточивали въ своихъ рукахъ всей торговли, что тогда торговали также и бояре; да и землями купцы владѣли: еще въ Новгородской судной грамотѣ говорится о земляхъ житьихъ людей и купцовъ; купеческія имѣнія попадаются и въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Понятно, что и въ качествѣ политическаго сословія житьи люди и купцы были въ то время слабо выдѣлены изъ новгородскаго общества; какъ и всѣ, купцы участвовали въ вѣчѣ; ихъ старосты принимали участіе въ правительственномъ совѣтѣ вмѣстѣ съ боярами. Зато въ XIII, XIV и XV вѣкахъ наблюдается экономическая спеціализація; число купцовъ растетъ; бояре покидаютъ торговлю, купцы всю ее захватываютъ въ свои руки. Соотвѣтственно этому купечество организуется и какъ сословіе. Оно отвлекается отъ политической дѣятельности и утрачиваетъ право участія въ правительственномъ совѣтѣ. Впрочемъ, за нимъ сохраняется и теперь право участія въ посольствахъ и переговорахъ: въ 1215 году для призыва князя, кромѣ посадника и тысяцкаго, были посланы 10 старѣйшихъ купцовъ; въ 1391 г. купцы вмѣстѣ съ боярами заключили договоръ съ нѣмцами въ Изборскѣ; въ 1446 г. на съѣздъ съ ливонскимъ магистромъ посланы были бояре и купцы. Но главной основой спеціальныхъ политическихъ правъ купечества была его корпоративная связь. У насъ уже была рѣчь о купеческихъ товариществахъ въ Новгородѣ, былъ указанъ ихъ общій характеръ и перечислены главныя изъ нихъ. Теперь остается добавить нѣсколько

подробностей, характерныхъ именно съ соціальной точки зрѣнія. Извѣстно, напримѣръ, что псковское товарищество купцовъ, организовавшееся около храма св. Софіи во Псковѣ, выбирало двухъ старостъ. Основныя черты внутренняго устройства Иванскаго товарищества сводились къ слѣдующему: взносъ 50 гривенъ серебра въ товарищество и $29^1/_2$ гривенъ въ пользу церкви давалъ званіе «пошлаго» купца, полноправнаго члена товарищества; во главѣ компаніи стояли 5 старость: 3 отъ житыхъ людей и 2 отъ купцовъ. Такая корпоративная связь купечества послужила основой для образованія его спеціальныхъ сословныхъ правъ: прежде всего въ 1135 году иванское купечество получило право торговаго суда въ Новгородѣ. Эта жа корпорація вѣдала еще орудія мѣры—вѣсъ (вощаныя скальвы, медовые пуды или безмѣны, гривенку рублевую для взвѣшиванья благородныхъ металловъ), и мѣры длины (иванскій локоть). По договору съ нѣмцами 1270 года, судъ по всѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ между новгородцами и нѣмцами былъ сосредоточенъ въ рукахъ коллегіи изъ новгородскихъ купеческихъ старостъ и нѣмецкихъ альдерменовъ подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго. Эти спеціальныя политическія права новгородскаго купечества чрезвычайно характерны для всего новгородскаго соціальнаго строя: они указываютъ на крайній сословный эгоизмъ, на узость и исключительность классовыхъ интересовъ: купцы дорожили не общими политическими правами, а спеціальными торгово-политическими привилегіями.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ купеческихъ корпораціяхъ вольныхъ городовъ не замѣтно никакихъ родовыхъ элементовъ. Нѣкоторые приписываютъ имъ также еще финансовое и судебное значеніе на такихъ основаніяхъ: на купцовъ, по договорамъ Новгорода съ князьями, не падали ни чрезвычайные налоги, выпадавшіе на долю мѣстности, гдѣ они временно прибывали (напр., черный сборъ), ни обыкновенныя повинности (повозная, т.-е. поставка подводъ для должностныхъ лицъ); затѣмъ, по тѣмъ же документамъ, проѣзжій княжескій судъ на нихъ не распространялся; наконецъ, въ Новгородской судной грамотѣ содержится постановленіе о такъ называемыхъ «ятцахъ», поручителяхъ отъ «сотенъ», являвшихся на судъ въ знакъ того, что со стороны сотенъ не будетъ совершено насилія, незаконнаго противодѣйствія суду или судебному рѣшенію. Всѣ эти основанія не выдерживаютъ критики: свобода отъ податей и проѣзжаго суда—слѣдствіе не принадлежности къ купеческой корпораціи, а отчасти сословнаго положенія, главнымъ же образомъ того, что купцы были временными посѣтителями, а не постоянными жителями извѣстной мѣстности; «ятцы»—учрежденіе, относящееся къ территоріальнымъ, всесословнымъ сотнямъ, на которыя дѣлился Новгородъ, а вовсе не къ купеческимъ корпораціямъ; это всего лучше видно изъ того, что ятцами могли быть и боярин, и житій, и молодшій человѣкъ: если

бы дѣло шло о чистосословномъ купеческомъ учрежденіи, кромѣ житьихъ людей и купцовъ никто не могъ бы въ немъ участвовать. Итакъ предполагать какое-либо судебное и финансовое значеніе купеческихъ корпорацій, какую-либо ихъ автономію въ этихъ отношеніяхъ никакъ нельзя.

Чтобы, закончить обзоръ свободныхъ общественныхъ состояній въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси, намъ остается еще разсмотрѣть положеніе *черныхъ людей*. Подъ это общее названіе подходило много разрядовъ населенія: сюда относились прежде всего такъ называемые городчане, городскіе жители, занимавшіеся ремеслами и мелкой торговлей, затѣмъ своеземцы или земцы—черные люди, обладавшіе землей въ уѣздахъ на правѣ полной собственности; смерды, сироты, крестьяне, изорники, огородники, котечники—арендаторы чужой земли; половники—нѣчто среднее между арендаторами и наемными рабочими; поземщики—непашенные люди,—рыболовы и сельскіе ремесленники. Изъ этого перечня видно, какъ пестръ былъ составъ черныхъ людей въ экономическомъ отношеніи: здѣсь совершенно не было цѣльности и единства, отдѣльные элементы изучаемаго соціальнаго слоя играли различную роль въ производствѣ и обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ. Итакъ, это не былъ единый экономическій классъ. Отсутствію экономическаго единства соотвѣтствовала и другая черта—матеріальная слабость черныхъ людей, выясненная нами раньше, при изученіи вопроса о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Понятно, что результатомъ всего этого была сравнительная слабость политическихъ правъ черныхъ людей. Въ сущности единственнымъ ихъ политическимъ правомъ было право участія въ вѣчѣ, засвидѣтельствованное лѣтописями и актами для всего изучаемаго періода. О корпоративныхъ связяхъ едва ли можно говорить, какъ о чемъ-либо вліятельномъ въ политическомъ отношеніи; въ сущности городская сотня и деревенскій погостъ, вѣдь, и не были организаціями однихъ черныхъ людей: это были территоріальныя дѣленія, охватывавшія всѣ слои общества сверху до низу, такъ что о нихъ удобнѣе говорить при изученіи областного дѣленія и управленія. Но, характеризуя политическое положеніе черныхъ людей, нельзя ограничиваться указаніями на ихъ права,—необходимо отмѣтить еще, сверхъ того, и обязанности. Новгородская финансовая система была, вообще говоря, развита довольно слабо: большинство полноправныхъ новгородскихъ гражданъ не несло постоянныхъ прямыхъ податей, а облагало себя въ случаѣ нужды экстреннымъ сборами сообразно имущественной состоятельности; для примѣра можно указать на складчину новгородцевъ въ XI вѣкѣ для доставки помощи Ярославу. Единственнымъ общимъ прямымъ налогомъ, падавшимъ на все населеніе, была введенная около половины XIII вѣка татарская дань. При этомъ, по словамъ лѣтописи, «вятшіе творили себѣ добро, а меньшимъ зло», т.-е. облагали данью простыхъ

черныхъ людей гораздо сильнѣе, чѣмъ себя. Это и былъ единственный налогъ, платимый боярами. На купцахъ лежали, конечно, торговыя и проѣзжія пошлины: гостиное, подъѣздное, побережное, помѣрное и проч. Но цѣлый рядъ другихъ прямыхъ налоговъ и повинностей лежалъ на черныхъ людяхъ: во-первыхъ, они платили «черный боръ», поступавшій съ извѣстныхъ волостей новгородскому князю; отъ XV вѣка до насъ дошла очень любопытная грамота Новгорода на черный боръ великому князю Василію Васильевичу: размѣръ чернаго бора опредѣленъ здѣсь по 1 гривнѣ съ сохи, и указано, что этому налогу не подлежатъ заѣзжіе новгородцы-купцы, боярскіе дворы и одерноватые или полные холопы, получающіе мѣсячину; во-вторыхъ, черные люди вносили «поралье посадниче и тысяцкаго»—особый налогъ въ пользу новгородской выборной администраціи; въ-третьихъ, они обязаны были повозной повинностью, т.-е. доставкой кормовъ и подводъ ѣздившимъ по области должностнымъ лицамъ; въ четвертыхъ, наконецъ, на нихъ лежало городовое дѣло—постройка и починка укрѣпленій: такъ, подъ 1430 годомъ читаемъ въ лѣтописи: «пригонъ былъ христіаномъ къ Новугороду городъ ставити, а покручалъ четвертый пятаго», т.-е. повинности подлежалъ изъ каждыхъ 5-ти домохозяевъ одинъ. Итакъ, главная тяжесть повинностей и налоговъ лежала на населеніи наименѣе обезпеченномъ матеріальными средствами. Политическая и экономическая приниженность черныхъ людей идутъ рука объ руку и выступаютъ очень ясно на видъ.

Зато въ отношеніи гражданскихъ правъ свободное черное населеніе ничѣмъ не уступало боярамъ, житьимъ людямъ и купцамъ. Мы и должны теперь характеризовать гражданско-правовое положеніе свободныхъ членовъ новгородскаго и псковскаго общества. Наши источники не оставляютъ прежде всего сомнѣнія, что *личныя* гражданскія права всѣхъ новгородскихъ и псковскихъ гражданъ—ихъ жизнь, здоровье, свобода и честь—ограждались одинаково, безъ всякихъ различій и привилегій. Псковская и Новгородская грамоты, назначая наказаніе за убійство («головшину», «душегубство») или за «бой» (побои, вообще причиненіе вреда здоровью), подвергаютъ совершенно одинаковой карѣ всѣхъ виновныхъ, не обращая вниманія, къ какому сословію принадлежалъ потерпѣвшій. Свобода сильно ограждалась псковскимъ народнымъ обычаемъ или, какъ тогда говорили, «пошлиной»: когда въ 1477 году Иванъ III, по разсказу лѣтописи, потребовалъ отъ Пскова выдачи ему головой тѣхъ людей, которыхъ великокняжескіе намѣстники «*безсудно* поковали, а Псковъ расковалъ», то псковичи отвѣчали, что не могутъ ихъ выдать «по пошлинѣ и старинѣ съ нашими прежними осподари, то люди правіи»; ясно, что псковская пошлина и старина заключалась въ томъ, чтобы никого не лишать свободы безъ суда. Наймитъ дворный и наемный плотникъ могли оставить хозяина даже до срока, по Псковской судной грамотѣ. По тому

Госуд. ... Библиотека СССР

же источнику, изорникъ, котечникъ и огородникъ могли «отречися», уйти отъ землевладѣльца. Новгородская судная грамота повелѣваетъ истцу при искѣ о холопствѣ, т.-е. при объявленіи кого-либо своимъ рабомъ, «до суда надъ нимъ (отвѣтчикомъ) силы не дѣять, а кто силу доспѣеть, ино тымъ его и обинить». Честь всякаго псковича и новгородца ограждалась одинаково: по Псковской судной грамотѣ, кому бы ни вырвана была борода или на кого бы ни сдѣлали «находъ», кара не мѣнялась; Новгородская судная грамота, опредѣляя наказаніе за «наѣздъ», не обращаетъ вниманія на сословное положеніе потерпѣвшаго, а ставитъ размѣръ пени въ зависимость отъ соціальнаго положенія виновнаго: бояринъ платитъ 50 руб., житій 20 р., молодшій 10 р., тутъ не только нѣтъ привилегій, но лица, принадлежащія къ высшему соціальному слою, наказываются сильнѣе, чѣмъ тѣ, кто стоитъ на общественной лѣстницѣ ниже: очевидно, принимается во вниманіе степень состоятельности лица. Но и *имущественныя*, вещныя права всѣхъ новгородцевъ и псковичей, безъ различія сословій, были вполнѣ равны и, что̀ не менѣе важно, подверглись весьма значительной эволюціи сравнительно съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно о кіевской Руси: не только сгладилась соціальная разница въ этомъ отношеніи, но точнѣе и подробнѣе опредѣлились оттѣнки права, гораздо болѣе обезпечены стали въ своей прочности и безспорности гражданскія отношенія по имуществу и, наконецъ, выдѣлилась изъ-подъ гнета семейнаго, кровнаго союза личность. На этихъ трехъ новыхъ чертахъ гражданскаго права вольныхъ городовъ удѣльной Руси мы и должны теперь остановить ненадолго свое вниманіе. Выясненіе оттѣнковъ и подробностей вещныхъ правъ выразилось въ цѣломъ рядѣ новыхъ юридическихъ понятій, совершенно чуждыхъ кіевскому періоду: прежде всего Псковская судная грамота отличаетъ отъ полной и наслѣдственной собственности—«чиста», «чисто отморшины», «чисто роценого», «своего роценого»—временное пользованіе, юридически обоснованное,—такъ называемую «кормлю»; соотвѣтственно этому Новгородская судная грамота защищаетъ не только собственность, но и владѣніе, хотя бы юридическая обоснованность послѣдняго и подвергалась спору: мы встрѣчаемъ въ грамотѣ постановленіе, по которому запрещается наѣздъ на оспариваемую землю до судебнаго рѣшенія спора; далѣе: Псковская грамота устанавливаетъ 4-хъ или 5-ти-лѣтнюю давность владѣнія, обращающую послѣднее въ собственность; тамъ же встрѣчаемъ довольно тонкое различіе между правами наслѣдниковъ по завѣщанію и правами наслѣдниковъ по закону: наслѣдники по завѣщанію отвѣчаютъ только по тѣмъ обязательствамъ наслѣдодателя, которыя основаны на формальномъ актѣ («записи») или обезпечены закладомъ; наслѣдники по закону отвѣчаютъ и при искахъ, не основанныхъ на записи и не обезпеченныхъ закладомъ; уяснены впервые точно и опредѣленно вещныя права государства и ихъ отношеніе къ вещнымъ

правамъ отдѣльныхъ лицъ: именно вещное право государя Великаго Новгорода исключало права частныхъ лицъ, не признававшихъ власти городской общины, что выразилось въ постановленіяхъ договоровъ Новгорода съ князьями, по которымъ не новгородскіе граждане не могли владѣть землей въ новгородскихъ владѣніяхъ, и лица, оставившія новгородское подданство, лишались земли; наконецъ, возникли и новыя понятія объ обязательствахъ, возникавшихъ изъ договоровъ: такъ понятія займа, поклажи и найма существовали и раньше, но теперь они расчленились и опредѣлились точнѣе: заемъ могъ быть или устной сдѣлкой—при мелкомъ займѣ до рубля, или, если онъ былъ выше рубля, долженъ былъ сопровождаться составленіемъ записи или обезпечивался закладомъ; при поклажѣ также иногда уже требовалась запись; различались два понятія о наймѣ: наемъ на извѣстную одну опредѣленную работу, соотвѣтствовавшій римскому locatio-conductio operis, и наемъ не для цѣлаго дѣла, а для многихъ, разнообразныхъ работъ,—то же, что́ римское locatio-conductio operarum. Бо́льшая прочность вещныхъ правъ также видна по цѣлому ряду признаковъ: имущество уже не дѣлалось выморочнымъ такъ скоро, какъ въ кіевской Руси: по закону наслѣдовали не только ближніе, но и дальніе родственники умершаго; установлены были точныя формы актовъ гражданскаго права, обезпечивавшія ихъ безспорность: появилось письменное завѣщаніе—«рукописаніе»; опредѣлена форма предсмертнаго даренія: личная передача вещи въ присутствіи священника и сторонніхъ людей, различены неформальные («доски») и формальные договоры («записи»); наконецъ введено укрѣпленіе гражданскихъ актовъ посредствомъ сохраненія копій въ архивѣ,—такъ называемомъ «ларѣ св. Троицы» въ Псковѣ. Что личность выдѣлилась уже въ очень значительной мѣрѣ изъ семейнаго союза въ отношеніи вещныхъ правъ,—это явствуетъ прежде всего изъ того, что наслѣдованіе по закону имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда нѣтъ завѣщанія, причемъ завѣщаніе не является уже «рядомъ», договоромъ членовъ семьи между собою, какъ то было въ кіевскій періодъ, а служитъ выраженіемъ личной воли наслѣдодателя; эта воля не ограничивается закономъ: завѣщатель вовсе не распредѣляетъ только имущество между готовыми, законными наслѣдниками, какъ прежде, а воленъ передать его кому угодно, помимо близкихъ родственниковъ, дальнимъ и даже постороннимъ; допускается выдѣлъ сына при жизни отца, причемъ такой отдѣлившійся сынъ уже не наслѣдуетъ отцу послѣ смерти послѣдняго,—разумѣется, если отецъ ему ничего не завѣщаетъ.

Чтобы закончить характеристику гражданскихъ правъ новгородскихъ гражданъ, остается отмѣтить еще полноправность женщинъ, ихъ полное равенство въ гражданско-правовомъ отношеніи съ мужчинами: женщина можетъ вести процессъ, даже участвовать въ судебномъ поединкѣ противъ женщины, выставляя противъ мужчины наймита;

она имѣетъ всѣ права по обязательствамъ, напр., заключаетъ отъ своего имени заемъ; имущество супруговъ признавалось Псковской судной граматой ихъ общимъ достояніемъ, но если кто-либо изъ нихъ умиралъ безъ завѣщанія, то оставшійся въ живыхъ,—безразлично, былъ ли то мужъ или жена,—пользовался пожизненно имуществомъ умершаго до вступленія во второй бракъ; жена при жизни мужа могла даже завѣщать свое имущество стороннему лицу.

Но полное гражданское равенство черныхъ людей съ боярами и купцами не было постояннымъ явленіемъ въ соціальномъ строѣ вольныхъ городскихъ общинъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалась хозяйственная роль земледѣлія и стала расти внутренняя торговля, подготовлявшая переходъ къ денежному хозяйству,—задолженность крестьянъ увеличивалась, и въ результатѣ появились ограниченія ихъ личной свободы, которыя становятся замѣтными въ XIV и XV вѣкахъ. Эти ограниченія сводятся къ слѣдующему: во-первыхъ, въ договорахъ съ Новгородомъ князья обязываются выдавать бѣжавшихъ къ нимъ изъ новгородскихъ владѣній крестьянъ на ряду съ холопами; во-вторыхъ, по тѣмъ же договорамъ, нельзя было судить не только холопа, но и половника на мѣстѣ, въ области, въ отсутствіе хозяина; въ-третьихъ, Новгородская судная грамота обязала землевладѣльцевъ доставлять къ суду не однихъ холоповъ, но тоже и крестьянъ, что̀ указываетъ на зависимое положеніе послѣднихъ.

Въ результатѣ нельзя не признать значительной юридической приниженности черныхъ людей въ Новгородѣ и Псковѣ; это было естественнымъ слѣдствіемъ ихъ экономической слабости. Особенно ограничены были политическія права чернаго населенія, тяжелы были его государственныя обязанности, но и въ отношеніи гражданскихъ правъ наблюдается постепенное ограниченіе и приниженіе.

Изъ полусвободныхъ состояній въ Новгородѣ и Псковѣ обращаютъ на себя вниманіе два,—«закупни» и «закладни». Первые—не что иное, какъ остатки закуповъ кіевскаго періода; такъ какъ намъ уже извѣстно ихъ юридическое и хозяйственное положеніе изъ исторіи кіевской Руси, то остается характеризовать закладней, съ которыми намъ не разъ еще придется встрѣтиться и позднѣе, почему мы теперь же воспользуемся для ихъ характеристики и позднимъ матеріаломъ. Слово «закладень» или «закладчикъ» происходитъ отъ глагола «заложиться», что значитъ «задаться», «отдаться подъ покровительство», а вовсе не отдаться въ залогъ». Люди, отдавшіеся въ залогъ, назывались въ изучаемое время въ Новгородѣ и Псковѣ закупнями, а позднѣе, въ XVII вѣкѣ, были извѣстны подъ именемъ «закладныхъ людей». Такимъ образомъ закладень или закладникъ—то же, что commendatus ранняго средневѣковья на западѣ Европы. Сходство увеличивается еще, во-первыхъ, тѣмъ, что и закладни, и коммендаты, «жили во льготѣ», т.-е. не платили государству налоговъ—за нихъ платили патроны ихъ, и

подчинялись по суду не государственной власти, а своимъ патронамъ, и во-вторыхъ, тѣмъ, что у насъ, какъ и въ западной Европѣ, возможна была и существовала въ дѣйствительности и земельная комендація, отдача себя подъ покровительство сильнаго человѣка вмѣстѣ съ землей. Не трудно понять, какими тѣсными, неразрывными узами связано было закладничество съ той стадіей развитія натуральнаго хозяйства, когда земледѣліе начало постепенно возвышаться: нужда въ капиталѣ для земледѣльческаго производства и въ помощи на судѣ и въ уплатѣ податей заставляли свободныхъ людей искать себѣ покровителей, которые оказывали матеріальную поддержку не въ видѣ займа, а въ видѣ безвозратнаго пособія, которое могло даваться и не разъ, если того требовали обстоятельства.

Послѣдній, низшій слой общества вольныхъ городовъ составляли холопы, прежде называвшіеся обельными, а теперь усвоившіе наименованіе «одерноватыхъ» отъ акта передачи дерна, сопровождавшаго и символизовавшаго обращеніе свободнаго человѣка въ рабство. Акты гражданскаго права показываютъ, что одерноватые холопы отчуждались, какъ всякая движимость: продавались, закладывались, дарились, передавались по завѣщанію. Естественно, что ни о какихъ политическихъ правахъ холоповъ рѣчи быть не можетъ. Не было у нихъ и правъ вещныхъ, почему они и не несли податей, напр., не подлежали «черному бору». Но мы видѣли при изученіи холопства въ кіевской Руси, что уже тогда слабо мелькалъ зародышъ признанія личности несвободнаго человѣка. Это же и даже въ нѣсколько большей степени наблюдается и въ изучаемое время въ Новгородѣ и Псковѣ: правда, Новгородская судная грамота и договоры Новгорода съ князьями не признаютъ за холопомъ права выступать свидѣтелемъ на судѣ: «почнетъ холопъ вадити на господу, вѣры ему не ятп»; но свидѣтельства холопа противъ холопа же имѣетъ значеніе, по той же Новгородской судной грамотѣ; затѣмъ холопъ, какъ и свободный крестьянинъ, былъ подсуденъ государственному суду: подлежалъ проѣзжему суду князя, его людей или лицъ, откупившихъ княжескій судъ, и, подобно крестьянину, его можно было судить только въ присутствіи господина.

Сводя теперь въ одно цѣлое все сказанное о соціальномъ строѣ Новгорода и Пскова въ удѣльное время, мы получаемъ слѣдующіе общіе выводы: первой отличительной чертой устройства новгородскаго и псковскаго общества является его *сословность*, сильное юридическое расчлененіе общества; эта сословность сопровождается—далѣе—преобладаніемъ высшихъ сословій, купечества и особенно боярства, которое можно назвать въ полномъ смыслѣ слова привилегированнымъ соціальнымъ слоемъ; иными словами, общество отличается *аристократическимъ характеромъ*; при всемъ томъ, однако,—и это составляетъ третій главный выводъ—общество построено было не на принципѣ обязан-

ности, а на началѣ права; новгородскія и псковскія сословія были, вообще говоря, не крѣпостными, а *свободными*.

Предшествующее изложеніе ясно намѣтило, наконецъ, тѣсную зависимость соціальнаго строя отъ экономическихъ отношеній. Здѣсь прежде всего сказалось вліяніе относительнаго значенія разныхъ отраслей промышленности: добывающая промышленность обезпечила нарочитымъ людямъ ихъ прочное политическое положеніе въ началѣ періода и сохранила массѣ населенія политическую и гражданскую свободу; внѣшняя торговля возвысила купцовъ и, создавъ потребность въ кредитѣ и возможность прибрать землю посредствомъ скопленнаго капитала, дала соціальное господство боярству: постепенно, хотя и медленно, росшее земледѣліе создало полусвободныя состоянія. Затѣмъ можно наблюдать очень ясно выраженное воздѣйствіе распредѣленія хозяйственныхъ благъ: неравенство въ этомъ распредѣленіи еще сильнѣе подчеркнуло аристократическій складъ общественныхъ отношеній. Въ томъ же смыслѣ повліяли господствующія формы землевладѣнія, а формы хозяйства содѣйствовали сохраненію гражданской свободы личности, потому что сколько-нибудь широкое развитіе крѣпостничества и рабства не вызывалось хозяйственными потребностями времени.

Остается замѣтить, что всѣ три основныя черты соціальнаго строя вольныхъ городовъ удѣльной Руси — сословность, аристократизмъ и господство принципа права—свойственны были и тѣмъ общественнымъ союзамъ древности и средневѣковой Европы, которые имѣли такъ много общаго въ экономическомъ отношеніи съ Новгородомъ и Псковомъ: такова древняя Эллада VII и VI вѣковъ до Р. Х., когда наблюдался перевѣсъ знати, сводившійся къ привилегіямъ по занятію высшихъ должностей и по участію въ совѣтѣ (βουλή, γερουσία); таковы средневѣковыя итальянскія республики,—Генуя, Венеція, Флоренція: достаточно напомнить, что флорентійскіе Медичи были такими же всемогущими банкирами въ своемъ родномъ городѣ, какъ бояре въ Новгородѣ. Значитъ, и въ соціальномъ отношеніи древнерусскія вольныя городскія общины не были раритетомъ, исключеніемъ: изучая ихъ, мы знакомимся съ общими соціологическими законами, выражающимися одинаково въ жизни разныхъ народовъ.

Глава четвертая.

Политическій строй Новгорода и Пскова въ XIII, XIV и XV вв.

Переходя къ изученію политическаго строя Великаго Новгорода и Пскова, мы будемъ держаться слѣдующаго плана изложенія: прежде всего познакомимся съ отдѣльными политическими силами, со средствами управленія, чтобы рѣшить вопросъ, образовались ли въ вольныхъ городахъ настоящія, правильныя учрежденія съ постояннымъ

составомъ, опредѣленнымъ вѣдомствомъ и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, имъ предоставленныхъ, и выдѣлилось ли управленіе верховное и подчиненное, а въ послѣднемъ центральное и областное; затѣмъ разсмотримъ, представляли ли собою новгородское и псковское государства союзы личнаго или общественнаго господства, т.-е. имѣли ли они въ виду сознательно цѣли личнаго интереса или общаго блага; наконецъ, въ качествѣ перехода къ послѣднему, подлежащему нашему рѣшенію, вопросу — о связи политическихъ явленій съ соціальными и экономическими — будетъ изслѣдованъ ходъ борьбы политическихъ партій въ Великомъ Новгородѣ.

Главной политической силой, — по крайней мѣрѣ юридически, по закону или обычаю, — было въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльнаго періода *вѣче*. Говоря о *составѣ* вѣча, приходится въ общемъ повторить то же, что намъ извѣстно уже изъ исторіи кіевской Руси: вѣче было собраніемъ всѣхъ свободныхъ гражданъ безъ различія сословій — бояръ, житыхъ людей, купцовъ, черныхъ людей, — причемъ право рѣшающаго голоса принадлежало лишь тѣмъ, кто занималъ самостоятельное семейное положеніе, былъ главой семьи. Что не одни жители главнаго города, но и жители его волости могли присутствовать на вѣчѣ и рѣшать дѣла, какъ то было и въ кіевскій періодъ, — это всего лучше видно изъ участія въ вѣчевыхъ сходкахъ пригородянъ: такъ, въ 1136 г. псковичи и ладожане вмѣстѣ съ новгородцами изгнали на вѣчѣ князя Всеволода; въ 1270 г. въ Новгородъ на вѣче собрались ладожане, корела, ижера, псковичи; въ 1343 году въ псковскомъ вѣчѣ принимали участіе жители Изборска; въ 1384 году новгородскіе пригорожане, недовольные княземъ Патрикіемъ, собрались въ Новгородъ и подняли на этого князя полгорода. Неосновательнымъ, совершенно не имѣющимъ опоры въ источникахъ и прямо невѣроятнымъ надо признать предположеніе одного изслѣдователя, что на вѣчѣ присутствовали *выборные* отъ горожанъ: принципъ представительства былъ совершенно чуждъ вѣчевому строю. Невѣрно также мнѣніе, что духовенство не участвовало въ вѣчѣ. Это опровергается цѣлымъ рядомъ фактовъ: въ 1186 г. новгородцы на вѣчѣ выбрали архіепископа Гаврилу «и съ игумены и съ попы сдумавше»; въ 1193 г. новгородцы съ княземъ «съ игумены и съ софіяны и съ попы сдумавше изволиша Богомъ избрана Мартурія»; въ 1308 г. новгородцы всѣ «съ игумены и со всѣмъ іерейскимъ чиномъ» выбрали Давыда: въ 1324 г. «сдумавше новгородцы и игумены и попове и черньцы и весь Новгородъ, возлюбиша вси Богомъ назнаменана Моисія»; тоже «игумени и попове» встрѣчаются и на вѣчѣ 1330 года при избраніи владыки Василія. Псковская судная грамота «выписана» «по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ, и священноиноковъ, и діаконовъ, и священниковъ и всего Божія священства всѣмъ Псковомъ на вѣчи».

Внѣшняя обстановка и порядокъ созыва и дѣйствія вѣчевыхъ сходокъ въ Новгородѣ и Псковѣ отличаются тѣми же чертами, какія намъ знакомы по изученію организаціи вѣча въ кіевскій періодъ. Въ Новгородѣ вѣче собиралось или на Ярославомъ дворѣ на Торговой сторонѣ, или на площади у собора св. Софіи—на Софійской сторонѣ; псковское вѣче сходилось въ мѣстности, находившейся между кромомъ (кремлемъ) и самымъ городомъ, огражденной со стороны города такъ называемой Довмонтовой стѣной. Обыкновенно сборъ на вѣчевую сходку производился посредствомъ звона въ колоколъ, называвшійся во Псковѣ «большимъ вѣчникомъ»; но иногда власти собирали вѣче, разсылая биричей и подвойскихъ кликать на улицахъ и площадяхъ. Существовала на мѣстѣ, предназначенномъ для сходки, степень помостъ, на которомъ засѣдали власти, и съ котораго говорили ораторы. Рядомъ со степенью находилась канцелярія вѣча или вѣчевая изба, помѣщавшаяся въ Новгородѣ въ особой башнѣ, а въ Псковѣ въ сѣняхъ собора св. Троицы. Для письмоводства существовалъ въ Новгородѣ «вѣчный», т.-е. вѣчевой, дьякъ, называвшійся въ Псковѣ городскимъ дьякомъ. Въ Псковѣ въ сѣняхъ св. Троицы находился еще государственный архивъ или *ларь*, которымъ завѣдывалъ особый чиновникъ — ларникъ. Рѣшеніе постановлялось единогласно, почему при разногласіи происходили усобицы, нерѣдко кончавшіяся кровопролитіемъ. Въ Новгородѣ иногда собиралось два вѣча—одно на Ярославовомъ дворѣ, другое у св. Софіи, которыя принимали разныя рѣшенія и вступали между собой въ борьбу на «великомъ мосту» черезъ Волховъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи состава вѣча и способа рѣшенія на немъ дѣлъ перемѣнъ не наблюдается или наблюдается очень мало, такъ что съ этой точки зрѣнія вѣче было далеко отъ идеала правильно устроеннаго учрежденія.

Зато *вѣдомство* вѣча было гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ прежде. Прежде всего вѣче признавалось единственнымъ и неограниченнымъ носителемъ *законодательной* власти. Такъ, Новгородскую судную грамоту составили «бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославѣ дворѣ». Псковская судная грамота составлена «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ». Въ этомъ памятникѣ права прямо сказано: «а которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ да тая строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ нелюба будетъ господину Пскову, ино та строка вольно выписать вонъ изъ грамоты». Въ 1469 г., по лѣтописи, псковское вѣче утвердило церковные законы.— выписки изъ «Номоканона». Къ числу неотъемлемыхъ правъ вѣча вольныхъ городовъ принадлежало далѣе руководство *финансами*. Сюда принадлежало прежде всего установленіе налоговъ: новгородцы на вѣчѣ дали великому князю Василію Васильевичу «черный боръ»; здѣсь же происходили назначеніе и раскладка экстренныхъ прямыхъ сборовъ.

Затѣмъ на вѣчѣ происходило опредѣленіе монеты: извѣстное уже намъ введеніе чеканной монеты въ Новгородѣ и Псковѣ XV вѣка произошло путемъ вѣчевого рѣшенія; въ 1447 году «посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати». Далѣе *объявленіе войны и заключеніе мира и вообще договоровъ* съ иностранными державами входило также въ вѣдомство вѣча: такъ, уже договоръ съ нѣмцами 1195 года заключенъ княземъ и «всѣми новгородцы»; то же надо сказать о договорѣ съ Казимиромъ IV, относящемся къ 1440 году. Мы не будемъ теперь говорить подробно о правѣ вѣча *избирать и сводить должностныхъ лицъ*,—князя, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ, владыки и пр., потому что объ этомъ пойдетъ рѣчь при изученіи правительственнаго значенія этихъ лицъ; теперь достаточно констатировать наличность этого права. Наконецъ, *судъ по политическимъ и должностнымъ преступленіямъ* также входилъ въ сферу компетенціи вѣча: въ 1209 г. новгородское вѣче судило посадника Дмитра Мирошкинича, въ 1218 году князя Святослава съ Твердиславомъ, въ 1228 г. Судоміра, въ 1230 году Степана Твердиславича, въ 1318 г. Игната Бѣска, въ 1384 году князя Патрикія; въ 1484 г. въ Псковѣ вѣче судило посадниковъ, которые «грамоту новую списали и въ ларь (т.-е. въ архивъ) вложили на сѣнѣхъ съ княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ». Въ Псковѣ на вѣчѣ иногда судились и важнѣйшія уголовныя преступленія: измѣна, подлогъ, кража въ крому, конокрадство и волхвованіе. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что вѣче узурпировало себѣ всю верховную судебную власть; напротивъ,—и это заслуживаетъ особаго вниманія—и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ верховный судъ принадлежалъ не вѣчу, а особому учрежденію: въ Псковѣ господѣ изъ князя, посадника и сотскихъ, а въ Новгородѣ, по Новгородской судной грамотѣ, установлено было «докладу быти во владычнѣ комнатѣ, а у докладу быти изъ конца по боярину да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ, а иному никому у доклада не быти».

Вообще такимъ образомъ вѣчевое собраніе въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси юридически являлось носителемъ верховной власти. Верховныя права вѣча не подвергались сомнѣнію и были основнымъ положеніемъ новгородскаго и псковскаго государственнаго права. О двоевластіи вѣча съ княземъ можно говорить только для времени до XIII вѣка, но потомъ у князя совершенно не остается элементовъ верховной власти.

Но если таково было юридическое положеніе новгородскаго и псковскаго вѣча, то остается еще рѣшить вопросъ о фактическомъ, дѣйствительномъ значеніи этого учрежденія. Мы не можемъ игнорировать дѣйствительное положеніе дѣлъ, должны за отвлеченными юридическими схемами разсмотрѣть конкретную, дѣйствительную жизнь

во всей ея сложности и разнообразіи. Для выясненія этой стороны дѣла необходимо обратиться къ изученію правительственнаго совѣта и княжеской власти: и тотъ и другая могли, вѣдь, и юридически, и фактически дѣлить власть съ вѣчемъ и даже совершенно подавлять послѣднее.

Новгородскій правительственный совѣтъ первоначально былъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при князѣ съ неопредѣленнымъ, непостояннымъ составомъ и неяснымъ, случайнымъ вѣдомствомъ. Чаще всего въ этотъ совѣтъ князь призывалъ, какъ то намъ извѣстно изъ исторіи кіевской Руси, княжихъ мужей и старцевъ градскихъ: такъ было въ Новгородѣ XII вѣка, напр., по церковному уставу Всеволода Мстиславича 1135 года.

Но съ XIII вѣка наблюдаются весьма важныя перемѣны въ составѣ новгородскаго правительственнаго совѣта. Прежде всего исчезаетъ прежнее непостоянство, колебаніе въ составѣ; появляется опредѣленный, неизмѣнный кругъ лицъ, засѣдающихъ въ совѣтѣ. Затѣмъ этотъ кругъ значительно отличается отъ того, который привлекался въ боярскую думу кіевскаго періода. Совѣтъ XIII вѣка и позднѣе состоялъ прежде всего изъ степенныхъ посадника и тысяцкаго и сотскихъ. Затѣмъ сюда-же входили кончанскіе старосты, т.-е. старосты городскихъ концовъ; это доказывается цѣлымъ рядомъ соображеній и наблюденій: во-первыхъ, въ совѣтѣ были сотскіе, а они—ниже кончанскихъ старостъ; во-вторыхъ по нѣмецкимъ донесеніямъ, въ началѣ XV вѣка нѣмецкое посольство обращалось не только къ архіепископу, посадникамъ, тысяцкимъ, но и къ пяти старостамъ отъ пяти концовъ; въ-третьихъ, на грамотѣ Соловецкому монастырю отъ Новгорода въ половинѣ XV в. было 8 печатей: владыки, посадника, тысяцкаго и 5 печатей отъ пяти концовъ по печати; въ четвертыхъ, наконецъ, въ 1478 г., по волѣ Ивана III, къ присяжной записи ему на подданство были приложены печати отъ пяти концовъ. Далѣе въ качествѣ совершенно новаго элемента въ совѣтѣ появились старые, т.-е. отбывшіе уже службу, посадники и тысяцкіе: ближайшимъ поводомъ къ появленію этого элемента послужилъ обычай оканчивать послѣ оставленія посадничьей должности разборъ судебныхъ дѣлъ, начатый посадникомъ во время посадничества; впрочемъ, тутъ сказались и вліяніе бывшихъ посадниковъ въ своемъ концѣ, и необходимость привлечь къ практической политической дѣятельности возможно большее число лицъ, умудренныхъ въ этомъ отношеніи опытомъ. Въ 1476 году въ Новгородѣ было 20 старыхъ посадниковъ и 5 старыхъ тысяцкихъ; значитъ, старые посадники и тысяцкіе были очень виднымъ элементомъ въ составѣ новгородскаго правительственнаго совѣта. Наконецъ, въ совѣтѣ присутствовали также бирчи. Сравнивая этотъ совѣтъ съ боярской думой XII вѣка, мы наблюдаемъ исчезновеніе двухъ весьма важныхъ элементовъ этой послѣдней: нѣтъ, во-первыхъ, княжескаго

боярства, во-вторыхъ, исчезли купеческіе старосты; послѣдніе, можетъ быть, еще были въ совѣтѣ XIII столѣтія, но въ XIV были оттуда вытѣснены: недаромъ въ 1412 г. купеческіе старосты жаловались, что совѣтъ скрылъ отъ нихъ жалобы нѣмецкихъ купцовъ.

Правительственный совѣтъ вольныхъ городовъ удѣльной Руси представлялъ собою учрежденіе очень внушительное по числу членовъ: въ половинѣ XV вѣка въ немъ засѣдало до 50-ти человѣкъ; въ 1478 году новгородцы выдали московскимъ боярамъ грамоту, въ которой обязались между собою раньше всѣмъ городомъ стоять противъ великаго князя: на этой грамотѣ было 58 печатей членовъ совѣта. Иногда въ особыхъ и торжественныхъ случаяхъ въ совѣтъ вводились еще бояре отъ концовъ: такъ было, напр., при закладкахъ укрѣпленій, при встрѣчѣ и проводахъ владыки или князя, при дипломатическихъ переговорахъ и проч.

Вѣдомство правительственнаго совѣта всего лучше видно изъ отношенія его къ другимъ органамъ управленія. Что касается отношеній къ князю, то съ XII вѣка совѣтъ оказывается совершенно независимымъ отъ него: князь былъ только предсѣдателемъ совѣта, и совѣтъ собирался у него на Городищѣ, въ загородномъ дворцѣ: насколько безсиленъ былъ князь передъ совѣтомъ, это всего лучше видно изъ одного факта конца XII вѣка: новгородскіе сановники отняли у нѣмцевъ ихъ товары, и князь не могъ имъ помочь, несмотря на все желаніе: онъ совѣтовалъ имъ употребить силу. Отношенія совѣта къ владыкѣ или архіепископу новгородскому во многомъ напоминаютъ описанныя сейчасъ отношенія къ князю: владыка, при отсутствіи князя, является первенствующимъ членомъ совѣта, почему совѣтъ въ такомъ случаѣ собирается у владыки въ палатѣ: по житію св. Зосимы, святой жаловался владыкѣ на обиды основанному имъ монастырю, и владыка собралъ «бояръ, содержащихъ градъ», которые и дали монастырю грамоту; въ XIV вѣкѣ нѣмецкое посольство жаловалось на обиды владыкѣ, тотъ отослалъ нѣмцевъ съ приставомъ къ посаднику, а этотъ послѣдній созвалъ «господу». Посадникъ и тысяцкій были въ своей дѣятельности подчинены совѣту, потому что совѣту принадлежало общее руководство администраціей, да и по сложности своихъ обязанностей посадникъ часто нуждался въ помощникахъ, которые назначались членами совѣта изъ своей среды: такъ, въ 1441 г. въ Псковѣ совѣтъ послалъ стараго посадника Тимоѳея ставить городъ Опочку, —степеннымъ было другое лицо, Иванъ Сидоровичъ. Иногда совѣтъ прямо вмѣшивался въ дѣятельность посадника и дѣлалъ ему предписанія: въ 1331 году совѣтъ запретилъ посаднику брать деньги отъ нѣмцевъ. Нѣмцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ апеллировали на рѣшеніе суда, находившагося подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго, къ совѣту; иногда тысяцкіе сами запрашивали совѣтъ. Совѣтъ подчинялъ себѣ и другіе органы управленія и дѣйствовалъ черезъ нихъ: такъ,

въ XV вѣкѣ св. Саввѣ Вишерскому старые посадники и тысяцкіе, т.-е. правительственный совѣтъ, пожаловали землю; по смерти Саввы, совѣтъ предоставилъ практическое осуществленіе своего рѣшенія вѣчу Славянскаго конца и старымъ посадникамъ этого конца. Остается рѣшить самый важный вопросъ,—объ отношеніяхъ боярскаго совѣта къ вѣчу. Нѣтъ сомнѣнія, что юридически совѣтъ всецѣло подчинялся вѣчу, зависѣлъ отъ него: во-первыхъ, всѣ члены совѣта попадали въ совѣтъ только въ силу избранія вѣчемъ—въ посадники, тысяцкіе, кончанскіе старосты, сотскіе, биричи: во-вторыхъ, совѣту принадлежало лишь право предварительнаго разсмотрѣнія вопросовъ, которые для окончательнаго рѣшенія передавались, по общему правилу, на вѣче: напр., при переговорахъ съ Иваномъ III въ 1478 году владыка съ властями, выслушавъ требованія великаго князя, отвѣчалъ: «скажемъ то, господине, Новугороду»; обсудивъ заявленіе иностраннаго посла, совѣтъ обыкновенно объявлялъ, что обратится къ Новгороду; въ-третьихъ, члены совѣта судились и наказывались вѣчемъ и ему были обязаны отчетомъ.

Итакъ, *юридически* совѣтъ былъ совершенно подчиненъ вѣчу, вполнѣ самостоятеленъ по отношенію къ князю и владыкѣ, хотя и не подчинялъ ихъ себѣ, и держалъ въ повиновеніи себѣ посадника, тысяцкаго и органы кончанскаго управленія. Носителемъ верховной власти совѣтъ не былъ,—она по праву принадлежала вѣчу. На долю совѣта выпадала лишь совѣщательная роль при носителѣ верховной власти. Но *фактически* вѣче подпадало весьма сильному вліянію правительственнаго совѣта. Прежде всего право предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ до внесенія въ вѣчевую сходку давало совѣту важное преимущество: совѣтъ состоялъ изъ лицъ политически-опытныхъ, связанныхъ къ тому же общими сословными и хозяйственными интересами, согласныхъ между собою: умѣлость и единство взглядовъ давали возможность членамъ совѣта подсказывать вѣчу его рѣшенія. Какъ мало значило рѣшеніе вѣча послѣ совѣтскаго постановленія,—видно изъ того, что совѣтъ, повидимому, иногда рѣшалъ даже дѣло, не доводя его до вѣча: въ началѣ XV вѣка купцы жаловались, что совѣтъ не все доводилъ до свѣдѣнія народа; въ 1478 году Иванъ III заставилъ совѣтъ безъ вѣча утвердить запись, по которой Новгородъ долженъ былъ цѣловать ему крестъ. Какъ много значилъ голосъ членовъ совѣта на вѣчѣ,—видно изъ того, что въ 1331 году совѣтъ былъ посредникомъ между вѣчемъ и нѣмцами въ ихъ ссорѣ. Причина такого фактическаго господства совѣта надъ вѣчемъ, при юридическомъ, фиктивномъ подчиненіи совѣта вѣчу, коренится въ извѣстныхъ уже намъ явленіяхъ соціально-экономической жизни Великаго Новгорода и Пскова: боярство, сословнымъ учрежденіемъ котораго является совѣтъ, сосредоточивало въ своихъ рукахъ и земельный, и денежный капиталъ; какъ земле-

владѣльцы, бояре подчинялп себѣ черныхъ людей, жившихъ въ большинствѣ на ихъ земляхъ; какъ капиталисты-банкиры, они держали въ повиновеніи купцовъ, нуждавшихся въ кредитѣ вслѣдствіе широкихъ оборотовъ внѣшней торговли. Не надо забывать, что административный навыкъ и политическая традиція были также исключительнымъ достояніемъ новгородскаго правящаго класса, и это давало ему тоже немаловажное преимущество передъ другими общественными слоями, а слѣдовательно перевѣсъ и въ управленіи. Наконецъ, правительственный совѣтъ, съ точки зрѣнія административно-технической, имѣлъ важныя преимущества передъ вѣчемъ: онъ былъ стройнымъ учрежденіемъ съ постояннымъ составомъ, опредѣленнымъ вѣдомствомъ и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, ему предоставленныхъ.

Положеніе *княжеской власти* въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ заслуживаетъ большого вниманія: съ одной стороны, ни одно учрежденіе этихъ вольныхъ городскихъ общинъ не пережило ряда такихъ измѣненій, какъ эта власть, съ другой—положеніе князя въ Новгородѣ и Псковѣ было совершенно исключительнымъ, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что можно наблюдать въ другихъ областяхъ древней Руси; болѣе того: княжеская власть здѣсь развивалась въ направленіи прямо-противоположномъ развитію власти великаго князя московскаго. Новгородскій князь первоначально былъ тѣмъ же, чѣмъ были князья въ другихъ областяхъ кіевской Руси: верховнымъ судьей и военачальникомъ; удовлетворяя двумъ основнымъ потребностямъ того времени—потребности во внѣшней защитѣ и во внутренней справедливости,—князь получалъ за это дань и судебныя пошлины отъ гражданъ, кормился на счетъ своей волости. Онъ, несомнѣнно, являлся въ то время органомъ верховной власти, дѣлилъ эту власть съ вѣчемъ. Къ этому именно времени—къ кіевскому періоду—и относится то понятіе о двоевластіи, которое нѣкоторые изслѣдователи ошибочно считаютъ своеобразной чертой государственаго строя древняго Новгорода за все время его самостоятельнаго существованія. Вѣче до конца XII вѣка дѣйствительно, не могло обходиться безъ князя или его намѣстника, функціи верховной власти парализовались за отсутствіемъ этого важнаго колеса въ этой первобытной, плохо устроенной государственной машинѣ. Вотъ почему, когда Святославъ, уходя изъ Кіева во второй разъ въ Болгарію, дѣлилъ Русскую землю между своими сыновьями, и сначала не находилось князя для Новгорода, то новгородцы сами потребовали себѣ князя и получили Владиміра, которымъ за его малолѣтствомъ долженъ былъ руководить его дядя Добрыня. Важное экономическое значеніе Новгорода, находившагося въ началѣ великаго воднаго пути изъ варягъ въ греки, обусловливало особое положеніе Новгорода по отношенію къ кіевскому князю: кіевскіе князья старались удержать за собой Новгородъ, посылая туда обыкновенно или

старшаго своего сына, или своего посадника изъ бояръ. Такъ, Ярославъ посадилъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Владиміра. По смерти послѣдняго въ Новгородѣ княжилъ оставшійся старшимъ Изяславъ Ярославичъ. Когда этотъ князь сѣлъ на кіевскомъ столѣ послѣ смерти отца, — онъ отправилъ въ Новгородъ своимъ намѣстникомъ (посадникомъ) извѣстнаго Остромира, для котораго въ 1073 г. было написано знаменитое Евангеліе, оставшееся до сихъ поръ древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ въ подлинникѣ памятникомъ русской письменности. Далѣе: когда въ Кіевѣ утвердился Святославъ Ярославичъ, прогнавшій брата Изяслава, то въ Новгородѣ посадникъ Изяслава замѣненъ былъ Святославовымъ сыномъ Глѣбомъ. Когда по смерти Святослава, а потомъ Изяслава, на кіевскомъ столѣ сѣлъ Всеволодъ, то старшій въ родѣ послѣ него, наслѣдникъ кіевскаго стола, Святополкъ Изяславичъ сталъ княжить въ Новгородѣ. Наконецъ, во время княженія въ Кіевѣ Владиміра Мономаха Новгородомъ правилъ его старшій сынъ Мстиславъ. Этотъ рядъ фактовъ убѣдительно доказываетъ подчиненіе Новгорода кіевскому князю въ XI и началѣ XII вѣка, и попытки нѣкоторыхъ изслѣдователей истолковать эти факты въ смыслѣ противоположномъ, въ смыслѣ самостоятельности Новгорода, остаются неудачными.

Первое ограниченіе княжеской власти въ Новгородѣ, по мнѣнію большинства изслѣдователей, было самоограниченіемъ Ярослава, благодарнаго новгородцамъ за услуги, ему оказанныя съ ихъ стороны: онъ, по словамъ лѣтописи, далъ новгородцамъ «грамоту и уставъ», сказавъ имъ: «по сей грамотѣ ходите и держите, яко же писахъ вамъ». Эти «грамоты Ярославли», на которыхъ потомъ должны были цѣловать Новгороду крестъ всѣ князья, къ сожалѣнію, до насъ не дошли, и даже въ самой лѣтописи, изъ которой взяты только что приведенныя слова Ярослава, вслѣдъ за ними помѣщены не эти грамоты, а пространная редакція «Русской Правды», текстъ которой, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія. Содержаніе Ярославовыхъ грамотъ остается такимъ образомъ загадкой, которую изслѣдователи исторіи Новгорода и пытались разгадать на основаніи косвенныхъ данныхъ. Одни полагали, что Ярославовы грамоты обезпечивали Новгороду самостоятельность, именно, во-первыхъ, право самоуправленія и самосуда, во-вторыхъ, свободу отъ дани кіевскому князю, платившейся раньше, по лѣтописи, въ размѣрѣ 2.000 гривенъ въ годъ. Это мнѣніе опирается на мало-подходящее къ данному случаю основаніе,—на тѣ черты позднѣйшихъ договоровъ Новгорода съ князьями, которыя являются общими всѣмъ этимъ договорамъ: основное ядро договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями будто бы и служило содержаніемъ Ярославовыхъ грамотъ. Самоуправленіе и самосудъ — это, очевидно, право новгородцевъ выбирать посадника и предоставленіе послѣднему власти, самостоятельной по отношенію къ князю. Но справедливо

замѣчено, что никакой перемѣны въ пользу такихъ порядковъ мы не наблюдаемъ въ Новгородѣ ни при Ярославѣ, ни послѣ него въ XI и началѣ XII вѣка. Поэтому, чтобы составить надлежащее понятіе о содержаніи Ярославовыхъ грамотъ, разбираютъ всѣ отдѣльные случаи, когда онѣ упоминаются въ лѣтописяхъ. Въ 1228 г. новгородцы поссорились съ княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ изъ-за того, что онъ поступилъ не по грамотамъ Ярославовымъ. Въ чемъ-же заключалось нарушеніе грамотъ княземъ? Въ томъ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, что онъ наложилъ новую пошлину и посылалъ судей по волостямъ. На слѣдующій годъ въ Новгородъ прибылъ новый князь и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ; первымъ его распоряженіемъ была финансовая мѣра: онъ далъ смердамъ свободу отъ дани на 5 лѣтъ. Въ 1339 г. великій князь московскій Иванъ Даниловичъ Калита прислалъ требовать отъ новгородцевъ «ханскаго запроса» т.-е. татарской дани; новгородцы отвѣчали: «того у насъ не бывало отъ начала міра, и ты, князь, цѣловалъ крестъ Новгороду по старой пошлинѣ (т.-е. обычаю) и по Ярославовымъ грамотамъ». Изъ всего этого видно, что Ярославовы грамоты имѣли чисто финансовое содержаніе, давали новгородцамъ льготы въ платежахъ, не то, что ограничивали, а регулировали княжескіе поборы и отмѣняли развѣ только кіевскую дань. Придавать имъ большее значеніе мы не имѣемъ права. Да и было бы вообще странно рисовать себѣ картину происхожденія самостоятельныхъ политическихъ правъ новгородцевъ, ограничивавшихъ власть князя, на фонѣ сентиментальной благодарности Ярослава, добровольно отказавшагося будто бы отъ верховныхъ правъ. Несомнѣнно, и финансовыя уступки были слѣдствіемъ договора Ярослава съ новгородцами, договора,—на который Ярославъ былъ вынужденъ согласиться вслѣдствіе своего труднаго положенія во время борьбы со старшимъ братомъ и отказаться отъ котораго впослѣдствіи этотъ князь, не даромъ прозванный Мудрымъ, не считалъ благоразумнымъ.

Изслѣдователи обыкновенно думаютъ, что въ 1126 г. введено было серьезное ограниченіе княжеской власти: посадникъ, до тѣхъ поръ всегда назначавшійся княземъ, сталъ выбираться на вѣчѣ. Но лѣтопись говоритъ о выборѣ Мирослава въ 1126 г., не придавая этому особаго значенія, какъ о явленіи обычномъ; притомъ же есть слѣды существованія еще во второмъ десятилѣтіи XII вѣка въ Новгородѣ одновременно двухъ посадниковъ: одинъ, несомнѣнно, назначался княземъ, другой ужъ тогда могъ быть выборнымъ. Какъ бы то ни было, когда бы посадникъ ни сталъ выборнымъ, понятно само собой, что этотъ его выборный характеръ сдѣлалъ его независимымъ отъ князя и тѣмъ ограничилъ княжескую власть.

Дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи сдѣланы были въ княженіе Всеволода Мстиславича, приблизительно въ 1135 г. Прежде

всего Всеволодъ отказался отъ права торговаго суда, который сосредоточился теперь въ рукахъ пяти старостъ иванскаго купечества,—трехъ отъ житыхъ людей и двухъ отъ купцовъ,—подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго; князь удовольствовался полученіемъ опредѣленной денежной суммы,—25-ти гривенъ серебра. До насъ, какъ извѣстно, дошелъ и текстъ документа, внесшаго такое важное ограниченіе княжеской власти: это уже упоминавшаяся нами неоднократно уставная грамота церкви св. Ивана на Опокахъ. Но еще важнѣе другой новый фактъ, случившійся также въ княженіе Всеволода: этотъ князь былъ изгнанъ новгородцами, и фактъ изгнанія создалъ прецедентъ, окончательно лишившій новгородскаго князя верховной власти. Этимъ фактомъ вѣче было поставлено выше князя, вѣчу стало потомъ принадлежать право выбора и изгнанія князей, оно сдѣлалось такимъ образомъ постепенно единственнымъ носителемъ суверенитета.

Тѣмъ не менѣе за княземъ въ теченіе всего XII вѣка оставались еще важныя права: право проѣзжаго суда, т.-е. рѣшенія всѣхъ судебныхъ дѣлъ при объѣздѣ волости помимо всѣхъ областныхъ судей и безъ всякихъ ограниченій—на основаніи презумпціи, что князь—единственный самостоятельный органъ судебной власти; затѣмъ обширныя финансовыя права: право совершать два раза въ годъ—весной и осенью—поѣздки въ новгородскую область на полюдье, сбирать дары на себя, и право получать опредѣленную денежную сумму съ иностранныхъ купеческихъ каравановъ, прибывавшихъ въ Новгородъ.

Въ такомъ положеніи перешла власть новгородскаго князя въ XIII вѣкъ. Но процессъ ея ограниченія, разъ начавшись, уже не могъ остановиться: въ XIII вѣкѣ князь теряетъ право и проѣзжаго суда, и полюдья, и сборовъ съ иностранныхъ купцовъ. Постепенно входитъ въ обычай, чтобы князь отдавалъ на откупъ свои сборы и свой судъ, т.-е. за опредѣленную сумму отказывался отъ того и другого въ пользу Новгорода, а Новгородъ уже отъ себя отдавалъ на откупъ эти статьи дохода кому-либо изъ желавшихъ ихъ эксплуатировать въ свою пользу. Тамъ, гдѣ право полюдья сохранилось,—именно въ Заволочьѣ или Двинской землѣ,—оно было обставлено теперь особыми условіями: было опредѣлено количество лицъ, сопровождавшихъ князя, а также характеръ и направленіе пути: князь долженъ былъ ѣздить лишь на двухъ насадахъ (лодкахъ) и въ обѣ стороны черезъ Новгородъ. Наконецъ, въ 1218 г. встрѣчаемъ лѣтописное извѣстіе, что новгородскіе князья присягали не лишать должности выборныхъ новгородскихъ сановниковъ безъ суда и вины. Въ этомъ году князь заявилъ, что онъ безъ вины смѣняетъ посадника Твердислава. Вѣче на это отвѣтило: «княже, оже нѣту вины его, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тебѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ .

Изъ всего сказаннаго о перемѣнахъ, пережитыхъ княжескою властью

въ Новгородѣ въ теченіе XII и XIII вѣковъ, можно сдѣлать тотъ важный выводъ, что ограниченія княжеской власти произошли постепенно, главнымъ образомъ путемъ прецедентовъ и отдѣльныхъ уступокъ. Не одна какая-нибудь рѣзкая катастрофа, а длинный рядъ мелкихъ измѣненій и частныхъ отступленій создалъ положеніе князя въ болѣе позднее время, во второй половинѣ XIII и въ XIV вѣкѣ. Это положеніе характеризуется началомъ *договора*. До насъ дошелъ цѣлый рядъ договоровъ Новгорода съ князьями конца XII, XIV и XV вѣковъ. Руководясь ими, можно составить себѣ ясную и полную картину отношеній между княземъ и другими органами управленія въ Великомъ Новгородѣ. Къ изображенію этихъ отношеній мы теперь и переходимъ.

Изучая договоры XII и XIV вѣковъ, не трудно придти къ заключенію о той неподвижности, какой достигла въ это время княжеская власть въ Новгородѣ и которую она сохраняла за весь этотъ періодъ. Очевидно, власть князя вошла въ рамки новгородскаго строя, приспособилась къ нему, и дальше идти по пути приспособленія было некуда. Это одинаково ясно, будемъ ли мы обращать вниманіе на административное, судебное или финансовое вѣдомство князя.

Въ административномъ отношеніи князь прежде всего обязывался держать новгородскія волости не своими, а новгородскими мужами. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила является право князя назначать своего тіуна въ одной половинѣ Торжка и Волока Ламскаго. Это условіе часто спеціализируется въ договорахъ по отношенію къ отдѣльнымъ новгородскимъ областямъ; напр.: «а за Волокъ (т.-е. въ Заволочье, Двинскую землю) ти, княже, своего мужа не слати, слати новгородца», причемъ иногда прибавляется: «а тобѣ серебро емати»; или: «въ Вологдѣ тіуна не держати». Иногда то же обязательство держать новгородскія области новгородскими мужами осложняется еще оговоркой: «продаяти ти дань своя новгородцу». Очень часто встрѣчаемъ важную прибавку: «какъ пошло по новгородской пошлинѣ», т. е. по обычаю. Второе условіе, ограничивавшее административную власть князя, состояло въ томъ, что онъ обязывался безъ вины мужа волости не лишать. Это условіе еще больше связывало князя, чѣмъ первое: понятіе вины—относительно, и каждый можетъ толковать его по своему; но не князю принадлежало право судить о томъ, была ли вина у того или иного должностнаго лица: это было дѣломъ вѣча, какъ о томъ убѣдительно свидѣтельствуетъ извѣстная уже намъ исторія несогласій князя Святослава съ посадникомъ Твердиславомъ въ 1218 г. Но князь XII и XIV вѣковъ не только обязанъ былъ раздавать волости въ управленіе новгородцамъ и не могъ смѣнять должностныхъ лицъ безъ признанія вины ихъ вѣчемъ,—онъ былъ стѣсненъ въ выборѣ и изъ числа новгородцевъ, не могъ единоличной своей властью назначить того, кого хотѣлъ: во всѣ договоры внесено усло-

віе—«безъ посадника тебѣ, князь, волостей не раздавать и грамотъ не давать». Здѣсь посадникъ поставленъ на одну ступень съ княземъ: оба—выборные органы вѣча, не болѣе, не могутъ другъ другу ничего предписывать, а должны дѣйствовать по обоюдному согласію, уравновѣшивать другъ друга. Наконецъ, четвертое условіе, относящееся къ дѣйствіямъ князя въ порядкѣ управленія, формулировалось такъ: «безъ новгородскаго слова войны не замышляти»; только вѣче могло объявить войну, князь является лишь его послушнымъ орудіемъ. Изъ всего этого видно, что самостоятельная административная дѣятельность князя была парализована, элементовъ верховной власти у него въ этомъ отношеніи уже не оставалось, онъ былъ исполнительнымъ, подчиненнымъ органомъ и притомъ съ довольно узкой компетенціей и съ равноправнымъ конкурентомъ въ лицѣ посадника.

Къ тому же результату приводятъ наблюденія надъ *судебной* властью князя: основное условіе здѣсь — «безъ посадника суда не судить»; участіе посадника было непремѣннымъ условіемъ законности княжескаго суда. Конечно, оно стѣсняло судейское усмотрѣніе князя, обезпечивало и на судѣ сохраненіе новгородской «пошлины», тѣхъ юридическихъ обычаевъ, которые впослѣдствіи нашли себѣ выраженіе въ такихъ памятникахъ, какъ Новгородская и Псковская судныя грамоты. Отсюда же, изъ необходимости участія посадника въ княжескомъ судѣ, вытекало и другое условіе, вносившееся въ договоры Новгорода съ «низовскими» или сѣверо-восточными князьями областей бассейна Волги и Оки съ ихъ притоками, когда эти князья признавались новгородскими князьями: «а на Низу, княже, новгородца не судити, ни даней ти раздавати, ни приставовъ въ Новгородскую землю съ Низу не всылати». Далѣе: если судъ совершился при соблюденіи этихъ основныхъ законныхъ условій, т.-е. въ Новгородѣ и съ участіемъ посадника, то князь долженъ былъ уважать chose jugée, не могъ отмѣнить прежній приговоръ: «а грамотъ ти, княже, не посуживати». У князя оставалось еще иногда право чинить проѣзжій судъ, т.-е. судить областныхъ жителей, объѣзжая волости или посылая своихъ судей. Но и въ этомъ отношеніи судебная власть князя, по договорамъ, подверглась крайнему стѣсненію: во-первыхъ, точно опредѣленъ былъ одинъ срокъ въ году для такого суда: «а куда пошло судіи твоему ѣздити по волости, ѣхати имъ межень по Петровѣ дни»; или: «а судье сласти на Петровъ день, тако пошло»; во-вторыхъ, подобно тому, какъ самъ князь въ Новгородѣ не могъ судить безъ посадника, такъ и его судьи въ новгородской области не могли судить безъ землевладѣльцевъ: старосты, холопа, рабы, половника «безъ господаря твоимъ судіямъ не судити». Опять-таки въ глазахъ новгородцевъ такое присутствіе на судѣ господаря-землевладѣльца обезпечивало безпристрастіе судей и юридическую обоснованность судебнаго рѣшенія. Наконецъ, въ-третьихъ, и тутъ выговаривалось слѣдующее

требованіе: «а за рубежъ изъ Новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити, ни судити»: внѣ Новгородской области княжескіе судьи не могли судить никого, такъ какъ этимъ нарушилось бы основное правило о присутствіи на судѣ господаря подсудимаго, и уничтожилось бы самое понятіе о новгородской автономіи. Потомъ проѣзжій судъ и совсѣмъ сталъ отдаваться на откупъ.

Всего больше князья должны были дорожить, разумѣется, своими финансовыми правами, доходами, которые они получали съ Новгорода и его владѣній. Новгородцы, конечно, не могли отказать князю въ доходахъ, такъ какъ не могли обойтись безъ князя. Но они постарались возможно болѣе ограничить и здѣсь княжескую власть. Князь сохранилъ право получать даръ съ новгородскихъ волостей. Онъ сохранялъ также и право охоты въ Русѣ и на 60 верстъ вокругъ Новгорода, но не далѣе. Въ Ладогу князь посылалъ своихъ осетрника и медовара, имѣя право тамъ ловить на себя рыбу и варить медъ. Затѣмъ онъ могъ торговать съ иноземными купцами, однако, не иначе, какъ черезъ посредство новгородскихъ купцовъ, желавшихъ, очевидно, монополизировать всю торговлю въ своихъ рукахъ. Княжескіе дворяне и тіуны имѣли право брать во время проѣзда по Новгородской землѣ погонъ и повозы только въ размѣрахъ, установленныхъ обычаемъ. Къ условіямъ, ограничивающимъ финансовыя права князя и его слугъ, слѣдуетъ еще причислить обязательство князя и его бояръ и дворянъ не пріобрѣтать селъ, слободъ, холоповъ и закладней въ Новгородской землѣ. Если бы это условіе не вносилось въ договоры съ князьями, то князь, особенно, если онъ былъ богатъ, легко могъ бы сдѣлаться крупнымъ новгородскимъ землевладѣльцемъ, путемъ имущественныхъ, владѣльческихъ отношеній привязать къ себѣ значительную часть населенія своихъ вотчинъ и такимъ образомъ усилить свою власть. Совершенно естественно поэтому стремленіе новгородцевъ связать князя и въ этомъ отношеніи. Новгородъ предоставлялъ князю пользоваться только такъ называемыми «княжчинами», т.-е. имѣніями, спеціально назначенными въ пользованіе князю.

Представленный очеркъ административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ правъ новгородскаго князя въ XIII и XIV вѣкахъ, по договорамъ князей съ Новгородомъ, свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ отношеніяхъ князь утратилъ тѣ прерогативы, которыя давали ему прежде право на участіе въ верховной власти. Изъ обладателя этой власти, только дѣлившаго ее съ вѣчемъ, князь сдѣлался простымъ наемнымъ новгородскимъ слугой. Онъ необходимъ былъ въ Новгородѣ лишь въ качествѣ военачальника, защитника отъ внѣшнихъ враговъ. Право предводительствовать надъ новгородскимъ войскомъ—вотъ что сохранилъ князь неприкосновеннымъ изъ старины, да и тутъ его нерѣдко сопровождалъ посадникъ. Притомъ же это право было скорѣе обязанностью, видомъ службы князя Новгороду, его повинностью, за

исполненіе которой Новгородъ и поступался въ пользу князя нѣкоторыми доходами.

Таково же было положеніе и псковскаго князя. Князь въ Псковѣ былъ простой слуга вѣча, судилъ лишь съ участіемъ госпóды, получалъ довольно ограниченные доходы, слагавшіеся изъ дани со смердовъ и судебныхъ пошлинъ, назначался вѣчемъ въ посольства для переговоровъ съ иностранными державами и, наконецъ, обязанъ былъ начальствовать надъ войскомъ и руководить военными операціями. Псковскій лѣтописецъ XV вѣка очень удачно называетъ его «воеводою, княземъ кормленымъ, о которомъ было псковичамъ стояти и боронитися».

Но таково было положеніе княжеской власти въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода лишь до тѣхъ поръ, пока московскіе великіе князья, усилившись благодаря успѣхамъ въ процессѣ собиранія Руси, не сдѣлались, по общему правилу, и князьями Новгорода и Пскова. Когда это случилось, положеніе княжеской власти въ вольныхъ городахъ существенно измѣнилось. Однимъ изъ основныхъ политическихъ правъ вѣча было, какъ извѣстно, право свободнаго выбора князя. Вѣче не было въ этомъ отношеніи ничѣмъ ограничено, не было стѣснено никакими условіями. Но на дѣлѣ княжескій столъ въ Новгородѣ занималъ обыкновенно такой князь, выборъ котораго сулилъ Новгороду особенно много выгодъ. Такимъ княземъ былъ, конечно, великій князь всея Руси, потому что онъ былъ самымъ сильнымъ русскимъ княземъ и, опираясь на татаръ, имѣлъ возможность причинить своимъ врагамъ много вреда. Въ интересахъ новгородцевъ было не ссориться съ такимъ могущественнымъ лицомъ, которое было въ состояніи нанести труднопоправимый вредъ ихъ коммерческимъ предпріятіямъ и всего лучше могло защитить отъ внѣшнихъ нападеній и даже отъ татарскихъ покушеній. Вотъ почему довольно рано у новгородцевъ вошло въ обычай выбирать своимъ княземъ того, кто занималъ великокняжескій столъ всея Руси. Еще въ третьемъ договорѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, заключенномъ въ 1307 — 1308 г., находимъ условіе, что Михаилъ будетъ княземъ въ Новгородѣ только въ томъ случаѣ, если будетъ утвержденъ въ Ордѣ, какъ великій князь. Вотъ почему, когда возвысились московскіе князья и стали неизмѣнными обладателями великокняжескаго стола, то и княземъ въ Новгородѣ сталъ всегда великій князь московскій. Чувствуя свою силу, московскіе великіе князья стали вносить въ договоры свои съ Новгородомъ условія, прежде небывалыя. Этихъ условій въ XV вѣкѣ было три: одно касалось внѣшнихъ сношеній, другое отношеній новгородскаго владыки къ митрополиту московскому, третье — суда.

Въ договорахъ великаго князя Ивана III и его сына Ивана съ Новгородомъ 1471 года всѣ эти условія формулированы весьма ясно и точно, къ большой невыгодѣ для Новгорода. «Быти намъ отъ васъ,

великихъ князей, неотступнымъ ни къ кому»; это первое условіе специализируется еще оговоркой, что новгородцы обязуются не признавать власти польскаго короля и не принимать къ себѣ князей Ивана можайскаго, Ивана Шемячича, Василія Ярославича, бѣжавшихъ въ то время въ Литву. Изложенное обязательство новгородцевъ включено было въ договоръ, очевидно, подъ вліяніемъ недавней попытки ихъ отдаться подъ власть Казимира. Такое же практическое происхожденіе нужно приписать и второму условію: владыку избирать по старинѣ, а посвящается владыка митрополитомъ въ Москвѣ, причемъ великій князь и митрополитъ имѣютъ право брать съ владыки пошлины по старинѣ. Это второе обязательство—слѣдствіе попытки новгородцевъ въ XIV в. добиться церковной самостоятельности, автокефальности; мы еще будемъ имѣть случай познакомиться ближе съ этой попыткой. Было внесено, наконецъ, и условіе о судѣ, точнѣе—нѣсколько условій: во-первыхъ, въ договорѣ 1471 г. читаемъ: «повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ,—отъ великихъ князей бояринъ судьею, а отъ Великаго Новгорода бояринъ: судити имъ князей великихъ человѣка съ новгородцемъ, а судити имъ, какъ право, по крестному цѣлованію». Это, очевидно, такъ называемый смѣстный судъ, т.-е. судъ между людьми разныхъ юрисдикцій; второе судебное обязательство новгородцевъ—суда у великихъ князей намѣстниковъ не отнимать и «вѣчнымъ грамотамъ не быти», т.-е. вѣче не имѣетъ права узурпировать судебную власть великокняжескаго намѣстника: наконецъ, третье условіе, относящееся къ суду,—а сотскимъ и рядовичамъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ». Сотскіе судили, какъ увидимъ въ свое время, въ сотняхъ, топографическихъ дѣленіяхъ Новгорода какъ города, а рядовичи судьи въ рядкахъ. Очевидно, раньше судебный иммунитетъ сотенъ и рядковъ былъ явленіемъ безспорнымъ. Теперь онъ былъ уничтоженъ.

Таковы были особенныя условія, выговоренныя Иваномъ III у Новгорода во второй половинѣ XV вѣка. Не трудно видѣть, что всѣ эти условія во многомъ возвращали новгородскому князю, какимъ былъ въ это время великій князь московскій, положеніе государя, участника верховной власти, если не ея исключительнаго обладателя. Нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ по этой дорогѣ, и Новгородъ, какъ государь, какъ самостоятельная вольная община, долженъ былъ прекратить свое существованіе.

Мы познакомились такимъ образомъ съ тремя основными моментами въ развитіи власти новгородскаго князя: сначала онъ былъ военнымъ охранителемъ и судебнымъ посредникомъ, за что́ и получалъ кормъ отъ Новгорода; потомъ онъ сталъ просто наемнымъ военачальникомъ, ограниченнымъ въ своей власти и въ военномъ отношеніи и почти безъ всякаго вліянія на остальныя отрасли управленія, во всякомъ случаѣ безъ доли въ верховной власти; наконецъ, въ XV в

князь снова усиливается. Чтобы заключить рѣчь о князѣ, надо познакомиться съ положеніемъ особаго рода князей въ Новгородѣ, такъ называемыхъ служебныхъ князей. Знакомство съ ними покажетъ намъ, куда пришла бы въ конечномъ результатѣ княжеская власть въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, если бы ея развитіе было предоставлено ея естественному теченію, безъ воздѣйствія на это развитіе элементовъ постороннихъ въ родѣ московскаго вліянія.

Въ періодъ своего расцвѣта Новгородъ, кромѣ главнаго князя, сидѣвшаго въ столицѣ, принималъ къ себѣ на службу еще другихъ, выходцевъ изъ сѣверо-восточной и западной Руси. Таковы были, напр., западно-русскій князь Патрикій Наримунтовичъ, внукъ Гедимина, Юрій Святославичъ смоленскій и другіе. Положеніе этихъ князей характеризовалось тѣмъ, что очень рѣдко достояніемъ ихъ былъ судъ, большею же частью они призывались лишь для военной защиты, а для гражданскаго управленія существовали въ областяхъ, отданныхъ въ кормленіе служебнымъ князьямъ, посадники, назначавшіеся изъ Новгорода. Князь обыкновенно получалъ въ кормленіе одинъ или два новгородскихъ пригорода, но иногда и больше: Юрій Святославичъ въ 1404 г. получилъ цѣлыхъ 13. Служебный князь получалъ въ награду за военную защиту области коробейщину, т.-е. хлѣбъ натурой, и деньги и подлежалъ суду и наказанію новгородскаго вѣча, которое было высшей инстанціей для жителей подчиненныхъ такому князю пригородовъ. Выражаясь позднѣйшимъ московскимъ языкомъ, можно сказать, что служебный князь былъ служилымъ человѣкомъ Великаго Новгорода, обязаннымъ военной службой за временное пользованіе землей и получавшимъ за это жалованье—денежное и хлѣбное, точь-въ-точь какъ позднѣйшіе московскіе помѣщики. Сходство увеличивается еще тѣмъ, что это временное владѣніе было очень непрочнымъ: верховный распорядитель земли—вѣче, какъ въ Москвѣ государь, могло всегда взять обратно данное въ пользованіе владѣніе, не особенно стѣсняясь мотивами такого поступка. Наконецъ, какъ помѣщики въ Московской Руси разоряли свои земли, такъ и служебные князья были бичомъ для своихъ областей: и тѣ и другіе знали о временномъ и условномъ характерѣ своего владѣнія и, со дня на день ожидая лишенія того, чѣмъ пользовались, спѣшили нагрѣть себѣ руки, насколько то было возможно.

Не рискуя впасть въ ошибку, можно утверждать, что, если бы новгородскій строй шелъ въ своемъ развитіи все время по тому направленію, которое окончательно установилось съ половины XIII в., т.-е. если бы онъ не встрѣтился и не столкнулся съ Москвой,—князь въ Новгородѣ сдѣлался бы именно такимъ служилымъ помѣщикомъ, къ положенію котораго онъ и такъ уже былъ очень близокъ во второй половинѣ XIII и во все теченіе XIV вѣка.

Уяснивъ себѣ значеніе и взаимныя отношенія трехъ основныхъ политическихъ силъ, существовавшихъ въ вольныхъ городскихъ общи-

нахъ удѣльной Руси,—вѣча, правительственнаго совѣта и князя,—мы должны теперь перейти къ органамъ выборной администраціи. Важнѣйшимъ изъ этихъ органовъ былъ посадникъ,—одинъ въ Новгородѣ и два въ Псковѣ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время. Посадники выбирались вѣчемъ непремѣнно изъ бояръ и притомъ на неопредѣленный срокъ,—до тѣхъ поръ, пока не нарушалось довѣріе къ нимъ вѣча. Это дѣлало, конечно, посадничью должность очень чуткой къ перипетіямъ политической борьбы, производило весьма частую смѣну посадниковъ. Такая частая смѣна, вѣроятно, и ввела француза Ляннуа, бывшаго въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ, въ ошибку: онъ увѣряетъ, что новгородскій посадникъ выбирался на годъ. По лѣтописямъ видно, что посадники оставались въ должности и по нѣсколько мѣсяцевъ, и по году, и по два, и даже иногда очень долго: такъ, Мирошка Нездиничъ былъ посадникомъ съ 1189 по 1203 г., а Степанъ Твердиславичъ въ половинѣ XIII вѣка посадничалъ 13 лѣтъ. Но причина замѣны одного посадника другимъ коренилась не всегда въ борьбѣ политическихъ партій и въ побѣдѣ одной изъ нихъ надъ другою: иногда одинъ боярин уступалъ посадничество другому, принадлежавшему къ той же партіи, по совершенно особому поводу, именно потому, что этотъ послѣдній былъ старше его въ извѣстной партіи, старше не по возрасту, а, такъ сказать, по наслѣдственному служебному положенію или «по отечеству», какъ слѣдовало бы выразиться на московскомъ мѣстническомъ языкѣ. Такъ, въ 1211 г. Твердиславъ Михалковичъ уступилъ посадничество Дмитру Якуничу «старѣйшему себя», потому что отецъ Дмитра Якунъ былъ посадникомъ гораздо раньше, нежели отецъ Твердислава Михалко.

По своей компетенціи посадникъ былъ чисто исполнительнымъ органомъ вѣча и совѣта. Посадникъ прежде всего былъ представителемъ народной воли и власти во всѣхъ судебныхъ, административныхъ и военныхъ дѣйствіяхъ князя: во всѣхъ договорахъ съ князьями встрѣчаемъ условіе, которымъ князь обязывался не чинить суда безъ посадника; посадникъ же участвовалъ и въ назначеніи княземъ областныхъ правителей изъ числа новгородскихъ бояръ; нерѣдко также посадникъ сопровождалъ князя въ военныхъ походахъ. Итакъ, первая отрасль вѣдѣнія посадника заключалась въ его ограничительной дѣятельности по отношенію къ князю, въ чемъ-то подобномъ римской intercessio, свойственной каждому изъ двухъ консуловъ. Но вѣдомство посадника было шире этой сферы дѣятельности совмѣстной съ княземъ: посаднику принадлежало еще право предсѣдательствовать на вѣчѣ, гдѣ онъ помѣщался на вѣчевой степени, отчего и именовался степеннымъ посадникомъ въ отличіе отъ посадниковъ старыхъ, уже отбывшихъ свой чередъ исправленія этой важной должности. Кромѣ того посадникъ былъ непремѣннымъ членомъ правительственнаго совѣта и распоряжался о его созывѣ. Руководящее участіе въ высшихъ нов-

городскихъ учрежденіяхъ—вѣчѣ и совѣтѣ—является, слѣдовательно, второй отраслью компетенціи посадника. Наконецъ, была еще третья сфера, въ которой посадникъ имѣлъ первостепенное значеніе,—сфера военныхъ и дипломатическихъ дѣлъ. Когда князя въ Новгородѣ или Псковѣ не было, посадникъ усваивалъ себѣ княжеское право предводительствовать войскомъ: такъ въ 1167 г. Якунъ отправился походомъ на Русу, гдѣ засѣлъ враждебный Новгороду князь Святославъ; въ 1169 г. тотъ же Якунъ защищалъ Новгородъ отъ нашествія полчищъ, посланныхъ Андреемъ Боголюбскимъ; въ 1270 г. Павша предводительствовалъ войскомъ, отправленнымъ противъ Ярослава Ярославича тверского. Это—примѣры военной власти посадниковъ, а вотъ нѣсколько случаевъ, когда посадники ставились во главѣ посольствъ: въ 1215 г. для призыва князя были посланы посадникъ, тысяцкій и 10 старѣйшихъ купцовъ; въ переговорахъ 1471 года съ Иваномъ III степенный посадникъ также игралъ видную роль.

Нѣсколько ниже посадника стоялъ другой органъ новгородской выборной администраціи, *тысяцкій*. Въ Псковѣ ему соотвѣтствовалъ, вѣроятно, другой посадникъ. Тысяцкій выбирался вѣчемъ изъ бояръ и на такой же неопредѣленный срокъ, какъ и посадникъ. Подобно посаднику, тысяцкій участвовалъ въ вѣчѣ и въ правительственномъ совѣтѣ и, какъ видно изъ только что приведеннаго свидѣтельства лѣтописи о посольствѣ 1215 г., тысяцкіе играли роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ Новгорода съ князьями и сосѣдями. Но у тысяцкаго были и свои спеціальныя обязанности, весьма притомъ важныя: прежде всего тысяцкій, какъ это намъ извѣстно уже изъ исторіи кіевской Руси, былъ начальникомъ тысячи, т.-е. новгородскаго городского военнаго ополченія. Когда начиналась война, общее предводительство войскомъ принадлежало новгородскому князю, при которомъ находился и посадникъ, за отсутствіемъ князя самъ становившійся главнокомандующимъ; князь же сохранялъ за собой и право непосредственнаго предводительства своей дружиной. Второй элементъ новгородскаго войска составлялъ владычень стягъ или полкъ, находившійся подъ начальствомъ подчиненнаго главнокомандующему—князю или посаднику—владычня боярина. Третьимъ элементомъ было новгородское народное ополченіе, которымъ руководилъ тысяцкій, подчиненный также, разумѣется, главному начальнику арміи. Еще важнѣе были судебныя обязанности тысяцкаго, начало развитія которыхъ относится ко второй четверти XII вѣка, а завершилось это развитіе во второй половинѣ XIII столѣтія. Въ 1135 г. новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ, какъ намъ уже извѣстно, былъ вынужденъ уступить Новгороду право торговаго суда; судъ по торговымъ дѣламъ былъ переданъ общинѣ купцовъ, учрежденной при церкви св. Ивана на Опокахъ; коммерческія тяжбы стали разбираться коллегіей изъ трехъ старостъ отъ житыхъ людей, двухъ отъ купцовъ и предсѣдателя-тысяц-

каго, который, по словамъ грамоты, являлся представителемъ черныхъ людей,—разумѣется, въ томъ смыслѣ, что выбирался вѣчемъ, а не сословной группой, какъ житьи и купеческіе старосты. По договору 1270 г. между Новгородомъ и ганзейскими городами, тысяцкій сдѣлался предсѣдателемъ суда, разбиравшаго всѣ дѣла безъ различія между новгородцами и нѣмецкимъ купечествомъ; въ этомъ судѣ подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго засѣдали новгородскіе купеческіе старосты и два нѣмецкихъ альдермена.

За исполненіе судебныхъ функцій посадникъ и тысяцкій получали судебныя пошлины, но, кромѣ того, существовалъ еще особый прямой сборъ въ пользу этихъ органовъ новгородской выборной администраціи, налагавшійся на все черное населеніе новгородскихъ областей. Сборъ этотъ носилъ названіе поральской бѣлки или поралья посадника и тысяцкаго. По нѣкоторымъ актамъ, онъ равнялся 1 алтыну съ сохи.

Великій Новгородъ, какъ извѣстно, дѣлился на двѣ стороны,—Софійскую по лѣвому берегу Волхова и Торговую по правому его берегу. На Софійской сторонѣ было три конца: Неревскій, Загородный и Людинъ или Гончарскій, на Торговой два конца: Плотницкій и Славянскій. Концы дѣлились на сотни, а сотни на улицы. Такое же дѣленіе на концы, сотни и улицы существовало и въ Псковѣ. Что такое были конецъ, сотня и улица? Представляли ли они изъ себя простыя топографическія дѣленія или въ основу ихъ положена была юридическая связь? Всѣ изслѣдователи признаютъ несомнѣнной юридическую связь, и нельзя не признать этой связи, потому что факты слишкомъ громко говорятъ за ея существованіе. Разногласіе начинается лишь при опредѣленіи основы этой юридической связи: по мнѣнію однихъ, въ основѣ концовъ лежало кровное начало, единство происхожденія; другіе приписываютъ концамъ и улицамъ политическое происхожденіе; по взгляду третьихъ, это—хозяйственные организмы. Совершенно несостоятельнымъ надо признать второе мнѣніе, потому что оно сводится къ мысли, будто концы были созданы правительствомъ путемъ введенія круговой поруки для доставленія преступниковъ на судъ, а мы уже видѣли въ исторіи кіевской Руси, насколько невѣроятнымъ представляется такое предположеніе по отношенію къ верви. То же приходится повторить и въ данномъ случаѣ. Что касается кровной связи, то, если можно и даже должно предполагать ея наличность въ древнѣйшее время, то во всякомъ случаѣ не приходится распространять это предположеніе на время съ XIII вѣка. Въ столь позднюю эпоху первоначальная кровная основа, несомнѣнно, осложнилась уже другими примѣсями, между которыми главное значеніе принадлежало хозяйственнымъ явленіямъ, различію занятій, промысловъ и торговли. Многіе признаки указываютъ на эту экономическую по преимуществу основу дѣленія Новгорода и Пскова на мелкіе топографическіе союзы. Прежде всего на это указываютъ названія нѣкоторыхъ концовъ, напр., Плот-

ницкій, Гончарскій: очевидно, здѣсь были жилища ремесленниковъ,—плотниковъ и гончаровъ. Затѣмъ сотни въ Новгородѣ и Псковѣ соотвѣтствуютъ московскимъ чернымъ сотнямъ, которыя были, какъ извѣстно, ремесленными корпораціями. Далѣе: при изученіи политической борьбы мы увидимъ, что три софійскихъ конца и улицы, въ нихъ находившіяся, имѣли демократическій, ремесленный характеръ, а два остальныхъ были аристократическими, населенными крупными капиталистами. Наконецъ, недавно издана любопытная книга—донесеніе шведскаго военнаго агента въ Москвѣ въ 70-хъ годахъ XVII вѣка Эрика Пальмквиста своему правительству; изъ этой книги видно, что еще въ концѣ XVII вѣка въ Новгородѣ населеніе Софійской стороны состояло изъ ремесленниковъ, тогда какъ на Торговой сторонѣ жили бояре и купцы. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ изучаемое время при дѣленіи Новгорода на мелкіе союзы главное значеніе принадлежало экономическому принципу. Этимъ вполнѣ удовлетворительно объясняются и всѣ особенности во внутреннемъ устройствѣ концовъ, сотенъ и улицъ.

Во главѣ конца стоялъ кончанскій староста, выбиравшійся кончанскимъ вѣчемъ непремѣнно изъ бояръ конца. Староста въ своемъ концѣ игралъ такую же роль, какую посадникъ въ городѣ. Весьма возможно, что старостѣ подсудны были всѣ члены конца въ ихъ дѣлахъ между собою. Кончанскіе старосты выдавали, по рѣшенію кончанскаго вѣча, грамоты съ печатями: такова, напр., грамота Славянскаго конца св. Зосимѣ или грамота 1477 года Троицкому-Сергіеву монастырю. Вообще вся исполнительная дѣятельность—дѣло кончанскаго старосты. Кромѣ старостъ, важное значеніе имѣли еще посылаемые временами депутаты отъ концовъ, напр., для участія въ посольствахъ. Концы строили укрѣпленія, заготовляли военные снаряды, набирали и снаряжали войско, заботились о благосостояніи города. Далѣе: концы имѣли очень важное значеніе въ судебномъ отношеніи: они представляли на судъ по два боярина и по два житьяго, если кто-либо изъ членовъ конца являлся истцомъ или отвѣтчикомъ,—для защиты его интересовъ; на высшемъ судѣ—«у докладу во владычнѣ комнатѣ» присутствовали въ качествѣ засѣдателей по боярину да по житьему отъ конца; кончане обязаны были ставить къ суду преступниковъ—своихъ людей, т.-е. холоповъ и крестьянъ, жившихъ на кончанскихъ земляхъ. Изъ этого уже видно, что у концовъ были свои земли и свои люди. Это приводитъ насъ къ обсужденію одного спорнаго вопроса въ исторіи новгородскихъ концовъ, именно вопроса объ ихъ отношеніи къ новгородскимъ областямъ или пятинамъ. Въ сочиненіи извѣстнаго барона Герберштейна, посла германскаго императора, бывшаго въ Москвѣ въ 1526 г., читаемъ слѣдующее любопытное извѣстіе о Новгородѣ: «у этой общины во время ея процвѣтанія и самостоятельности обширнѣйшая ея волость (ditio) была раздѣлена на пять частей, изъ которыхъ не только каждая часть обращалась къ обычному и соотвѣтственному

должностному лицу своей части при изслѣдованіи общественныхъ и частныхъ дѣлъ, но и каждый гражданинъ могъ въ своей только области общины улаживать и надлежащимъ образомъ порѣшать дѣла съ другими согражданами: никому нельзя было апеллировать ни въ какомъ дѣлѣ къ какому-либо другому должностному лицу той же самой общины». Объясняя это свидѣтельство Герберштейна, изслѣдователи раздѣлились на двѣ группы: одни утверждаютъ, что Герберштейнъ говоритъ только о концахъ, т.-е. что подъ «частями общины» надо разумѣть концы; по мнѣнію другихъ, «части общины»—это пятины. Но мы уже знаемъ, что у концовъ были земли въ пятинахъ. Съ другой стороны, ditio—значитъ «волость», а такъ называться можетъ только новгородская область, а не городъ. Наконецъ, извѣстно, что въ Псковѣ концы имѣли въ своемъ вѣдѣніи части псковской области. Итакъ, кончанское управленіе имѣло въ значительной степени областной характеръ.

Болѣе мелкимъ, нежели концы, дѣленіемъ были сотни. Сотенъ въ Новгородѣ было десять, столько же, вѣроятно, и въ Псковѣ. Во главѣ сотенъ стояли выбиравшіеся изъ бояръ сотскіе. Въ Псковѣ сотскіе участвовали въ судѣ, составляя вмѣстѣ съ княземъ и посадниками «господу». И новгородскіе сотскіе пользовались судебной властью. Сотскіе были, кромѣ того, предводителями военнаго ополченія сотни. Они вѣдали также торговую полицію, наблюдали за мѣрами и вѣсомъ. Наконецъ, сотскимъ же принадлежала обязанность мостить улицы, какъ указываетъ извѣстный «уставъ Ярослава о мостахъ», изданный въ 1265 году. Въ свое время было уже сказано, что сотскіе были членами правительственнаго совѣта.

Наконецъ, самымъ мелкимъ топографическимъ дѣленіемъ были улицы. Во главѣ улицы стоялъ уличанскій староста, выбиравшійся уличанами изъ бояръ и, повидимому, судившій уличанъ по дѣламъ, возникавшимъ между ними. Мы вообще мало знаемъ о внутреннемъ устройствѣ уличанскаго управленія и о значеніи улицы, какъ юридическаго цѣлаго. Извѣстно только, что уличане пользовались правомъ судебной защиты со стороны своихъ сочленовъ: именно уличане посылали на судъ, гдѣ разбиралось дѣло ихъ сочлена, двухъ представителей - защитниковъ или «ятцевъ».

Кромѣ всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ, въ Новгородѣ и Псковѣ существовалъ еще рядъ чиновниковъ съ исполнительной властью, выбиравшихся вѣчемъ. Таковы были биричи и подвойскіе, посылавшіеся для объявленія чего-либо народу, напр., для созыва на вѣчевую сходку; пристава, вызывавшіе тяжущихся, производившіе слѣдствіе, ставившіе отвѣтчика на судъ, исполнявшіе судебныя рѣшенія; подверники, наблюдавшіе за соблюденіемъ порядка на судѣ; извѣстный уже намъ «вѣчный» или городской дьякъ, вѣдавшій вѣчевое дѣлопроизводство, и т. д.

То, что̀ было сказано выше объ отношеніяхъ концовъ къ пятинамъ, вводитъ насъ уже въ сферу областного управленія. Въ земляхъ, подчиненныхъ Новгороду, слѣдуетъ различать нѣсколько, отчасти уже намъ извѣстныхъ по исторіи колонизаціи, составныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый пользовался особыми правами и находился въ особыхъ отношеніяхъ къ главному городу. Прежде всего необходимо выдѣлить пригороды. Происхожденіе части новгородскихъ пригородовъ относится къ довольно позднему времени и можетъ быть прослѣжено по лѣтописямъ. Таково, напр., происхожденіе города Корелы и ряда пригородовъ Пскова. Другіе пригороды, какъ Руса, Ладога, Псковъ, существовали издавна, даже еще до призванія князей. Пригороды, какъ можно видѣть по ихъ расположенію на главныхъ рѣчныхъ системахъ страны и по укрѣпленіямъ, которыя въ нихъ сооружались, возникли подъ вліяніемъ двоякаго рода интересовъ,—военныхъ и хозяйственныхъ. Пригороды были торговыми и промышленными центрами извѣстной мѣстности и особенно развивались тамъ, гдѣ или существовали особые промыслы, или проходили торговые пути: такъ, Ладога, находившаяся у устья Волхова, при впаденіи его въ Ладожское озеро, была ключомъ всего торговаго волховскаго пути, наиболѣе оживленнаго во всей Новгородской области; Орѣшекъ лежалъ у истоковъ Невы и, слѣдовательно, господствовалъ надъ выходомъ изъ этой рѣки въ Ладожское озеро, запиралъ этотъ выходъ; Яма лежала по лужскому торговому пути, Порховъ по шелонскому; Руса была центромъ обширнаго солеваренаго района и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что къ каждому пригороду была приписана извѣстная волость, часть новгородской территоріи: это видно изъ того, что такую волость имѣлъ Псковъ, бывшій сначала пригородомъ Новгорода, а также изъ того, что, когда новгородцы давали князьямъ въ кормленіе какіе-либо пригороды, то вмѣстѣ съ ними князья получали и извѣстныя области въ такое же кормленіе. Пригорожане, несомнѣнно, собирались на вѣча для рѣшенія своихъ частныхъ дѣлъ, но вѣча эти подчинялись рѣшеніямъ вѣча старшаго города по извѣстному правилу: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Администрація пригородовъ находилась въ рукахъ посадниковъ, посылаемыхъ по соглашенію князя съ посадникомъ изъ числа новгородскихъ бояръ, или въ рукахъ князей, получавшихъ пригороды въ кормленіе.

Наиболѣе крупнымъ дѣленіемъ территоріи, подчиненной Великому Новгороду, были пятины—Вотская, Обонежская, Деревская, Бѣжецкая и Шелонская. Относительно пятинъ въ ученой литературѣ существуетъ споръ, сводящійся въ сущности къ простому терминологическому разногласію. Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ, что терминъ «пятина» встрѣчается впервые лишь въ концѣ XV вѣка, и что поэтому дѣленіе на пятины надо признать позднѣйшимъ, московскимъ, установленнымъ великимъ княземъ Иваномъ III только въ 1478 г. и раньше не суще-

ствовавшимъ. Но другіе отмѣчаютъ въ противовѣсъ этому, что лѣтописи рано упоминаютъ о Води или Вожанахъ, о Деревѣ, Бѣжицѣ, Обонежьѣ, что еще въ уставѣ князя Святослава Ольговича въ 1137 г. упоминаются Обонежскій и Бѣжецкій ряды. Вообще, не придавая большого значенія термину «пятина», можно признать, что дѣленіе собственно новгородской земли на пять большихъ частей было древнимъ, и, какъ мы уже видѣли, есть основаніе сближать это дѣленіе съ пятью новгородскими концами, ставить пятины въ извѣстную административно-судебную зависимость отъ кончанскаго управленія.

Болѣе мелкимъ, чѣмъ пятины, территоріальнымъ дѣленіемъ являются погосты, которыхъ во всѣхъ пятинахъ было до 340. Погосты имѣли административное значеніе, были мелкими крестьянскими областными дѣленіями, во главѣ которыхъ стояли выборные старосты, раскладывавшіе и собиравшіе налоги и вѣдавшіе полицію. Новгородскимъ погостамъ соотвѣтствовали псковскія волости или губы, во главѣ которыхъ стояли губскіе или волостные старосты. Существовали еще перевары, которыя обыкновенно, безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній, считаются рыболовными округами. Повидимому, перевара было лишь другое названіе для погоста или губы.

Остается разсмотрѣть характеръ новгородскаго областного управленія въ другихъ владѣніяхъ Великаго Новгорода, кромѣ новгородскихъ пятинъ. Этими владѣніями Новгородъ управлялъ не такъ, какъ пятинами, и даже далеко не всѣ эти владѣнія управлялись одинаково. Первый, наиболѣе важный элементъ новгородскихъ владѣній внѣ пятинъ составляла Двинская земля или Заволочье. На основаніи нѣкоторыхъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій можно сдѣлать выводъ, что первоначально управленіе этой областью носило военный характеръ: для сбора дани туда ежегодно отправлялись вооруженные отряды новгородцевъ. Такъ, подъ 1169 г. читаемъ: «иде Даньславъ Лазутиничъ за Волокъ данникомъ съ дружиною». Но въ XIII и XIV вѣкахъ можно наблюдать уже совершенно иные порядки, усиленіе связи Двинской земли съ Новгородомъ. Въ Двинской землѣ появляются два назначаемыхъ изъ Новгорода посадника, подобно тому, какъ посадники же были въ новгородскихъ пригородахъ. Посадники жили въ Холмогорахъ, и одинъ изъ нихъ, кажется, имѣлъ такое же значеніе, какъ въ Новгородѣ тысяцкій. Мѣстные интересы на судѣ представлялъ выборный изъ двинянъ сотскій, одинъ на всю Двинскую землю, а въ финансовыхъ дѣлахъ такими же представителями мѣстныхъ интересовъ были старосты отдѣльныхъ волостей. Всѣ остальныя новгородскія владѣнія на сѣверѣ, Терскій берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печора и Югра, были все время въ томъ положеніи, въ какомъ находилось Заволочье до XIII вѣка: новгородцы собирали здѣсь вооруженной рукой дань, не имѣя постоянныхъ органовъ администраціи.

Итакъ, Новгородъ по отношенію къ областямъ, крѣпко съ нимъ

связаннымъ, обладалъ тремя важными правами: во-первыхъ, правомъ собирать дань, во-вторыхъ, правомъ призывать въ извѣстныхъ случаяхъ всѣхъ пригорожанъ и жителей волостей на судъ въ Новгородъ, въ-третьихъ, правомъ назначать въ области своихъ посадниковъ и кормленщиковъ. Эти права нерѣдко вызывали недовольство областныхъ жителей. Вотъ почему довольно часто можно прочитать въ лѣтописяхъ извѣстія о возстаніяхъ новгородскихъ областей и пригородовъ. Такъ, въ 1434 г. возстали Великіе Луки и Ржевъ, но были усмирены новгородцами. Здѣсь возстаніе вдохновлялось, главнымъ образомъ, изъ сосѣдней Литвы, такъ какъ литовскіе великіе князья желали присоединить эти пригороды къ своимъ владѣніямъ. Въ Двинской землѣ возстанія возникали подъ вліяніемъ другого сосѣда, великаго князя владимірскаго, потомъ московскаго. Такъ, Андрей Боголюбскій въ 1169 г. привлекъ двинянъ на свою сторону, хотя и ненадолго. Въ 1397 г. въ Двинской землѣ опять наблюдается попытка перемѣнить новгородскую власть на московскую; попытка эта кончилась, впрочемъ, неудачно: двиняне заплатили новгородцамъ 2 тысячи рублей и дали новгородскимъ всадникамъ 3.000 коней. Но всего важнѣе были возстанія Пскова, особенно по тѣмъ результатамъ, какіе они имѣли. Псковичи боролись съ новгородцами прежде всего за право выбирать самимъ князей. Этого права псковичи добились во второй половинѣ XIII вѣка, когда въ Псковѣ появился первый выбранный мѣстнымъ вѣчемъ князь—Довмонтъ, изъ рода Гедимина литовскаго. Новгородцы, правда, считали Довмонта и его ближайшихъ преемниковъ своими кормленщиками, но это была чистая юридическая фикція, такъ какъ на дѣлѣ выборъ и смѣна этихъ князей зависѣли уже не отъ новгородскаго вѣча, а отъ псковскаго. Съ 1322 года въ Псковѣ появляются совершенно самостоятельные князья, не признававшіе себя даже и номинально представителями Новгорода: такимъ княземъ былъ въ это время Давыдко, происходившій, какъ и Довмонтъ, изъ литовскихъ князей. Затѣмъ въ началѣ XIV вѣка въ Псковѣ появляются собственные выборные посадники на ряду съ присылавшимся изъ Новгорода. Наконецъ, всѣ эти автономистскія стремленія псковичей увѣнчались полнымъ успѣхомъ въ 1347 году, когда въ Болотовѣ былъ заключенъ между Новгородомъ и Псковомъ договоръ, условія котораго изложены въ лѣтописи слѣдующимъ образомъ: «посадникомъ новгородскимъ въ Псковѣ не сѣдѣти, ни судити, а отъ владыки судити ихъ брату псковитину, а изъ Новгорода ихъ не позывати ни дворяны, ни подвойскими, ни софіяны, ни извѣтники, ни биричи, но назваша братомъ молодшимъ Новугороду Псковъ». Такъ Псковъ освободился окончательно отъ всякаго подчиненія Новгороду. Понятенъ успѣхъ Пскова въ борьбѣ за самостоятельность: онъ былъ богаче и сильнѣе другихъ пригородовъ и потому могъ добиться своихъ цѣлей.

Теперь, когда подвергнуты обстоятельному изученію всѣ средства

новгородскаго и псковскаго управленія, можно сдѣлать общіе выводы о техническомъ уровнѣ этихъ средствъ. Прежде всего наблюдались ли нами въ вольныхъ городахъ удѣльнаго времени учрежденія съ постояннымъ составомъ, опредѣленнымъ вѣдомствомъ и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, имъ предоставленныхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что вѣче въ городахъ и пригородахъ и сходки въ погостахъ и губахъ въ отношеніи состава своего были очень несовершенными органами управленія, какъ то было и въ кіевскій періодъ. Но компетенція этихъ органовъ опредѣлилась полнѣе и стала болѣе прочной. Еще ближе къ настоящимъ, правильнымъ учрежденіямъ подходили правительственный совѣтъ, князь, посадникъ, тысяцкій и всѣ остальные органы центральнаго и областнаго управленія: они пріобрѣли опредѣленное вѣдомство, постоянный составъ, стали самостоятельны въ своей дѣятельности. Затѣмъ можно видѣть начатки отдѣленія верховнаго управленія отъ подчиненнаго: верховная власть сосредоточилась въ рукахъ вѣча и правительственнаго совѣта, которые не дѣлили ея ни съ кѣмъ. Правда, и вѣче, и совѣтъ не были чистыми носителями верховной власти, нѣкоторыя функціи ихъ, административныя и судебныя, относились уже къ сферѣ подчиненнаго управленія, но это указываетъ только на неразвитость новыхъ началъ, а не на полное ихъ отсутствіе. Можно, наконецъ, замѣтить, что слабо намѣчалось и раздѣленіе властей, по крайней мѣрѣ, отдѣлился въ высшей инстанціи судъ отъ законодательства и администраціи: учрежденіе для доклада во владычнѣ комнатѣ не сливалось ни съ вѣчемъ, ни съ совѣтомъ, ни съ органами исполнительной власти.

Такимъ образомъ, нельзя отрицать крупные успѣхи, сдѣланные новгородскимъ и псковскимъ политическимъ строемъ въ области административно-технической. Спрашивается теперь, насколько этому соотвѣтствовали понятія о цѣли государственнаго союза и о томъ, общество, какъ цѣлое, или лицо признавалось носителемъ власти, т.-е. было ли государство вольныхъ городовъ союзомъ личнаго или союзомъ общественнаго господства? И въ этомъ отношеніи государство вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси представляетъ собою высшій политическій типъ сравнительно съ кіевской Русью. Правда, уцѣлѣло еще не мало остатковъ старины, низводившихъ государство на степень союза личнаго господства, въ которомъ часто преслѣдовались интересы частной выгоды, а не общаго блага: сюда относится, напр., принципъ единогласія, необходимый для дѣйствительности вѣчевыхъ рѣшеній и приводившій на практикѣ къ междуусобію, потому что меньшинство и даже одно лицо могло остановить рѣшеніе въ личныхъ своихъ интересахъ; затѣмъ нельзя забывать, что существовало начало кормленія: были князья-кормленщики, органы судебной власти смотрѣли на судъ съ фискальной точки зрѣнія, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, доходъ отъ судебныхъ пошлинъ. Но на ряду со всѣмъ

этимъ наблюдаются явленія совершенно новыя, чуждыя кіевской старинѣ. Прежде всего является постоянный, нерушимый законъ, заступающій мѣсто стараго, колеблющагося обычая. Этотъ законъ долженъ быть постояннымъ руководителемъ властей, которыя должны были дѣйствовать, «взирая въ правду», справляясь съ закономъ. Такими общими законодательствами были Новгородская судная грамота 1471 года и Псковская судная грамота 1467 года, составившаяся изъ вѣчевыхъ рѣшеній и грамотъ двухъ псковскихъ князей, Александра Михайловича, сидѣвшаго въ Псковѣ во второй четверти XIV вѣка, и Константина Дмитріевича, который княжилъ надъ псковичами въ началѣ XV столѣтія. Затѣмъ цѣли правительственной дѣятельности въ Новгородѣ сознательно понимались, какъ стремленіе къ общему благу: такъ, военная дѣятельность князей направлена была не на расширеніе собственныхъ княжескихъ владѣній, а на защиту отъ враговъ. Наконецъ, въ слѣдствіи и судѣ власть начала выходить изъ прежняго пассивнаго состоянія и стала играть болѣе дѣятельную роль. Остановимъ прежде всего свое вниманіе на слѣдствіи и вообще до-судебныхъ дѣйствіяхъ тяжущихся сторонъ и властей. Въ этомъ отношеніи можно наблюдать установленіе довольно яснаго различія между уголовными преступленіями и гражданскими правонарушеніями. При уголовномъ преступленіи до-судебныя дѣйствія истца осложнялись прежде всего однимъ элементомъ, совершенно чуждымъ до-судебнымъ его дѣйствіямъ при гражданскомъ правонарушеніи: это — явка, т.-е. извѣщеніе суда и окольныхъ людей о совершившемся; Псковская судная грамота требуетъ, чтобы татьба и бой были явлены старостамъ, «окольнымъ сусѣдомъ» или инымъ сторонним людямъ, а если преступленіе совершилось на пиру,—пировому старостѣ и участникамъ пира. За явкой слѣдовала жалоба властямъ, чѣмъ одинаково характеризовались до-судебныя дѣйствія сторонъ и при уголовномъ преступленіи и при гражданской тяжбѣ. Впрочемъ, при убійствѣ, нѣкоторыхъ случаяхъ боя, конокрадствѣ, зажигательствѣ и кражѣ изъ крома, т.-е. изъ кремля, гдѣ былъ архивъ, казна и торговые склады, дѣло начиналось безъ жалобы. Третья составная часть до-судебнаго процесса—призывъ на судъ черезъ посредство приставовъ или подвойскихъ — также одинаково характерна и для дѣлъ уголовныхъ, и для гражданскихъ. Это, какъ и явка,—явленія новыя въ данное время сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, указывающія, что власть уже выходитъ изъ прежняго пассивнаго состоянія. Надо, впрочемъ, замѣтить, что призывъ черезъ пристава въ гражданскихъ дѣлахъ отличался и въ изучаемое время сохраненіемъ очень значительныхъ остатковъ старины, именно взгляда на процессъ, какъ на договоръ между сторонами: тутъ нѣтъ ни истца, ни отвѣтчика, обѣ стороны совершенно равны и потому обѣ посылаютъ приставовъ. Такъ, въ одномъ древнемъ новгородскомъ актѣ рѣчь идетъ о поземельной тяжбѣ двухъ лицъ, причемъ *оба* тяжущіеся

нарядили подвойскихъ и согласились идти на судъ. Приставъ или подвойскій отправлялся для исполненія своихъ обязанностей обыкновенно съ истцомъ вмѣстѣ и читалъ отвѣтчику на площади «позовницу», грамоту, призывавшую его на судъ; если отвѣтчикъ, уклонялся отъ выслушиванія позовницы, то она читалась въ присутствіи священника и другихъ лицъ. Четвертымъ досудебнымъ актомъ было производство слѣдствія, т.-е. подборъ подходящихъ доказательствъ. При гражданскихъ правонарушеніяхъ этотъ подборъ производился всегда самимъ истцомъ, какъ то было и раньше, въ кіевскій періодъ, но при уголовныхъ преступленіяхъ становится болѣе замѣтнымъ участіе властей: въ дѣлахъ о воровствѣ, по Псковской судной грамотѣ, истецъ могъ просить судью о производствѣ слѣдствія; въ дѣлахъ о боѣ и грабежѣ, когда отвѣтчикъ предъявлялъ равносильное обвиненіе къ истцу, судъ долженъ былъ помочь ему въ представленіи доказательствъ. Таковъ составъ до-судебной части процесса; совершенно ясно, что государственная власть стала въ ней принимать болѣе дѣятельное участіе, чѣмъ прежде, что она стала сильнѣе содѣйствовать выясненіе истины. Это показываетъ, что старая формальная точка зрѣнія на судопроизводство утратила прежнее значеніе, что̀ еще яснѣе обнаруживается при изученіи самаго суда. Судъ состоялъ въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ судебныхъ доказательствъ, причемъ большинство послѣднихъ оспаривалось, т.-е. прежній формализмъ потерялъ исключительное значеніе и смѣнился въ значительной степени, хотя далеко не вполнѣ, стремленіемъ установить матеріальную истину. Судопроизводство въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ имѣло, конечно, еще много сходныхъ чертъ, но существовали и значительныя различія, сводившіяся къ преобладанію слѣдственнаго начала въ уголовномъ процессѣ. Поэтому удобнѣе разсмотрѣть отдѣльно судебныя доказательства въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Что касается уголовнаго судопроизводства, то первымъ доказательствомъ, самымъ рѣшительнымъ, было собственное признаніе обвиняемаго. За отсутствіемъ признанія, весьма рѣдко встрѣчавшагося на практикѣ, въ качествѣ доказательствъ употреблялись поличное при воровствѣ-кражѣ и вообще слѣды преступленія или «долики» при другихъ преступленіяхъ. Третьимъ видомъ доказательствъ были свидѣтели-очевидцы преступленія. Только въ виду отсутствія свидѣтелей, напр., при боѣ въ пустынномъ или безлюдномъ мѣстѣ, выставлялся послухъ. Значеніе послуховъ намъ уже извѣстно изъ исторіи кіевской Руси,—они были подобіемъ соприсяжниковъ. Теперь остается указать черты различія и сходства послуховъ Псковской судной грамоты съ послухами «Русской Правды». По прежнему послухъ — это лицо, на которое «слались». Онъ былъ свидѣтелемъ не о фактѣ, а о добросовѣстности славшейся на него стороны. Наконецъ, какъ и раньше, онъ былъ свободный человѣкъ, «мужъ», такъ что слова «послушествовать» и «мужевать» были синонимами.

Отличія отъ стараго послушества сводились къ слѣдующему: во-первыхъ, ссылка на послуховъ потеряла свою обязательность; Псковская судная грамота прямо говоритъ: «кто не слался, ино его тѣмъ не повинити, что не слался»; во-вторыхъ, послухъ былъ теперь непремѣнно одинъ, «того дѣля, занежъ и поле присужати», т.-е. потому, что его показанія можно оспаривать «полемъ», судебнымъ поединкомъ, а вооруженная борьба стороны съ нѣсколькими послухами была бы затруднительна; въ-третьихъ, какъ только что сказано, показанія послуха подлежали спору, съ нимъ можно было, по выраженію Новгородской судной грамоты, «увѣдаться» путемъ судебнаго поединка. Такъ ослабѣло значеніе послушества, игравшаго въ кіевскій періодъ такую важную роль. Наконецъ, послѣднимъ видомъ доказательствъ, допускавшихся въ уголовномъ судопроизводствѣ, было упомянутое сейчасъ «поле», судебный поединокъ, — процессуальное средство весьма древнее, упоминаемое еще у славянъ X вѣка арабскимъ писателемъ Ибнъ-Дастой, но въ изучаемое нами время утратившее уже прежнее первостепенное значеніе: оно допускалось лишь тогда, когда не было другихъ, болѣе достовѣрныхъ доказательствъ, что опять-таки указываетъ на усиленіе слѣдственныхъ элементовъ въ уголовномъ процессѣ. Для поля былъ установленъ опредѣленный порядокъ: судъ назначалъ срокъ поединка, который происходилъ въ присутствіи властей, поручниковъ и стряпчихъ сторонъ; передъ поединкомъ стороны присягали; побѣдитель выигрывалъ процесъ, но если побѣжденный былъ убитъ, то побѣдитель не получалъ своихъ денегъ: «по трупу кунъ не имати», говоритъ Псковская судная грамота. Переходя къ гражданскому судопроизводству, надо прежде всего замѣтить, что всякій гражданскій искъ былъ попрежнему почти всегда реальнымъ, вещнымъ, а не консенсуальнымъ, личнымъ, т.-е. стороны приносили съ собою предметъ спора (напримѣръ, денежную сумму) и вели споръ объ этомъ предметѣ, находившемся на лицо. И въ гражданскомъ процессѣ, конечно, собственное признаніе рѣшало дѣло. При его отсутствіи, первостепенное значеніе имѣли документы, причемъ въ большинствѣ случаевъ документы должны были имѣть значеніе не домашнихъ росписокъ, а оффиціально-засвидѣтельствованныхъ актовъ, почему судъ и провѣрялъ достовѣрность документовъ, справляясь, оставлены ли были въ Псковскомъ архивѣ или ларѣ св. Троицы копіи съ нихъ. Неоффиціальные акты—«доски»—допускались въ качествѣ судебныхъ доказательствъ лишь при займѣ ниже 1 рубля. Если не было документовъ, искъ доказывался свидѣтельскими показаніями. Въ поземельныхъ дѣлахъ—при равенствѣ доказательствъ обѣихъ сторонъ—призывались «межники»—не оффиціальные межевщики, а «сторожильцы», «знахари», старинные мѣстные жители, разводившіе спорную землю. Они, по своему юридическому значенію, соотвѣтствовали отчасти послухамъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Наконецъ, поле примѣнялось въ гражданскихъ тяж-

бахъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ уголовномъ судопроизводствѣ, и очень часто употреблялся еще одинъ видъ суда Божія, — крестное цѣлованіе или присяга; присяга была двухъ родовъ—очистительная въ нѣкоторыхъ искахъ о владѣніи, которой подлежалъ *отвѣтчикъ*, и которая составляла его *обязанность*, и присяга—*право*, принадлежавшее одной изъ сторонъ, причемъ отъ послѣдней зависѣло самой присягнуть, заставить присягать другую сторону или идти на поединокъ, но иногда предоставлялся выборъ лишь первыхъ двухъ изъ этихъ возможностей. Напримѣръ, при выкупѣ заложенной вещи возникъ споръ о томъ, за сколько она заложена. Если былъ оффиціально удостовѣренный документъ, то дѣло рѣшалось безспорно на основаніи его текста. Но если закладной записи не было, то залогопринимать могъ или самъ присягнуть или возложить присягу на залогодателя. Опять присяга имѣетъ значеніе лишь за отсутствіемъ другихъ доказательствъ.

Итакъ все заставляетъ насъ придти къ выводу, что прежнее, древнѣйшее государство, преслѣдовавшее цѣли личной выгоды и бывшее значитъ, союзомъ личнаго господства, стало колебаться въ своихъ основаніяхъ въ Новгородѣ и Псковѣ XIII, XIV и XV вѣковъ и постепенно преобразовывалось въ государство, имѣющее въ виду интересы общаго блага, въ союзъ общественнаго господства.

Впрочемъ здѣсь необходимо сдѣлать еще одно существенное дополненіе, естественно вытекающее изъ всего предшествовавшаго изложенія. Государство вольныхъ городовъ было еще *аристократическимъ* и *муниципальнымъ*. Оно не было, правда, крѣпостнымъ государствомъ, основанномъ на принципѣ обязанности, но принципъ *права* вырождался въ немъ въ начало сословной *привилегіи* и притомъ фактически вся власть находилась въ рукахъ населенія державнаго города, государя Великаго Новгорода» и «господина Пскова», и даже не всего населенія, а горсти богатыхъ банкировъ, землевладѣльцевъ и купцовъ.

Таковъ былъ политическій строй вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси. Чтобы лучше понять связь политическихъ явленій съ соціальными и хозяйственными, мы должны теперь остановиться на борьбѣ новгородскихъ политическихъ партій. Читая новгородскія лѣтописи XII вѣка, легко сдѣлать наблюденіе, что параллельно смѣнѣ князей смѣняются и посадники, причемъ, каждый разъ какъ на новгородскомъ столѣ появляются суздальскіе князья или ихъ ставленники, — и посадниками становятся члены опредѣленнаго круга новгородскихъ боярскихъ фамилій, а когда садятся на столъ князья другихъ линій Рюрикова дома, то и посадничество занимаютъ члены иныхъ фамилій. Такое совпаденіе не можетъ быть случайнымъ: очевидно, князья и посадники смѣнялись по той причинѣ, что побѣждала та или другая политическая партія. Одна изъ этихъ пар-

тій, именно та, которая была противъ суздальскихъ князей, была, несомнѣнно, демократической партіей, состояла по преимуществу изъ черныхъ людей и купцовъ, какъ видно изъ того, что она требовала, чтобы князь «блюлъ *смердовъ*», и, разграбивъ дома враждебныхъ *бояръ*, снабдила деньгами *купцовъ*. Предводителями этой партіи были такія лица, какъ Мирославъ Гюрятиничъ, его сынъ Якунъ Мирославичъ, Михалко Степаничъ и его сынъ Твердиславъ Михалковичъ. Противную партію надо признать на основаніи сейчасъ приведенныхъ данныхъ аристократической. Ея предводителями были, напр., Дмитръ Завидичъ, его сынъ Завидъ Дмитровичъ, Иванко Павловичъ, его сынъ Судило Иванковичъ, Захарія, его сынъ Иванко Захарьиничъ, Мирошка Нездиничъ, его сынъ Дмитръ Мирошкиничъ и т. д. Мы можемъ опредѣлить и отношеніе обѣихъ партій къ важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ и результаты ихъ усилій осуществить то, къ чему онѣ стремились. Самымъ жгучимъ вопросомъ былъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между вѣчемъ и княземъ. Не трудно замѣтить, что демократическая партія была противъ своеволія князей, за ограниченіе ихъ власти и за расширеніе власти вѣча: она, во-первыхъ, добилась уступки княземъ права торговаго суда купеческой компаніи, организовавшейся около церкви св. Ивана на Опокахъ, во-вторыхъ, когда въ 1218 г. князь Святославъ Мстиславичъ потребовалъ смѣны посадника Твердислава Михалковича, то онъ получилъ отказъ отъ сторонниковъ послѣдняго; ему сказали: «тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ». Между тѣмъ аристократическая партія мирилась со своеволіемъ князей суздальской линіи, которыхъ она поддерживала: такъ, Рюрикъ Ростиславичъ, посаженный на новгородскій столъ Андреемъ Боголюбскимъ, въ 1171 г. отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города, хотя Жирославъ принадлежалъ къ суздальской, аристократической партіи; и мы не видимъ при этомъ никакого протеста со стороны приверженцевъ суздальскихъ князей; они даютъ посадничество другому лицу изъ своей среды,—Иванку Захарьиничу. Можно прибавить, что бояре-банкиры были приверженцами аристократической партіи, потому что у Дмитра Мирошкинича было много «досокъ», долговыхъ обязательствъ ему со стороны разныхъ лицъ. Вѣроятно, демократами было то боярское меньшинство, которое не превратилось въ крупныхъ банкировъ, осталось при одномъ землевладѣніи. Наконецъ, лѣтописныя извѣстія указываютъ, что сторонники аристократической партіи жили на Торговой сторонѣ, а демократы на Софійской. Понятно, почему главная масса боярской аристократіи держалась пока сильной княжеской власти и опасались могущества вѣча: экономическое господство крупныхъ банкировъ-землевладѣльцевъ еще не успѣло укрѣпиться, и можно было опасаться, какъ бы демократическая волна не захлестнула едва начинавшей становиться на ноги боярской аристократіи.

Въ такомъ положеніи находились новгородскія политическія партіи въ XII вѣкѣ и началѣ XIII столѣія, до 1218 года. Тотъ самый Твердиславъ, о которомъ у насъ уже много разъ шла рѣчь, разошелся въ этомъ году съ большинствомъ демократической партіи и выказалъ себя сторонникомъ сильныхъ князей. не примкнувъ, однако, къ аристократамъ: онъ понялъ, что плодами предшествовавшей политической борьбы воспользовались аристократы, подчинившіе вѣче фактическому господству совѣта, и что въ интересахъ народа предпочесть сильную княжескую власть олигархическому преобладанію богачей. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIII вѣка сынъ Твердислава, Степанъ воспринялъ и примѣнилъ на практикѣ идеи отца: оставшись вѣрнымъ интересамъ народной массы, онъ однако поддерживалъ на новгородскомъ княжескомъ столѣ привыкшихъ къ самостоятельности князей владиміро-суздальской линіи, — Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Невскаго. Твердиславъ и Степанъ Твердиславичъ своей дѣятельностью положили начало кризису въ демократической партіи, но это привело сначала только къ рѣзкому столкновенію между ними и другими народными вождями: то, что стало понятно отдѣльнымъ выдающимся дѣятелямъ, оставалось еще недоступнымъ народной массѣ.

Но и передъ видными членами аристократической партіи возникалъ вопросъ: пригодны ли тѣ средства, которыми они раньше пользовались въ политической борьбѣ, для сохраненія достигнутаго фактическаго преобладанія боярскаго совѣта надъ вѣчемъ, обладавшимъ уже юридически всею верховною властью? Опираясь на сильныхъ и склонныхъ къ самовластію князей, боярская партія, правда, не могла ограничить демократическія тенденціи вѣча, но пріобрѣла фактическій перевѣсъ, добившись экономическаго господства. Слѣдовало ли и послѣ этого поддерживать такихъ князей? Большинство членовъ партіи не сознавало еще необходимости перемѣны въ этомъ отношеніи, но отдѣльныя болѣе талантливыя лица опередили толпу: они поняли, что дальнѣйшая поддержка сильныхъ князей опасна, потому что они проникнуты стремленіемъ подавить не только вѣче, но и боярскій совѣтъ; что и подавленіе вѣча, находящагося въ рукахъ бояръ-капиталистовъ и землевладѣльцевъ, невыгодно для аристократической партіи, что, наконецъ, среди сторонниковъ чернаго народа стали проявляться тенденціи въ сторону сильныхъ, могущественныхъ князей, какъ естественныхъ союзниковъ черни противъ знати. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ наиболѣе талантливые представители аристократической партіи начали склоняться къ поддержкѣ болѣе слабыхъ и мягкихъ князей въ Новгородѣ. Первый тому примѣръ представляетъ посадникъ Сменъ Михайловичъ; онъ принадлежалъ къ фамиліи, давно уже зарекомендовавшей себя аристократическими симпатіями, и однако, въ 1282 г. воспротивился признанію новгородскимъ княземъ, сильнаго Дмитрія Александровича, сына Александра Невскаго.

Наши источники показываютъ, что во второй половинѣ XIV вѣка взгляды Твердислава сдѣлались общепринятыми въ средѣ демократической партіи, тогда какъ партія боярская примкнула къ воззрѣніемъ Смена Михайловича. Новгородскія партіи въ это время окончательно сложились въ новомъ направленіи. Такъ какъ юридическое всемогущество вѣча оказалось фикціей при экономическомъ господствѣ боярства, то центромъ тяжести политической борьбы съ этого времени становится окончательно вопросъ о власти князя: демократы стремятся всѣми силами поддержать на новгородскомъ столѣ сильныхъ московскихъ князей племени Калиты и готовы даже идти на уступки ихъ самовластію; аристократы стоятъ за дальнѣйшее расширеніе новгородской самостоятельности путемъ увеличенія правъ вѣча и дарованія самостоятельности архіепископу новгородскому и посредствомъ узурпаціи верховной власти правительственнымъ совѣтомъ; въ своихъ стремленіяхъ аристократическая партія все болѣе склоняется къ мысли лишить московскихъ великихъ князей новгородскаго стола.

Мы видѣли, какъ уже въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, несмотря на то, что демократическая партія выставила очень талантливыхъ политическихъ дѣятелей и вынесла на своихъ плечахъ всю первоначальную тяжесть борьбы за новгородскія вольности,—результатами этой борьбы и дѣятельности пользовалась боярская партія, большею частью достигавшая перевѣса. Къ XV столѣтію эта общая характеристика относительной силы борющихся сторонъ подходитъ въ гораздо еще большей степени: въ это время аристократическая партія окончательно восторжествовала и подавила противниковъ. Такое политическое положеніе совершенно явственно выступаетъ изъ цѣлаго ряда важныхъ наблюденій надъ источниками. Прежде всего нѣсколько лѣтописныхъ свидѣтельствъ прямо указываютъ на полную невозможность для демократической партіи собственными силами бороться съ партіей бояръ. Безпомощныя жалобы и даже готовность отказаться отъ новгородской свободы въ пользу московскаго великаго князя—вотъ что остается народной партіи. «А въ то время,—жалобно причитаетъ одна изъ новгородскихъ лѣтописей подъ 1446 годомъ,—не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедницы, изнарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду и начаша грабити по селамъ и по волостямъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданія и вопль и клятва всими людми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права». Подъ слѣдующимъ годомъ опять встрѣчаемъ сѣтованія на «безправдивыхъ бояръ» и ихъ злоупотребленія. Въ концѣ концовъ «новгородцы *люди житіи и моложшіи* сами его (Ивана III) призвали на тыя управы, что на нихъ насилья держатъ, какъ посадники и великіе бояре, никому ихъ судити не мочи, тіи насильники творили, то ихъ также имѣть

князь великій судомъ по ихъ насилству по мздѣ судити». Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ слышенъ голосъ отчаянія и полнаго разочарованія въ благѣ для народа отъ тѣхъ политическихъ учрежденій, которыя составляли особенность Новгорода. Отчаяніе и прострація народной партіи доходятъ до такой степени, что о прежнихъ бурныхъ народныхъ возстаніяхъ, ниспровергавшихъ на время могущество бояръ, въ XV вѣкѣ нѣтъ и помина. Правда, и это время не особенно бѣдно волненіями въ Новгородѣ, но это—большею частью волненія особаго рода: это или торжество побѣдителей, безъ удержу и ограниченій примѣнявшихъ на практикѣ принципъ «горе побѣжденнымъ», или внутреннія, случайныя несогласія по частнымъ поводамъ, не колебавшія установившагося соотношенія партій. Примѣромъ перваго могутъ служить волненія 1418 года, образцомъ второго—возстаніе 1421 г. Въ 1418 г. аристократическая торговая сторона, собравшись на вѣче на Ярославлѣ дворѣ, рѣшила сокрушить тѣхъ бояръ Софійской стороны, которые оставались еще вождями демократовъ. Вѣче направилось бурнымъ потокомъ на Софійскую сторону и разграбило улицы Кузьмодемьянскую, Чудинцеву, Яневу, Люгощу, Прусскую. Архіепископъ утишилъ волненіе, но уже тогда, когда демократы были окончательно раздавлены. Въ 1421 году «возсташа два конца, Неревскій и Славенскій. за Клементія Артемьина про землю на посадника Андрея Ивановича и грабиша дворъ его въ доспѣсѣхъ и иныхъ бояръ разграбиша дворы напрасно; и убиша Андреевыхъ посадниковыхъ 20 человѣкъ до смерти, а неревлянъ 2 человѣка, и смирishася». Возстаніе было направлено, слѣдовательно, противъ бояръ и посадника боярской партіи. Но кто же возсталъ? Славянскій конецъ былъ аристократическимъ, а Неревскій все болѣе и болѣе дѣлался таковымъ, потому что въ немъ жили не только ремесленники и богатое купечество, но въ XV вѣкѣ и аристократическіе бояре: здѣсь именно на Великой улицѣ находился «чудный дворъ» Марѳы посадницы, этой вдохновительницы аристократическихъ противниковъ Ивана III. Итакъ, на бояръ-аристократовъ поднялись свои же люди. Поэтому и возстаніе имѣло частный поводъ и очень скоро кончилось примиреніемъ. Третьей характерной чертой политической исторіи XV вѣка служитъ отсутствіе въ лѣтописяхъ прямыхъ указаній на насильственную смѣну посадниковъ, на то, что новгородцы прогнали одного и замѣнили его другимъ, тогда какъ эти указанія совершенно обычны въ предшествующія столѣтія. Это молчаніе лѣтописей о насильственныхъ перемѣнахъ посадниковъ нельзя признать случайностью, особенно, если сопоставить его съ извѣстнымъ свидѣтельствомъ Ляннуа, что въ XV вѣкѣ посадники въ Новгородѣ мѣнялись ежегодно. Правда, Ляннуа, вѣроятно, ошибся, допустилъ преувеличеніе, но мы все-таки должны признать, что посадники тогда исполняли свою должность недолго, уступая ее другимъ: это видно по значительному числу старыхъ посадниковъ, упоминаемыхъ въ лѣтопи-

сяхъ. Итакъ, посадники мѣнялись часто, но не насильственно. Что же это значитъ? Это значитъ, что за смѣной посадниковъ въ XV вѣкѣ не скрывается партійная борьба, что всѣ посадники или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ принадлежало въ это время къ одной господствующей аристократической партіи, наиболѣе выдающіеся члены которой и занимали эту важную, выгодную и почетную должность въ извѣстной очереди. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разглядѣть по источникамъ политическое направленіе степенныхъ посадниковъ XV вѣка,—они являются всегда аристократами. Таковы посадники Андрей Ивановичъ, Василій Есиповичъ, Тимоѳей Васильевичъ, Самсонъ Ивановичъ, Тимоѳей Остафьевичъ, Василій Онаньинъ, Ѳома Андреевичъ. Виднѣйшія боярскія фамиліи—Борецкихъ, Селезневыхъ, Телятевыхъ, Ѳедоровыхъ, Аѳанасьевыхъ — стояли за провозглашеніе новгородскимъ княземъ Казимира литовскаго. Въ числѣ сторонниковъ Москвы упоминаются только боярскія фамиліи Поликарповыхъ и Тучиныхъ.

Исторія борьбы политическихъ партій въ Великомъ Новгородѣ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія неразрывную связь государственнаго строя вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси съ устройствомъ общества. Экономическая и юридическая опредѣленность, сильное развитіе сословности, аристократическій характеръ—эти основные признаки соціальныхъ отношеній въ вольныхъ городахъ—отразились на болѣе правильной организаціи учрежденій, на развитіи государственныхъ понятій и дали фактическій перевѣсъ боярскому совѣту. Главное и непосредственное воздѣйствіе на политическую эволюцію оказывалъ, такимъ образомъ, соціальный процессъ. Но и экономическія явленія имѣли свою долю непосредственнаго вліянія на политическій строй вольныхъ городовъ. Княжеская власть, несомнѣнно, сократилась отчасти и по той причинѣ, что относительное значеніе разныхъ мѣстныхъ отраслей промышленности обезпечивало населенію хозяйственную независимость отъ князя. Аристократизмъ былъ результатомъ, между прочимъ, и господствовавшихъ формъ землевладѣнія, и неравномѣрности въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Мы видѣли въ свое время, какъ много историческихъ параллелей можно подобрать для экономическаго и соціальнаго строя древне-русскихъ вольныхъ городовъ. То же надо сказать и о политическомъ строѣ. Присматриваясь къ политической исторіи эллинскихъ городскихъ общинъ VII и VI вѣковъ до Р. Х., мы можемъ наблюдать здѣсь явленія, знакомыя намъ изъ исторіи Новгорода и Пскова: знать, т.-е. крупные землевладѣльцы и капиталисты, достигаетъ все бо́льшаго политическаго перевѣса, царь въ VII вѣкѣ—не болѣе, какъ первый между равными, и въ VI столѣтіи царская власть совершенно падаетъ, и соотвѣтственно этому возрастаетъ значеніе аристократическаго совѣта—βουλή или γερουσία; совершается кодификація права; въ качествѣ судебныхъ

доказательствъ выступаютъ на первый планъ документы, свидѣтельскія показанія; за ними уже слѣдуютъ присяга и соприсяжники, столь близкіе къ нашимъ послухамъ. Даже въ средствахъ подавленія аристократическаго господства замѣчается большое сходство: такихъ средствъ въ Греціи было, какъ извѣстно, два—проведеніе реформъ избранникомъ народной партіи, такъ называемымъ «эсимнетомъ», какими были, напр., Солонъ, Клисоенъ, и господство единовластнаго правителя, насильственно, не по праву захватившаго власть,—тиранна. Эллинскимъ эсимнетамъ отчасти соотвѣтствовали люди въ родѣ Твердислава, дѣйствовавшіе только съ меньшимъ успѣхомъ. Роль тирановъ выпала на долю Ивана III, но и здѣсь наблюдается важное различіе: власть московскаго великаго князя была несравненно сильнѣе и прочнѣе. Причину этихъ различій можно усмотрѣть въ оригинальныхъ чертахъ, свойственныхъ хозяйственному строю русскихъ вольныхъ городовъ. Новгородъ былъ связанъ тѣснѣйшими, неразрывными хозяйственными узами съ сѣверо-восточной Русью: новгородское купечество, какъ мы видѣли, вело транспортную, передаточную торговлю, сбывало за границу продукты не своей области, а центра нынѣшней Россіи, и въ свою очередь продавало здѣсь не предметы, производившіеся въ новгородскихъ пятинахъ, а иностранные товары. Притомъ же Новгородъ съ его областью не могъ пропитаться своимъ хлѣбомъ и нуждался въ привозѣ его изъ сѣверо-восточной Руси, изъ великокняжескихъ владѣній. Стоило порвать экономическую связь Новгорода съ бассейномъ Волги и Оки, и все его торговое могущество должно было бы разрушиться и исчезнуть. Вотъ почему вольная новгородская община должна была рано или поздно подчиниться власти московскаго государя, что и случилось при Иванѣ III. Впрочемъ, нельзя забывать здѣсь и вліяніе внутреннихъ условій: господство аристократіи не соотвѣтствовало интересамъ общества вольныхъ городовъ, какъ цѣлаго, почему и создавало полное равнодушіе массы населенія къ политическимъ вольностямъ. Катастрофа была неизбѣжна, и она, наконецъ, совершилась: въ 1478 году съ Новгородомъ и въ 1510 г. съ Псковомъ.

Глава пятая.

Новгородскій владыка и духовенство.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ политическихъ условій сложилась организація церкви вольныхъ городовъ удѣльнаго времени, и опредѣлилось положеніе духовенства, какъ общественной группы.

Положеніе новгородскаго архіерея или владыки, какъ и положеніе другихъ органовъ новгородскаго выборнаго управленія, опредѣлилось не сразу. Сначала—въ XI и первой половинѣ XII вѣка—епископъ новгородскій не отличался ничѣмъ отъ другихъ іерарховъ русской церкви: онъ былъ всецѣло подчиненъ кіевскому митрополиту, имъ

назначался, поставлялся, судился и смѣнялся. Соотвѣтственно этому его свѣтское, политическое значеніе было ничтожно: онъ былъ членомъ совѣта мѣстнаго князя и только. Но съ ростомъ самостоятельности вольной новгородской общины, съ развитіемъ ея учрежденій, измѣнилось и положеніе владыки, получившаго потомъ архіепископскій чинъ. Подъ 1156 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ въ первый разъ указаніе на выборъ владыки на вѣчѣ во дворѣ св. Софіи; выборъ этотъ въ этомъ году, какъ и позднѣе, всегда производился всѣми новгородцами съ участіемъ духовенства—бѣлаго и чернаго. Обыкновенно при выборѣ не стѣснялись соображеніями іерархическаго характера; не требовалось также, чтобы выбираемый былъ монахомъ. Единственное ограниченіе состояло въ томъ, что выбирать можно было только изъ духовныхъ лицъ, а не изъ мірянъ. Избранный единогласно владыка торжественно вводился во владычень дворъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, невозможности единогласнаго выбора, дѣло рѣшалось жребіемъ: имена трехъ кандидатовъ заносили на особые «жеребьи», съ приложеніемъ посадничьей печати, и жеребьи эти клались на главный престолъ Софійскаго собора; сначала жребій вынимали послѣ обѣдни слѣпцы или княжескія малолѣтнія дѣти; и выбраннымъ считался тотъ, чей жребій былъ вынесенъ первымъ; но съ XIV вѣка жеребьи вынималъ протопопъ Софійскаго собора, и выбраннымъ признавался тотъ, чей жребій оставался послѣднимъ на престолѣ. Владыки рѣдко смѣнялись: извѣстны, напр., такіе случаи въ 1223 и 1421 годахъ; чаще владыки сами удалялись на покой, вѣроятно, иногда и по политическимъ причинамъ. Занявъ, благодаря выборному характеру, болѣе самостоятельное положеніе по отношенію къ митрополиту кіевскому, потомъ московскому, новгородскій владыка существенно измѣнилъ и свои функціи: то, что было въ его дѣятельности на первомъ планѣ,—управленіе церковными дѣлами—отодвинулось теперь на второй, и свѣтское вліяніе архіепископа стало перевѣшивать его духовную власть, свѣтскія дѣла стали сосредоточивать на себѣ все бо̀льше вниманіе выборнаго главы новгородскаго духовенства. Владыка прежде всего имѣлъ очень важное значеніе въ дѣятельности вѣча, регулировалъ, направлялъ эту дѣятельность двумя путями: во-первыхъ, благословеніемъ вѣчевыхъ актовъ: объ этомъ благословеніи читаемъ въ началѣ большей части новгородскихъ договорныхъ и уставныхъ грамотъ XIV вѣка, а въ концѣ ихъ обыкновенно прикладывалась владычня печать; во-вторыхъ, примиреніемъ враждующихъ партій: во время вѣчевыхъ междуусобій архіепископъ съ крестомъ являлся на большой волховскій мостъ и утишалъ борьбу. Едва-ли не большее еще вліяніе принадлежало владыкѣ во внѣшнихъ дѣлахъ: съ тѣхъ поръ, какъ князь обратился въ послушное и подчиненное орудіе вѣча и совѣта, владыка выступилъ на первый планъ въ сношеніяхъ съ сосѣдями; онъ ведетъ обыкновенно переговоры, отправляется во главѣ посольствъ: извѣстны переговоры владыки

съ великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ тверскимъ въ 1328 году, съ московскимъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ 1441 г. и съ Иваномъ III въ 1471 г. Особенно замѣчательна роль новгородскаго архіепископа по отношенію къ иностранному купечеству, торговавшему въ Новгородѣ: владыка доставлялъ нѣмецкимъ купцамъ доступъ къ новгородскимъ властямъ посредствомъ своихъ приставовъ, при оставленіи Новгорода нѣмецкими купцами служилъ ихъ довѣреннымъ лицомъ,—ему оставлялись запечатанные ключи отъ варяжской церкви, служившей складочнымъ мѣстомъ товаровъ, привозимыхъ иностраннымъ купечествомъ; онъ, наконецъ, былъ покровителемъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и всѣхъ иностранцевъ въ цѣломъ: въ 1425 г., напр., старался не допустить разграбленія нѣмецкаго двора и заключенія гостей подъ стражу: иногда возстановлялъ своимъ посредничествомъ прерванныя торговыя сношенія, для чего посылалъ своего посла въ Ганзу; владыка Евфимій I былъ прозванъ даже добрымъ защитникомъ и покровителемъ нѣмецкаго купечества. Въ этихъ двухъ своихъ важныхъ функціяхъ—регулированіи вѣчевой дѣятельности и дѣятельномъ участіи во внѣшней политикѣ—новгородскій владыка отличался умѣряющей и умиротворяющей властью. Но вѣдомство владыки было гораздо шире этого, простиралось и на такія дѣла, въ которыхъ онъ являлся уже въ качествѣ не направляющей, а исполнительной власти: прежде всего владыкѣ, по византійскимъ традиціямъ, принадлежало право осмотра и повѣрки орудій мѣры и вѣса и штрафованія надсмотрщиковъ при порчѣ этихъ орудій; штрафъ дѣлился на три части: одна шла въ казну св. Софіи (т.-е. владыкѣ), другая въ церковь св. Ивана на Опокахъ, въ притворѣ которой хранились образцы мѣръ, третья сотскимъ, непосредственнымъ помощникамъ владыки при повѣркѣ. Кромѣ того новгородскій архіепископъ обладалъ довольно широкой судебной властью: кромѣ дѣлъ, подсудныхъ всѣмъ епископамъ по Номоканону,—дѣлъ по церковнымъ преступленіямъ, преступленіямъ противъ нравственности и нѣкоторыхъ гражданскихъ,—владыка имѣлъ значеніе судьи-посредника, третейскаго судьи, выступавшаго въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по обоюдному приглашенію тяжущихся сторонъ: такъ во второй половинѣ XIV вѣка владыка Алексѣй разбиралъ дѣло Астафія съ посадникомъ Александромъ—искъ послѣдняго о деньгахъ, данныхъ первому при покупкѣ земли. Наконецъ, третья сфера вліянія владыки на свѣтскія дѣла опредѣлялась его матеріальными богатствами. Владыка былъ богатѣйшій землевладѣлецъ: въ 1478 г. Иванъ III взялъ у него на себя 10 волостей, въ которыхъ было 311 сохъ или около 1.000 человѣкъ взрослыхъ крестьянъ, а это составляло меньше половины всѣхъ владычныхъ имѣній. Кромѣ доходовъ съ этихъ земель владыка имѣлъ долю въ княжескихъ доходахъ и собиралъ дань съ духовенства. Будучи богатъ, архіепископъ на свой счетъ содержалъ особый полкъ

или «владычень стягъ» и помогалъ Новгороду деньгами изъ собственной казны, особенно при уплатѣ контрибуцій: такъ въ 1386 г. изъ восьмитысячной контрибуціи Дмитрію Донскому владыка уплатилъ 3.000 рублей. У Новгорода не было собственныхъ зданій для общественныхъ учрежденій; владыка помѣщалъ ихъ поэтому при церквахъ или у себя на дворѣ, гдѣ бывали обыкновенно засѣданія высшаго суда и совѣта бояръ. Далѣе: у владыки были собственныя артели мастеровъ—каменьщиковъ и плотниковъ,—почему онъ былъ и распорядителемъ и исполнителемъ общественныхъ работъ: такъ въ 1230 г. владыка построилъ скудельницу для погребенія мертвыхъ, въ 1338 г. новый Волховскій мостъ, въ 1361 г. помогъ деньгами при постройкѣ каменнаго города, въ 1391 г. новгородцы взяли изъ казны св. Софіи скопленныя владыкой Алексѣемъ 5.000 серебра для постройки каменныхъ башенъ.

Таковы были свѣтская власть и политическое вліяніе новгородскаго владыки. Три сферы охватывались этимъ вліяніемъ: во-первыхъ, сфера дѣйствія высшихъ государственныхъ учрежденій—вѣча и совѣта; во-вторыхъ, сфера судебной и отчасти полицейской дѣятельности; въ-третьихъ, финансовыя дѣла. Въ каждой изъ этихъ сферъ власть владыки имѣла особый оттѣнокъ: въ первой онъ направлялъ и умѣрялъ дѣйствія новгородскихъ учрежденій; во второй былъ охранителемъ справедливости; въ третьей ему часто принадлежала опредѣляющая роль, служившая очень важнымъ источникомъ власти и вліянія. При столь обширной свѣтской власти владыкѣ не оставалось достаточно времени для исполненія своихъ обязанностей въ качествѣ главы новгородскаго и псковскаго духовенства. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивался лишь самымъ необходимымъ: посвященіемъ священниковъ и діаконовъ, освященіемъ церквей и наблюденіемъ за церковнымъ благочиніемъ, для чего совершалъ иногда поѣздки по епархіи. Широта свѣтской власти новгородскаго владыки отразилась не только на сокращеніи его дѣятельнаго участія въ церковныхъ дѣлахъ, но и на характерѣ владычной администраціи. Разнообразіе обязанностей владыки вызывало нужду во множествѣ слугъ, главными изъ которыхъ были такъ называемые софіяне. Къ софіянамъ принадлежали, во-первыхъ, нарочитые дворяне или владычни бояре, во-вторыхъ, владычни дѣти боярскія. И тѣ и другія управляли имѣніями владыки, судили крестьянъ, собирали съ нихъ оброкъ, служили во владычнемъ полку, занимали должности софійскаго казначея и владычня намѣстника, замѣщавшаго архіепископа въ руководствѣ церковными дѣлами и судѣ. И областное церковное управленіе имѣло свѣтскій характеръ: изъ свѣтскихъ слугъ архіепископа назначались владычни намѣстники въ Двинской землѣ и въ Псковѣ, а также десятинники.

Новгородское и псковское духовенство, подобно свѣтскому обществу вольныхъ городовъ, организовалось въ корпораціи, извѣстныя

подъ именемъ соборовъ; такихъ соборовъ въ Новгородѣ было 7, въ Псковѣ въ концѣ XV вѣка 6. Недостаточно извѣстно, принадлежали ли къ составу этихъ корпорацій новгородское областное духовенство, но несомнѣнно, что духовенство псковской области примыкало къ псковскимъ соборамъ. Каждый соборъ представлялъ собою корпорацію приблизительно изъ 100 священнослужителей, подобно тому, какъ купеческая сотня состояла изъ 100 лицъ. Цѣлью соединенія духовенства въ соборы было отправленіе богослуженія совмѣстно всѣмъ духовенствомъ собора и раскладка поборовъ владыки съ духовенства, слагавшихся изъ платы за посвященіе, за церковный судъ, на содержаніе церковнаго управленія, даровъ, приношеній и особой платы во время пріѣзда архіепископа. Каждый соборъ имѣлъ своего выборнаго поповскаго или соборнаго старосту. Надо, впрочемъ, замѣтить, что были и «невкупные» попы, не успѣвшіе составить соборъ. Что касается отношенія церквей къ приходамъ, то оно покоилось на демократическомъ основаніи: прихожане имѣли большое вліяніе на назначеніе священнослужителей, представляли владыкѣ кандидатовъ и заключали съ духовенствомъ условія о срокѣ службы, количествѣ службъ и т. д.

Мы видѣли, что Псковъ постепенно достигъ полной независимости отъ Новгорода въ политическомъ отношеніи. Такое же стремленіе къ самостоятельности церковной наблюдается въ Псковѣ въ XIV вѣкѣ. Въ 1307 г. изъ-за этого вопроса произошла ссора между новгородцами и псковичами. Въ 1331 г. псковичи, впрочемъ безуспѣшно, просили кіевскаго (южно-русскаго) митрополита Ѳеогноста дать имъ особаго епископа. Наконецъ, по Болотовскому договору Пскова съ Новгородомъ, установившему политическую самостоятельность Пскова, были регулированы и отношенія псковской церкви къ новгородскому архіепископу: владыка новгородскій обязался назначить намѣстника въ Псковъ непремѣнно изъ псковичей, а вмѣсто призыва псковичей на церковный судъ въ Новгородъ былъ установленъ періодическій пріѣздъ или «подъѣздъ» новгородскаго архіепископа въ Псковъ. Обычный срокъ пріѣзда—черезъ три года на четвертый.

Серьезное политическое значеніе новгородскаго владыки вызвало около этой высокой должности шумную борьбу. Для Новгорода, во время расцвѣта его могущества, было важно, чтобы высшій іерархъ новгородской церкви, служившій въ то же время важнымъ органомъ свѣтской правительственной власти, былъ самостоятеленъ и независимъ ни отъ какой внѣшней силы, особенно отъ митрополита московскаго, всегда державшаго сторону московскихъ великихъ князей. Но и митрополитъ не могъ допустить уменьшенія своей власти, тѣмъ болѣе, что за нимъ стоялъ тотъ же великій князь московскій, прекрасно понимавшій, какую политическую силу онъ имѣетъ въ лицѣ митрополита, утверждавшаго и посвящавшаго новгородскихъ архіепископовъ. Изъ столкновенія этихъ противоположныхъ интересовъ и вышла борьба,

на которой мы остановимъ сейчасъ не надолго свое вниманіе. Московскіе митрополиты имѣли право верховнаго суда по церковнымъ дѣламъ и довольно часто вызывали къ себѣ новгородскихъ владыкъ въ Москву. Для разбора церковно-судебныхъ дѣлъ митрополитъ или пріѣзжалъ самъ въ Новгородъ, или присылалъ довѣренныхъ лицъ. Пріѣздъ митрополита въ Новгородъ для суда назывался извѣстнымъ уже намъ терминомъ «подъѣздъ», и пребываніе его здѣсь могло длиться не болѣе мѣсяца разъ въ каждые 4 года, почему и судъ митрополита въ Новгородѣ назывался «мѣсячнымъ судомъ». Помимо стѣсненія власти архіепископа, пребываніе московскаго митрополита въ Новгородѣ стоило дорого мѣстному духовенству, такъ какъ надо было содержать митрополита и его свиту и подносить имъ дары. Дорого стоили и поѣздки владыки новгородскаго въ Москву. И вотъ новгородцы стараются поставить своего архіепископа въ положеніе самостоятельное по отношенію къ московскому митрополиту: возникаетъ преданіе о правѣ новгородскихъ архіепископовъ носить бѣлый клобукъ и крестчатыя ризы, т.-е. фелони съ четырьмя крестами. Право носить крестчатыя ризы было, дѣйствительно, дано новгородскому владыкѣ особой грамотой константинопольскаго патріарха. Опираясь на эту грамоту, новгородцы стали утверждать, что владыка во всѣхъ дѣлахъ имѣетъ право сноситься непосредственно съ константинопольскимъ партіархомъ, минуя митрополита московскаго. По настоянію Москвы, патріархъ въ 1370 г. формально запретилъ новгородскому архіепископу носить крестчатыя ризы. Въ отвѣтъ на это новгородцы объявили свою церковь совершенно автокефальной и лишили митрополита права мѣсячнаго суда. Константинопольскій патріархъ прислалъ грозную грамоту, митрополитъ Кипріанъ въ 1391 г. отлучилъ новгородцевъ отъ церкви,—все было напрасно: новгородцы продолжали отстаивать самостоятельность своего архіепископа. Тогда въ 1393 году великій князь Василій Дмитріевичъ пошелъ на Новгородъ войной, занялъ Торжокъ и опустошилъ новгородскія области. Только послѣ этого новгородцы возстановили старину. Такимъ образомъ въ концѣ XIV вѣка, за 80 лѣтъ до паденія Новгорода, новгородцы сдѣлали отчаянную попытку совершенно отдѣлиться отъ Московской Руси въ церковномъ отношеніи. Если бы эта попытка удалась, власть владыки, несомнѣнно, усилилась бы еще больше. Но силы были неравны, да и въ самомъ Новгородѣ, какъ намъ извѣстно, не было единодушія, и неудачный исходъ борьбы Новгорода за церковную самостоятельность былъ какъ бы раннимъ образцомъ послѣдней борьбы за самостоятельность политическую, кончившейся такъ печально для Новгорода.

Сказанное объ устройствѣ новгородской церкви, какъ учрежденія, вполнѣ подтверждаетъ тотъ общій законъ, по которому церковный строй слагается по образцу политическаго устройства и подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣдняго.

Глава шестая.

Духовная культура Новгорода и Пскова.

При изученіи духовной культуры Новгорода и Пскова мы будемъ держаться того же порядка, какой былъ принятъ при изслѣдованіи соотвѣтствующихъ вопросовъ въ кіевскій періодъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на *нравственное состояніе общества*.

Общество кіевской Руси отличалось, какъ намъ извѣстно, въ этомъ отношеніи большой примитивностью; въ массѣ господствовали тогда самые грубые, элементарные животные инстинкты. Это въ значительной степени приходится повторить и о вольныхъ городахъ удѣльной Руси. Однимъ изъ признаковъ того, что нравственное развитіе новгородскаго и псковскаго общества недалеко ушло впередъ сравнительно съ прошлымъ является крайняя импульсивность народной массы: всякое впечатлѣніе немедленно переходитъ въ дѣйствіе и притомъ въ дѣйствіе крайне насильственное, въ убійство и грабежъ. При чтеніи новгородскихъ лѣтописей вниманіе очень скоро утомляется описаніемъ дикой расправы народа съ тѣмъ, кто ему былъ неугоденъ. Типическимъ примѣромъ такого описанія можетъ служить разсказъ о томъ, какъ новгородцы въ 1209 году «створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его». Они пошли на ихъ дворы «грабежомъ», зажгли ихъ дома, «а житіе ихъ поимаша, и села ихъ распродаша и челядь, и скровища ихъ изъискаша и поимаша безъ числа, а избытокъ раздѣлиша по зубу, по три гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потомъ похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ, а отъ того мнози разбогатѣша». Дмитръ скоро умеръ, и во время похоронъ его тѣло «новгородци хотяху съ моста совренци, но возбрани имъ архіепископъ Митрофанъ». Подобныя и еще болѣе необузданныя расправы не были вовсе исключеніемъ, составляли заурядное, обычное явленіе чуть не повседневной дѣйствительности: о нихъ можно прочитать въ лѣтописяхъ подъ 1215, 1218, 1220, 1230, 1232, 1257, 1259, 1270, 1316, 1340, 1342, 1350, 1418, 1421, 1446, 1447 и другими годами. Поэтическимъ отраженіемъ подобнаго рода общественныхъ нравовъ является извѣстная былина о Васильѣ Буслаевичѣ, разсказывающая о его буйствахъ съ дружиной въ городѣ на улицахъ и на пиру, названномъ «братчиной Никольщиной». Корыстолюбіе, жадность, стремленіе къ насильственному захвату чужого достоянія не были притомъ отличительнымъ свойствомъ одного простого, чернаго народа: даже такое высокопоставленное и по положенію своему обязанное служить нравственнымъ примѣромъ лицо, какъ архіепископъ новгородскій, не гнушалось насиліемъ, сулившимъ ему матеріальныя выгоды; подъ 1435 г. псковская лѣтопись разсказываетъ, напр., что владыка Евѳимій, пріѣхавъ въ Псковъ, «учалъ дѣяти новину, а старину покинувъ», софіяне

вступили въ бой съ псковичами, и, наконецъ, архіепископъ уѣхалъ, «а попомъ и игуменомъ учинилъ протора много, не бывало такъ ни отъ первыхъ владыкъ».

Въ одномъ отношеніи порвоначальные, грубые инстинкты, элементарныя эгоистическія чувства были поставлены въ границы,—въ отношеніи къ женщинѣ. Намъ уже извѣстно, что юридически, въ гражданскомъ правѣ, женщина въ Новгородѣ и Псковѣ была вполнѣ и безусловно равна мужчинѣ. Этому высокому семейному и гражданскому положенію женщины по закону соотвѣтствовала и дѣйствительность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о выдающейся политической роли, которую играла знаменитая Марѳа Борецкая.

Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что реальныя хозяйственныя, соціальныя и политическія условія жизни вольныхъ городскихъ общинъ способствовали развитію высшихъ, болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ,—удали, стремленія къ новизнѣ впечатлѣній, честолюбія, славолюбія. Былины о Чурилѣ Пленковичѣ, Садкѣ - богатомъ гостѣ, Васильѣ Буслаевичѣ, недавно найденная былина о «камскомъ побоищѣ», т.-е. о пораженіи новгородцевъ на рѣчкѣ Камѣ въ Югорской землѣ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ въ пользу этого. То же подверждается и лѣтописными данными: не изъ-за одной корысти, а изъ молодечества ходили, напр., изъ Новгорода на Волгу въ 1366 году «люди молодые». Ушкуйники или повольники—очень хорошо извѣстное и характерное для Новгорода явленіе. Юго-восточный аванпостъ Новгорода—Вятка—былъ основанъ именно ушкуйниками.

Исторія Новгорода и Пскова бѣдна фактами, свидѣтельствующими о силѣ этическихъ, альтруистическихъ побужденій. Даже заботы новгородскихъ архіепископовъ во время эпидемій о погребеніи умершихъ и уходѣ за больными объясняются не столько желаніемъ придти на помощь ближнему изъ чувства христіанскаго милосердія, сколько тѣмъ, что новгородскій владыка вообще вѣдалъ дѣла высшей полиціи, заботился о благоустройствѣ и благосостояніи города. Тѣмъ же объясняется и благожелательное отношеніе владыки къ иностранцамъ, и заботы его о внутреннемъ мирѣ, о прекращеніи усобицъ. И новгородскіе и псковскіе святые—основатели монастырей—вовсе не отличались особеннымъ милосердіемъ и благотворительностью: предаваясь аскетическимъ подвигамъ и строго исполняя обряды, монахи въ то же время не забывали обогащать свои обители землями.

Уровень моральнаго развитія общества въ значительной степени опредѣляется господствующими въ немъ понятіями о правѣ и справедливости. Прежде всего важно въ этомъ отношеніи гораздо далѣе, чѣмъ то было въ кіевскій періодъ, проведенное различіе между уголовнымъ преступленіемъ и гражданской неправдой. Когда у насъ шла рѣчь о судопроизводствѣ, какъ функціи государственной власти въ вольныхъ городахъ, то было указано, что цѣлью уголовнаго процесса

служило открытіе матеріальной истины путемъ оцѣнки судьею судебныхъ доказательствъ по существу, тогда какъ при гражданскомъ процессѣ имѣли въ виду формальную справедливость притязанія, такъ что роль судьи была пассивной. Затѣмъ, мѣняется самый взглядъ на преступленіе и наказаніе. Въ эпоху «Русской Правды» преступленіе разсматривалось по преимуществу какъ матеріальный вредъ—«обида» и «пагуба», — и наказаніе было, слѣдовательно, главнымъ образомъ, средствомъ возмѣстить матеріальный ущербъ, понесенный потерпѣвшимъ. Это не исчезло вполнѣ и въ изучаемое время: денежный штрафъ, — вина или продажа, — занимаетъ видное мѣсто въ системѣ наказаній Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ. Но, несмотря на эти значительные остатки старины, усиливается тотъ элементъ, который въ понятіи о преступленіи по «Русской Правдѣ» былъ новымъ и слабо развитымъ: преступленіе разсматривается уже по преимуществу какъ общественное, нравственное зло, какъ нарушеніе закона, а наказаніе имѣетъ своимъ назначеніемъ не возмѣщеніе матеріальнаго ущерба, а устрашеніе и нравственное возмездіе. Вотъ почему изъ прежняго «потока и разграбленія» выдѣляется смертная казнь, и сфера ея примѣненія оказывается уже довольно широкой: смертной казнью карались татьба, совершенная преступникомъ-рецидивистомъ въ третій разъ, татьба кромская, т.-е. кража изъ крома, хотя-бы рецидива и не было, конокрадство, поджогъ и измѣна. Характерно, наконецъ, что образуется понятіе преступленія противъ общества или государства,—какова измѣна.

Въ тѣсной связи съ нравственнымъ состояніемъ общества находятся его *религіозныя воззрѣнія*. Въ этомъ отношеніи, наряду съ остатками старины, наблюдаются существенныя и знаменательныя перемѣны. Старина характеризовалась въ религіозномъ отношеніи, какъ извѣстно, двоевѣріемъ. Такое же двоевѣріе было типично и для вольныхъ городовъ удѣльнаго времени, хотя, конечно, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ прежде: оно превратилось теперь въ рядъ суевѣрій, наивныхъ религіозныхъ представленій. Въ 1228 году всю осень стояло ненастье; нельзя было ни косить сѣно, ни сѣять озимое. Это бѣдствіе въ глазахъ простого народа, по словамъ лѣтописца, было слѣдствіемъ преступленія архіепископа Арсенія, низложившаго и замѣстившаго прежняго владыку, Антонія: «того дѣля стоить тепло долго, выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, (т.-е. въ Хутынскій монастырь), а самъ сѣлъ, давъ мзду князю». Въ первой половинѣ XVI вѣка новгородскій архіепископъ Василій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, въ своемъ посланіи къ тверскому епископу выражаетъ твердую увѣренность въ существованіи на землѣ матеріальнаго, вещественнаго, «саженаго» рая и ада. Адъ онъ описываетъ такъ: «на западѣ существуетъ мѣсто муки, гдѣ на дышащемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубовный и рѣка молнен-

ная, гдѣ трижды въ день рѣка входитъ въ преисподнюю и опять исходитъ вонъ». Рай, по его словамъ, видѣли новгородцы Мославъ, сынъ его Яковъ и ихъ товарищи: на одной горѣ они видѣли изображеніе Христа необыкновенной величины, написанное нечеловѣческими руками чудной лазоревой краской; солнца не было, но исходилъ несказанный свѣтъ; за горами было слышно ликованіе; одинъ изъ спутниковъ поднялся на гору, но какъ только взглянулъ за нее,—всплеснулъ руками и бросился туда; то же повторилось съ другимъ; третьяго привязали на веревку, и когда онъ, подобно двумъ первымъ, хотѣлъ броситься впередъ, за горы, его стащили обратно, но онъ оказался мертвымъ. Наряду съ суевѣріями господствовалъ крайній формализмъ въ религіи: обряды цѣнились наравнѣ съ догматами; внѣшнему благочестію придавалось первенствующее значеніе. Подъ 1471 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи замѣчаніе, что «нѣкоторые философы» находили нужнымъ пѣть «О Господи помилуй», а другіе «Осподи помилуй». Въ Псковѣ въ XV вѣкѣ горячо спорили о томъ, нужно ли двоить или троить аллилуію. Чтобы стяжать себѣ царство небесное, стоило только, по мнѣнію людей того времени, сдѣлать богатый земельный или денежный вкладъ въ монастырь или построить на свои средства монастырь или церковь. Этимъ побужденіемъ, наряду съ тщеславіемъ, именно и объясняется то обстоятельство, что почти каждая богатая новгородская боярская фамилія имѣла свой монастырь или церковь, о постройкѣ которыхъ и встрѣчаются постоянно извѣстія въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Наконецъ, и въ массѣ общества вольныхъ городовъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ въ то время, распространено было убѣжденіе, что черезъ 7.000 лѣтъ послѣ сотворенія міра наступитъ свѣтопреставленіе: подъ 1402 годомъ лѣтописецъ прямо говоритъ: «время послѣднее приходитъ, и конецъ житію приближается».

Но наряду съ этими обломками прошлаго, все еще державшими въ плѣну умы народной массы, наблюдаются явленія, совершенно невѣдомыя кіевской Руси: являются попытки глубже войти въ духъ христіанства и отнестись критически къ господствующимъ преданіямъ, суевѣріямъ и церковному строю. Самостоятельная религіозная мысль, пробудившись, приняла при этомъ крайнее направленіе, выразилась въ еретическихъ движеніяхъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что ереси въ Псковѣ и Новгородѣ сложились отчасти подъ иностраннымъ и иновѣрнымъ вліяніемъ, которое стало возможно вслѣдствіе живыхъ экономическихъ и культурныхъ связей вольныхъ городовъ удѣльной Руси съ западомъ Европы. Но не слѣдуетъ преувеличивать это вліяніе и нельзя забывать, что оно не могло бы проявиться, если бы не нашло благопріятной для себя почвы въ мѣстныхъ условіяхъ. Въ ряду этихъ условій обращаютъ на себя наше вниманіе въ данномъ случаѣ и соціально-политическія обстоятельства: въ XIV и XV вѣкахъ аристократія побѣдила народъ и въ Новгородѣ и въ

Псковѣ; олигархическій гнетъ давалъ себя сильно чувствовать, и потому протестъ, основанный на принципѣ освобожденія, былъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Но помимо этого и во всякомъ случаѣ не меньше, если не больше, этого вліяли чисто-религіозныя и церковныя явленія: религіозный формализмъ, суевѣрія, низкій нравственный уровень духовенства, свѣтскій характеръ церковной іерархіи и администраціи, фискальное отношеніе владыки къ духовенству,—все это не вязалось съ развитымъ религіознымъ чувствомъ, вызывало критику и противодѣйствіе. Подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльнаго періода появились одна за другой двѣ ереси — стригольниковъ въ XIV вѣкѣ и жидовствующихъ въ XV.

Изученіе этихъ еретическихъ движеній представляетъ довольно значительныя затрудненія, происходящія, главнымъ образомъ, отъ скудости и тенденціозности имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ: сочиненія еретиковъ не уцѣлѣли, сохранились только обличенія ихъ, первое мѣсто между которыми принадлежитъ сочиненію Іосифа Волоцкаго «Просвѣтитель». Полемическія, обличительныя цѣли мѣшали безпристрастію, какъ бы ни хотѣлъ авторъ оставаться добросовѣстнымъ. Такимъ состояніемъ источниковъ объясняются весьма сильныя разногласія изслѣдователей, занимавшихся изученіемъ обѣихъ ересей. Внѣшняя исторія стригольничества не возбуждаетъ сомнѣній: оно зародилось и распространилось въ Псковѣ во второй половинѣ XIV вѣка; главой ереси былъ стригольникъ (т.-е. цирюльникъ) Карпъ, изгнанный за еретичество въ 1375 году вмѣстѣ со своимъ послѣдователемъ Никитой и еще третьимъ еретикомъ, имя котораго остается неизвѣстнымъ. Но съ казнью главныхъ еретиковъ ересь не прекратилась: въ XV вѣкѣ она переходитъ въ Новгородъ и замираетъ, какъ цѣльное, массовое явленіе, лишь въ началѣ второй четверти этого столѣтія, когда сохранились только отдѣльные ея послѣдователи, слабо связанные между собою. Но характеръ и содержаніе ученія стригольниковъ понимаются отдѣльными изслѣдователями различно: одни видятъ въ стригольничествѣ простой расколъ, отрицавшій лишь обряды и церковную іерархію, другіе считаютъ его настоящей ересью, касавшейся и догматовъ. Второе мнѣніе, повидимому, ближе къ истинѣ, потому что, несомнѣнно, стригольники отрицали воскресеніе мертвыхъ и таинство покаянія: исповѣдь, по ихъ мнѣнію, не должна совершаться передъ священникомъ; покаяніе — простой актъ духовнаго раскаянія человѣка, имѣющаго при этомъ дѣло только со своей совѣстью: такъ надо понимать ученіе стригольниковъ, что каяться надо не попу, а землѣ. Второй характерной чертой стригольниковъ является мистицизмъ: въ религіозномъ экстазѣ стригольники проповѣдывали и бичевали себя, что̀ даетъ поводъ сблизить ихъ съ нѣмецкими гейсслерами или флагеллантами. Въ связи съ мистицизмомъ, въ основѣ котораго

лежитъ, какъ извѣстно, представленіе о непосредственномъ воздѣйствіи Божества на каждаго отдѣльнаго человѣка, находятся третья и четвертая особенность стригольничества, какъ религіознаго ученія: именно признаніе за каждомъ мірянином права толковать свободно священное писаніе, относясь къ нему критически и принимая за основу критики евангеліе, и отрицаніе церковной іерархіи и обрядовъ. Это послѣднее подкрѣплялось еще указаніемъ, что всѣ епископы, священники и діаконы поставлены по мздѣ и ведутъ недостойную жизнь. На этомъ основаніи отвергалось также и монашество.

Ересь стригольниковъ, какъ показываетъ только что сдѣланное изложеніе ея основъ, была религіознымъ движеніемъ почти исключительно отрицательнаго характера. Созидательныхъ, положительнымъ элементовъ въ ней было очень мало. Это и естественно: когда начинается критическое отношеніе къ современности, то обыкновенно сначала все вниманіе сосредоточивается на разрушеніи существующихъ воззрѣній. Созидательная работа—дѣло будущаго; она составляетъ уже второй моментъ начала всякаго умственнаго движенія. Такимъ вторымъ моментомъ, естественнымъ продолженіемъ стригольничества, связаннымъ съ нимъ генетическими узами, была ересь жидовствующихъ. Первые признаки ея зарожденія относятся къ 1471 году, когда вмѣстѣ съ литовскимъ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ прибылъ въ Новгородъ ученый еврей Схарія. Его послѣдователями, развившими и обосновавшими все ученіе, были новгородскіе священники Денисъ и Алексѣй, къ которымъ примкнули священники Григорій, Герасимъ, Гавріилъ, Максимъ, Василій, много другихъ священнослужителей и мірянъ, между которыми особенно выдавался посадникъ Григорій Тучинъ. Характерно, что за ересь высказались простое священство и также бояре, какъ Тучинъ, который былъ сторонникомъ Москвы, слѣдовательно, вождемъ демократической партіи: этимъ опредѣляется наличность въ ереси струи соціальнаго протеста противъ господства олигархіи. Еретики были образованные и способные люди. Неудивительно, что въ 1479 году великій князь Иванъ III перевелъ главныхъ изъ нихъ въ Москву: Алексѣй былъ назначенъ протопопомъ Успенскаго собора, а Денисъ священникомъ Архангельскаго собора. На новой почвѣ ересь привилась очень скоро: однимъ изъ горячихъ ея приверженцевъ сдѣлался видный и даровитый государственный дѣятель, думный дьякъ, начальникъ или главный судья Посольскаго приказа, Ѳедоръ Курицынъ; къ ней, повидимому, примкнулъ архимандритъ Симонова монастыря Зосима, скоро сдѣлавшійся и митрополитомъ московскимъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ еретичество Зосимы. Во всякомъ случаѣ, Зосима былъ такой человѣкъ, который своими нравственными свойствами, весьма низменными, могъ только дискредитировать всякое движеніе, сторонникомъ котораго онъ являлся. Въ 1488 году съ ересью познакомился ярый приверженецъ традиціонныхъ

религіозныхъ воззрѣній, архіепископъ новгородскій Геннадій. Онъ разослалъ посланія къ митрополиту и епископамъ, въ которыхъ высказывался за суровое преслѣдованіе еретиковъ по примѣру испанской инквизиціи, противъ преній на церковномъ соборѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ одинъ соблазнъ, за то, что надо безпощадно казнить, именно вѣшать и жечь, еретиковъ. Но, несмотря на всю энергію Геннадія, ему удалось сначала достигнуть немногаго: ему едва удалось добиться разрѣшенія чинить розыскъ о ереси и предавать еретиковъ гражданскимъ властямъ для наказанія. Когда затѣмъ въ 1490 году былъ созванъ соборъ для сужденія о ереси, то главные еретики остались нетронутыми, а второстепенные наказаны слабо: преданы анаоемѣ и заточены. Тогда Геннадій призвалъ къ борьбѣ противъ ереси Іосифа Санина, основателя Волоколамскаго монастыря. Іосифъ сталъ писать для духовенства и вліятельныхъ лицъ посланія противъ ереси, а для массы народа обличительныя слова: и здѣсь и тамъ—и въ словахъ, и въ посланіяхъ — Іосифъ выказалъ крайнюю нетерпимость, признавалъ необходимымъ совершенное и безпощадное истребленіе еретиковъ. Наконецъ, въ 1504 году произведенъ былъ суровый розыскъ о ереси, и созванъ соборъ, окончательно ее осудившій. Въ Москвѣ и въ Новгородѣ сожжены главные еретики: Иванъ Курицынъ, Максимовъ, Пустоселовъ, Рукавовъ, архимандритъ Кассіанъ, Иванъ Самочерный и др.

Такова внѣшняя исторія ереси жидовствующихъ, не возбуждающая никакихъ сомнѣній и вызывающая очень мало разногласій. Что касается сущности еретическихъ воззрѣній и ихъ происхожденія, то въ этомъ отношеніи изслѣдователи раздѣляются на три главныхъ группы: одни считаютъ ересь чистымъ іудействомъ, другіе, наоборотъ, считаютъ іудейскій элементъ случайнымъ, поверхностнымъ и малозначительнымъ и первенствующее значеніе придаютъ раціоналистическимъ представленіямъ чисто мѣстнаго, новгородскаго происхожденія не безъ примѣси, однако, западно-европейскихъ вліяній; третьи занимаютъ промежуточное положеніе между этими двумя крайними воззрѣніями. Противъ взглядовъ третьей группы изслѣдователей говоритъ крайняя неопредѣленность, неясность ихъ, сквозящая въ ихъ робость мысли. Мнѣніе изслѣдователей первой группы, какъ справедливо замѣчено, не выдерживаетъ критики по той причинѣ, что между ересью жидовствующихъ и іудейской религіей наблюдаются слишкомъ большія различія: во-первыхъ, жидовствующіе отвергали кончину міра, тогда какъ іуден этого не дѣлаютъ; во-вторыхъ, жидовствующими не были приняты іудейскіе обряды. Ближайшее изученіе воззрѣній еретиковъ приводитъ къ убѣжденію, что раціоналистическія начала выступали въ нихъ на первый планъ, а знакомство съ еврейской ученостью было лишь средствомъ для разрушенія нѣкоторыхъ суевѣрій. Важнѣйшимъ изъ этихъ суевѣрій, какъ намъ уже извѣстно, было ожиданіе конца міра въ

1492 году—семитысячномъ отъ сотворенія міра. Еретики, познакомившись съ книгой еврейскаго ученаго Иммануила-бенъ-Якуба «Шестокрылъ», содержавшей въ себѣ астрономическія таблицы, увидѣли въ ней другое лѣтосчисленіе, по которому 1492 годъ оказывался лишь 5244-мъ отъ сотворенія міра, и на этомъ основаніи отвергли суевѣрное ожиданіе скораго свѣтопреставленія. Но этимъ отрицаніемъ распространеннаго суевѣрія жидовствующіе не ограничились: вслѣдъ за стригольниками они отрицали кончину міра, воскресеніе мертвыхъ и второе пришествіе. Это было уже догматическимъ отрицаніемъ. Отъ стригольниковъ заимствовали жидовствующіе и критическое отношеніе къ священному писанію и особенно къ писаніямъ апостоловъ и отцовъ церкви. Но мистическаго элемента, столь характернаго для стригольничества, у жидовствующихъ не было, и потому положительное ихъ ученіе содержательнѣе, чѣмъ у стригольниковъ, и отрицаніе догматовъ и обрядовъ строже и сильнѣе мотивировано и яснѣе формулировано: жидовствующіе отрицали божественность Іисуса Христа, но признавали его пророкомъ, отрицали искупленіе, рожденіе Христа отъ Дѣвы, воскресеніе Христово, отвергали почитаніе святыхъ, догматъ пресуществленія, не поклонялись кресту и иконамъ. Во всемъ этомъ ясно выступаютъ раціоналистическія воззрѣнія, передъ которыми совершенно блѣднѣетъ вліяніе іудейства. Названіе еретиковъ «жидовствующими» не должно насъ смущать: оно дано современными ереси сторонниками православія, въ глазахъ которыхъ іудейское вліяніе пріобрѣтало преувеличенные размѣры. Этой крайностью особенно страдаетъ изложеніе еретическаго ученія въ сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, хорошимъ противовѣсомъ которымъ является изложеніе ученія жидовствующихъ, занесенное въ лѣтопись на основаніи соборнаго дѣянія 1504 года.

Мы характеризовали, такимъ образомъ, нравственное и религіозное состояніе новгородскаго и псковскаго общества съ XIII по XV вѣкъ и наблюдали и въ томъ и въ другомъ отношеніи наряду съ сохраненіемъ остатковъ старины, традицій историческаго прошлаго, важныя и значительныя перемѣны. Съ подобными же явленіями приходится встрѣтиться, переходя къ изученію исторіи *искусства* въ вольныхъ городахъ удѣльнаго періода. Исходнымъ моментомъ исторіи новгородскаго и псковскаго каменнаго зодчества является постройка каменнаго Софійскаго собора, относящаяся еще къ XI вѣку, т.-е. къ предшествующему періоду исторіи Россіи, но по тѣсной связи этого образца съ позднѣйшими сооруженіями не разсмотрѣнная нами раньше, такъ что необходимо не надолго остановиться на ней теперь. По плану своему соборъ св. Софіи въ Новгородѣ былъ такимъ же подражаніемъ византійскимъ образцамъ, какъ и кіевскій Софійскій соборъ: сохранена была форма квадрата. Построенъ онъ былъ изъ сѣраго камня съ прослойкой кирпичей, имѣлъ первоначально одну главу съ круглымъ куполомъ. Климатическія условія русскаго сѣвера заставили внести су-

щественныя архитектурныя измѣненія: во-первыхъ, были уменьшены размѣрами окна вслѣдствіе зимнихъ холодовъ, причемъ, однако, на внѣшности стѣнъ остались слѣды прежняго большого окна; во-вторыхъ, обиліе атмосферическихъ осадковъ—лѣтнихъ и зимнихъ—заставило передѣлать форму кровли: была заимствована восьмискатная кровля романскаго стиля. Всѣ эти архитектурныя черты были усвоены затѣмъ при постройкѣ другихъ каменныхъ новгородскихъ и псковскихъ церквей, напр., Спаса въ Нередицахъ, Спаса Преображенія на Ильинской улицѣ, псковскаго Мирожскаго монастыря и т. д. Любопытной особенностью и новостью сравнительно съ предшествующимъ временемъ являются колокольни: онѣ строились обыкновенно отдѣльно и лишь позднѣе стали соединяться въ одно цѣлое съ церквами. Оригинальна была колокольня Софійскаго собора, построенная въ 1439 году: она была подобіемъ крѣпостной стѣны, увѣнчанной небольшимъ куполомъ и крестомъ; очевидно, первоначально колокола собора св. Софіи висѣли дѣйствительно на стѣнѣ. Но главный вкладъ въ исторію русской архитектуры внесли деревянныя постройки Новгорода и Пскова. Эти постройки, конечно, не сохранились, но мы можемъ судить о нихъ по нѣкоторымъ изображеніямъ деревянныхъ церквей на старинныхъ иконахъ и по тѣмъ позднѣйшимъ вліяніямъ, какое имѣло деревянное зодчество на постройки изъ камня. Новгородцы, издавна извѣстные какъ искусные плотники, создали типъ русскихъ деревянныхъ построекъ со множествомъ рѣзныхъ украшеній, съ точеными столбами, чешуйчатыми крышами, бочкообразными или похожими на кокошники фронтонами.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ новгородская иконографія. Живопись Софійскаго собора, главнымъ образомъ фрески,—мозаичнымъ былъ лишь орнаментъ,—отличается вполнѣ византійскимъ характеромъ, лишена всякой оригинальности. Еще въ XII и даже въ XIV вѣкахъ въ Новгородѣ были греческіе иконописцы. Но подъ 1386 годомъ встрѣчаемъ первое извѣстіе о туземныхъ, новгородскихъ иконникахъ, а въ XVI вѣкѣ можно назвать даже нѣсколько именъ мѣстныхъ иконописцевъ, каковы въ Новгородѣ Андрей Лаврентьевъ, Иванъ Дермаярцевъ, Никифоръ Грабленый и въ Псковѣ Алексѣй Малый. Въ XV и XVI вѣкахъ новгородское иконописаніе достигаетъ своего расцвѣта, причемъ сказывается уже не только одно византійское, но и западное, итальянское вліяніе, напр., Чимабуэ и Перуджино. Иностранные образцы подвергаются переработкѣ, носящей на себѣ печать нѣкоторой оригинальности, развитія эстетическаго вкуса, хотя и невысокаго. Въ новгородскомъ иконописаніи различаютъ три типа: одинъ съ преобладаніемъ зеленой краски, другой—коричневой, третій—желтой. Уже это разнообразіе раскраски свидѣтельствуетъ о нѣкоторой эстетической дифференціаціи. Человѣческія фигуры и лица отличаются еще схематичностью и однообразіемъ: всѣ фигуры—коротки, съ длинными лицами, съ большимъ носомъ, съ такъ называемыми «движками», т.-е.

черточками надъ глазами, губами, на лбу, носу, на суставахъ ногъ и рукъ. Одежда украшена крестами и клѣтками и написана длинными, прямыми чертами, причемъ складки окрашены въ иной цвѣтъ, чѣмъ вся одежда. Зданія, изображенныя на иконахъ, отличаются простотой, горы раздѣланы шашками и кружками, травы и деревья просты.

Если къ этому прибавить, что, судя, напр., по былинѣ о Садкѣ-богатомъ гостѣ, въ Новгородѣ развивалась свѣтская музыка, и что въ области церковнаго пѣнія Новгородъ сталъ создавать нѣкоторые оригинальные распѣвы и вообще славился хорошими пѣвцами, то будетъ ясно, что въ вольныхъ городахъ удѣльной Руси искусство сдѣлало нѣсколько замѣтныхъ шаговъ впередъ сравнительно съ кіевскимъ періодомъ.

Переходя къ исторіи литературы въ Новгородѣ и Псковѣ, необходимо прежде всего замѣтить, что традиціи перваго періода были всецѣло восприняты вольными городами, что все богатство древнѣйшей народной поэзіи и книжной письменности было унаслѣдовано ими вполнѣ. Извѣстно, напр., что такія произведенія, какъ «Повѣсть о Девгеніи Акритѣ», какъ рядъ поученій кіевскаго періода, читались въ Новгородѣ и Псковѣ. Всего яснѣе выступаютъ на видъ литературныя связи вольныхъ городовъ съ древнѣйшей Русью въ томъ фактѣ, что, какъ хорошо извѣстно, былинное богатство русской народной поэзіи сохранилось цѣликомъ на сѣверѣ, куда оно перешло, несомнѣнно, черезъ посредство Новгорода. Но литературно-историческая роль вольныхъ городовъ удѣльнаго періода, конечно, не ограничилась однимъ храненіемъ и передачей литературнаго наслѣдства прошлаго: и Новгородъ и Псковъ дали образцы самостоятельнаго словеснаго творчества. Это творчество выразилось прежде всего въ той же народной былинной поэзіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что былины о Садкѣ и Васильѣ Буслаевичѣ носятъ на себѣ печать чисто-новгородскаго происхожденія. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи русскаго былевого эпоса справедливо признаютъ новгородскими также и такія былины, какъ о Чурилѣ Пленковичѣ, о Микулѣ Селяниновичѣ, о камскомъ побоищѣ. Дѣло состояло не только въ томъ, что старые былинные сюжеты заново перерабатывались и осложнялись новыми добавленіями, но и въ томъ, что создавались цѣликомъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, новыя сказанія. Народное творчество сказывалось не только въ былевомъ эпосѣ, но и въ зарожденіи особаго вида поэзіи, близкаго по характеру къ драмѣ. Въ Новгородѣ, начиная со второго дня Рождества Христова, ходили по улицамъ ряженые окрутники («окрутникъ» значитъ, «клеветникъ, обманщикъ, забавникъ»), заходившіе въ дома, въ окнахъ которыхъ въ знакъ приглашенія ставились зажженныя свѣчи, и дававшіе здѣсь представленія, близкія къ драматическимъ и состоявшія изъ шутокъ, каррикатурныхъ имитацій и пляски.

Въ чисто литературномъ, письменномъ творчествѣ вольныхъ горо-

довъ обращаютъ на себя вниманіе три вида: паломническія путешествія, легенды и историческія сочиненія. Изъ паломническихъ путешествій извѣстно составленное въ половинѣ XIV вѣка сказаніе о святыняхъ Царьграда Стефана новгородца. По темѣ къ нему близко подходитъ «Бесѣда о святыняхъ Цареграда», относящаяся, вѣроятно, также къ XIV вѣку и, можетъ быть, принадлежащая перу новгородскаго архіепископа Василія, литературной дѣятельности котораго намъ сейчасъ еще придется коснуться. Новгородская и псковская легенда дошла до насъ въ цѣломъ рядѣ чрезвычайно важныхъ образцовъ: сюда относятся: извѣстное уже намъ посланіе архіепископа Василія къ тверскому епископу Ѳедору объ адѣ и раѣ, сказаніе о князѣ Довмонтѣ, житія Антонія Римлянина, Нифонта, Іоанна, Варлаама Хутынскаго, архіепископа Моисея, Зосимы и Савватія, Михаила Клопскаго, Евфросина псковскаго, сказаніе о знаменіи Богородицы при нашествіи на Новгородъ полчищъ Андрея Боголюбскаго. Источники этихъ легендъ отличаются нѣсколько бо̀льшимъ разнообразіемъ, чѣмъ прежде: это не только мѣстныя преданія и разсказы, но и письменныя замѣтки и даже иногда, какъ, напр., въ посланіи объ адѣ и раѣ, иностранные легенды апокрифическаго характера. Бо̀льшимъ разнообразіемъ отличаются и мотивы, руководившіе авторами легендарныхъ сказаній: здѣсь сказывается не одно стремленіе къ нравственному поученію, но и патріотизмъ, желаніе прославить и возвысить мѣстныя святыни. Патріотическими тенденціями отличались особенно архіепископы новгородскіе Евѳимій и Іона, занимавшіе каѳедру въ промежутокъ времени отъ 1430 до 1471 года и много сдѣлавшіе для литературнаго развитія легенды. Литературные пріемы авторовъ и художественныя свойства ихъ произведеній также обращаютъ на себя серьезное вниманіе. Новгородская легенда довольно далеко ушла уже отъ древнѣйшаго типа краткихъ, проложныхъ житій и стала пріобрѣтать риторическую окраску, особенно усилившуюся въ XV вѣкѣ подъ вліяніемъ литературной дѣятельности жившаго тогда на Руси серба Пахомія Логоѳета, извѣстнаго въ свое время агіобіографа, т.-е. составителя житій святыхъ. Впрочемъ, непосредственная свѣжесть фантазіи еще сохранялась, а сила и сжатость изложенія, которыя наблюдались уже нами въ кіевскій періодъ въ древнѣйшемъ новгородскомъ лѣтописномъ сводѣ, составляли отличительную черту и легендъ, созданныхъ вольными городами удѣльной Руси.

Исторію лѣтописанія въ Новгородѣ и Псковѣ въ періодъ ихъ политической самостоятельности возстановить чрезвычайно трудно, потому что подлинные новгородскіе и псковскіе лѣтописные своды (не говоря уже о первообразныхъ лѣтописяхъ) до насъ не дошли: слѣды лѣтописей, составлявшихся въ обоихъ вольныхъ городахъ, и притомъ слѣды довольно многочисленные уцѣлѣли въ цѣломъ рядѣ лѣтописныхъ сборниковъ—въ четырехъ такъ называемыхъ новгородскихъ

лѣтописяхъ, въ двухъ псковскихъ, двухъ софійскихъ, тверской и т. д.; но всѣ эти сборники—позднѣйшаго, московскаго происхожденія, такъ что въ нихъ встрѣчается много передѣлокъ и добавленій. Тѣмъ не менѣе фактъ сильнаго развитія лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ и Псковѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Прежде всего можно считать доказаннымъ, что въ первой половинѣ XIII вѣка въ Новгородѣ былъ составленъ лѣтописный сводъ подъ заглавіемъ «Софійскій Временникъ». Это заглавіе сохранилось въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ вмѣстѣ съ краткимъ предисловіемъ, которое заключается обѣщаніемъ разсказать «все по ряду отъ Михаила царя до Александра (т.-е. Алексѣя) и Исакія»: византійскіе императоры Алексѣй и Исаакъ Ангелы царствовали до 1204 года, когда Константинополь былъ взятъ крестоносцами; ясно, слѣдовательно, что сводъ относится къ XIII вѣку. Полагаютъ, что «Софійскій Временникъ» былъ составленъ въ 40-хъ или въ первой половинѣ 50-хъ годовъ XIII столѣтія. Но кромѣ этого свода мы вправѣ предполагать существованіе въ Новгородѣ и Псковѣ еще другихъ лѣтописныхъ сборниковъ и первообразныхъ лѣтописей. Дѣло въ томъ, что, изучая извѣстія несомнѣнно новгородскаго или псковскаго происхожденія въ упомянутыхъ сейчасъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ московскаго времени, легко замѣтить въ этихъ извѣстіяхъ большую разноголосицу взглядовъ, рѣзкое различіе симпатій тѣхъ, кто ихъ записалъ. Возьмемъ, напр., такъ называемыя новгородскія лѣтописи. Просматривая ихъ за первое десятилѣтіе XIII вѣка, мы наблюдаемъ аристократическую боярскую тенденцію въ освѣщеніи передаваемыхъ событій. Разсказывая подъ 1206 годомъ объ изгнаніи ставленника бояръ князя Ярослава Всеволодовича, лѣтописатель замѣчаетъ: «и жяляху по немъ въ Новѣгородѣ *добріи*, а *злiи* радовахуся». Въ слѣдующемъ году Ярославъ вернулся, и «добро все бысть», по словамъ лѣтописца. Въ разсказѣ о событіяхъ 1209 года чувствуется несочувствіе автора къ разграбленію народомъ имущества посадника Дмитра, одного изъ вождей аристократической партіи. На ряду съ этимъ въ извѣстіяхъ отъ 1210 до 1270 года наблюдается противоположная, демократическая тенденція: въ разсказѣ о событіяхъ 1210, 1214, 1215 и 1218 годовъ сквозитъ сочувствіе такому любимцу простого народа, какъ князь Мстиславъ Мстиславичъ; подъ 1220 г. находимъ такое характерное мѣсто: «не хотя же дьяволъ добра роду крестьяньску и злiи человѣчи, и вложи князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твердислава, а безъ вины»; подъ 1255 годомъ лѣтописецъ, замѣчая, что «бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меншiи», называетъ дѣло «меньшихъ»—«правдой новгородской»; наконецъ, въ разсказѣ 1270 года о изгнаніи Ярослава Ярославича видно сочувствіе автора обвиненіямъ, предъявленнымъ этому князю партіей черныхъ людей. Идя далѣе, въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемся опять съ лѣтописателемъ, неблагосклонно относившимся къ черни: «простая чадь» названа «кра-

мольниками» въ 1332 и 1337 годахъ; въ 1388 демократическая Софійская сторона дѣйствуетъ «навоженіемъ діаволимъ» противъ аристократическаго посадника Есипа Захарьинича. Новая перемѣна наблюдается въ XV вѣкѣ: грубая расправа боярской партіи съ противниками въ 1418 году въ высшей степени непріятна повѣствователю,—онъ называетъ ее «наученіемъ діаволимъ»; подъ 1446 г. помѣщена горькая жалоба на то, что «не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и суда, и бѣ кричъ и рыданіе и вопль и клятва на старѣйшины наши». Въ Софійской 2-й лѣтописи находится разсказъ о паденіи Новгорода, проникнутый опять боярскими тенденціями. Такая же разноголосица составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ псковскихъ лѣтописей.

Одной изъ важныхъ особенностей лѣтописанія въ вольныхъ городахъ удѣльной Руси надо признать свѣтскій, не церковный характеръ большей части повѣствованія. Политическій и общественный интересъ стоялъ для лѣтописателей Новгорода и Пскова на первомъ планѣ. Правда, очень часто встрѣчаются извѣстія о построеніи церквей, но и здѣсь виденъ не столько религіозный интересъ, сколько результатъ тщеславія отдѣльныхъ боярскихъ фамилій, каждая изъ которыхъ непремѣнно хотѣла имѣть свою церковь. Если къ этому прибавить, что наблюдается также и нѣкоторый интересъ къ исторіи иныхъ странъ, выразившійся, напримѣръ, въ помѣщеніи въ лѣтописи сказанія о взятіи Константинополя крестоносцами, то будетъ понятно, что историческая литература вольныхъ городовъ удѣльнаго времени отличалась весьма значительной оригинальностью, большой жизненностью и нѣкоторой широтой захвата. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что, по справедливому мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей, въ Новгородѣ возникла и «Толковая Палея», сочиненіе вмѣстѣ и историческое, и обличительное противъ евреевъ.

Въ непосредственной связи съ литературой находится просвѣщеніе и наука. Само собою разумѣется, что въ изучаемое время нельзя предполагать распространенія образованія и даже простой грамотности въ массѣ населенія: народъ оставался попрежнему совершенно невѣжественнымъ; по свидѣтельству архіепископа новгородскаго Геннадія, въ концѣ XV вѣка трудно было даже найти достаточное количество вполнѣ грамотныхъ людей для занятія священническихъ мѣстъ. Но при всемъ томъ среди образованнаго меньшинства, несомнѣнно, росли научные интересы, увеличивался запасъ знаній, умножалось и самое число грамотныхъ и по своему времени даже вполнѣ просвѣщенныхъ людей. Существовали уже особые «мастера», обучавшіе дѣтей и юношей за плату натурой, но общественныхъ или государственныхъ школъ попрежнему не было. Архіепископы новгородскіе XV вѣка, Евонмій и Іона, обучались чтенію и письму въ своей юности, «вданы были учитися» или «наказатися божественнымъ книгамъ»: очевидно, обученіе производилось путемъ заучиванія наизустъ азбуки,

часослова и псалтыри. Мы уже видѣли, что въ Новгородѣ были знакомы и съ древнѣйшей русской литературой, и съ западными апокрифическими преданіями. Митрополитъ Филиппъ въ своемъ посланіи къ новгородцамъ въ 1471 году называетъ ихъ «разумными въ книжной мудрости». По словамъ Іосифа Волоцкаго, еврей Схарія, основатель ереси жидовствующихъ, былъ «изученъ чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи». Имъ вѣроятно, былъ завезенъ въ Новгородъ знаменитый «Шестокрылъ» еврейскаго ученаго Имманулабенъ-Якуба, сдѣлавшійся цѣлымъ откровеніемъ въ области астрономическихъ знаній. По свидѣтельству архіепископа Геннадія, еретики были вполнѣ образованными, интеллигентными людьми, читали, напр., слѣдующія книги: «Сильвестръ папа римскій», «Слово Козьмы пресвитера противъ богомиловъ», «Посланіе патріарха Фотія къ болгарскому князю Борису», «Книга пророковъ», «Книга бытія», «Книга царствъ», «Притчи», «Менандръ», «Іисусъ Сираховъ», «Логика», «Діонисій Ареопагитъ». Таковы уцѣлѣвшія до нашего времени свидѣтельства о развитіи образованія въ вольныхъ городахъ удѣльнаго времени: успѣхи несомнѣнны, тѣмъ болѣе, что многое, конечно, не сохранилось, не дошло до насъ.

Остается теперь установить связь изслѣдованныхъ нами явленій духовной культуры Новгорода и Пскова съ извѣстными уже намъ процессами развитія экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ явленій. Посредствующимъ звеномъ, какъ намъ уже извѣстно изъ исторіи кіевской Руси, является психологическій складъ общества. Мы видѣли, какой неорганизованностью отличалась общественная психологія кіевской Руси. Въ Новгородѣ и Псковѣ удѣльнаго періода наблюдаются и въ этомъ отношеніи новыя явленія,—нѣкоторая дифференціація, выдѣленіе изъ неорганизованной матеріи, существовавшей раньше, отдѣльныхъ психическихъ типовъ, разумѣется. еще не вполнѣ организованныхъ. Конечно, это опять-таки не относится къ массѣ народа, которая попрежнему представляла собою сырой матеріалъ для будущей эволюціи, но въ высшихъ слояхъ общества психическая дифференціація становится замѣтной, несмотря на недостаточность нашихъ источниковъ. Прежде всего здѣсь заслуживаетъ вниманія тотъ общій характеръ дѣйствій, какимъ отличается общественное поведеніе аристократической партіи въ Новгородѣ XIV и XV вѣковъ. Намъ уже знакомо это поведеніе: оно сводится къ трусости передъ народомъ, къ лицемѣрію и вѣроломству и къ крайнему корыстолюбію; бояре боялись могущества вѣча и потому поддерживали сильныхъ и властныхъ князей, а затѣмъ, скапливая въ своихъ рукахъ громадные денежные и земельные капиталы и прибирая такимъ образомъ подъ свою фактическую власть купцовъ и черныхъ людей, пользовались плодами упорной борьбы, которую вела демократическая партія съ князьями: благодаря такому образу дѣйствій всѣ политическія пріі-

обрѣтенія XIII и XIV вѣковъ пошли на пользу не народу, а аристократіи. Тѣ два отличительныхъ свойства, которыя сквозятъ во всемъ этомъ,—трусость въ соединеніи съ лицемѣріемъ и вѣроломствомъ и корыстолюбіе—составляютъ, какъ намъ извѣстно, основные признаки людей эгоистическаго типа. Слѣдовательно, можно думать, что въ XIII вѣкѣ и не позднѣе XIV въ вольныхъ городахъ выдѣлился именно этотъ психическій типъ, а въ XV вѣкѣ эгоистическіе характеры достигли уже господства. Не трудно замѣтить, что это новообразованіе связано генетическими нитями съ тѣми хозяйственными преимуществами, соціальными привилегіями и политическимъ могуществомъ, которыя такъ характерны для высшихъ слоевъ новгородскаго и псковскаго общества. Могутъ замѣтить, что приведенныя сейчасъ соображенія основаны на скудномъ и отрывочномъ матеріалѣ, что они покоятся скорѣе на догадкахъ, чѣмъ на несомнѣнныхъ данныхъ, но, во-первыхъ, почему палеонтологу дозволяется возстановлять допотопное животное по одной найденной кости, а историку по двумъ характернымъ чертамъ нельзя возстановить духовный обликъ человѣка? а во-вторыхъ, мы можемъ взять и нѣкоторыя конкретныя личности для изображенія другихъ психологическихъ новообразованій, въ то время слагавшихся. Три типа намѣчаются путемъ такихъ конкретныхъ наблюденій: характернымъ представителемъ одного является извѣстный посадникъ XIII вѣка Твердиславъ Михалковичъ, выразительницей другого служитъ знаменитая Марѳа Борецкая, третій представленъ новгородскими еретиками конца XV вѣка. Мы остановимся сначала на двухъ послѣднихъ типахъ, потому что они отличаются цѣльностью и чистотой, и потомъ уже перейдемъ къ первому, какъ болѣе сложному.

Едва ли можно предполагать, что Марѳа Борецкая сколько-нибудь поддавалась низшимъ, элементарнымъ эгоистическимъ чувствованіямъ въ родѣ страха или мелкаго корыстолюбія: она смѣло, безъ всякаго трепета и колебанія рѣшилась на смертный бой съ великимъ княземъ московскимъ, который представлялъ собою въ то время почти непреодолимую силу. Она не жалѣла и денегъ для подкупа «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», которые должны были на вѣчѣ отстаивать интересы боярской партіи и кричать противъ московскаго великаго князя и за Казимира литовскаго. Наряду съ этимъ въ характерѣ Марѳы сразу бросается въ глаза большая властность, страстное стремленіе къ личному свободному самоопредѣленію, жажда силы и величія. Изъ-за этого и начала она борьбу съ Иваномъ III; этимъ продиктованы были и условія договора съ Казимиромъ, слабость власти котораго особенно бросается въ глаза, если сравнить этотъ договоръ съ извѣстной уже намъ договорной грамотой Новгорода съ Иваномъ III, относящейся къ 1471 году. Властный характеръ Марѳы Борецкой давалъ себя чувствовать и въ ея семьѣ и во всей новгородской аристократической

партіи: ея сыновья и сторонники безпрекословно ей подчинялись. Это превосходно понималъ Иванъ III, и вотъ почему Марѳа была удалена изъ Новгорода въ ссылку послѣ паденія вѣчевого строя: ее было опасно оставлять даже и на развалинахъ старыхъ порядковъ; силой своей энергіи она могла еще хотя бы на минуту вдохнуть жизнь въ отжившее политическое тѣло. Все это, какъ кажется, даетъ право причислить Марѳу Борецкую къ тѣмъ характерамъ, которые мы назвали индивидуалистическими. Разумѣется, типъ еще не сложился вполнѣ, но намѣчались главныя его характерныя черты. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что къ сдѣланной сейчасъ краткой характеристикѣ можно еще прибавить указаніе на крайнюю рѣшительность Марѳы,—отличительное свойство индивидуалистовъ,—и отмѣтить также одинъ вторичный признакъ, свойственный ей, какъ и вообще людямъ индивидуалистическаго склада: она, повидимому, не чужда была нѣкоторыхъ эстетическихъ запросовъ; такъ извѣстно что у нея былъ въ Новгородѣ «чудный дворъ», по свидѣтельству лѣтописца; эпитетъ «чудный» указываетъ на красоту этого двора, на архитектурныя его отличія. Характерно въ данномъ случаѣ и то, что эстетическій вкусъ сказался именно по отношенію къ архитектурѣ, а не по отношенію къ литературѣ. Можно предполагать даже, что борьба сама по себѣ привлекала Марѳу новизной ощущеній и богатствомъ впечатлѣній, какъ въ свое время Садко богатаго гостя влекло на чужбину не только желаніе коммерческой выгоды, но и жажда новыхъ, невѣдомыхъ раньше наслажденій. Индивидуалистическіе характеры были воспитаны всей напряженной хозяйственной дѣятельностью высшихъ слоевъ общества вольныхъ городовъ, горячей, продолжительной политической борьбой и постоянной правительственной дѣятельностью знати. Нельзя только, конечно, предполагать, чтобы такіе характеры господствовали въ изучаемое время,—напротивъ они были очень еще рѣдкимъ, едва зарождавшимся и далеко не вполнѣ развитымъ явленіемъ.

То же приходится повторить и объ этическихъ характерахъ, которые начали слагаться именно въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльной Руси, и представителями которыхъ надо признать лучшихъ, наиболѣе искреннихъ изъ новгородскихъ еретиковъ конца XV вѣка. Отрицаніе мздоимства, требованіе нравственной жизни, порицаніе религіознаго формализма, высокая оцѣнка моральной стороны христіанства при низкой оцѣнкѣ метафизической, догматической стороны религіи—все это черты, очень характерныя для людей этическаго склада. Если къ этому прибавить неутолимую потребность примѣнить свои знанія тотчасъ же и безъ всякихъ поправокъ къ практической дѣйствительности, полную непрактичность большинства еретиковъ, ихъ непримиримость, ничѣмъ не сдерживаемую смѣлость и рѣшительность дѣйствій, то зарожденіе людей этическаго склада въ Новгородѣ и Псковѣ въ удѣльный періодъ окажется явленіемъ, не подлежащимъ

сомнѣнію. Но такъ же, какъ и индивидуалисты, они были ничтожной горстью среди массы, психически еще совершенно не организованной. Когда шла рѣчь объ исторіи ересей, были уже указаны тѣ реальныя—хозяйственныя, соціальныя и политическія силы, которыя вызвали къ жизни эту новую психическую разновидность. Характерно также, что этическіе характеры впервые проявляютъ себя въ исторіи въ формѣ религіозной.

Связующимъ звеномъ между новгородскими индивидуалистами и людьми этическаго склада являются характеры двойственные, съ двумя господствующими чертами, нерѣдко борющимися между собою,—этическіе индивидуалисты. Когда, при изученіи исторіи кіевской Руси, у насъ шла рѣчь о методахъ изученія психологіи общества и объ основныхъ психическихъ типахъ, которые слѣдуетъ различать, то были оставлены безъ разсмотрѣнія характеры сложные, двойственные. Такъ какъ теперь намъ придется имѣть дѣло именно съ такимъ двойственнымъ характеромъ, то, прежде чѣмъ перейти къ конкретной характеристикѣ его представителя въ изучаемое время, необходимо установить основныя отличительныя черты людей этого склада. Для этой цѣли удобнѣе всего воспользоваться произведеніемъ, весьма выдающимся въ своемъ родѣ и по силѣ и, можно сказать, по художественности, искренности изображенія: я говорю о недавно вышедшемъ между прочимъ и въ русскомъ переводѣ «Дневникѣ Лассаля». Дѣло въ томъ, что Лассаль уже въ своей юности, къ которой какъ разъ и относится его дневникъ является типичнымъ этическимъ индивидуалистомъ, т.-е. человѣкомъ, въ духовномъ складѣ котораго болѣе сложныя эгоистическія чувства играютъ такую же роль, какъ и моральные запросы и требованія. Судя по дневнику, Лассаль былъ сильно зараженъ склонностью къ разнообразію впечатлѣній, чувствомъ новизны, т.-е. однимъ изъ эгоистическихъ чувствованій высшаго порядка. На это указываетъ уже тотъ мотивъ, который вызвалъ самое появленіе дневника: мотивъ этотъ—«мысль о томъ удовольствіи, которое получится черезъ нѣсколько лѣтъ при чтеніи своего дневника, вызывающемъ въ воспоминаніи все, чѣмъ прежде наслаждался и что выстрадалъ». То же сильное стремленіе къ разнообразію впечатлѣній видно, напр., изъ такой записи: «я не переживалъ еще такихъ счастливыхъ дней, какъ въ Берлинѣ: я переходилъ отъ удовольствія къ удовольствію, изъ одного театра въ другой». Здѣсь понятіе «счастье» прямо отожествляется со смѣной разнообразныхъ впечатлѣній. Далѣе: чувство самоуваженія, соединенное съ любовью къ одобренію (честолюбіемъ), отличалось у Лассаля чрезвычайно высокой степенью развитія. Онъ постоянно любуется собою, съ особеннымъ удовольствіемъ записываетъ полученныя имъ похвалы, надѣляетъ свою личность необыкновенными талантами, считаетъ себя неизмѣримо выше окружающихъ. 2-го января 1840 года Лассаль записываетъ: «до сихъ поръ я еще не бли-

сталъ»,—и тѣмъ даетъ понять, что время блеска скоро наступитъ, по его убѣжденію. Оно и наступило въ тотъ же вечеръ: «я въ этотъ вечеръ тоже хорошо говорилъ», читаемъ въ дневникѣ ниже, а затѣмъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ авторъ заноситъ на страницы своего дневника похвалы д-ра Шиффа его остроумію и отзывъ о себѣ одного знакомаго: «вы прекрасный и остроумный малый не по лѣтамъ». Лассаль въ совершенномъ восторгѣ отъ словъ Борхерта, который признавалъ его «геніальнымъ» и «необыкновеннымъ мальчикомъ». Совершенно понятно, что, при такомъ взглядѣ на свою личность, Лассаль смотрѣлъ свысока, съ пренебреженіемъ, даже съ презрѣніемъ на другихъ людей, по крайней мѣрѣ на большинство ихъ: онъ прямо заявляетъ: «мои товарищи по школѣ уступаютъ мнѣ въ способностяхъ, пониманіи, геніи, силѣ сужденія и умѣ»; объ одномъ приказчикѣ своего отца отзывается въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «оселъ! точно онъ могъ смотрѣть на меня свысока, будь онъ хоть въ три раза больше». Въ связи съ такимъ высоко развитымъ чувствомъ самоуваженія стоитъ легкая и сильная возбудимость Лассаля, необыкновенная склонность его къ крайнимъ проявленіямъ неукротимаго чувства гнѣва. Вотъ какъ онъ описываетъ свой гнѣвъ на сестру: «кипя яростью, я бросился на колѣни, заломилъ, какъ сумасшедшій, руки и закричалъ съ такой силой, что мой голосъ охрипъ: «Боже, сдѣлай такъ, чтобы я не забылъ никогда этого часа! змѣя, заливающаяся крокодиловыми слезами, ты пожалѣешь объ этомъ часѣ. Клянусь Богомъ! буду ли я жить 50 лѣтъ или 100, я не забуду этого до смертнаго часа. Не забудешь и ты». Отъ этого порыва сильной ярости я совершенно обессилѣлъ». Находя, что учитель Тширнеръ несправедливъ къ нему, Лассаль записываетъ: «меня охватила неудержимая злоба», «въ этотъ моментъ я готовъ былъ выпить всю кровь изъ Тширнера». Разсердившись на отца за побои, Лассаль едва не утопился.

Зато два низшихъ, элементарныхъ эгоистическихъ чувства—чувство страха во всѣхъ его проявленіяхъ и корыстолюбіе—были чужды Лассалю. Смѣлость, даже дерзость его ясно обрисовываются уже многими изъ приведенныхъ сейчасъ цитатъ; каждая страница дневника подтверждаетъ, что авторъ его не былъ трусомъ или даже сколько-нибудь робкимъ человѣкомъ. Правда, денежный вопросъ, какъ видно изъ дневника, игралъ видную роль въ жизни юноши Лассаля, но во всемъ, что говорится о деньгахъ, мы тщетно стали бы искать хотя бы малѣйшихъ слѣдовъ корыстолюбія: деньги Лассалю были нужны не сами по себѣ, но ради удовольствій, ими доставляемыхъ. Вотъ почему Лассаля никакъ нельзя назвать эгоистомъ, но индивидуалистическія чувства имѣли, несомнѣнно, первостепенное значеніе въ его духовной природѣ.

Но наряду съ индивидуалистическимъ элементомъ большую роль игралъ въ психическомъ складѣ Лассаля и элементъ этическій. Первый и несомнѣнный признакъ этической натуры—это живая и непреоборимая

потребность въ нравственномъ идеалѣ и его осуществленіи. Въ этомъ отношеніи молодой Лассаль достаточно типиченъ: для него очень цѣнны «святые интересы человѣчества», онъ жаждетъ дѣятельности для ихъ осуществленія, съ одушевленіемъ замѣчаетъ: «Богъ далъ мнѣ силы, которыя—я чувствую это—дѣлаютъ меня способнымъ къ борьбѣ». Характерны нѣкоторые мотивы, руководившіе Лассалемъ, когда онъ рѣшилъ вести свой дневникъ: «если я поступилъ несправедливо, то не буду ли я краснѣть, записывая это? и не буду ли я еще больше краснѣть, читая объ этомъ впослѣдствіи?» Переходя къ другимъ нравственнымъ эмоціямъ, необходимо отмѣтить прежде всего очень сильную, даже страстную любовь Лассаля къ родителямъ, особенно къ отцу. 1-го января 1840 г. онъ записываетъ: «я былъ тронутъ добротой отца». Подъ 4-е января читаемъ: «мои добрые родители меня очень любятъ». «Мой отецъ такой любящій, такой нѣжный, какъ немногіе изъ отцовъ», пишетъ Лассаль дальше. Еще болѣе горячія проявленія сыновней любви проявляются вслѣдъ затѣмъ: «я люблю своего отца до экстаза, и съ радостью отдалъ бы за него жизнь»; «существуетъ ли на свѣтѣ еще такая мать?—спрашиваю я». Понятно послѣ всего этого, какъ тяжело было Лассалю прощаться съ родными при отъѣздѣ изъ Бреславля въ Лейпцигъ. Чувство дружбы было свойственно Лассалю не менѣе, чѣмъ любовь къ родителямъ; друга своего Исидора онъ любилъ «больше всѣхъ изъ своихъ знакомыхъ»; въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «отрадное чувство имѣть друга, который можетъ понять тебя». Гдѣ бы ни жилъ Лассаль, вездѣ онъ быстро сближается съ другими и сильно привязывается къ своимъ друзьямъ: припомнимъ, напримѣръ, его дружбу съ Цандеромъ и Беккеромъ въ Лейпцигѣ. Такая общительность, привязчивость, такія живыя стремленія къ духовному сближенію съ другими,—несомнѣнно, одна изъ отличительныхъ чертъ натуры, въ психическомъ содержаніи которой этическіе элементы играютъ видную роль. И въ чувствѣ любви, поскольку оно было въ тѣ ранніе годы свойственно Лассалю, ясно выступаетъ нравственный элементъ: «мнѣ кажется,—читаемъ въ дневникѣ,—я ни за что не пошелъ бы къ продажной женщинѣ, я долженъ восхищаться красотой женщины, долженъ любить ее или, по крайней мѣрѣ, воображать, что люблю. Я могу желать обладать только опредѣленной женщиной, а не слѣдовать грубому животному инстинкту». Сказаннаго достаточно для доказательства того положенія, что этическій элементъ въ психической природѣ Лассаля лишь немногимъ уступалъ по своей силѣ элементу индивидуалистическому.

Намъ уже извѣстно, какъ слабо чувство красоты у людей чисто этическаго склада; извѣстно также и то, что индивидуалисту эстетическія эмоціи свойственны въ большей степени, и чувство красоты доступно въ большей чистотѣ, чѣмъ этическому характеру. Но и индивидуалистъ къ своимъ эстетическимъ восторгамъ примѣшиваетъ чуж-

дые эстетикѣ элементы: онъ ищетъ въ произведеніяхъ искусства преимущественно того, что родственно *его* натурѣ, собственное *я* для него всегда на первомъ планѣ, и потому больше всего его восхищаетъ выраженіе въ искусствѣ чувства разнообразія, смѣлости, силы, энергіи. Изучая эстетическія чувства Лассаля по его дневнику, легко убѣдиться, что двойственность его натуры наложила на нихъ яркій отпечатокъ; Лассаль—болѣе эстетикъ, чѣмъ человѣкъ этическаго типа, но характеръ его чувства красоты близокъ къ индивидуалистическому. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что живопись, скульптура, архитектура и музыка имѣли въ глазахъ Лассаля меньше значенія, чѣмъ поэзія и драматическое искусство; сила этическаго элемента и индивидуалистическихъ чувствъ—вотъ тотъ двигатель, который располагалъ различныя искусства въ такой перспективѣ. Во всемъ дневникѣ мы тщетно стали бы искать восторговъ передъ картинами, статуями, зданіями. О музыкѣ встрѣчаемъ только одно замѣчаніе, правда восторженное, но въ то же время не свидѣтельствующее объ особенномъ развитіи музыкальнаго вкуса у автора. Зато драматическій театръ Лассаль посѣщалъ весьма часто и съ большимъ увлеченіемъ; въ Берлинѣ онъ «переходилъ изъ одного театра въ другой»; въ Лейпцигѣ 27-го іюня 1840 г. ему «очень хотѣлось пойти въ театръ», а 28-го—это желаніе уже осуществилось; 12-го іюля Лассаль смотрѣлъ въ театрѣ «Гамлета», а 19-го—«Фіеско»; 9-го августа онъ присутствовалъ на представленіи шиллеровской мелодрамы «Коварство и любовь», 10-го ноября видѣлъ на сценѣ «Разбойниковъ». Вкусы и наклонности автора ярко выступаютъ уже при одномъ только перечнѣ пьесъ, которыми онъ увлекался. Еще болѣе привлекали Лассаля поэзія эпическая и лирическая; онъ читаетъ романъ Гёте «Wahlverwandtschaften», его драму «Clavigo», увлекается Байрономъ; но особенно замѣчательно его отношеніе къ лессингову «Натану Мудрому», къ «Вильгельму Мейстеру» Гете и произведеніямъ Гейне: «Натана» молодой Лассаль прочелъ «100 разъ» и—что особенно любопытно — потому, что Лессингъ «мастерски защищаетъ мой народъ» (т.-е. евреевъ); читая «Вильгельма Мейстера», Лассаль интересуется тѣми чертами характера героя, которыя дѣлаютъ послѣдняго психически ему родственнымъ; наконецъ, стихи Гейне его «глубоко волнуютъ» и вызываютъ у него слѣдующій восторженный дифирамбъ, въ которомъ много вѣрнаго, но много и индивидуалистическихъ элементовъ, чуждыхъ чистой эстетикѣ: «я люблю этого Гейне, онъ—мое второе *я*. Какія смѣлыя идеи и какая сокрушающая сила языка! Онъ умѣетъ нашептывать вамъ такъ же нѣжно, какъ зефиръ, цѣлующій розу; онъ умѣетъ пламенно и горячо изображать любовь; онъ вызываетъ въ насъ и сильную страсть, и нѣжную грусть, и необузданный гнѣвъ. Къ его услугамъ всѣ чувства и настроенія. Его пронія такъ убійственна и мѣтка!» Если, наконецъ, къ сказанному прибавить, что Лассаль читалъ еще

Виланда, Ауэрбаха, Мольера и восхищался «Иліадой» и поэтами Эллады, то будетъ ясно, что любовь къ изящной литературѣ господствовала у Лассаля надъ другими эстетическими чувствами, хотя, какъ сказано было выше, чистой эстетики и здѣсь было мало.

Чтобы закончить анализъ эмоціональной стороны духовной природы Лассаля, намъ остается характеризировать его чувства религіозныя и общественныя. Религія имѣла въ глазахъ молодого Лассаля большую важность: 1-го января 1840 г. онъ не могъ идти играть на бильіардѣ, «потому что во время богослуженія это запрещается»; благоговѣйная молитва Богу доставляла Лассалю большое утѣшеніе и успокоеніе; онъ восхищается проповѣдью Гейгера и испытываетъ отъ нея глубокое впечатлѣніе; но что особенно характерно, — это общее отношеніе Лассаля къ догматической и обрядовой сторонамъ религіи: будучи противникомъ атеизма и выражая свою преданность іудейской религіи, Лассаль въ то же время рѣзко высказывается противъ обрядоваго формализма. Здѣсь, какъ и вообще въ религіозныхъ чувствахъ Лассаля, виденъ человѣкъ, психикѣ котораго были не чужды этическіе элементы. Но замѣтна также и индивидуалистическая примѣсь: отвращеніе къ внѣшнему принужденію и склонность къ свободѣ мысли, проявлявшаяся съ особенной силой въ восхищеніи идеями такого новатора въ іудействѣ, какимъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ Гейгеръ. Наконецъ, въ общественныхъ чувствахъ Лассаля въ его молодые годы, также какъ и въ зрѣлые, отвлеченный этическій идеализмъ, выспреннія мечтанія соединялись со страстнымъ индивидуализмомъ, съ сознаніемъ правъ человѣческой личности, съ жаждой ея господства въ общественныхъ отношеніяхъ и вѣрой въ личный успѣхъ и свою блестящую будущность на политической аренѣ. Все это ясно изъ слѣдующихъ цитатъ. Ничто такъ не оскорбляетъ Лассаля, какъ пренебрежительное отношеніе къ евреямъ; чтобы добиться уваженія къ нимъ, онъ готовъ «пожертвовать жизнью», идти на эшафотъ; его ужасаетъ положеніе евреевъ въ Дамаскѣ, онъ приходитъ отъ этого въ ярость, считаетъ необходимымъ возстаніе. Читая книгу Эльснера «Знаменитые дни въ жизни Наполеона», Лассаль восхищается негодованіемъ автора противъ «деспотіи тирановъ» и его «любовью къ свободѣ». Очень характерны такія замѣтки въ дневникѣ: «родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы и душой и тѣломъ аристократъ, но такъ какъ я сынъ простого бюргера, то буду въ свое время демократомъ», «я читалъ письма Берне; они мнѣ очень понравились. Если посмотрѣть на эту тюрьму — Германію, какъ въ ней попираются человѣческія права, сердце сжимается при видѣ глупости этихъ людей»; «я хочу провозгласить свободу народамъ, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть въ этой попыткѣ»; «я хочу выступить передъ германскимъ народомъ и передъ всѣми другими и пламенными рѣчами призвать ихъ на борьбу за свободу».

Переходя къ особенностямъ ума Лассаля, можно сдѣлать апріорный выводъ, что въ силу преобладанія индивидуалистическаго элемента въ его натурѣ его умъ былъ болѣе объективенъ и отличался большей наблюдательностью, чѣмъ умъ людей этическаго склада. Знакомство съ дневникомъ только подтверждаетъ это апріорное предположеніе: такъ, Лассаль очень тонко и объективно анализируетъ мотивы запрещенія ему отцомъ игры на билліардѣ, вѣрно и прекрасно характеризуетъ приказчика Л., тонко и мѣтко указываетъ: «у Фредерики (сестры Лассаля) такой характеръ, что открытое сопротивленіе только укрѣпляетъ ее въ ея мнѣніи». Нельзя, однако, же отрицать, что въ умственномъ складѣ Лассаля были нѣкоторые этическіе элементы: это обнаруживается, между прочимъ, въ его отношеніи къ теоретическому знанію и къ знанію прикладному. Онъ не признавалъ чистой науки какъ таковой и ждалъ отъ теоріи отвѣтовъ на практическіе запросы, но подъ практической стороной дѣла онъ разумѣлъ не ремесло и не разныя узкоприкладныя свѣдѣнія, а общіе выводы, необходимые для примѣненія научныхъ построеній къ общественной жизни. Это лучше всего удостовѣряется его заявленіемъ отцу послѣ жизни въ Лейпцигѣ, что онъ хочетъ изучать исторію, а не медицину и юриспруденцію, такъ какъ «врачъ и адвокатъ—купцы, торгующіе своими знаніями», а исторія «связана съ самыми святыми интересами человѣчества». Рѣшительность воли, непреклонность цѣлей и энергія въ ихъ достиженіи—вотъ черта, всего болѣе роднящая индивидуалистовъ съ людьми этическаго типа; она—естественное слѣдствіе того, что и у тѣхъ, и у другихъ энергія направлена въ одну опредѣленную сторону, и потому не можетъ быть сомнѣній и колебаній. Лассаль—этическій индивидуалистъ, въ его духовной природѣ нравственный элементъ по своей силѣ слѣдуетъ сейчасъ же послѣ индивидуалистическаго, лишь нѣсколько ему уступая; вотъ почему колебанія и сомнѣнія могли обуревать Лассаля лишь при столкновеніи этихъ господствующихъ въ немъ мотивовъ, въ остальныхъ же случаяхъ непреклонность рѣшенія и энергія въ его осуществленіи была вполнѣ обезпечена. Недаромъ Лассаль самъ говорилъ про себя: «я не отличаюсь нерѣшительностью», и чуть ли не каждая страница его превосходнаго дневника убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу этого горделиваго заявленія.

Итакъ, общая формула, въ которой могутъ быть выражены основныя психологическія особенности этическихъ индивидуалистовъ,—такова: наибольшимъ развитіемъ у нихъ отличаются индивидуалистическія чувства, къ которымъ по силѣ близко подходятъ этическія; эти два проявленія эмоціональной жизни придаютъ своеобразную окраску чувствованіямъ эстетическимъ, религіознымъ и общественнымъ; умъ не отличается полнымъ объективизмомъ; воля—рѣшительна и сильна.

Типъ этическаго индивидуалиста зародился—опять-таки лишь въ

видѣ очень рѣдкаго исключенія—также въ изучаемое время въ Новгородѣ. Его представителемъ можно до нѣкоторой степени считать знаменитаго, неоднократно уже намъ встрѣчавшагося новгородскаго посадника XIII вѣка Твердислава Михалковича. Вотъ краткая его біографія, насколько насъ съ нею знакомятъ новгородскія лѣтописи. Твердиславъ былъ сынъ одного изъ вождей демократической партіи въ Новгородѣ, Михалка Степанича, и, унаслѣдовавъ отъ отца выдающееся мѣсто въ этой партіи, былъ выбранъ въ первый разъ въ посадники въ 1209 году. Въ слѣдущемъ году, вмѣстѣ съ княземъ, Твердиславъ въ качествѣ степеннаго посадника руководилъ удачными военными операціями новгородцевъ противъ Литвы. Въ 1211 году изъ Суздальской земли вернулся бывшій тамъ въ плѣну другой предводитель демократической партіи, Дмитръ Якуничъ, и Твердиславъ уступилъ ему посадничество добровольно, какъ старшему. Сдѣлавшись такимъ образомъ старымъ посадникомъ, Твердиславъ продолжалъ однако играть очень видную активную политическую роль въ своей партіи: когда новгородцы въ 1214 г., по призыву извѣстнаго народнаго любимца князя Мстислава Мстиславича, отправились походомъ на Кіевъ противъ самовластно распоряжавшагося въ южной Руси Всеволода Чермнаго, дорогой поссорились со смольнянами и хотѣли вернуться домой, то Твердиславъ убѣдилъ ихъ продолжать походъ, сказавъ: «братья! вѣдь и дѣды наши и отцы страдали за Русскую землю». Въ 1215 г. въ Новгородѣ появился самовластный князь Ярославъ Всеволодовичъ, угодный боярской партіи и врагъ народа. Онъ напрасно пытался подкупить Твердислава,—тотъ остался при прежнихъ убѣжденіяхъ. Узнавъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ новгородцамъ этимъ княземъ, вернулся изъ южной Руси Мстиславъ Мстиславичъ, одержалъ извѣстную побѣду при Липицѣ, и Твердиславъ снова получилъ степенное посадничество. На этотъ разъ онъ занималъ эту должность до 1219 года. Это были бурные годы: сначала Твердиславъ съ княземъ ходили походомъ на чудь, потомъ аристократическая торговая сторона вмѣстѣ съ Неревскимъ концомъ несправедливо обвинила Твердислава въ вѣроломной выдачѣ князю виднаго члена аристократической партіи Матвѣя Душильцевича и подняла возстаніе. «Твердиславъ же позря на св. Софію и рече: даже буду виноватъ, да буду ту мертвъ; буду ли правъ, а ты мя оправи, Господи». Усобица кончилась побѣдой народной партіи. Но князь Святославъ потребовалъ отъ вѣча смѣны Твердислава безъ вины со стороны послѣдняго, по собственному признанію князя. Твердиславъ сказалъ на вѣчѣ: «я радъ, что за мной нѣтъ вины, а вы, братья, въ посадникахъ и князьяхъ вольны». Тогда вѣче наотрѣзъ отказало князю въ его требованіи. Второе посадничество Твердислава кончилось по той причинѣ, что часть демократической партіи заподозрила его въ сношеніяхъ съ Юріемъ Всеволодовичемъ суздальскимъ, и, повидимому, не безъ основаній, потому что лѣтописецъ, раньше и

позднѣе отмѣчающій несправедливость взводимыхъ на Твердислава обвиненій, въ данномъ случаѣ на такую несправедливость не указываетъ: очевидно, Твердиславъ былъ новаторомъ среди демократовъ, первый понялъ, что сильный князь можетъ служить опорой простого народа противъ бояръ. Впрочемъ, въ томъ же 1219 году Твердиславъ въ третій разъ сдѣлался степеннымъ посадникомъ. Въ 1220 году князь Всеволодъ Мстиславичъ несправедливо, по словамъ лѣтописца, разгнѣвался на Твердислава, и снова едва не началась усобица, но Твердиславъ самъ добровольно отказался отъ посадничества, будучи боленъ, и постригся тайкомъ отъ своей семьи въ Аркажѣ монастырѣ, построенномъ однимъ изъ его предковъ; въ 1224 г. онъ съ братомъ построилъ церковь св. Михаила. Умеръ Твердиславъ Михалковичъ въ одинъ изъ ближайшихъ затѣмъ годовъ въ монашествѣ.

Передъ нами бурная, дѣятельная, преисполненная борьбы и опасностей жизнь, показывающая, что тотъ, кто ее прожилъ, не любилъ сидѣть, сложа руки, и неудержимо рвался къ проявленію своей крупной личности, къ живымъ и разнообразнымъ новымъ впечатлѣніямъ. Все время этотъ человѣкъ игралъ первую роль въ своей партіи,—даже тогда, когда не былъ степеннымъ посадникомъ. Онъ высоко ставилъ свою личность и безъ малѣйшаго страха вступалъ въ борьбу для самозащиты. Личная его храбрость не подлежитъ сомнѣнію, потому что онъ не только смѣло боролся съ политическими противниками, но и нѣсколько разъ участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ. Твердиславъ не былъ корыстолюбивъ: не даромъ онъ не пошелъ на подкупъ. Однимъ словомъ, при силѣ высшихъ, болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ, онъ былъ чуждъ элементарнаго эгоизма. Индивидуалистическій, а не чисто эгоистическій, элементъ выступаетъ на первый планъ въ его духовной природѣ.

Но это былъ не чистый индивидуалистъ. Стремленіе къ нравственной правдѣ, стойкость и принципіальность въ политическомъ отношеніи, глубокое и серьезное религіозное чувство, покоящееся на твердомъ убѣжденіи, что Божество блюдетъ и хранитъ идеалъ правды на землѣ, привязанность къ семьѣ, заставляющая его скрыть отъ нея свое намѣреніе постричься въ монахи, рыцарская честность въ отношеніи къ старшему товарищу, которому по праву принадлежалъ высокій постъ,—все это черты, показывающія въ достаточной мѣрѣ, насколько силенъ былъ въ духовномъ складѣ Твердислава Михалковича этическій элементъ. Если къ этому прибавить самостоятельность, оригинальность и силу ума, достаточно объективнаго, чтобы понять истинные интересы народа, и рѣшительность воли, проявляющуюся въ каждой моментъ жизни и дѣятельности, то будетъ ясно, что передъ нами находится, по крайней мѣрѣ въ процессѣ своего развитія, если не завершенія, настоящій этическій индивидуалистъ.

Въ результатѣ произведенныхъ сейчасъ наблюденій надъ психоло-

гическимъ развитіемъ новгородскаго общества получается тотъ выводъ, что въ этомъ отношеніи достигнута была уже значительная дифференціація, строго притомъ соотвѣтствовавшая дифференціаціи экономической, соціальной и политической и бывшая, очевидно, подкладкой тѣхъ новыхъ явленій въ нравахъ и обычаяхъ, въ религіи, въ искусствѣ, литературѣ и образованности, которыя были предметомъ нашего изученія. Сложившіеся характеры появились лишь въ высшихъ общественныхъ слояхъ, масса же народа оставалось косной и психически слабо организованной.

Глава седьмая.

Литература по исторіи вольныхъ городовъ удѣльной Руси.

Болѣе подробное изученіе исторіи вольныхъ городовъ удѣльной Россіи, какъ и изученіе всякаго другого отдѣла исторіи, должно начаться чтеніемъ общихъ сочиненій по данному вопросу. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи нельзя указать для исторіи Новгорода работы, стоящей на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Соотвѣтствующіе отдѣлы въ «Исторіи Россіи» Соловьева и «Русской исторіи» Бестужева-Рюмина устарѣли, хотя первая изъ этихъ работъ должна быть прочитана, какъ и также устарѣвшія въ очень многомъ «Сѣверноруссвія народоправства» Костомарова и вторая книга «Разсказовъ изъ русской исторіи» Бѣляева. Лучше обстоитъ дѣло съ исторіей Пскова: здѣсь есть хорошая книга Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова».

Вторую ступень составляетъ изученіе монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ сторонамъ исторической жизни Новгорода и Пскова. Что касается природы страны, то новыхъ сравнительно съ кіевскимъ періодомъ пособій указывать не приходится. Важнѣйшія сочиненія о населеніи и колонизаціи—это въ большинствѣ случаевъ тѣ же, которыя трактуютъ и о экономическомъ бытѣ. Таковы особенно слѣдующія: Никитскаго «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода»; рецензія на эту книгу г. Лаппо-Данилевскаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1895 г., № 12, подъ заглавіемъ «Критическія замѣтки по исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода»; «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в.» г. Бережкова; о колонизаціи, землевладѣніи и хозяйствѣ на сѣверѣ трактуютъ работы г-жи Ефименко «Изслѣдованія народной жизни», томъ I (статья «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ»); г-на Иванова «Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII вѣкѣ» (въ изданіи «Древности. Труды археографической коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества», томъ II, выпускъ 1), г-на Ключевскаго «Хозяйственная дѣятельность Соловец-

каго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ» («Московскія университетскія извѣстія» за 1866—67 г., № 7); Попова «Колонизація Заволочья и обрусѣніе Заволоцкой Чуди» («Бесѣда» за 1872 г., № 2); еп. Макарія «Христіанство въ предѣлахъ Архангельской епархіи» («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1878 г., книга III). Исторіи хозяйства и населенія въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка посвящены отчасти сочиненія Ильинскаго: «Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1876 годъ, № 6, и въ «Историческомъ Обозрѣніи», томъ IX), г. Чечулина «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ», Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ».

По соціальной исторіи вольныхъ городовъ очень мало спеціальныхъ работъ: кромѣ многихъ названныхъ выше трудовъ, заслуживаютъ особаго вниманія еще X глава книги г. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси», г. Павлова-Сильванскаго «Закладничество-патронатъ» (въ «Запискахъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества» за 1897 годъ), а также тѣ сочиненія, въ которыхъ изображается гражданскій порядокъ въ Новгородѣ и Псковѣ: г. Владимірскаго-Буданова «Обзоръ исторіи русскаго права», г. Дювернуа «Источники права и судъ въ древней Руси», Энгельмана «Гражданскіе законы Псковской судной грамоты».

Многія изъ вышеназванныхъ сочиненій и особенно упомянутые сейчасъ труды гг. Ключевскаго, Дювернуа и Энгельмана относятся и къ политической исторіи Новгорода и Пскова. Кромѣ того, тутъ важны сочиненія Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» и Неволина «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ (въ «Запискахъ Императорскаго Географическаго Общества», томъ VIII). Исторіи борьбы партій посвящены статьи Пассека «Новгородъ самъ въ себѣ» («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1869 годъ, книга IV) и Рожкова «Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вѣковъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1901 годъ, № 4).

Лучшее сочиненіе по исторіи церкви и религіи въ Новгородѣ—это книга Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ»; слѣдуетъ познакомиться также съ книгой г. Голубинскаго «Исторія русской церкви», томъ II, половина первая: въ ней также, между прочимъ, идетъ рѣчь о церковной исторіи вольныхъ городовъ.

Для вопроса объ искусствѣ первыми пособіями могутъ служить сочиненія г. Новицкаго «Исторія русскаго искусства» и Ровинскаго «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка» («Записки Императорскаго Археологическаго Общества», томъ VIII).

Основнымъ пособіемъ по исторіи литературы и просвѣщенія остается

«Исторія русской литературы» г. Пыпина. въ которой есть и подробная библіографія. Но наряду съ ней надо съ самаго начала поставить и нѣкоторые спеціальные труды, особенно слѣдующіе: «Очерки русской народной словесности» г. Миллера, «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» г. Ключевскаго. «Начало русскаго театра» Тихонравова (во II томѣ его «Сочиненій»), г. Сенковского «Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева» г. Тихомирова «Нѣсколько замѣтокъ о новгородскихъ лѣтописяхъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1892 годъ. № 9), его же «Обозрѣніе состава московскихъ лѣтописныхъ сводовъ» (тамъ же за 1895 г., № 8), г. Шахматова «О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ».

Только послѣ ознакомленія съ указанными сочиненіями можно переходить къ изученію источниковъ, а затѣмъ и менѣе важныхъ пособій.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Сѣверо-восточная Русь съ XIII до половины XVI вѣка.

Глава первая.

Природа и населеніе сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI вѣка.

Переходя ко второму отдѣлу нашего изложенія исторіи удѣльнаго періода, — къ Руси сѣверо восточной, — мы должны прежде всего точнѣе опредѣлить предѣлы территоріи, подлежащей нашему изученію. Съ сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока эта территорія граничила съ владѣніями Великаго Новгорода, отмѣченными уже въ предшествующемъ отдѣлѣ. Теперь остается поэтому указать только западныя, юго-западныя, южныя, юго-восточныя и восточныя ея границы. На западѣ и юго-западѣ граница сѣверо-восточной Руси шла отъ Волоколамска нѣсколько западнѣе Можайска къ Окѣ до Алексина (нынѣ уѣздный городъ Тульской губ.), затѣмъ она поворачивала на сѣверо-востокъ по Окѣ до Коломны, а отъ Коломны спускалась почти прямой линіей къ верховьямъ Дона до южныхъ предѣловъ нынѣшней Рязанской губерніи. Отсюда граница опять поднималась на сѣверо-востокъ до средняго теченія рѣки Цны, шла по этой рѣкѣ до впаденія ея въ Оку, а затѣмъ по Окѣ до Нижняго-Новгорода. Далѣе территорія сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время, выдвинувшись на востокъ къ теченію рѣки Суры, сливалась съ вятскими владѣніями Новгорода и съ поселеніями зырянъ. Можно такимъ образомъ сказать, что область, подлежащая сейчасъ нашему изученію, обнимала слѣдующія нынѣшнія губерніи: восточную и юго-восточную часть Тверской губ., почти всю Московскую, всю Ярославскую, восточную часть Новгородской съ примыкающими къ ней южными окраинами Олонецкой губерніи, юго-западную часть Вологодской губерніи, большую часть губерніи

Костромской, всю Владимірскую губернію, сѣверо-западную часть Тамбовской и, наконецъ, всю почти Рязанскую губернію. Къ этому можно бы еще прибавить русскія поселенія по верхнему теченію Камы, которыя становятся замѣтными въ XV вѣкѣ, но такъ какъ прикамская область не играла еще въ удѣльное время важной роли, то удобнѣе разсматривать ея исторію уже при изученіи слѣдующаго періода.

Намъ уже извѣстенъ рельефъ восточно-европейской равнины, почему теперь нѣтъ нужды останавливаться на его характеристикѣ. Въ климатическомъ отношеніи очерченная сейчасъ территорія характеризуется, какъ переходная отъ суроваго сѣвера къ благодатному югу: климатъ здѣсь континентально-умѣренный, причемъ рѣзкихъ различій на всемъ пространствѣ между отдѣльными частями области не наблюдается. Подобно тому, какъ по климату сѣверо-восточная Русь представляетъ собою нѣчто среднее между двумя крайностями, существующими на равнинѣ, такимъ же среднимъ она является и въ отношеніи орошенія и почвы. Намъ уже извѣстно, что сѣверо-западъ равнины — область новгородскихъ пятинъ—можно признать типичнымъ болотно-озернымъ краемъ, изобилующимъ водою; наоборотъ, юго-восточная окраина отличается бѣдностью орошенія,—малымъ количествомъ рѣкъ и озеръ и скудостью атмосферическихъ осадковъ. Изучаемая нами область не бѣдна ни рѣками, ни озерами, даже богата ими въ очень большой мѣрѣ, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи области вольныхъ городовъ. Самыми важными водными артеріями являются Волга, Ока и Москва. Переходъ отъ скудныхъ почвенныхъ условій сѣвера и сѣверо-запада къ южному чернозему совершается въ сѣверо-восточной Руси съ большой постепенностью: сначала, въ сѣверной части области, наблюдается преобладаніе болотной почвы и подзола, потомъ, по мѣрѣ приближенія къ Волгѣ, на первый планъ выступаютъ песчаныя и суглинистыя почвы, господствующія на всемъ пространствѣ между Волгой и Окой и перемежающіяся кое-гдѣ сѣрыми лѣсными землями, а также—по берегамъ рѣкъ—аллювіальными почвами; наконецъ, за Окой, въ нынѣшней Разанской губерніи, начинается полоса настоящаго сплошного чернозема.

Одной изъ отличительныхъ чертъ природы сѣверо-восточной Руси слѣдуетъ признать чрезвычайное обиліе лѣсовъ, почти сплошь покрывавшихъ всю область въ теченіе удѣльнаго періода. Объ этомъ обиліи свидѣтельствуютъ единогласно акты, житія святыхъ и извѣстія иностранныхъ наблюдателей. Такъ, по актовому матеріалу, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ лѣса занимали не менѣе 45% всей площади; Комельскій лѣсъ, находившійся на границахъ нынѣшнихъ Вологодской и Костромской губерній, былъ непроходимъ по житіямъ святыхъ конца XV вѣка. О громадныхъ лѣсахъ въ Костромскомъ, Галицкомъ и Нижегородскомъ уѣздахъ имѣемъ свидѣтельства для XIV вѣка въ житіи св. Пахомія, а для начала XVI—въ сочиненіи Герберштейна. По житію св. Адріана,

еще въ 40-хъ годахъ XVI вѣка въ пошехонскихъ предѣлахъ былъ «дикій лѣсъ» и т. д. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Рязанскій край уже тогда былъ менѣе лѣсистъ, а въ нѣкоторыхъ центральныхъ уѣздахъ, по крайней мѣрѣ въ XV в., наблюдалось уменьшеніе лѣсной площади; такъ, житіе св. Сергія Радонежскаго, составленное именно въ XV столѣтіи, сообщаетъ, что св. Сергій поселился въ пустынѣ и лѣсахъ, и только при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ (XIV в.) «сотвориша пустыню яко поля чиста многа, *якоже и нынѣ нами зрима суть*». Лѣса имѣли большое значеніе въ качествѣ естественныхъ преградъ, раздѣлявшихъ бассейны разныхъ рѣкъ.

Переходя къ зоологическимъ богатствамъ, нельзя не отмѣтить, что въ этомъ отношеніи сѣверо-восточная Русь удѣльнаго времени далеко уступала и Руси кіевской, и владѣніямъ вольныхъ городовъ XIII—XVI вѣковъ. Правда, не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается многочисленными указаніями источниковъ обиліе всякаго рода рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы къ концу періода это обиліе сколько-нибудь замѣтно уменьшилось; правда, и здѣсь—особенно въ XIII и XIV вѣкахъ—водилось много бобровъ и такихъ звѣрей, какъ медвѣди, волки, лисицы, серны, буйволы, зубры, лоси, но, во-первыхъ, количество такихъ звѣрей постепенно сокращалось, и, во-вторыхъ, мы тщетно стали бы искать здѣсь пушныхъ звѣрей, доставлявшихъ наиболѣе цѣнные мѣха,—соболей, куницъ, песцовъ и проч. Даже лучшія породы лисицъ, по свидѣтельствамъ иностранцевъ, уже не встрѣчались въ XV и XVI вѣкахъ на территоріи сѣверовосточной Руси.

Заслуживаютъ, наконецъ, упоминанія нѣкоторыя минералогическія богатства, сдѣлавшіяся извѣстными въ изучаемое время. Такъ, область Устюжны и вообще среднее теченіе Шексны (такъ называемая Улома или Уломна) извѣстны были своимъ желѣзомъ, а соль водилась въ XIV и XV вѣкахъ въ Сольгаличѣ, Нерехтѣ, въ Переяславскомъ и Ростовскомъ озерахъ (Сольгаличъ и Нерехта въ нынѣшней Костромской губерніи, Переяславское озеро во Владимірской губерніи, а Ростовское въ Ярославской).

Опредѣленіе—хотя бы приблизительное—количества населенія въ удѣльной сѣверо-восточной Руси является попрежнему невозможнымъ за недостаткомъ данныхъ. Источники позволяютъ намъ, однако, представить себѣ съ достаточной ясностью процессъ колонизаціи, открывающій въ свою очередь нѣкоторую возможность судить и о степени плотности населенія. Колонизація сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI вѣка является непосредственнымъ продолженіемъ того интенсивнаго и массоваго передвиженія населенія изъ бассейна Днѣпра въ область Оки и верхней Волги, который намъ приходилось наблюдать въ концѣ кіевскаго періода въ XII столѣтіи. Мы начнемъ поэтому обзоръ колонизаціи съ южныхъ окраинъ, чтобы затѣмъ постепенно приблизиться къ центру и сѣверу.

Наши источники зарегистрировали въ XIII вѣкѣ послѣднія проявленія колонизаціоннаго теченія съ юга Россіи: извѣстно, что именно въ этомъ столѣтіи появились Руза (нынѣ уѣздный городъ Московской губ.), Гороховецъ, Стародубъ и Ярополчъ (всѣ три въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской губ.), наконецъ, Нижній-Новгородъ (осн. въ 1221 г.). Быть можетъ, не безъ вліянія этого притока населенія съ юга возникли и два рязанскихъ монастыря также въ XIII столѣтіи — Богословскій къ сѣверу отъ Рязани и Ольговъ Богородицкій къ юго-востоку отъ нея. Но если въ XIII вѣкѣ совершенно несомнѣннымъ надо признать воздѣйствіе со стороны на ходъ колонизаціоннаго процесса въ сѣверо-восточной Руси, особенно въ южныхъ ея окраинахъ, то XIV, XV и особенно первая половина XVI столѣтія представляютъ собою въ отношеніи колонизаціи уже совсѣмъ другую картину: въ это время заселеніе пустыхъ мѣстъ въ изучаемой нами территоріи происходитъ исключительно подъ вліяніемъ естественнаго прироста населенія. Самая южная изъ областей сѣверо-восточной Руси — земля Рязанская—въ XIV, XV и XVI вѣкахъ отличалась уже весьма значительной плотностью, что видно какъ изъ небольшого числа вновь появляющихся внѣ городовъ монастырей, такъ и изъ отсутствія пустошей въ составѣ поселеній и изъ значительнаго количества селъ, деревень и починковъ: въ XIV столѣтіи былъ основанъ только одинъ внѣгородской монастырь—Солотчинскій, а въ XV также одинъ—Богоявленскій на Боркахъ: Ольговъ монастырь пріобрѣлъ во второй половинѣ XIV вѣка 5 погостовъ, въ которыхъ считалось тогда 1.010 семей: у Солотчинскаго монастыря въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія совершенно не было пустошей, а были только села, деревни и и починки *).

Нынѣшняя Московская губернія съ сѣверными частями Калужской и Тульской представляетъ собою на югѣ окраинную область, а въ сѣверной своей части центральную. Повидимому, въ XIV и даже въ XV вѣкахъ эта область не отличалась такою плотностью населенія, какъ Рязанская, и потому здѣсь населеніе росло ускореннымъ темпомъ, можетъ быть, приливало и изъ сосѣднихъ областей сѣверо-восточной Руси. Самымъ яркимъ признакомъ такого ускореннаго роста и происходящаго отсюда заселенія свободныхъ земель является основаніе цѣлаго ряда внѣгородскихъ монастырей: построенные въ XIV вѣкѣ монастыри, какъ Высоцкій (около Серпухова), Троицкій-Сергіевъ, Хотьковъ, Стромынскій (къ сѣверу отъ Богородска), Саввинъ-

*) Основаніе внѣгородскихъ монастырей важно по той причинѣ, что они обыкновенно появлялись въ незаселенной мѣстности и были исходными пунктами дальнѣйшей колонизаціи. Пустоши—покинутыя поселенія, указывающія на отливъ населенія; починки, какъ новые поселки, свидѣтельствуютъ о приливѣ населенія; большое число селъ и деревень—признакъ плотности населенія.

Сторожевскій (къ западу отъ Звенигорода) и Николо-Угрѣшскій (къ юго-востоку отъ Москвы) какъ бы намѣтили своимъ положеніемъ западные, южные, восточные и сѣверные предѣлы области, а послѣдующая монастырская колонизація заполнила эти предѣлы: XV вѣкъ далъ московской землѣ не менѣе десяти новыхъ внѣгородскихъ монастырей *); въ то же время появляется новый городъ Бронницы. Но уже къ концу этого вѣка наблюдается нѣкоторое равновѣсіе между приливомъ населенія и его отливомъ: всѣ свободныя мѣста, болѣе удобныя для поселенія, уже заняты, и колонизаціонный процессъ входитъ въ нормальное русло, потому что достигнута извѣстная степень плотности населенія, подходящая къ условіямъ даннаго историческаго момента. Это видно изъ того, что въ большей части актовъ конца XV столѣтія нѣтъ ни починковъ, ни пустошей. Тѣ же отличительныя черты характеризуютъ колонизацію Московской земли и въ первой половинѣ XVI вѣка, когда здѣсь появляется всего только два новыхъ внѣгородскихъ монастыря (Давидовъ-Вознесенскій къ сѣв.-вост. отъ Серпухова и Медвѣдевъ-Богородицкій къ сѣв.-зап. отъ Дмитрова), а актовый матеріалъ отмѣчаетъ, при небольшомъ вообще числѣ пустошей и починковъ, незначительное преобладаніе послѣднихъ надъ первыми и очень большое число селъ и деревень; для примѣра отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ дмитровскихъ имѣніяхъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка считалось 129 деревень, 17 починковъ (11,3%) и 4 пустоши (2,3%).

Схема колонизаціоннаго процесса, установленная нами сейчасъ для Московской земли, характерна и для другой центральной области, именно Владимірской: и здѣсь XIV вѣкъ какъ бы намѣчаетъ предѣлы будущей колонизаціи основаніемъ монастырей, какъ Борисоглѣбскій на Ушнѣ (около Мурома), Киржачскій (къ сѣв.-зап. отъ Покрова), Успенскій-Дубенскій (къ сѣв.-зап. отъ Александрова), Мохрищскій-Троицкій (къ югу отъ Александрова) и Васпіевъ-Мячковскій (къ сѣв.-вост. отъ Гороховца), XV столѣтіе—время наиболѣе напряженной колонизаціи, а въ XVI достигается извѣстный предѣлъ населенности, колонизація входитъ въ норму и отличается умѣренностью. Въ XV вѣкѣ наблюдаемъ и здѣсь появленіе новыхъ монастырей **) и умноженіе починочныхъ поселеній, а для XVI типическимъ примѣромъ, взя-

*) Высоцкій-Покровскій (близъ Боровска), Изосимпъ-Успенскій (къ юго-зап. отъ Клина), Іосифовъ-Волоколамскій, Троицкій-Бѣлопесоцкій (къ юго-вост. отъ Серпухова), Соловецкій-Марчуговскій (къ востоку отъ Бронницъ), Рождественскій-Богородскій (около Малоярославца), Пятницкій-Берендѣевъ (къ сѣверу отъ Звенигорода), Пафнутіевъ-Боровскій, Лужецкій (къ сѣверу отъ Можайска) и Левкіевъ (къ юго-зап. отъ Волоколамска).

**) Таковы: Николаевскій-Шартомипскій (къ сѣверу отъ Шуи), Козьмипъ-Успенскій-Яхромскій, Сновицкій (къ сѣв.-зап. отъ Владиміра), Михайловскій (въ 12 в. отъ Коврова).

тымъ изъ цѣлаго ряда другихъ, ему подобныхъ, являются владѣнія митрополита въ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ въ 1520 году: здѣсь было 79 селъ и деревень, 6 починковъ (6,7%) и 4 пустоши (4,4%). Вполнѣ понятно, почему потомки первыхъ поселенцевъ, которымъ стало тѣсно на новыхъ мѣстахъ послѣ переселенія ихъ отцовъ съ юга, стремились охватить область пошире: ихъ старыя хозяйственныя привычки къ хищнической добывающей промышленности, первобытному скотоводству и подсѣчному земледѣлію вынуждали ихъ на это. Позднѣе приходилось отступать отъ старины, сжиматься тѣснѣе, заселять промежуточныя между ранѣе захваченными мѣстами пространства. Схема колонизаціоннаго процесса вскрываетъ такимъ образомъ и основную движущую его причину.

Естественно поэтому, что и въ третьей центральной области сѣверовосточной Руси—въ Ярославской землѣ—можно наблюдать появленіе въ XIV вѣкѣ внѣгородскихъ монастырей на окраинахъ: на южной окраинѣ, къ сѣверо-западу отъ Ростова, въ 1303 г. основанъ былъ Борисоглѣбскій монастырь, а на крайнемъ сѣверо-востокѣ области, близъ нынѣшняго Любима, появился Воскресенскій-Обнорскій монастырь. Затѣмъ въ XV вѣкѣ, опять согласно указанной схемѣ, колонизація обращается внутрь области и идетъ чрезвычайно быстро и горячо: умножаются монастыри *), увеличивается число починковъ **). Наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. движеніе входитъ въ норму: монастыри появляются вновь въ видѣ исключеній и опять на окраинахъ, потому что центръ уже заселенъ, между пустошами и починками устанавливается приблизительное равновѣсіе. Такими новыми окраинными монастырями Ярославскаго края въ первой половинѣ XVI вѣка являются Адріановъ-Успенскій къ юго-востоку отъ Пошехонья и Спасо-Геннадіевъ къ юго-востоку отъ Любима. Для примѣра относительнаго количества поселеній разнаго рода въ XVI вѣкѣ можно указать на владѣнія Троицкаго-Сергіева монастыря въ Ростовскомъ уѣздѣ: они состояли изъ 110 селъ и деревень, 2 починковъ (1,7%) и 5 пустошей (4,2%).

Намъ остается теперь остановить свое вниманіе на колонизаціи окраинъ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени,—западной, т.-е. Тверской земли, сѣверной, т.-е. Бѣлозерской области, съ одной стороны, и Вологодской—съ другой, наконецъ, восточной окраины, состоявшей изъ земель Костромской и Нижегородской. Тверская область уже въ XII и XIII вѣкахъ достигла значительной плотности населенія,

*) Воскресенскій въ Корашѣ (къ югу отъ Ростова), Златоустовъ-Райскій (къ сѣв. отъ Мологи), Кассіановъ-Учемскій (къ сѣв-вост. отъ Углича), Николаевъ-Улейминскій (къ юго-вост. отъ Углича), Покровскій-Папсіевъ (къ юго-зап. отъ Углича), Троицкій-Сергіевъ Варницкій (къ сѣверу отъ Ростова).

**) Напр., у митрополита въ XV в. въ Рост. уѣздѣ было 209 дер. и 25 починковъ, пустошей же не было совсѣмъ.

бо́льшей, чѣмъ Московская въ то же время. Поэтому въ послѣдующее время заселеніе ея не отличается интенсивнымъ характеромъ, идетъ послѣдовательно и ровно: внѣгородскіе монастыри въ XV и XVI столѣтіяхъ появляются въ небольшомъ количествѣ *), а починки обыкновенно нѣсколько преобладаютъ надъ пустошами, при многочисленности селъ и деревень: такъ по тверской писцовой книгѣ 1540 г. считалось 2.542 села и деревни, 327 починковъ (10,7%) и 187 пустошей (6,1%).

Несравненно слабѣе были населены сначала сѣверныя окраины. Наиболѣе населенною частью Бѣлозерскаго края до XVI вѣка были, по всѣмъ признакамъ, берега Шексны, южный берегъ Бѣлоозера и мѣстности на югъ и востокъ отъ послѣдняго: такъ-по Шекснѣ лежали неоднократно упоминаемыя въ актахъ XV вѣка Череповская волость, волость Ѳедосьинъ городокъ, Улома. По многимъ притокамъ Шексны, какъ Бородава, Сярсь, Чурава, также были уже въ XV вѣкѣ довольно значительныя поселенія. Наконецъ, берега озеръ, лежащихъ между Бѣлоозеромъ и Шексной, съ одной стороны, и Кубенскимъ озеромъ съ другой, равно какъ и берега рѣкъ, текущихъ въ эти озера, также были заселены довольно плотно до XVI столѣтія. Мѣстные монастыри, появившіеся въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, всѣ находились къ югу и юго-востоку отъ Бѣлоозера: таковы Троицкій-Устьшехонскій, Кириловъ-Бѣлозерскій, Ѳерапонтовъ, Никитскій, Благовѣщенскій-Ворбозомскій монастыри. Только одинъ монастырь XV вѣка, основанный св. Мартиніаномъ, ученикомъ Кирилла Бѣлозерскаго, выдвинулся на сѣверъ,—на островъ озера Воже. И вообще къ сѣверу отъ Бѣлоозера населеніе было несравненно слабѣе. Такое расположеніе поселеній XIII, XIV и XV вѣковъ показываетъ, что населеніе шло сюда изъ бассейна Волги, изъ Тверской и Ярославской земли. Но и въ первой половинѣ XVI вѣка въ наиболѣе населенной части Бѣлозерскаго края оставались еще пустыя мѣста, привлекавшія поселенцевъ, какъ то видно изъ основанія здѣсь ряда новыхъ монастырей **) и изъ появленія новыхъ, прежде не существовавшихъ волостей по Шекснѣ. Въ то же время колонизація подвигалась все далѣе къ сѣверу: починки въ актахъ попадаются очень часто и въ бо́льшемъ количествѣ, нежели пустоши.

Наиболѣе населенной частью Вологодской земли до XVI вѣка надо признать ту, которая непосредственно примыкала къ Бѣлозерщинѣ,—именно берега Кубенскаго озера, рѣкъ, въ него впадающихъ и изъ него вытекающихъ. Здѣсь въ XIII, XIV, XV вѣкахъ появилось много

*) Спасо-Ренскій и Рябово-Троицкій въ XV в., Успенскій-Иваницкій и Раковъ-Покровскій монастыри—въ XVI в.

**) Новоезерскій, Илоозерскій, Воронина пустынь, Горицкій—Воскресенскій монастырь, Данилловъ монастырь.

монастырей: Спасо-Каменный, Александровъ-Куштскій, Спасо-Евоиміевъ Сянжемскій, Спасо-Прилуцкій, Діонисіевъ-Глушицкій, Григоріевъ Пельшемскій и т. д. Другая группа вологодскихъ монастырей, основанныхъ въ XIV и XV вѣкахъ, лежала отдѣльно отъ только что перечисленныхъ, по сосѣдству съ Костромскимъ краемъ и отчасти съ Ярославскимъ, въ такъ называемомъ Комельскомъ лѣсу. То были Павловъ-Обнорскій, Сергіевъ-Нуромскій, Корниліевъ-Комельскій, Иннокентіевъ Спасо-Преображенскій монастыри. Два послѣднихъ монастыря возникли только въ самомъ концѣ XV вѣка, что, на ряду съ указаніями житій святыхъ на непроходимость мѣстныхъ лѣсовъ, свидѣтельствуетъ о слабой населенности этой мѣстности въ то время. Болѣе сильное колонизаціонное теченіе замѣтно здѣсь только въ первой половинѣ XVI столѣтія, когда появляется рядъ новыхъ волостей, и строятся монастыри, какъ Стефановъ-Никольскій, Авнежскій, Арсеніевъ-Ризположенскій и т. д. Все только что сказанное убѣждаетъ, что первоначальные русскіе поселенцы проникли въ Вологодскій край изъ Бѣлозерской земли, и лишь позднѣе замѣтной становится колонизація края изъ Ярославской и Костромской земель. Третій важный колонизаціонный районъ Вологодскаго края—это Устюжская область, въ которой сталкивались два встрѣчныхъ колонизаціонныхъ потока—новгородскій и приволжскій. Здѣсь населеніе еще и въ XV и XVI вѣкахъ было, однако, сколько нибудь плотнымъ только по теченію Сѣверной Двины съ ея притоками. Остальная же часть края представляла собою, по выраженію актовъ, «черный лѣсъ» или «дикія мѣста», въ которыя лишь отдѣльными разбросанными единицами проникали одинокіе поселенцы.

Костромской край въ XIV вѣкѣ заселялся, повидимому, даже быстрѣе Вологодскаго: въ это время возникаетъ здѣсь не менѣе семи внѣгородскихъ монастырей, разбросанныхъ на очень большомъ пространствѣ, очерчивающихъ огромную территорію *). Гораздо рѣже попадаются новые монастыри въ XV **) и первой половинѣ XVI вѣка ***), и въ то же время, на ряду съ селами, деревнями и починками, въ костромскихъ актахъ появляется много пустошей, причиной чего надо считать внѣшнія опасности, угрожавшія краю съ появленіемъ Казанской орды на Волгѣ.

Одинаковую съ Костромскимъ краемъ участь въ этомъ отношеніи переживалъ и Нижегородскій край: ему много приходилось терпѣть въ концѣ удѣльнаго періода отъ хищничества казанскихъ татаръ, задерживавшихъ своими набѣгами приливъ населенія и вынуждавшихъ пра-

*) Таковы монастыри Троицкій-Сыпановъ, Паисіевъ-Успенскій, Аврааміевъ Покровскій, Аврааміевъ-Успенскій, Бабаевскій-Николаевскій, Желѣзноборовскій-Предтеченскій и Ипатьевскій.

**) Ихъ два: Крестовоздвиженскій-Николаевскій и Александровъ-Спасскій.

***) Только одинъ—Жуково-Богородицкая пустынь.

вительство выдвигать на защиту поселенцевъ аванпосты въ видѣ укрѣпленныхъ городовъ, какимъ былъ, напр., построенный въ 1523 г. Васильсурскъ. Однако, татары не были въ силахъ вполнѣ уничтожить колонизаціонный процессъ въ Нижегородской и Костромской земляхъ; они только на время его замедлили.

Произведенныя сейчасъ наблюденія надъ процессомъ колонизаціи русскаго сѣверо-востока даютъ возможность сдѣлать нѣсколько очень важныхъ общихъ выводовъ. Прежде всего мы видѣли органическую связь изслѣдованнаго сейчасъ процесса съ движеніемъ населенія въ кіевскій періодъ. Затѣмъ мы наблюдали дальнѣйшее развитіе его подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ условій, вслѣдствіе роста населенія. Далѣе: каждая обширная область, «земля» или «великое княженіе» удѣльной Руси опредѣлилась въ своихъ будущихъ предѣлахъ именно благодаря процессу колонизаціи, потому что поселенцы сразу захватывали возможно болѣе обширный районъ, и потомъ уже начиналось движеніе внутрь или вглубь отдѣльныхъ намѣченныхъ вначалѣ областей; наконецъ, самый ходъ колонизаціи находился въ сильной зависимости отъ рѣкъ, перерѣзывавшихъ въ разныхъ направленіяхъ страну, а также отъ лѣсовъ, ее покрывавшихъ: поселенцы двигались именно по рѣкамъ и обыкновенно замыкались въ бассейнѣ той рѣки, гдѣ осѣдали, будучи изолированы отъ своихъ сосѣдей непроходимыми лѣсами, занимавшими водораздѣлы между разными бассейнами. Послѣднее замѣчаніе является отвѣтомъ на одинъ изъ основныхъ вопросовъ,— о вліяніи природы страны на ея колонизацію. Мы опять видимъ, что это вліяніе не велико, проявляется скорѣе въ подробностяхъ, чѣмъ въ главномъ, дѣйствуетъ черезъ второстепенныя сравнительно свойства природы, каковы орошеніе и ботаническія богатства. Напротивъ, климатъ и почва оказываются безсильными повліять сколько-нибудь замѣтно на процессъ заселенія бассейна Оки и верхней Волги.

При изученіи колонизаціи была намѣчена и основная ея движущая причина въ изучаемый періодъ—привычка къ старымъ хозяйственнымъ пріемамъ и къ господствовавшимъ въ кіевской Руси отраслямъ производства, требовавшимъ захвата возможно болѣе обширныхъ пространствъ для хозяйственной эксплуатаціи. Этимъ опредѣлился, такъ сказать, широкій размахъ движенія въ XIII и XIV вѣкахъ, его экстенсивный характеръ: намѣчены были обширные предѣлы, отнюдь не заполненные населеніемъ. Но мы видѣли, что вслѣдъ за этимъ ясно выразилось въ XV и XVI вѣкахъ другое явленіе: колонизаціонное теченіе внутрь и вглубь широко очерченныхъ вначалѣ областей. Въ это время колонизація приняла, слѣдовательно, болѣе интенсивный характеръ, сдѣлалась болѣе глубокой и прочной. Чѣмъ вызвана была такая перемѣна? Почему такъ существенно измѣнился характеръ колонизаціи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ точно и правильно, необходимо обратиться къ изученію народнаго хозяйства въ удѣльной сѣверо-восточной Руси.

Глава вторая.

Народное хозяйство удѣльной сѣверо-восточной Руси.

Изучая первый основной вопросъ хозяйственной исторіи,—вопросъ объ относительномъ значеніи отдѣльныхъ отраслей промышленности въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время,—мы уже на основаніи извѣстныхъ намъ изъ предшествующаго изложенія данныхъ можемъ сдѣлать заключеніе о преобладаніи въ началѣ періода, въ XIII вѣкѣ, добывающей промышленности на всемъ пространствѣ русскаго сѣверо-востока. Въ самомъ дѣлѣ: мы видѣли, чѣмъ по преимуществу было вызвано массовое передвиженіе русскаго населенія въ XII вѣкѣ изъ Поднѣпровья въ бассейнъ Оки и верхней Волги: оно было вызвано, главнымъ образомъ, стремленіемъ остаться при старыхъ хозяйственныхъ привычкахъ, при занятіяхъ охотой, бортничествомъ, первобытнымъ скотоводствомъ, требовавшихъ обширной свободной территоріи. Естественно, что и на новыхъ мѣстахъ поселенцы не бросили этихъ занятій, продолжали посвящать имъ почти все свое время. Это подтверждается и сдѣланными только что наблюденіями надъ развитіемъ колонизаціи въ XIII вѣкѣ: потребность въ обширныхъ пространствахъ для охоты, пчеловодства и скотоводства вызвала, какъ мы видѣли, широту размаха при колонизаціи, быстрый захватъ громадныхъ областей. Но если такъ было въ XIII вѣкѣ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что преобладаніе добывающей промышленности сохранилось и въ XIV, XV и тѣмъ болѣе въ первой половинѣ XVI вѣка. Чтобы освѣтить эту сторону дѣла, необходимо анализировать относящійся сюда матеріалъ, изданный и еще въ большей степени не изданный, хранящійся въ архивахъ, потому что одного изданнаго матеріала недостаточно для правильныхъ и обоснованныхъ выводовъ. Изучая этотъ матеріалъ, состоящій изъ разнаго рода актовъ или грамотъ—договорныхъ между князьями, духовныхъ, купчихъ, данныхъ, закладныхъ, жалованныхъ и т. д., а также изъ писцовыхъ книгъ, мы убѣждаемся, прежде всего, въ томъ, что *рыболовство* въ теченіе всего изучаемаго періода и на всемъ пространствѣ сѣверо-восточной Руси продолжало играть прежнюю весьма важную роль: рыбныя ловли, езы (приспособленія для зимней рыбной ловли), тони, озера, воды попадаются постоянно и на югѣ, какъ въ Рязанской землѣ, и на западѣ—въ Тверской, и на востокѣ—въ Нижегородской и Костромской земляхъ и на рѣкѣ Сурѣ, и на сѣверѣ—въ земляхъ Бѣлозерской, Вологодской, Устюжской, и, наконецъ, въ такихъ центральныхъ областяхъ, какими являются Московская, Владимірская и Ярославская. Никакого уменьшенія въ количествѣ рыбныхъ ловель къ половинѣ XVI вѣка незамѣтно. Это совершенно естественно въ виду тѣхъ поразительно громадныхъ рыбныхъ богатствъ, какими изобиловали въ то время рѣки и озера. Тѣми же естественными причинами, только въ этомъ случаѣ причинами климатическими, объ-

ясняется состояніе *пчеловодства* на русскомъ сѣверо-востокѣ въ удѣльный періодъ. О бортникахъ и оброкѣ медовомъ въ Московской землѣ говоритъ, напр., такой древній документъ, какъ духовная грамота Ивана Калиты, относящаяся къ 1328 году. Цѣлый рядъ актовъ XIV, XV и первой половины XVI вѣка, относящихся къ Коломенскому, Можайскому, Рузскому, Звенигородскому, Суздальскому, Владимірскому уѣздамъ, упоминаетъ о бортяхъ, бортныхъ соснахъ и дубахъ и о бортникахъ совершенно согласно съ завѣщаніемъ Калиты и тѣмъ подтверждаетъ, что пчеловодство въ центрѣ удѣльной Руси было, какъ и раньше, очень важной отраслью хозяйственной дѣятельности. Рязанскіе монастыри, какъ Ольговъ и Солотчинскій, владѣли въ XIV и XV вѣкахъ обширными бортными ухожаями на югѣ, и въ то же время пчеловодство встрѣчается на крайнемъ востокѣ и сѣверо-востокѣ,—на рѣкѣ Сурѣ и въ Костромскомъ краю. Зато мы тщетно стали бы искать бортей и бортниковъ на сѣверѣ—въ областяхъ Бѣлозерской, Вологодской и Устюжской: суровыя климатическія условія препятствовали развитію здѣсь пчеловодства, которое такимъ образомъ ограничивалось въ своемъ хозяйственномъ значеніи географически, не вліяло на складъ народнаго производства въ сѣверныхъ областяхъ. Этого мало: существуетъ еще одинъ признакъ того, что по крайней мѣрѣ мѣстами пчеловодство въ удѣльный періодъ стало терять первостепенное значеніе; такимъ признакомъ служитъ появленіе спеціалистовъ-бортниковъ, отличающихся отъ остальной массы крестьянства, хотя, конечно, эту спеціализацію нельзя понимать слишкомъ строго, не слѣдуетъ думать, что бортники только однимъ пчеловодствомъ и занимались. Однако, тутъ важно именно то обстоятельство, что, повидимому, значительные круги сельскаго населенія, даже главныя его массы, перестали заниматься пчеловодствомъ: иначе не появилась бы группа лицъ, которой усвоено было спеціальное названіе «бортники» или, какъ выражается житіе одного святого, «древолазцы». Итакъ, изученіе пчеловодства въ бассейнѣ Оки и верхней Волги приводитъ къ заключенію, что, хотя оно существовало и играло видную роль, но привлекало уже не всѣхъ жителей и даже не бо́льшую ихъ часть, не говоря уже о томъ, что оно было распространено не повсемѣстно.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находилась въ то время *охота* за звѣремъ и птицей (звѣроловство и птицеловство). Безъ сомнѣнія, въ изучаемый періодъ были на русскомъ сѣверо-востокѣ мѣстности, въ которыхъ охота во всѣхъ ея видахъ составляла одно изъ главныхъ занятій жителей. Когда мы читаемъ, напримѣръ, лѣтописныя извѣстія, что въ 1417 году устюжане заплатили двинянамъ 8.080 соболей, а въ 1425 году—50.000 бѣлокъ и 240 соболей, когда въ актахъ того же Устюжскаго уѣзда въ XVI вѣкѣ намъ попадаются путики, перевѣсища, тетеревиныя ловли, а въ XV и XVI столѣтіяхъ путики и перевѣсы упоминаются въ Бѣлозерской области, когда, на-

конецъ, узнаемъ изъ житія св. Кассіана Учемскаго, что въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка около Углича «біяху звѣри много, лоси и олени и зубри же и буиволы и лисицы и серны, волцы же и медвѣди», то становится яснымъ, что весь сѣверъ изучаемаго нами пространства былъ въ очень еще значительной мѣрѣ охотничьей страной даже въ концѣ удѣльнаго періода. Картина значительно мѣняется по мѣрѣ приближенія къ югу. Правда, и въ центрѣ, и на западѣ, и на востокѣ, и на югѣ охота не въ качествѣ только забавы, но и какъ серьезное дѣло не исчезла изъ хозяйственнаго обихода и не потеряла всей важности, но, во-первыхъ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Владимірскій, Суздальскій, Дмитровскій, Рязанскій, Курмышскій (на рѣкѣ Сурѣ), акты отмѣчаютъ все время только бобровые гоны и перевѣсища, не указывая путиковъ, а во-вторыхъ, даже и бобровые гоны съ перевѣсищами встрѣчаются рѣже и рѣже, причемъ птичья охота мѣстами спеціализируется, какъ и пчеловодство,—появляются особые сокольники Все это—очень важныя наблюденія, убѣждающія насъ въ томъ, что времена почти безраздѣльнаго господства добывающей промышленности безвозвратно миновали, что значеніе не только пчеловодства, но и охоты сильно уменьшилось.

Этотъ общій выводъ, касающійся положенія всей добывающей промышленности, не смягчается даже тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ уже намъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверо-восточной Руси въ XIV—XVI вѣкахъ существовало солевареніе; соль добывалась во Владимірской землѣ—въ Переяславскомъ и Ростовскомъ озерахъ,—а также въ Нерехтѣ и Сольгаличѣ, лежавшихъ въ предѣлахъ Костромской земли. Въ области Устюжны и по среднему теченію Шексны добывалось желѣзо. Однако, эти отрасли добывающей промышленности—особенно послѣдняя, т. е. добываніе желѣза,—были такъ мало развиты, что принимать ихъ въ разсчетъ при общемъ опредѣленіи относительно значенія разныхъ отраслей промышленности почти не приходится.

Оговорившись, что нельзя отрицать важность добывающей промышленности въ удѣльной сѣверо-восточной Руси, если эту промышленность взять самое по себѣ, замѣтимъ, что *первенствующую хозяйственную роль въ данное время начинаетъ играть та отрасль промышленности, которая была второстепенной въ кіевскій періодъ и не выдвинулась на первый планъ даже въ вольныхъ городахъ,—именно сельское хозяйство и—что особенно важно—не скотоводство, а земледѣліе.* Пожни, луга, сѣнокосы, наволоки (заливные луга), конюшенные и коровьи дворы, стада скота, правда, то и дѣло попадаются въ нашихъ источникахъ и теперь, но ошибочно было бы на этомъ основаніи выдвигать скотоводство на первый планъ сравнительно съ земледѣліемъ. Безъ сомнѣнія, были мѣстности, гдѣ самой природой и большей рѣдкостью населенія обусловлена была нѣкоторая распространенность ското-

водственныхъ занятій, но въ то же время рядъ наблюденій надъ источниками убѣждаетъ насъ въ преобладаніи земледѣлія, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ это преобладаніе становится замѣтнѣе. Само собой разумѣется, къ сѣверной окраинѣ это замѣчаніе примѣнимо менѣе, чѣмъ къ центру и югу, здѣсь можно предполагать такое же равновѣсіе между добывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, какое намъ приходилось наблюдать въ новгородскихъ пятинахъ. Но даже на сѣверѣ важность земледѣлія не можетъ подлежать сомнѣнію: еще въ XIII вѣкѣ основатель великоустюжскаго Архангельскаго монастыря Кирріанъ былъ, по мѣстному лѣтописцу, «земледѣлатель», а въ XV вѣкѣ тотъ же летописецъ заботливо отмѣчаетъ годы неурожаевъ и цѣны на хлѣбъ. Въ источникахъ XIV, XV и XVI вѣковъ содержится рядъ указаній на первенствующее значеніе земледѣлія въ центральныхъ и южныхъ областяхъ сѣверо-восточной Руси. Объ этомъ прежде всего свидѣтельствуютъ житія мѣстныхъ святыхъ: поселившіеся здѣсь монахи, въ противоположность основателямъ сѣверныхъ монастырей, не охотились, не ловили рыбы и не варили соли, а воздѣлывали землю, занимались полевымъ, земледѣльческимъ хозяйствомъ. Типическими примѣрами монаховъ-хлѣбопашцевъ являются такіе святые, какъ Сергій Радонежскій, Стефанъ Махрищскій, Пахомій, основатель Сыпанова монастыря,—всѣ жившіе въ XIV вѣкѣ. О томъ же первенствѣ земледѣлія надъ другими отраслями народнаго труда свидѣтельствуютъ многочисленные акты, государственные и частные. Такъ, въ 1391 году митрополитъ Кирріанъ далъ уставную грамоту, опредѣляющую повинности крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ монастырей: характеръ этихъ повинностей не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ преобладающемъ значеніи земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ: что это за повинности? Главныя изъ нихъ заключаются вотъ въ чемъ: «игумнову долю пашни пахать, сѣять и жать, сѣно косить, рожь молоть, хлѣбы печь, солодъ молоть, на сѣмя рожь молотить». Наконецъ, отъ конца XV и первой половины XVI вѣка до насъ дошло много отрывковъ изъ писцовыхъ книгъ по митрополичьимъ, монастырскимъ, иногда и частновладѣльческимъ имѣніямъ. Читая эти книги, легко убѣдиться, что земледѣліе стало главнымъ занятіемъ жителей почти во всей сѣверо-восточной Руси: послѣ подробнаго перечня поселеній, дворовъ въ нихъ и взрослаго мужского населенія указываются угодья, между которыми часто встрѣчаются рыбныя ловли, рѣдко борти и бобровые гоны, почти никогда перевѣсы и *всегда* пашня въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. При этомъ пашня въ описаніи выдвигается постоянно на первый планъ, а всѣ остальныя угодья описываются, какъ дополнительные, второстепенные придатки къ основному хозяйственному фонду имѣнія.

Извѣстія нашихъ источниковъ объ *обрабатывающей промышленности* въ сѣверо-восточной Руси чрезвычайно отрывочны, такъ что не мо-

гутъ дать полное и точное представленіе о предметѣ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что и въ изучаемой періодъ эта отрасль народнаго труда имѣла сравнительно-ничтожное значеніе, по прежнему слабо развивалась, дѣлала лишь робкіе шаги впередъ. Къ числу наиболѣе распространенныхъ вѣтвей обрабатывающей промышленности принадлежало производство издѣлій изъ дерева, что, конечно, и естественно въ странѣ лѣсной: о плотникахъ говорится, напр., въ житіи св. Сергія Радонежскаго, затѣмъ въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка въ имѣніи Спасо-Прилуцкаго монастыря въ Вологодскомъ уѣздѣ; ложечники, упоминаемые въ городѣ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ 1520 году, вѣроятно, выдѣлывали свои ложки также изъ дерева, были токарями; посолъ германскаго императора Сигизмундъ Герберштейнъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Московіи» сохранилъ для насъ извѣстіе, что въ Калугѣ дѣлали деревянные кубки, искусно украшенные рѣзьбой, и другія деревянныя вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ. Кузнецы, котельщики, гвоздочники, ковшечники, оловянничники, серебряники не разъ попадаются въ актахъ XV и XVI вѣковъ, что указываетъ на разныя отрасли металлическаго производства. Духовныя завѣщанія московскихъ великихъ князей XIV и XV вѣковъ подтверждаютъ эти наблюденія, отмѣчая въ составѣ имущества князей много серебряныхъ и золотыхъ вещей: блюдъ, чашъ, кубковъ, ложекъ, цѣпей, шкатулокъ и т. д. Въ 1245 году итальянецъ Плано-Карпини видѣлъ при дворѣ татарскаго хана русскаго золотыхъ дѣлъ мастера. Въ Москвѣ въ 1410 году существовала даже особая пошлина съ серебрянаго литья. Есть—далѣе—указанія на гончарныя издѣлія. Наконецъ, сельское хозяйство въ обоихъ своихъ главныхъ отрасляхъ—земледѣліи и скотоводствѣ—доставляло значительный матеріалъ для текстильнаго производства,—для суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій,—а также для производства кожевеннаго. Это видно изъ такихъ извѣстій, какъ, напр., сообщеніе житія св. Февроніи Муромской, что она приготовляла холстину, или лѣтописная замѣтка 1365 года, что княгиня Василиса жила въ монастырѣ, «тружаяся рукодѣліемъ»; на то же указываетъ матеріалъ обычной тогда русской одежды,—всѣхъ этихъ епанчей, корзнъ, охабней или однорядокъ, обыкновенныхъ крестьянскихъ сермягъ изъ овечьей шерсти, шерстяныхъ и валяныхъ шляпъ; св. Сергій Радонежскій, какъ извѣстно, шилъ кожаные сапоги на братію, а грамоты удѣльнаго періода отмѣчаютъ неоднократно существованіе въ разныхъ мѣстахъ кожевниковъ, сѣдельниковъ и овчинниковъ. Но два обстоятельства заставляютъ насъ не преувеличивать значенія всѣхъ этихъ, на первый взглядъ довольно многочисленныхъ, промысловъ: во-первыхъ, каждый разъ какъ мы видимъ описаніе цѣльнаго хозяйства, приходится наблюдать, какъ лица, занимающіяся обрабатывающей промышленностью, тонутъ въ общей массѣ населенія: такъ, напр., въ рядѣ дошедшихъ до насъ

описаній митрополичьихъ имѣній конца XV вѣка чрезвычайно рѣдко мелькаютъ передъ нашими глазами «мастеровые люди» и всегда въ очень небольшомъ количествѣ; во-вторыхъ, всѣ лучшія издѣлія изъ металловъ, сукна, шерсти и даже кожи получались изъ-за границы.

Переходя къ характеристикѣ *торговли*, внутренняго и внѣшняго обмѣна, необходимо прежде всего поставить внѣ всякихъ сомнѣній тотъ фактъ, что *хозяйство сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ продолжало быть натуральнымъ*, разсчитаннымъ не на сбытъ, а на собственное потребленіе производителей хозяйственныхъ благъ. Въ этомъ убѣждаетъ прежде всего натуральный характеръ владѣльческихъ оброковъ за землю: эти оброки состояли или въ уплатѣ хлѣба въ извѣстномъ количествѣ четвертей съ прибавкой разнаго рода другихъ продуктовъ—мяса, баранины, яицъ, льну и пр.,—или въ уступкѣ крестьяниномъ землевладѣльцу доли урожая, обыкновенно половины; половничество особенно часто встрѣчается въ это время въ сѣверныхъ частяхъ изучаемой территоріи. Затѣмъ такъ называемый «кормъ», т.-е. вознагражденіе, получаемое отъ жителей областными правителями вмѣсто обычнаго теперь казеннаго жалованья, въ XIII и XIV вѣкахъ состоялъ обыкновенно изъ натуральныхъ же приношеній, и только въ XV стали дозволять замѣну ихъ деньгами, причемъ, однако, нормальнымъ считался все-таки поборъ натурой. Типическимъ примѣромъ этого являются слѣдующія постановленія одной грамоты Троицкаго-Сергіева монастыря, относящейся къ пятидесятымъ годамъ XV столѣтія: крестьяне радонежскихъ имѣній монастыря обязаны были давать въ видѣ корма съ каждыхъ двухъ плуговъ княжескому намѣстнику на Рождество Христово полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, 10 хлѣбовъ, «а не любъ полоть, ино два алтына, а не любъ мѣхъ овса, ино алтынъ, а не любы хлѣбы, ино за ковригу по дензѣ». Если къ этому прибавить, что государственные денежные налоги были немногочисленны, окладъ ихъ невеликъ и притомъ не установился прочно, постоянно мѣняясь, главное же значеніе принадлежало натуральнымъ повинностямъ, въ родѣ, напр., городового дѣла, т.-е. обязанности жителей строить укрѣпленія, то станетъ понятнымъ, что масса населенія имѣла въ рукахъ своихъ даже къ концу періода совершенно ничтожныя денежныя суммы, очевидно по той причинѣ, что добыть ихъ было неоткуда, такъ какъ торговля была слабо развита, большинство населенія не было втянуто въ торговый оборотъ. Послѣдующее изложеніе будетъ, такимъ образомъ, посвящено лишь указаніямъ на перемѣны, несомнѣнно уже намѣчавшіяся въ процессѣ хозяйственнаго развитія русскаго сѣверо-востока сравнительно съ кіевской Русью и свидѣтельствующія не о переходѣ къ денежному хозяйству, а о томъ лишь, что періодъ господства хозяйства натуральнаго не представляетъ собою чего-либо неподвижнаго, разъ навсегда даннаго, постояннаго, а является мѣняющимся во времени

процессомъ. Только въ этомъ, очень ограниченномъ смыслѣ и можно понимать положеніе, что торговля, особенно внутренняя, постепенно развивалась въ удѣльное время сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Первымъ признакомъ развитія внутреннихъ мѣновыхъ сношеній надо признать установленіе чеканной монетной единицы, подобно тому какъ это случилось и въ вольныхъ городахъ въ XV вѣкѣ. Такой единицей сталъ рубль, состоявшій изъ 10 гривенъ или 200 денегъ (такъ наз. московскихъ денегъ или московокъ, на которыхъ изображался великій князь съ мечомъ, и которыя отличались отъ новгородскихъ денегъ или новгородокъ, на которыхъ чеканилось изображеніе великаго князя съ копьемъ, почему онѣ назывались также копейными деньгами или копейками: копейки были вдвое болѣе денегъ, ихъ въ рублѣ считалось 100). Мы видѣли въ свое время, что въ кіевской Руси не было внутренней торговли между областями различныхъ городовъ. Теперь дѣло стало мѣняться, между такими областями появились зачаточныя торговыя связи: такъ, въ концѣ XV вѣкѣ жителямъ Переяславль-Залѣсскаго уѣзда случалось ѣздить торговать въ Нижній-Новгородъ; въ 1543 году крестьяне Троицкаго-Сергіева монастыря изъ села Новаго, *Ростовскаго* уѣзда, торговали въ *Переяславлѣ-Залѣсскомъ*: уже въ XV вѣкѣ въ Суздальскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ производилась офенями мелкая торговля: появился, наконецъ, и рядъ мелкихъ мѣстныхъ торжковъ и болѣе или менѣе крупныхъ ярмарокъ, каковы ярмарки въ Старомъ Холопьѣ городкѣ на Мологѣ, на Бѣлоозерѣ или торжки въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ—въ волости Углѣ и на Волочкѣ Славянскомъ. Рязань и Тверь въ договорахъ съ Москвою ограждаютъ свои торговые интересы въ Московскомъ княжествѣ. Въ болѣе значительныхъ городахъ появляются, наконецъ, не только торговыя площади, но и обширные ряды съ торговыми помѣщеніями, каковы въ Москвѣ ряды суконный и сурожскій. Это послѣдніе названіе переводитъ наше вниманіе уже въ область внѣшней торговли: дѣло въ томъ, что Сурожъ (или Судакъ въ Крыму) былъ немаловажнымъ рынкомъ для русскихъ купцовъ, занимавшихся внѣшней торговлей. Кромѣ Сурожа, русскіе купцы посѣщали съ коммерческими цѣлями другой крымскій торговый центръ—Кафу, ѣздили также и въ Грецію. Въ Крымъ, не считая прислуги, иногда отправлялось разомъ по 120 купцовъ. При посредствѣ крымскихъ рынковъ Венеція и Генуя еще въ XIV вѣкѣ получали изъ Руси рыбу и воскъ, а русскіе покупали на тѣхъ же международныхъ рынкахъ соль, вина и ткани итальянскаго и восточнаго производства,—бумажныя и шелковыя. Армянскіе и нѣмецкіе купцы упоминаются въ Москвѣ въ XIV и XV в. По Дону и Воронежу татары доставляли въ Московское княжество множество лошадей на продажу. Въ татарской столицѣ Сараѣ, по словамъ Плано Карпини, русскіе купцы торговали съ востокомъ, причемъ покупали оружіе и соль, а сбывали, главнымъ образомъ, мѣха. По Рижской дол-

говой книгѣ, въ XIII и XIV вѣкахъ въ Суздалѣ постоянно проживали нѣмецкіе купцы, какимъ, напр., былъ въ XIII вѣкѣ Люббертъ. Чтобы закончить рѣчь о внѣшней торговлѣ сѣверо-восточной Руси, остается указать на коммерческія связи съ вольными городами, съ одной стороны, и съ западной и юго-западной Русью—съ другой. Еще отъ XIII столѣтія дошло до насъ лѣтописное извѣстіе о пребываніи новгородскихъ купцовъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Хлѣбъ, воскъ, ленъ, хмель, продукты скотоводства шли въ Новгородъ, главнымъ образомъ, по Окѣ или по Москвѣ рѣкѣ и волоку на Ламу и Шошу, потомъ по Волгѣ черезъ Тверь и далѣе на Торжокъ. О торговлѣ съ западной Русью свидѣтельствуетъ прежде всего лѣтопись, сообщающая о прибытіи въ Переяславль-Залѣсскій въ 1216 году смоленскихъ купцовъ, затѣмъ договоръ тверского князя Бориса Александровича съ Литвой въ 1393 году, гдѣ сказано, что тверскіе купцы торговали издавна въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Кіевѣ, Дорогобужѣ и Вязьмѣ: наконецъ, и отъ XV вѣка сохранились данныя о коммерческихъ сношеніяхъ русскаго сѣверо-востока со Смоленскомъ, Дорогобужемъ, Вязьмой, Кіевомъ, Полоцкомъ, Вильной, Путивлемъ.

Сводя теперь въ одну общую формулу наблюденія надъ относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей промышленности въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи, мы должны признать, что *первенствующее мѣсто заняло въ это время сельское хозяйство, въ частности земледѣліе; второе мѣсто по значенію принадлежало добывающей промышленности, все болѣе слабѣвшей; затѣмъ слѣдовала торговля, не успѣвшая, однако, превратить хозяйство изъ натуральнаго въ денежное; наконецъ, мало замѣтную роль играла обрабатывающая промышленность.*

Перевѣсъ сельскаго хозяйства и въ частности земледѣлія оказалъ чрезвычайно сильное вліяніе на *формы землевладѣнія*. Земледѣліе требуетъ уже нѣкоторой, довольно значительной сравнительно съ добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ почти совершенно не нуждается въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: не трудно и ничего не стоитъ устроить тенета для звѣря, обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы собрать воску и меду, стоитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать въ немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать дерево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать новь, засѣять ее, перебороновать поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть зерно. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣдовательно, предполагаютъ у земледѣльца наличность извѣстнаго потребительнаго запаса, извѣстныхъ средствъ для пропитанія; кромѣ того, операціи эти настолько сложны, что вызываютъ употребленіе земледѣльческихъ

орудій—плуга, сохи, бороны, косы или серпа и т. д.; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то станетъ понятна настоятельная нужда земледѣльца въ капиталѣ. Эта нужда и была исходнымъ пунктомъ чрезвычайно важныхъ перемѣнъ въ формахъ землевладѣнія.

Въ началѣ удѣльнаго періода, когда добывающая промышленность и въ сѣверо-восточной Руси подавляла собою всѣ другія отрасли производства, здѣсь такъ-же, какъ и на сѣверѣ и въ области вольныхъ городовъ, господствовало крестьянское складническое владѣніе землей. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и позднѣе добывающая промышленность продолжала играть первенствующую роль въ экономической жизни, сябринное владѣніе сохранилось вполнѣ и притомъ въ видѣ нераздѣльнаго веденія хозяйства, при дѣлежѣ лишь продукта. Такъ было, напр., еще въ XVI вѣкѣ въ Сольгалицкомъ уѣздѣ, гдѣ основной отраслью народнаго производства продолжало быть издревле заведенное солевареніе. До насъ дошелъ рядъ любопытныхъ актовъ о сябринномъ или складническомъ владѣніи варницами и соляными колодезями. Вотъ любопытный образецъ, относящійся къ 1577 году и взятый наудачу изъ множества ему подобныхъ: «Я, Иванъ Петровъ сынъ Мичуринъ, съ сыномъ Ѳедоромъ дали въ Троицкій-Сергіевъ монастырь четверть варницы у Соли-Галицкой на посадѣ съ креномъ *) и со всякой варничной порядою **), да разсолъ въ Карабкинскомъ колодезѣ половину получетверти колодезя ***). А въ шабрахъ та варница съ Осипомъ Киселовскимъ да съ Ѳедоромъ Рыловымъ, а колодезь въ шабрахъ съ Осипомъ же да съ Ѳедоромъ, да съ Дурашемъ Успленскимъ, да съ Иваномъ Семеновымъ и съ иными товарищами». Въ числѣ разныхъ предметовъ, обозначаемыхъ общимъ именемъ «варничной поряды или порядни», значится часто и земля, причемъ иногда прямо указывается, что она «съ шабры не въ дѣлу». Надо думать, что и въ бассейнѣ Оки и верхней Волги, какъ и на сѣверѣ и въ Новгородско-Псковскомъ краѣ, совершался извѣстный уже намъ процессъ разложенія складническаго землевладѣнія, но теченіе этого процесса здѣсь было ускорено торжествомъ земледѣлія и проистекшей отсюда нуждой крестьянской массы въ капиталѣ. Въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время капиталъ былъ несравненно менѣе распространенъ въ массѣ населенія, чѣмъ это было даже въ области Новгорода и Пскова. Отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала, поэтому, сколько-нибудь достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли

*) Кренъ—сковорода, употреблявшаяся при солеваренін.

**) Т.-е. со всѣми принадлежностями для солеваренія.

***) Т.-е. 1/16 колодезя

за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ болѣе состоятельныхъ, или садиться на землю, принадлежащую этимъ состоятельнымъ лицамъ. Экономически сильными, капиталистами, по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ крестьяне, обезпеченными матеріально были въ то время прежде всего князья—великіе и удѣльные, затѣмъ архіерейскія каоедры, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконецъ, бояре. Въ ихъ рукахъ и сосредоточилась постепенно вся масса земельнаго богатства области между Окой и Волгой, произошло такъ называемое «окняженіе» и «обояреніе» земли. Стоитъ только открыть любое изъ завѣщаній московскихъ великихъ князей XIV и XV вѣковъ, чтобы убѣдиться въ необыкновенной быстротѣ, съ какою росли княжескія «купли», «села купленыя». Даже черная земля, т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная перемѣна въ землевладѣльческомъ правѣ: сущность ея сводится къ тому, что не только боярскія, княжескія-дворцовыя, монастырскія и архіерейскія, но и черныя земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что крестьяне потеряли право свободнаго распоряженія землей, ея продажи, залога, даренія и завѣщанія, то право, которое составляло такой отличительный признакъ складическаго или сябринаго землевладѣнія. Монастыри и архіерейскія каоедры пріобрѣтали земли не только путемъ покупки и пріема въ залогъ, но и по завѣщаніямъ и по дарственнымъ актамъ или «даннымъ грамотамъ», т.-е. путемъ вклада въ церковь со стороны отдѣльныхъ лицъ. Понятны причины, вызывавшія такой вкладъ: примитивныя нравственно-религіозныя понятія, унаслѣдованныя народной массой, даже всѣмъ русскимъ обществомъ сверху до низу отъ предшествующаго историческаго періода, приводили къ мысли, что матеріальное пожертвованіе въ пользу церкви само по себѣ, независимо отъ раскаянія и нравственнаго исправленія, приведетъ къ душевному спасенію, дастъ царство небесное; между тѣмъ денежные вклады, сколько-нибудь значительные по размѣрамъ, были экономически невозможны вслѣдствіе господства натуральнаго хозяйства; земля была почти единственной значительной цѣнностью, почему ею по преимуществу и можно было дѣлать вклады въ монастыри. Вліяли тутъ и соображенія въ родѣ того, что богатый монастырь всегда могъ и долженъ былъ оказывать вліятельную поддержку своимъ вкладчикамъ, заступаться и ходатайствовать за нихъ передъ органами свѣтской власти. Какихъ громадныхъ размѣровъ достигли къ концу удѣльнаго времени земельныя владѣнія церковныхъ учрежденій,—это всего яснѣе видно изъ примѣра митрополичьихъ вотчинъ: къ концу XV вѣка митрополиту принадлежало болѣе 530 селъ и деревень съ 1.825 дворами, къ которымъ тянуло болѣе 57 сохъ пахотной земли. Въ Тверскомъ уѣздѣ въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка церковной и монастырской пахотной земли считалось болѣе 48.000 четвертей, т.-е. по меньшей мѣрѣ 24.000 десятинъ.

Но перемѣны въ землевладѣльческомъ правѣ въ сѣверо-восточной Руси не ограничились обезземеленіемъ крестьянъ и образованіемъ крупнаго землевладѣнія князей, церковныхъ учрежденій и бояръ. Дѣло въ томъ, что сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ чрезвычайно слабо развитъ, находился въ зачаточномъ состояніи: натуральное хозяйство оставалось еще непоколебленнымъ. Вотъ почему, несмотря на господство крупнаго *землевладѣнія*, нельзя было вести крупное земледѣльческое *хозяйство*, такъ какъ для такого хозяйства необходимъ обширный и свободный рынокъ, а такого рынка нѣтъ и быть не можетъ при системѣ натуральнаго хозяйства. Притомъ вотчины были слишкомъ обширны, чтобы можно было за всѣмъ услѣдить самому хозяину. Отсюда возникаетъ потребность въ раздачѣ крупныхъ имѣній по частямъ посредникамъ, третьимъ лицамъ, которыя занимали бы промежуточное положеніе между крестьянами, съ одной стороны, и крупными землевладѣльцами, съ другой. И вотъ прежде всего князь удѣльнаго періода начинаетъ раздавать свои земли во временное и условное владѣніе сначала своимъ несвободнымъ слугамъ, необходимымъ ему въ его хозяйствѣ въ качествѣ приказчиковъ или «тіуновъ», какъ тогда выражались. Это удобно и для этихъ слугъ, создавая имъ въ извѣстной степени обезпеченное существованіе, и для князя, такъ какъ даетъ ему возможность, не затрачивая дорогого и рѣдкаго въ то время денежнаго капитала, вознаграждать своихъ слугъ землей, не теряя послѣдней, потому что ее всегда можно взять обратно. Такъ въ сферѣ княжескаго дворцоваго землевладѣнія и хозяйства зародилась и воплотилась въ дѣйствительность идея *помѣстья*, т.-е. временнаго владѣнія землей подъ условіемъ службы и съ правомъ того, кто пожаловалъ землю, отобрать ее у временнаго владѣльца или помѣщика. Слѣды помѣстья на княжеской землѣ наблюдаются впервые, по нашимъ источникамъ, въ завѣщаніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 году. Вотъ что сказано въ этомъ документѣ: «а что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Борису Воркову, иже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не имѣтъ ли служити дѣтемъ моимъ, село отнимутъ». Мы видимъ, что это—временное владѣніе подъ условіемъ службы. Но помѣстная система настолько органически связана съ системой натуральнаго хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на однихъ несвободныхъ, хозяйственныхъ слугъ князя, но также на его свободныхъ, военныхъ слугъ, т.-е. бояръ и дворянъ. Такъ, напр., Василій Темный въ своей духовной грамотѣ 1462 года говоритъ о себѣ, что онъ «давалъ своимъ княземъ и боярамъ и дѣтямъ боярскимъ свои села *въ жалованье*» (=въ помѣстье). Мало того: и архіереи, и монастыри, и даже отдѣльныя лица служилаго класса, обладавшія обширными землями, стали раздавать значительную часть своихъ владѣній въ помѣстное владѣніе. Это можно

наблюдать въ XV и XVI вѣкахъ на земляхъ митрополита московскаго, у архіепископа рязанскаго, у Солотчинскаго монастыря въ Рязанской землѣ, наконецъ, у бояръ и другихъ служилыхъ людей по уцѣлѣвшей писцовой книгѣ Тверского уѣзда за первую половину XVI вѣка. Въ результатѣ оказалось, что главную массу земель въ сѣверо-восточной Руси къ концу удѣльнаго періода составляли именно помѣстья: по тверскимъ писцовымъ книгамъ 1540 и 1548 годовъ одной пахотной земли за помѣщиками числилось въ уѣздѣ около 200 тысячъ четвертей, тогда какъ въ вотчинахъ ея было всего около 78 тысячъ четвертей. Уже изложенныя сейчасъ данныя источниковъ и основанныя на нихъ соображенія достаточно показываютъ, что историческихъ корней помѣстнаго землевладѣнія надо искать въ общихъ экономическихъ условіяхъ эпохи, въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей производства. Это лишній разъ подтверждается и исторической аналогіей: на западѣ Европы въ началѣ среднихъ вѣковъ подъ такими же вліяніями, какъ то хорошо доказано въ исторической литературѣ, сложилась форма землевладѣнія, тожественная съ нашимъ помѣстьемъ и усвоившая даже названіе, по смыслу одинаковое съ другимъ отмѣченнымъ выше названіемъ помѣстья: мы видѣли, что помѣстье называлось еще *жалованьемъ*, на западѣ оно называлось *бенефиціемъ* (beneficium).

Относительное значеніе разныхъ отраслей производства въ хозяйственной жизни страны чрезвычайно сильно отразилось и на *формахъ хозяйства*. Говоря о формахъ хозяйства въ добывающей промышленности, мы прежде всего встрѣчаемся съ явленіемъ, намъ уже давно и хорошо знакомымъ, — съ домашней или семейной формой предпріятій, когда отдѣльная семья работаетъ сама, пользуясь трудомъ своихъ членовъ, обыкновенно безъ примѣси наемнаго элемента. Безъ сомнѣнія, охота, рыболовство, пчеловодство весьма часто еще отливались въ такую примитивную форму въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ удѣльный періодъ. Но на ряду съ этимъ можно наблюдать уже и много новаго вслѣдствіе перемѣнъ, какія совершились въ добывающей промышленности. Намъ уже извѣстно, къ чему сводились эти перемѣны: появилось солевареніе, а значеніе старыхъ отраслей добывающей промышленности стало постепенно уменьшаться, потому что дары природы, освоеніе которыхъ составляетъ предметъ этой промышленности, начали оскудѣвать съ ростомъ населенія. Вслѣдствіе такого оскудѣнія увеличилась трудность добыванія, а это вызвало къ жизни новыя формы хозяйства: отдѣльныя семьи и лица стали группироваться въ болѣе крупныя цѣлыя, въ артели или товарищества: намъ извѣстны, напр., еще въ XIV вѣкѣ рыболовныя «ватаги». Съ другой стороны, разложеніе древнихъ кровныхъ союзовъ, осложнявшихся постоянно примѣсью чужеродныхъ элементовъ, задерживалось, какъ мы имѣли случай недавно убѣдиться, подъ вліяніемъ добываю-

щей промышленности: солевареніе, напр., по самой своей сущности исключало возможность чисто-домашней, семейной формы, такъ какъ требовало слишкомъ сложной и относительно-дорогой «варничной поряды» и довольно значительнаго числа рабочихъ рукъ, — и потому тамъ, гдѣ оно существовало и тѣмъ болѣе преобладало, складическая или сябринная форма хозяйства господствовала почти всецѣло. Наконецъ, съ образованіемъ крупнаго княжескаго и боярскаго землевладѣнія появились зародыши предпринимательской, болѣе крупной, въ извѣстной степени капиталистической формы добывающей промышленности: лучшимъ указаніемъ въ этомъ смыслѣ являются данныя духовныхъ и иныхъ грамотъ московскихъ князей о появленіи такъ называемаго «ловчаго пути», т.-е. особой отрасли княжескаго дворцоваго управленія, вѣдавшей охоту, — подъ начальствомъ ловчаго находились псари и сокольники, или наемные, или большею частью несвободные слуги князя. Переходя отъ формъ добывающей промышленности къ изученію формъ сельскохозяйственнаго производства, необходимо, прежде всего, остановиться на вопросѣ о барской запашкѣ. Пересматривая относящійся сюда матеріалъ, не трудно убѣдиться, что въ XIV, XV и XVI вѣкахъ барская запашка кое-гдѣ, иногда даже нерѣдко, попадалась и на земляхъ бояръ и слугъ вольныхъ, и во владѣніяхъ церковныхъ учрежденій и, наконецъ, въ дворцовыхъ имѣніяхъ князей, но никогда въ черныхъ волостяхъ. Такъ, боярскую пашню встрѣчаемъ въ 1533 году въ имѣніи Овцына Рузскаго уѣзда, въ 1544 г. — въ имѣніи Ларева въ Коломенскомъ уѣздѣ; у Кокошкина-Глѣбова въ его дмитровскомъ селѣ Перемиловѣ барская пашня составляла болѣе 16½% всей запашки. У митрополита собственная запашка упоминается еще въ уставной грамотѣ 1391 года, попадается и въ 1520 году въ его земляхъ во Владимірскомъ уѣздѣ. Наконецъ, въ дворцовомъ селѣ Буйгородѣ Волоколамскаго уѣзда великокняжеская «десятинная пашня» была въ 1544 году. Наряду со всѣмъ этимъ встрѣчаются, однако, неоднократныя указанія на отсутствіе барской запашки въ имѣніяхъ разныхъ владѣльцевъ, напр., въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ 1490 году у Саввина-Сторожевскаго монастыря, въ суздальскомъ имѣніи митрополита въ концѣ XV вѣка, въ Вологодскомъ уѣздѣ у Діонисіева-Глушицкаго монастыря въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія и т. д. Вообще можно сказать, что чѣмъ раньше, тѣмъ рѣже и меньше размѣрами была барская запашка, и даже въ концѣ періода она не была распространеннымъ явленіемъ. Это вполнѣ естественно: при господствѣ натуральнаго хозяйства, при чрезвычайной слабости спроса на хлѣбъ, не было нужды въ сколько-нибудь обширной собственной запашкѣ, напротивъ, она могла при такихъ условіяхъ только тяготить землевладѣльцевъ. По той же причинѣ нельзя предполагать существованіе обширной холопской пашни въ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени: правда, въ завѣщаніяхъ и другихъ документахъ

XV и XVI вѣковъ у служилыхъ землевладѣльцевъ нерѣдко встрѣчаются «люди» и «холопы», но, во-первыхъ, они не всегда имѣли свою запашку, а часто или не пахали совсѣмъ, не были «холопами-страдниками», какъ тогда говорилось, или обрабатывали ту самую барскую пашню, о которой у насъ сейчасъ шла рѣчь; во-вторыхъ, въ дворцовыхъ селахъ, черныхъ волостяхъ, въ монастырскихъ и архіерейскихъ имѣніяхъ холоповъ на пашнѣ мы обыкновенно совсѣмъ не встрѣчаемъ; въ-третьихъ, наконецъ, и у служилыхъ землевладѣльцевъ общее число холопскихъ дворовъ было не велико, какъ показываетъ примѣръ Тверского уѣзда въ 1540 году: здѣсь, по писцовой книгѣ, считалось въ помѣстьяхъ 256 дворовъ помѣщичьихъ, 4.861 дворъ крестьянскій и всего 498 дворовъ холопскихъ, что̀ составляетъ лишь 8,8% общаго числа дворовъ. Естественно также, что при слабой распространенности барской пашни, крестьяне при арендѣ владѣльческой земли обязывались въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не барщиной, а оброкомъ. Барщина или издѣлье встрѣчается рѣдко: о ней говоритъ уставная грамота митрополита Кипріана 1391 года; она упоминается затѣмъ въ 1531 г. въ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ, въ 1541 г. въ Волоколамскомъ, въ 1520 году въ уѣздѣ Владимірскомъ. Но мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, ставящихъ внѣ всякаго сомнѣнія преобладаніе оброчной системы надъ издѣльемъ: въ Суздальскомъ уѣздѣ въ концѣ XV вѣка у митрополита «пашня дана христіаномъ на оброкъ», то же было въ 1490 году у Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка въ вологодскомъ имѣніи Іоанно-Предтеченскаго-Глушицкаго монастыря, наконецъ, во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ,—а такихъ, какъ мы знаемъ, было подавляющее большинство, — гдѣ не существовало барской запашки. Чтобы закончить рѣчь о формахъ сельскохозяйственнаго производства, остается отмѣтить существованіе въ сѣверо-восточной Руси уже встрѣчавшихся намъ во владѣніяхъ вольныхъ городовъ наемныхъ рабочихъ, получавшихъ вознагражденіе натурой,—подворниковъ, а также половниковъ, состоянія переходнаго отъ аренды чужой земли къ найму на работу. Эти явленія, характерныя для натурально-хозяйственнаго періода, попадаются не только въ уѣздахъ близкихъ къ сѣверу, какъ Вологодскій и Бѣлозерскій, но и южнѣе, напр., въ Костромскомъ и Тверскомъ уѣздахъ.

Какъ ни скромно было значеніе обрабатывающей промышленности въ народномъ хозяйствѣ сѣверо-восточной Руси, все же, какъ мы видѣли, эта отрасль народнаго труда, если ее взять самое по себѣ, безъ отношенія къ другимъ вѣтвямъ промышленности, дѣлала нѣкоторые успѣхи сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. Это отразилось неминуемо и на формахъ обрабатывающей промышленности. Двѣ первоначальныхъ ея формы—домашнее производство для собственнаго потребленія и мелкое кустарное производство на небольшой мѣстный рынокъ или ремесло, существовавшія еще въ Кіевской Руси, продол-

жали сохраняться и въ изучаемый періодъ. Примѣровъ того и другого можно найти не мало въ актахъ, писцовыхъ книгахъ и житіяхъ святыхъ. Когда мы читаемъ извѣстія о женской домашней работѣ—о выдѣлкѣ холстовъ, напр.,—когда видимъ изъ житія св. Сергія Радонежскаго, что онъ шилъ кожаные сапоги на братію, то мы имѣемъ передъ собою примѣры чистѣйшаго домашняго производства. Отмѣченныя уже въ свое время данныя объ отдѣльныхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ среди чисто земледѣльческаго населенія плотникахъ, кузнецахъ, сапожникахъ, ложечникахъ, овчинникахъ, сѣдельникахъ и т. д. свидѣтельствуютъ о существованіи ремесленной формы или, что то же, формы мелкихъ кустарныхъ промысловъ. На эту же форму указываютъ и извѣстія о торговлѣ крестьянъ въ сосѣднихъ городахъ на базарахъ, потому что, безъ сомнѣнія, при этомъ сбывались не исключительно продукты земледѣлія и скотоводства, но также и кустарныя издѣлія хотя бы въ небольшомъ количествѣ и не вездѣ. Но къ двумъ первоначальнымъ, издавна существовавшимъ формамъ обрабатывающей промышленности въ концѣ удѣльнаго періода въ сѣверо-восточной Руси присоединилась еще третья, новая,—такъ называемое товарно-кустарное производство, сущность котораго сводится, какъ извѣстно, къ тому, что кустарь производитъ продукты на обширный рынокъ, иногда даже на заграничный, но сбываетъ онъ ихъ потребителямъ не самъ, а черезъ посредство капиталиста-скупщика, такъ что, хотя производство все еще остается мелкимъ, но сбытъ товаровъ организуется уже капиталистически. Намъ уже извѣстно сообщеніе Герберштейна о томъ, какого большого значенія достигло въ Калугѣ и ея уѣздѣ въ первой четверти XVI вѣка производство издѣлій изъ дерева, посуды, мебели и другихъ домашнихъ вещей. «Отсюда», прибавляетъ Герберштейнъ, «онѣ вывозятся въ Московію, Литву и другія сосѣднія страны». Вотъ яркій примѣръ товарно-кустарнаго производства, разсчитаннаго не только на обширный внутренній сбытъ, но и на заграничные рынки.

Появленіе капиталистовъ-скупщиковъ само по себѣ указываетъ, что въ формахъ торговли сравнительно съ кіевскимъ періодомъ наблюдаются значительныя измѣненія, нѣсколько сближающія сѣверо-восточную Русь съ вольными городами. Сближеніе становится еще болѣе замѣтнымъ, если обратить вниманіе на зародышъ нѣкоторыхъ корпоративныхъ связей въ средѣ богатаго купечества: извѣстны, напр., «гости», «суконники», «сурожане», напоминающіе намъ новгородскія купеческія компаніи. Русскіе купцы, отправлявшіеся въ Крымъ, иногда и торговали въ складчину. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что корпоративная организація купечества далеко не была развита въ такой степени, какъ-то было въ вольныхъ городскихъ общинахъ. и самое число крупныхъ торговцевъ было на сѣверо-востокѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Причина этого заключается, конечно, въ меньшемъ развитіи торговли, особенно крупной, въ бассейнѣ Оки и

верхней Волги сравнительно съ сѣверо-западной частью русской земли въ удѣльное время.

Обращаясь къ изученію *системы или техники хозяйства* въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи, мы не будемъ останавливаться на техникѣ обрабатывающей промышленности и торговли, потому что въ этомъ отношеніи нельзя прибавить ничего новаго къ сказанному при изученіи соотвѣтствующихъ вопросовъ въ исторіи вольныхъ городовъ. То же почти приходится сказать и о техникѣ скотоводства: передъ нами рисуется хорошо знакомая уже картина настоящаго экстенсивнаго скотоводства, когда мы въ житіи св. Пафнутія Боровскаго (въ концѣ XV вѣка) читаемъ, что онъ «имяше супругъ воловъ», которыхъ «въ лѣтнее время пометаху въ частинѣ лѣса», т.-е. оставляли исключительно на одномъ подножномъ кормѣ. Однако уже здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку: въ болѣе крупныхъ скотоводственныхъ хозяйствахъ, становившихся хотя бы отчасти на капиталистическую ногу, замѣтны были уже и нѣкоторыя улучшенія въ прокормѣ скота и вообще въ уходѣ за нимъ: у монастырей и архіереевъ чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще встрѣчаются «конюшенные и коровьи дворы», князья организуютъ особое дворцовое вѣдомство—«конюшій путь». Параллельныя явленія можно наблюдать и въ техникѣ добывающей промышленности. Правда, и здѣсь остатки старины были весьма многочисленны, но княжеская охота, напр., была уже болѣе или менѣе правильно организована съ образованіемъ «ловчаго и сокольничаго путей». Затѣмъ: по прежнему преобладало бортничество, хищническое лѣсное пчеловодство, но на ряду съ нимъ появляются въ отдѣльныхъ случаяхъ и ульи: такъ «трои пчелы», т.-е. три улья, упомянуты въ завѣщаніи нѣкоего Патрикія конца XIV или начала XV вѣка. Если обратить, наконецъ, вниманіе на систему земледѣлія, то и въ этой отрасли производства особенно въ мѣстностяхъ близкихъ къ сѣверу легко подмѣтить существованіе подсѣчной, огневой или лядинной системы полевого хозяйства. По житіямъ святыхъ, въ XIV вѣкѣ Стефанъ Махрищскій «лѣсъ сѣчаше и нивы насѣяваше»; при основаніи монастыря Григоріемъ Пельшемскимъ въ началѣ XV вѣка «дѣлатели древіе истребиша и огню предаша»; въ 1524 году въ какихъ-нибудь 60-ти верстахъ отъ Вологды нѣкій Гавріилъ «посѣче лѣсъ и многа древеса, хварастіе оно огнемъ запаливъ и раломъ взоравъ, нивы насѣяше», а потомъ, снявъ жатву, бросилъ поле и ушелъ на другое мѣсто. «Сѣча» и «палъ», засѣваемые пшеницей, попадаются даже въ Суздальскомъ уѣздѣ въ 1516 году. Наряду съ такими образцами примитивной земледѣльческой техники можно наблюдать появленіе и развитіе переложной и даже трехпольной системъ полевого хозяйства. Характернымъ примѣромъ перехода отъ господства переложной системы къ недоразвитому трехполью является одно имѣніе Кириллова монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ 1542 году: здѣсь считалось 12 четвертей пашни

и столько же перелогу въ каждомъ изъ трехъ полей; когда перелогъ равняется размѣрами своими пашнѣ, тогда онъ уже не можетъ возстановлять свои производительныя силы путемъ простого отдыха, требуетъ удобренія, слѣдовательно, обращается уже въ паръ, что и служитъ характернымъ признакомъ паровой-зерновой системы земледѣлія съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. Эта послѣдняя система засвидѣтельствована несомнѣнными данными для ряда уѣздовъ сѣверо-восточной Руси къ концу удѣльнаго періода. «Паренинное поле» или «паренина» встрѣчаются, напр., въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ началѣ XVI вѣка или въ Суздальскомъ уѣздѣ въ 1462 и 1516 годахъ; въ 1544 году возятъ навозъ на паровое поле въ Волоколамскомъ уѣздѣ; тверскія писцовыя книги 1540 и 1548 годовъ указываютъ также на преобладаніе трехпольной системы. Наконецъ, косвеннымъ указаніемъ въ томъ же смыслѣ надо считать вообще высокій размѣръ запашки на крестьянскій дворъ въ изучаемый періодъ. Нормальной крестьянской запашкой считалась тогда выть, не имѣвшая до половины XVI вѣка пространственной опредѣленности, а бывшая, подобно новгородской обжѣ, участкомъ земли, который могъ обработать одинъ рабочій на одной лошади. Что это дѣйствительно такъ, — видно изъ актовъ, по которымъ, съ одной стороны, 32 выти приравнены сохѣ, а съ другой—$^1/_{32}$ сохи названа «однокольцемъ»; одноколецъ — владѣлецъ одной «колышки», т.-е. телѣги, слѣдовательно, тотъ же рабочій, пашущій на одной лошади. Выть позднѣе приравнена была 10 четвертямъ хорошей земли въ каждомъ изъ трехъ полей. Конечно, такое пространственное опредѣленіе выти сложилось подъ вліяніемъ реальныхъ хозяйственныхъ условій, соотвѣтствовало дѣйствительнымъ размѣрамъ пашни, распахивавшейся средне-состоятельнымъ, нормальнымъ крестьянскимъ дворомъ. А это указываетъ на значительность размѣровъ запашки на дворъ. Такое заключеніе оправдывается и наблюденіями надъ данными писцовыхъ книгъ: въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1540 году на дворъ въ среднемъ приходилось около $8^1/_2$ четвертей въ каждомъ полѣ; въ Дмитровскомъ въ 1543 г. даже по 10 четвертей.

Для завершенія экономической исторіи сѣверо-восточной Руси остается изслѣдовать только *распредѣленіе хозяйственныхъ благъ*. Мы примемъ при этомъ во вниманіе только земледѣліе, такъ какъ оно было главнымъ источникомъ средствъ существованія народной массы, да и учетъ доходовъ и расходовъ въ среднемъ хозяйствѣ сдѣлать удобнѣе по отношенію къ земледѣльческому производству, чѣмъ къ какой-либо другой отрасли народнаго труда. Методъ вычисленія будетъ принятъ такой же, какой примѣнялся въ свое время при изученіи распредѣленія хозяйственныхъ благъ въ вольныхъ городахъ. Средняя запашка на крестьянскій дворъ нами опредѣлена для сѣверо-восточной Руси въ 4—5 дес. (8—10 четвертей) въ каждомъ изъ трехъ полей. Полагая урожайность въ 6 нашихъ современныхъ четвертей ржи и въ 8 чет-

вертей овса съ десятины и принимая во вниманіе, что древняя четверть была вдвое менѣе современной, получаемъ общую сумму сбора съ нормальнаго участка въ 48—60 четвертей ржи и въ 64—80 четвертей овса (четверти тутъ древнія). Вычислимъ теперь расходы крестьянина, принимая во вниманіе сначала чисто натурально-хозяйственную систему оброковъ и государственныхъ повинностей. Владѣльческій оброкъ равнялся обыкновенно половинѣ урожая, причемъ землевладѣлецъ принималъ на себя и уплату государственныхъ налоговъ. Это составитъ 24—30 четв. ржи и 32—40 четв. овса. Затѣмъ необходимо было оставить сѣмена для посѣва на слѣдующій годъ—по 2 четв. ржи и по 4 четв. овса на десятину или въ общей сложности 8—10 четв. ржи и 16—20 четв. овса. Наконецъ, для потребленія средней крестьянской семьи надо было minimum 13 четв. ржи и 4 четв. овса. Такимъ образомъ весь расходъ равняется 45—53 четв. ржи и 52—64 четв. овса, такъ что въ результатѣ получается остатокъ въ 3—7 четвертей ржи и въ 12—16 четв. овса. Вотъ наглядный признакъ того, что земледѣліе играло въ изучаемой области чрезвычайно видную хозяйственную роль. При переводѣ хлѣбнаго оброка и натуральныхъ государственныхъ повинностей на деньги, приходимъ къ тому же приблизительно результату. Въ самомъ дѣлѣ: въ 1490 году Саввинъ Сторожевскій монастырь получалъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ оброку со своихъ крестьянъ по 5 алтынъ или 30 денегъ съ десятины, не считая мелкаго побора масломъ, творогомъ, овчинами и яйцами. Это составитъ на нормальный крестьянскій участокъ въ 4—5 дес. сумму въ 120—150 денегъ. Общая сумма государственныхъ налоговъ съ монастырской сохи въ 600 четвертей (=300 десятинъ) въ каждомъ полѣ равнялась, какъ это опредѣлено въ литературѣ, для конца XV и начала XVI вѣка 7 рублямъ. На десятину это составитъ 5 денегъ, а на участокъ 20—25 денегъ. Такимъ образомъ крестьянинъ уплачивалъ землевладѣльцу и государству всего 140—175 денегъ въ годъ. Четверть ржи продавалась въ то время по 4 деньги, а четверть овса по 2 деньги. Переводя на деньги весь урожай въ 48—60 четв. ржи и 64—80 четв. овса, получаемъ общую цѣнность урожая въ 192—240 денегъ для ржи и въ 128—160 дес. для овса или всего въ 310—400 денегъ. Выходитъ, слѣдовательно, что крестьянинъ, если не считать натуральнаго мелкаго побора, натуральныхъ повинностей и трудности денежной реализаціи урожая, отдавалъ землевладѣльцу и государству нѣсколько менѣе половины возможнаго для него денежнаго валового дохода. Въ общемъ нельзя не признать, что *нормальное* крестьянское хозяйство могло обходиться своими средствами при обычныхъ условіяхъ, когда не нужно было никакихъ затратъ на земледѣльческій капиталъ. При наличности какихъ-либо хозяйственныхъ невзгодъ или необходимости болѣе или менѣе значительныхъ затратъ равновѣсіе легко, однако, могло нарушиться. По сравненію съ вольными городскими общинами

удѣльнаго періода положеніе сѣверо-восточнаго крестьянина было, конечно, лучше, но сравнительно со смердомъ кіевскаго періода онъ получалъ гораздо меньшее количество реальныхъ хозяйственныхъ благъ.

Количество денежныхъ капиталовъ въ изучаемое время значительно возросло сравнительно съ кіевскою Русью, и притомъ эти капиталы распространились шире, среди большаго числа лицъ. Новгородъ и Псковъ въ этомъ отношеніи, впрочемъ, значительно опередили сѣверо-восточную Русь, что видно изъ высоты процента при займѣ; мы видѣли, какъ низокъ былъ процентъ въ вольныхъ городахъ, какъ сильно развиты тамъ были кредитныя операціи; рядъ указаній источниковъ убѣждаетъ въ томъ, что въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ удѣльное время обычная высота процента при займѣ была 20%: «а ростъ на пять шестой, тако пошло», читаемъ въ закладныхъ грамотахъ. Насколько рѣдокъ все-таки былъ капиталъ,—лучше всего видно изъ цѣнности рубля XV и начала XVI вѣка въ его отношеніи къ нынѣшнему рублю: рубль того времени стоилъ на наши деньги не менѣе 94 рублей, т.-е. тогда на рубль можно было купить столько же необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, сколько теперь покупается на 94 рубля.

Чтобы закончить рѣчь о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ, остается только прибавить, что, какъ и въ области вольныхъ городовъ, на сѣверо-востокѣ появилась и стала расти земельная рента. Въ первой половинѣ XVI вѣка средняя цѣна одной десятины земли равнялась приблизительно $^3/_{10}$ рубля того времени или нѣсколько болѣе 28 рублей на наши деньги. Относительно это довольно значительная цѣна, чѣмъ еще разъ подчеркивается то обстоятельство, что къ концу удѣльнаго періода главная масса удобной земли на территоріи русскаго сѣверо-востока была уже занята и подверглась хозяйственной эксплуатаціи.

Въ изложеніи данныхъ, относящихся къ системѣ хозяйства и къ распредѣленію хозяйственныхъ благъ, былъ оставленъ въ тѣни вопросъ о генетической связи этихъ процессовъ съ другими сторонами экономической жизни. Мы должны теперь пополнить этотъ преднамѣренно сдѣланный пробѣлъ. Почему, прежде всего, сохранились нѣкоторые старые техническіе пріемы хозяйственной дѣятельности и появились на ряду съ нимъ новые? Сохраненіе старыхъ пріемовъ, очевидно, было возможно именно потому, что условія, ихъ когда-то создавшія и поддерживавшія, не исчезли совершенно, продолжали еще оказывать болѣе или менѣе сильное вліяніе. Такими условіями были въ кіевскій періодъ преобладаніе добывающей промышленности и вольное землепользованіе. Мы знаемъ уже, что добывающая промышленность продолжала играть важную, хотя уже далеко не такую, какъ прежде, господствующую роль,—и это, на ряду со слабымъ развитіемъ обрабатывающей промышленности и торговли, сохраняло жизнь примитивнымъ пріемамъ хозяйственной техники. Однако, вольное землепользованіе въ изучаемый

періодъ отошло уже въ прошлое, исчезло изъ хозяйственнаго обихода, и это было однимъ изъ условій, создавшихъ техническое развитіе, появленіе новыхъ, менѣе экстенсивныхъ системъ хозяйства. Само по себѣ торжество земледѣлія не дѣлаетъ еще обязательнымъ переходъ къ переложной системѣ и трехполью, хотя и подготовляетъ его; онъ становится необходимымъ именно вслѣдствіе появленія новыхъ, болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ юридическихъ отношеній лица къ землѣ и особенно вслѣдствіе основного не экономическаго условія,—роста населенія и увеличенія его плотности. Такимъ образомъ, уже въ сферѣ хозяйственной техники, на ряду съ чисто экономическими вліяніями—относительнымъ вѣсомъ разныхъ отраслей производства и формами землевладѣнія,—пришлось признать непосредственное воздѣйствіе со стороны такого естественнаго фактора, какъ ростъ населенія. То же самое можно наблюдать и по отношенію къ распредѣленію хозяйственныхъ благъ. Нѣкоторое уменьшеніе количества реальныхъ цѣнностей въ рукахъ народной массы, несомнѣнно, было отчасти непосредственнымъ результатомъ увеличивавшейся плотности населенія, хотя на ряду съ этимъ вліяніемъ и, можетъ быть, не меньше его здѣсь отразилось и торжество земледѣлія, вызвавшаго необходимость капитальныхъ затратъ, и переходъ земли въ руки высшихъ слоевъ общества, заставившій крестьянскую массу удѣлять часть своего дохода на оплату арендныхъ правъ. Въ результатѣ оказалось неравномѣрное распредѣленіе не только денежныхъ капиталовъ, но и реальныхъ хозяйственныхъ благъ. Такія явленія, какъ ростъ земельной ренты и пониженіе цѣны на капиталъ, созданы также въ значительной степени увеличеніемъ населенія, развитіемъ торговли и земледѣлія и новыми формами землевладѣнія и хозяйства.

Соціологическія обобщенія, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе экономической исторіи сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ, во многомъ сходны такимъ образомъ съ подобными-же обобщеніями, сдѣланными при изученіи исторіи хозяйства вольныхъ городскихъ общинъ: старыя формулы, уясняющія механизмъ хозяйственнаго процесса въ его отдѣльныхъ составныхъ элементахъ, оказываются подтвержденными и укрѣпленными, и сверхъ того для второго момента въ развитіи натуральнаго хозяйства указано новое непосредственно вліяющее условіе—ростъ населенія. Но этимъ не ограничиваются новые общіе выводы. Сверхъ того, конкретная характеристика второй стадіи въ развитіи натуральнаго хозяйства пополнилась новыми чертами, обогатилась отсутствовавшими раньше подробностями и особенностями. Мы видимъ теперь, что на ряду съ тѣмъ типомъ хозяйственнаго развитія, который столь ярко и характерно представленъ вольными городами, во второй стадіи развитія натуральнаго хозяйства образуется еще другой, намѣтившійся на сѣверо-востокѣ Россіи. Этотъ другой типъ характеризуется преобладаніемъ земледѣлія, развитіемъ прочныхъ и опредѣ-

ленныхъ отношеній къ землѣ и образованіемъ вторичныхъ условныхъ и несвободныхъ формъ землевладѣнія, господствомъ оброчныхъ формъ хозяйства, первоначальными техническими успѣхами и меньшею равномѣрностью въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ. Въ свое время, когда изученіе всего удѣльнаго періода будетъ закончено, мы остановимся еще на вопросѣ о причинахъ образованія установленныхъ двухъ типовъ хозяйственнаго развитія. Теперь, въ заключеніе настоящей главы, остается только поставить внѣ сомнѣнія то обстоятельство, что изслѣдованныя нами сейчасъ явленія не представляютъ собою чего-либо единичнаго, совершенно-индивидуальнаго, что параллельные имъ факты наблюдаются и въ исторіи другихъ странъ.

Всѣ страны европейскаго запада въ VI, VII, VIII, IX и X вѣкахъ переживали ту же самую вторую стадію въ развитіи натуральнаго хозяйства, характеризующуюся преобладаніемъ земледѣлія. Соотвѣтственно этому шло сосредоточеніе земли въ рукахъ военнослужилаго класса и церковныхъ учрежденій, причемъ особенно выдвинулись на первый планъ монастырскія и архіерейскія владѣнія и упомянутые нами уже въ свое время бенефиціи, соотвѣтствовавшіе нашему помѣстью. Далѣе: оброчная система, вслѣдствіе слабости хлѣбной торговли, преобладала надъ барщиной, хозяйственная техника не возвышалась надъ уровнемъ земледѣльческаго трехполья, ручного труда въ ремеслѣ и ярмарочно-караванной системы въ торговлѣ; наконецъ, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ характеризовалось тѣмъ, что въ рукахъ народной массы оставалось небольшое число потребительныхъ цѣнностей. Эти основныя черты хозяйственнаго быта эпохи, предшествовавшей полному расцвѣту западно-европейскаго средне-вѣковаго строя, выяснены теперь весьма хорошо въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ трудовъ, каковы, напр., труды Рота, Вайца, Лампрехта, Инама-Штернега, Мэтленда, Сибома, Виноградова и Ковалевскаго. Поразительная близость ихъ съ тѣми, которыя сейчасъ опредѣлены нами для удѣльной сѣверо-восточной Россіи, бросается въ глаза всякому. Въ вышедшей еще въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка книгѣ Тиссендорфа о ленномъ строѣ въ мусульманскихъ государствахъ соотвѣтствующія явленія отмѣчены и для арабскаго халифата со временъ Османа и особенно при халифахъ изъ династіи Омайядовъ. То же помѣстье подъ именемъ «прониіи» и «харистикіи» наблюдается въ Византійской имперіи. Вездѣ одинаковыя условія приводятъ къ тожественнымъ результатамъ совершенно независимо отъ какихъ-либо воздѣйствій со стороны, иностранныхъ вліяній.

Нѣтъ такимъ образомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что процессъ хозяйственнаго развитія, совершавшійся въ бассейнѣ Оки и верхней Волги съ XIII до XVI вѣка, является типическимъ, общимъ для цѣлаго ряда странъ. Изучая этотъ процессъ, мы тѣмъ самымъ, слѣдо-

вательно, на конкретномъ примѣрѣ можемъ уяснить себѣ общіе законы хозяйственнаго развитія человѣческихъ обществъ, переживающихъ вторую стадію эволюціи натуральнаго хозяйства.

Глава третья.

Устройство общества въ бассейнѣ Оки и верхней Волги съ XIII до половины XVI вѣка.

Въ ближайшей связи съ только что изслѣдованными хозяйственными явленіями находится дѣленіе общества на группы по экономическимъ признакамъ или иначе дѣленіе его на классы. Мы видѣли, что въ предшествующій періодъ такое дѣленіе едва намѣчалось, выражалось слабо. Не произошло ли въ этомъ отношеніи какихъ-либо измѣненій въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ сущности уже извѣстенъ намъ. При изученіи хозяйственнаго быта мы наблюдали постепенный переходъ массы населенія къ земледѣлію и столь же постепенное сосредоточеніе земли, отчасти также и денежнаго капитала, въ рукахъ меньшинства,—бояръ и отчасти купцовъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, но всего болѣе въ рукахъ князей великихъ и удѣльныхъ, а также въ обладаніи церковныхъ учрежденій,—монастырей и архіерейскихъ каѳедръ. Сразу такимъ образомъ намѣчается два класса, довольно рѣзко различающихся между собою,—классъ землевладѣльцевъ и классъ безземельныхъ земледѣльцевъ-арендаторовъ. При этомъ масса городского населенія почти совсѣмъ не отличалась отъ населенія сельскаго, съ XIV вѣка получившаго названіе крестьянъ: и посажане, т.-е. жители посадовъ, и крестьяне, т.-е. сельскіе обыватели, одинаково были по преимуществу землепашцами.

Нельзя отрицать такимъ образомъ образованія на удѣльномъ сѣверо-востокѣ Россіи несравненно болѣе рѣзкаго классоваго расчлененія общества, чѣмъ то было въ кіевскій періодъ. Это не могло не отразиться и на сословномъ дѣленіи. Вообще говоря, зародыши такого дѣленія, едва замѣтные въ кіевской Руси, сильно развились въ удѣльный періодъ въ бассейнѣ Оки и верхней Волги, хотя, впрочемъ, это развитіе далеко не было полнымъ и законченнымъ, а главное—не было всестороннимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо подвергнуть детальному изученію отдѣльныя группы общества того времени, опредѣляя ихъ юридическое положеніе,—права, которыми они пользовались, и обязанности, какимъ подвергались.

Первую соціальную группу составляли тогда *бояре и слуги вольные*. Изъ числа слугъ вольныхъ по крайней мѣрѣ съ конца XIII вѣка выдѣляются *окольничіе*, непосредственно примыкающіе къ высшему

слою—боярамъ, такъ что первоначально окольничіе также назывались боярами. Низшій слой вольныхъ слугъ получилъ къ концу періода названіе *дѣтей боярскихъ*. Болѣе дробнаго дѣленія всѣхъ этихъ *служилыхъ людей* на чины въ изучаемый періодъ не было; даже званіе окольничаго было сначала не чиномъ, а должностью: оно означало боярина, находившагося постоянно при князѣ. Впрочемъ, со второй половины XV столѣтія наблюдается появленіе въ Москвѣ «двора государева», т.-е. московскихъ дѣтей боярскихъ, отличавшихся отъ дѣтей боярскихъ «изъ городовъ», или провинціальныхъ.

Не подлежитъ, конечно, прежде всего сомнѣнію то обстоятельство, что всѣ служилые люди безъ различія отдѣльныхъ группъ были лицами свободными и граждански правоспособными. Всѣ ихъ личныя права признавались и ограждались обычаемъ или закономъ. Лишеніе жизни, причиненіе вреда здоровью, оскорбленіе чести боярина, окольничаго, слуги вольнаго, сына боярскаго были наказуемыми дѣяніями, какъ то показываютъ между прочимъ такіе законодательные памятники, какъ уставная Двинская грамота и Судебникъ Ивана III, изданный въ 1497 году. Этого мало: договорныя грамоты различныхъ князей между собою торжественно провозглашаютъ еще одно весьма важное право служилыхъ людей,—право отъѣзда, т.-е. право переходить отъ одного князя на службу къ другому: «а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля»—вотъ стереотипная фраза, повторяющаяся въ княжескихъ договорахъ XIV и XV вѣковъ; это признаютъ, напр., одинаково и Дмитрій Донской со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ въ 1362 году, и Иванъ III съ великимъ княземъ рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1483 году. Чрезвычайно важно однако, сейчасъ же отмѣтить, что всѣ перечисленныя только что личныя права не составляли особенности служилыхъ людей, а были также свойственны и посажанамъ, и крестьянамъ: свобода, жизнь, здоровье и честь лицъ, принадлежавшихъ къ этимъ двумъ послѣднимъ соціальнымъ группамъ, также ограждались юридическимъ обычаемъ и писаннымъ закономъ, поскольку такой законъ существовалъ; и посажане, и крестьяне, какъ увидимъ скоро, пользовались также свободой перехода. Слѣдовательно, спеціальнымъ сословнымъ правомъ бояръ и слугъ вольныхъ нельзя признать личную свободу и гражданскую правоспособность. Необходимо, впрочемъ, нѣсколько оговориться: зародыши нѣкоторыхъ привилегій въ данной сферѣ уже наблюдаются. Именно: уже въ Двинской уставной грамотѣ конца XIV вѣка вознагражденіе за безчестье полагается «по отечеству», т.-е. по степени знатности происхожденія, а по Судебнику 1497 года за рану слѣдуетъ присуждать вознагражденіе «посмотря по человѣку». Этимъ подчеркивается, несомнѣнно, сложившійся уже до извѣстной степени принципъ знатности происхожденія, «великой породы», какъ говорили позднѣе. Внѣшнимъ выраженіемъ этого принципа является такъ называемое мѣстничество,

т.-е. счетъ вмѣстѣ и по знатности происхожденія, и по службѣ. Уже въ XVI вѣкѣ былъ списокъ бояръ по мѣстамъ; тогда же стали составляться частныя, а потомъ и офиціальныя записи служебныхъ назначеній, такъ называемыя «разрядныя книги». Не слѣдуетъ притомъ думать, что мѣстничество зародилось только въ Московскомъ княжествѣ,—оно существовало и въ другихъ удѣльныхъ центрахъ: такъ есть указаніе на разряды въ Рязанскомъ княжествѣ въ 1516 году, а въ позднѣйшемъ мѣстническомъ спорѣ Василія Зюзина съ Ѳедоромъ Нагимъ первый говорилъ: «ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой *во Твери* меньши дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ». При всемъ томъ мы впали бы въ большое преувеличеніе, если бы выдвинули принципъ знатности, родовитости на первый планъ и признали его вполнѣ сложившимся и ясно выраженнымъ. Напротивъ, онъ только еще намѣчался и опредѣлялся: съ одной стороны, мѣстническіе порядки и отношенія едва еще устанавливались, правила старшинства по службѣ и происхожденію постоянно колебались, съ другой—лица всѣхъ соціальныхъ группъ въ случаѣ преступленія подвергались одинаковымъ наказаніямъ, и свидѣтельство служилаго человѣка на судѣ вѣсило столько же, сколько и свидѣтельство свободнаго земледѣльца: при повальномъ обыскѣ, какъ видно изъ Судебника 1497 года, показаніе пяти или шести дѣтей боярскихъ приравнивалось по своей юридической силѣ свидѣтельству такого же числа крестьянъ.

Гораздо важнѣе и обширнѣе были имущественныя права бояръ и слугъ вольныхъ. Рѣчь идетъ, конечно, не о правахъ на вещи движимыя, одинаковыхъ для всѣхъ общественныхъ группъ, а о правахъ на недвижимость, главнымъ образомъ на землю. Намъ уже извѣстна экономическая сторона исторіи землевладѣнія на русскомъ сѣверо-востокѣ въ удѣльное время, извѣстно, какъ подъ вліяніемъ торжества земледѣлія надъ другими отраслями промышленности произошло «окняженіе» и «обояреніе» земли. Было указано въ свое время также и на то, что дѣло не сводилось къ одному лишь фактическому сосредоточенію массы земель въ рукахъ князей, бояръ, слугъ вольныхъ, монастырей и архіереевъ: крестьяне не только были фактически обезземелены, но и юридически ограничены въ своихъ правахъ распоряженія остатками такъ называемой «черной» земли, не имѣли права отчуждать ее. Уже въ 1388 году запрещалось покупать земли черныхъ людей, и это правило оставалось нерушимымъ въ XV вѣкѣ. Этимъ проводилась, какъ сейчасъ увидимъ, весьма рѣзкая разграничительная черта между крестьянскими правами на недвижимость и поземельными правами служилыхъ людей. Чтобы опредѣлить пространство владѣльческихъ правъ на землю у служилыхъ людей, необходимо различать два вида ихъ земельнаго владѣнія,—помѣстье и вотчину. Вотчина—полная собственность, во многомъ соотвѣтствовавшая по своей юридической природѣ западноевропейскому аллоду. Вотчиннику принадлежали прежде всего весьма

широкія права пользованія своей вотчиной: онъ могъ измѣнять такъ или иначе видъ этой вотчины (напр., обращать ее всю или часть ея подъ барскую запашку, сдавать на оброкъ и т. д.), пользоваться ею по своему усмотрѣнію какъ на поверхности земли, такъ и въ ея нѣдрахъ, а также лѣсами и водами въ предѣлахъ вотчиннаго имѣнія. Затѣмъ вотчинникамъ принадлежали права распоряженія своими имѣніями, такъ что они могли ихъ продавать, закладывать, мѣнять, дарить, отдавать въ монастыри на поминъ души. Важно при этомъ отмѣтить, что всѣ эти вещныя права принадлежали въ изучаемый періодъ не семейному союзу, а отдѣльному лицу. Остаткомъ старины въ этомъ отношеніи надо признать только обычай выкупа родовыхъ вотчинъ родственниками продавца или залогодателя. Что касается способовъ пріобрѣтенія вотчинъ, то они были на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси довольно разнообразны: къ старому, наиболѣе распространенному, если не единственному въ кіевской Руси, способу—занимкѣ или захвату пустыхъ земель—присоединились теперь пожалованіе отъ князей, пріемъ въ даръ, покупка и мѣна у другихъ вотчинниковъ, въ томъ числѣ и у князей (имѣются, напр., факты 1477, 1485 и 1497 годовъ) и, наконецъ, давность владѣнія: при Василіи Димитріевичѣ была установлена давность для исковъ о землѣ въ 15 лѣтъ. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о небываломъ прежде развитіи вещнаго права, совершившемся подъ непосредственнымъ вліяніемъ торжества земледѣлія, привязавшаго людей къ землѣ, сдѣлавшаго послѣднюю чрезвычайно цѣнной и превратившаго ее въ предметъ разнообразныхъ юридическихъ сдѣлокъ. На то же развитіе вещныхъ правъ указываетъ и появленіе помѣстья, идея котораго въ чистомъ своемъ видѣ исключала совершенно возможность какого-либо распоряженія землей со стороны помѣщика, и мы дѣйствительно въ теченіе всего удѣльнаго періода наблюдаемъ это отсутствіе права отчуждать помѣстную землю. Но права пользованія принадлежали владѣльцу помѣстной земли во всей ихъ полнотѣ, не подвергались ограниченіямъ. Источникомъ помѣстнаго права въ изучаемый періодъ было пожалованіе отъ крупнаго землевладѣльца,—князя, монастыря, архіерея или даже отъ простого боярина. Примѣромъ княжескаго пожалованія можетъ служить извѣстный уже намъ изъ духовной Ивана Калиты 1328 года фактъ полученія помѣстья Борисомъ Ворковымъ; въ тверской писцовой книгѣ 1548 года встрѣчаемъ военныхъ «послужильцевъ» частныхъ людей—князей Микулинскихъ, Голицына, Мстиславскаго, Курлятева, Оболенскаго, Серебрянаго, Ростовскаго-Щепина, Лопатина, Борисовыхъ, Морозова, Умного, Пятого-Новошина, Яхонтова, Житого, Заборовскаго; по Курбскому, издавна былъ такой обычай: «на церковной землѣ многіе мужи благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія маютъ, во время мирное епископамъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бываютъ». Само собою разумѣется, что

до половины XVI вѣка помѣстное право сложилось лишь въ самыхъ общихъ, главныхъ чертахъ, юридическіе же его оттѣнки, тонкости и подробности—дѣло болѣе поздняго времени. Въ первоначальной, удѣльной стадіи своего развитія помѣстье, какъ было уже сказано, тожественно съ западно-европейскимъ бенефиціемъ.

Таковы были *гражданскія* права служилыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ удѣльное время. Но содержаніе вещнаго права въ то время было несравненно шире, чѣмъ теперь: оно захватывало и сферу правъ, которыя теперь носятъ наименованіе *политическихъ*: обладаніе землей—все равно на помѣстномъ или на вотчинномъ правѣ—обусловливало собою и принадлежность помѣщику или вотчиннику правъ суда надъ всѣми жителями его имѣнія и сбора податей съ нихъ. Это засвидѣтельствовано множествомъ жалованныхъ грамотъ—несудимыхъ, тарханныхъ и льготныхъ, которыя дошли до насъ отъ удѣльнаго періода. Болѣе 80-ти такихъ княжескихъ грамотъ, данныхъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ, сохранилось отъ XV и первой половины XVI вѣка. Князья московскіе, рязанскіе, тверскіе, можайскіе, бѣлозерскіе и т. д. одинаково давали ихъ своимъ вольнымъ слугамъ и боярамъ. Въ древнѣйшихъ грамотахъ судебныя и податныя льготы отличаются наибольшей широтой: княжескіе чиновники не должны въѣзжать въ имѣніе владѣльца «ни по что», не судятъ людей, тамъ живущихъ, ни въ чемъ, не собираютъ никакихъ податей, пошлинъ, кормовъ и поборовъ.

Позднѣе судебныя и податныя привилегіи съужаются: судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ — сначала по убійству или «душегубству», а затѣмъ и по разбою и кражѣ (татьбѣ) съ поличнымъ, т.-е. когда преступникъ пойманъ на мѣстѣ преступленія,—изъемлется изъ вѣдѣнія землевладѣльцевъ и передается княжескимъ чиновникамъ; важнѣйшія подати и повинности—татарская дань или ямъ и устройство крѣпостей или укрѣпленій («городовое дѣло»)—также возлагаются на лицъ, живущихъ въ привилегированномъ имѣніи; наконецъ, со второй половины XV вѣка наблюдается, далеко, впрочемъ, не всегда, срочность пожалованія льготъ,—на 2, на 3, на 5, на 10 лѣтъ. Но все это позднѣйшія явленія, указывающія уже на ограниченіе первоначальныхъ привилегій. Не слѣдуетъ думать, что дача жалованныхъ грамотъ князьями свидѣтельствуетъ о происхожденіи всѣхъ этихъ преимуществъ изъ княжескаго пожалованія; жалованныя грамоты только формулировали давно сложившійся и господствовавшій обычай и подтверждали, укрѣпляли права, подобно тому какъ теперь всякое вещное право нуждается въ нотаріальномъ актѣ укрѣпленія. Что политическія права въ удѣльное время срослись съ владѣльческими, поземельными,—это видно изъ цѣлаго ряда данныхъ. Еще въ грамотѣ князя Мстислава Юрьеву монастырю XII вѣка дань, виры и продажи, т.-е. сборъ налоговъ и судъ, слиты съ землевладѣніемъ. То же видимъ въ грамотѣ

XIV вѣка—Ольгову монастырю въ Рязанскомъ краѣ; въ одномъ судномъ дѣлѣ XV вѣка кистемскіе бояре (въ Бѣлозерскомъ краѣ) заявляютъ: «та деревня изстарины тянетъ судомъ и данью къ намъ»: здѣсь основаніемъ судебныхъ и податныхъ привилегій является не княжеское пожалованіе—иначе на него сослались бы,—а давность, старина, обычай. Въ томъ же XV вѣкѣ встрѣчаемъ акты, по которымъ къ деревнѣ «изстари тянутъ» не только «хлѣбъ земляной» (т.-е. посѣянный, но еще не сжатый), но и «душегубство и татьба»; вотчинникъ того времени ставилъ рядомъ въ свой доходъ «татины рубли» и «хлѣбъ земляной». Наконецъ, съ XIV вѣка въ Московскомъ княжествѣ начинаютъ появляться служебные князья, ростовскіе, ярославскіе, бѣлозерскіе и другіе, а въ XV и XVI вѣкахъ ихъ приливъ становится массовымъ. Эти титулованные служилые люди, прежде самостоятельно правившіе своими удѣлами, сохранили удѣлы въ своихъ рукахъ въ видѣ вотчинъ и теперь и вмѣстѣ съ тѣмъ удержали и рядъ политическихъ правъ: они не только судили всѣхъ, кто жилъ въ ихъ вотчинахъ, и собирали съ нихъ подати и пошлины, но и выдавали несудимыя и тарханныя грамоты. Еще въ XV вѣкѣ мелкіе служебные князья Вологодской и Бѣлозерской областей, какъ князья Бохтюжскіе и Карголомскіе, раздаютъ грамоты. Привилегіи служебныхъ князей утверждались великимъ княземъ московскимъ, принимавшимъ ихъ къ себѣ на службу, но отсюда нельзя выводить происхожденіе этихъ привилегій изъ пожалованія великаго князя. Не надо только преувеличивать значеніе и объемъ податныхъ и судебныхъ привилегій удѣльнаго времени, почему и не слѣдуетъ говорить о «феодальныхъ отношеніяхъ» въ удѣльной Руси: даже служебные князья не обладали полнотой суверенныхъ, государственныхъ правъ: монета чеканилась не ими, а удѣльными *самостоятельными* князьями, и кромѣ того у нихъ не было права войны, иностранныхъ сношеній, права на непремѣнное участіе въ законодательныхъ съѣздахъ и суда пэровъ, а между тѣмъ всѣ эти права составляютъ непремѣнную принадлежность феодальнаго порядка въ развитомъ, сложившемся видѣ. Судебныя и податныя привилегіи можно назвать только иммунитетомъ, а иммунитетъ, какъ и бенефиціи, является лишь однимъ изъ зародышей феодализма. Феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси не было, были на лицо только ихъ элементы, не вышедшіе изъ первоначальной стадіи развитія.

Политическія права, свойственныя служилымъ людямъ удѣльнаго періода, не ограничивались, однако, судебными и податными привилегіями, вытекавшими изъ землевладѣнія. Помимо этихъ привилегій, тогда начала слагаться наслѣдственность нѣкоторыхъ должностей,—намъ извѣстна, по крайней мѣрѣ, наслѣдственность должности тысяцкаго. Въ Тверскомъ великомъ княжествѣ тысяцкими были послѣдовательно внукъ, правнукъ и праправнукъ боярина Бориса Ѳедоровича Полового. Въ Москвѣ еще при Иванѣ Калитѣ должность тысяцкаго занималъ Про-

тасій, предокъ Вельяминовыхъ, а послѣ него тысяцкими были его потомки, пока въ 1374 году не умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Однако, и въ этомъ отношеніи наблюдается только зарожденіе извѣстныхъ отношеній и порядковъ, которые безъ особаго труда разрушались враждебными имъ силами. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ исторія уничтоженія наслѣдственности должности тысяцкаго въ Москвѣ. Когда въ 1374 году умеръ В. В. Вельяминовъ, то великій князь Дмитрій Донской назначилъ тысяцкимъ лицо изъ другой фамиліи. Сынъ покойнаго Иванъ Вельяминовъ, считавшій, очевидно, такое назначеніе нарушеніемъ своего неотъемлемаго права бѣжалъ въ Тверь, а потомъ въ орду, съ цѣлью поднять тверского великаго князя и татарскаго хана на Дмитрія. Но затѣмъ онъ былъ схваченъ и казненъ, и хотя народъ, присутствовавшій при казни, плакалъ «о благородствѣ и величествѣ его», но наслѣдственность должности тысяцкаго въ Москвѣ была окончательно уничтожена.

Такой же зачаточный характеръ имѣло и развитіе *корпоративныхъ правъ* служилыхъ людей на удѣльномъ сѣверо-востокѣ. Мы разумѣемъ здѣсь постепенное образованіе круга постоянныхъ совѣтниковъ князя въ дѣлѣ управленія. Но разсмотрѣніе этого процесса удобнѣе отложить до изученія политическаго строя.

Быть можетъ, однако, на ряду съ правами на служилыхъ людяхъ лежали и какія-либо обязанности? Объ одной изъ такихъ обязанностей мы уже говорили: это была обязанность военной службы. Надо только замѣтить, что обязанность воевать или «садиться на конь», какъ тогда говорили, не была, по общему правилу, принудительной, а напротивъ являлась результатомъ свободнаго соглашенія, договора съ княземъ: можно было владѣть вотчиной въ удѣлѣ одного князя, а жить въ удѣлѣ другого и служить этому послѣднему; можно было, какъ мы знаемъ, не лишаясь вотчинъ, переходить отъ одного князя на службу другому: въ XIV вѣкѣ князья обязывались между собою при отъѣздѣ боярина въ села его не вступаться. Только одна военная обязанность лежала на всѣхъ вотчинникахъ извѣстнаго княжества, именно повинность «городной осады», т.-е. обязанность защищать городъ, въ уѣздѣ котораго лежитъ вотчина: «а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто сѣсти», читаемъ въ княжескихъ договорахъ XIV и XV вѣковъ. Впрочемъ, и здѣсь допускается исключеніе: «опроче путныхъ бояръ», прибавляютъ иногда договоры; путными боярами назывались бояре, вѣдавшіе дворцовые пути, т.-е. отрасли дворцоваго княжескаго хозяйства,—конюшій путь, ловчій, сокольничій, чашничій пути. Впрочемъ, вполнѣ свободныя служебныя отношенія военнаго слуги къ князю были возможны лишь до тѣхъ поръ, пока не установился обычай раздавать земли такимъ слугамъ въ помѣстное владѣніе. Въ XV вѣкѣ военные вольные слуги князя, несомнѣнно, уже владѣли помѣстьями: уже въ 1462 г. не только о вотчинахъ, но и о «дачахъ», т.-е. помѣ-

стьяхъ, дѣтей боярскихъ говорится какъ о обычномъ, установившемся явленіи. Помѣстье, какъ извѣстно, давалось подъ непремѣннымъ условіемъ службы, и перспектива лишенія помѣстной земли, конечно, въ значительной степени стѣсняла право отъѣзда, не уничтожая его, впрочемъ, принципіально. Какъ бы то ни было, пока существовало право отъѣзда, обязанность военной службы не могла быть обременительной для бояръ и слугъ вольныхъ.

Не болѣе обременительной была для нихъ и другая обязанность—платить подати. Княжескіе договоры XIV вѣка говорятъ о правѣ князей «дань взяти» съ бояръ и слугъ вольныхъ. Но самая форма, въ какой выражается это княжеское право, указываетъ на его непостоянство, на то, что такіе сборы были экстренными, исключительными явленіямя. Вотъ что, напр., гласитъ договоръ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года: «а коли ми взяти на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти такъ же по кормленью и по путемъ .

Итакъ: права служилыхъ людей были несравненно значительнѣе ихъ обязанностей и не вытекали изъ послѣднихъ, имѣли большею частью самостоятельное происхожденіе и значеніе. Они, однако, не сложились въ стройную и разработанную систему, находились въ періодѣ образованія.

Этотъ выводъ во всей полнотѣ примѣнимъ, однако, лишь къ XIV столѣтію и къ началу XV. Послѣдующее время принесло съ собой рядъ важныхъ перемѣнъ въ юридическомъ положеніи бояръ и слугъ вольныхъ, перемѣнъ подготовлявшихъ недалекое уже будущее. Мы должны остановиться теперь на этихъ перемѣнахъ.

Говоря коротко, онѣ сводятся къ ограниченію правъ и къ соотвѣтственному увеличенію обязанностей. Другими словами, ясно намѣчается тенденція къ крѣпостному сословному строю. Право отъѣзда признается, правда, еще въ XVI вѣкѣ, въ договорной грамотѣ Василія III съ братомъ его Юріемъ, но великіе князья московскіе давно уже принимали мѣры къ его ограниченію и даже полному уничтоженію: еще Василій Темный бралъ съ бояръ «проклятыя» грамоты съ отказомъ отъ права отъѣзда; въ 1474 году кн. Д. Д. Холмскій далъ Ивану III крестоцѣловальную грамоту такого же содержанія, причемъ по Холмскомъ въ томъ, что онъ не отъѣдетъ, взята была порука Воронцова, обязавшагося въ случаѣ его отъѣзда заплатить въ великокняжескую казну 250 рублей (25.000 р. на наши деньги); въ духовной грамотѣ Ивана III, составленной въ 1504 году, запрещается отъѣздъ всѣмъ служебнымъ князьямъ, а также боярамъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ, которые имѣли вотчины и «купли» (т.-е. вотчины, пріобрѣтенныя не по наслѣдству, а покупкой). Параллельно этому шло ограниченіе имущественныхъ правъ служилыхъ людей. Еще въ XIV вѣкѣ запрещалось боярамъ и слугамъ вольнымъ покупать села и держать

холоповъ и закладней въ удѣлахъ князей, на службѣ которыхъ они не состояли. Тогда же запрещено было имъ покупать земли данныя, т.-е. обложенныя данью, служни, т.-е. принадлежавшія невольнымъ слугамъ князей, а также и земли людей черныхъ. Уже по договорнымъ грамотамъ первой половины XV столѣтія служебные князья при переходѣ на службу къ другому князю должны были лишаться своихъ вотчинъ. Иванъ III и Василій III объявили выморочными вотчины служебныхъ князей, умиравшихъ безъ прямого потомства, безъ наслѣдниковъ въ прямой нисходящей линіи. Эти же великіе князья запретили князьямъ и дѣтямъ боярскимъ въ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлоозерѣ, Рязани отдавать свои вотчины въ монастыри безъ особаго своего всякій разъ разрѣшенія. Мы видѣли, наконецъ, какъ съуживался иммунитетъ, начиная со второй половины XV вѣка. Съ ограниченіемъ права отъѣзда и стѣсненіемъ владѣльческихъ правъ начало обязанности, особенно повинность военной службы, пріобрѣтало большее значеніе, подготовлялась постепенно его первенствующая роль въ устройствѣ будущаго военно-служилаго сословія.

Особое положеніе занимали въ удѣльной Руси такъ называемые «слуги подъ дворскимъ», т.-е. дворцовые слуги великихъ и удѣльныхъ князей, въ средѣ которыхъ очень значительный элементъ составляли несвободные люди, холопы. Главная особенность въ ихъ положеніи заключается, какъ мы имѣли уже случай убѣдиться, въ невозможности для нихъ отчуждать свои земли въ руки бояръ и слугъ вольныхъ. Повидимому, и первообразъ временнаго и условнаго владѣнія землей, помѣстья, сложился именно въ предѣлахъ княжескаго дворцоваго, хозяйства. Наконецъ, правомъ отъѣзда слуги подъ дворскимъ не пользовались.

Вторую обширную соціальную группу составляли *люди черные*, подраздѣлявшіеся на посадскихъ или горожанъ и сиротъ или крестьянъ, т.-е. сельскихъ обывателей. Какъ ни мало было юридическихъ и экономическихъ различій между сельскимъ и городскимъ населеніемъ въ то время,—все-таки необходимо изъ состава посадскихъ людей выдѣлить небольшой верхній слой богатыхъ купцовъ—гостей, сурожанъ и суконниковъ,—которые юридически и экономически до нѣкоторой степени приближались къ служилымъ людямъ. Мы имѣемъ, напр., извѣстіе, что въ 1371 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ жилъ богатый гость Тарасъ Петровъ, который купилъ у великаго князя вотчину,—6 селъ за рѣкой Кудьмой. Надо думать, что эта купеческая вотчина въ юридическомъ отношеніи ничѣмъ не отличалась отъ вотчинъ бояръ и слугъ вольныхъ, такъ что все сказанное о служилыхъ вотчинахъ примѣнимо и къ ней. Однако, такія явленія, несомнѣнно, были отдѣльными исключеніями, потому что при господствѣ натуральнаго хозяйства, при крайней слабости обмѣна, внутренней и внѣшней торговли, количество купцовъ было невелико, и изъ нихъ очень немногіе нажи-

вали сколько-нибудь крупные капиталы и пріобрѣтали болѣе или менѣе значительныя земельныя владѣнія.

За исключеніемъ сейчасъ отмѣченнаго небольшого верхняго слоя городского населенія, вещныя права всѣхъ черныхъ людей — городскихъ и сельскихъ—были, какъ намъ уже извѣстно, въ изучаемый періодъ несравненно болѣе ограниченными, чѣмъ владѣльческія права служилыхъ людей. Черные люди были въ сущности только безсрочными арендаторами земли того князя, въ удѣлѣ котораго они жили, и потому правомъ распоряженія землей они не пользовались, не имѣли также и иммунитета. Выше было уже указано, что личныя гражданскія права посадскихъ людей и крестьянъ были въ удѣльное время въ сѣверо-восточной Руси не меньше соотвѣтствующихъ правъ бояръ и слугъ вольныхъ, и что къ числу этихъ правъ принадлежало также право свободнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому. Юридическимъ выраженіемъ этого служили договорныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, формулировавшіяся особой такъ называемой «порядной» грамотой. Право свободнаго перехода крестьянъ засвидѣтельствовано, кромѣ порядныхъ грамотъ, и другими актами, напр., духовной грамотой князя Владиміра Андреевича въ XIV вѣкѣ и Судебникомъ 1497 года.

Но подобно тому какъ право отъѣзда служилыхъ людей постепенно подвергалось ограниченіямъ по мѣрѣ приближенія къ концу удѣльнаго періода, — и крестьяне мало-по-малу стали ограничиваться въ своей свободѣ перехода. Господство земледѣлія надъ другими отраслями производства сыграло въ этомъ отношеніи опредѣляющую, главную роль. Самыя условія полевого хозяйства вызывали необходимость нѣкоторыхъ ограниченій въ правѣ перехода: для обѣихъ договаривающихся сторонъ—и для землевладѣльца, и для земледѣльца—неудобно нарушеніе установленныхъ порядной грамотой отношеній въ любое, произвольно выбираемое той или другой стороной время, потому что въ такомъ случаѣ все сложное, съ такимъ трудомъ налаженное хозяйственное цѣлое разрушалось безъ всякой выгоды для кого бы то ни было. Отсюда вытекала необходимость установленія однообразнаго, постояннаго срока перехода. Такой срокъ и устанавливался въ порядныхъ, причемъ для разныхъ мѣстностей былъ различенъ. Однако, преобладающимъ для бассейна Оки и верхней Волги срокомъ перехода былъ такъ называемый Юрьевъ день осенній (24-го ноября), когда кончались всѣ полевыя работы, и ликвидація хозяйства отдѣльнаго крестьянина была наиболѣе легка. Вотъ почему Судебникъ Ивана III и установилъ, что крестьяне могутъ выходить изъ-за землевладѣльцевъ, на землѣ которыхъ они живутъ, только разъ въ годъ, — въ Юрьевъ день осенній и за недѣлю до него. При выходѣ крестьянинъ производилъ «отказъ», т.-е. дѣлалъ землевладѣльцу формальное устное заявленіе о своемъ уходѣ.

Но земледѣліе обусловливаетъ потребность крестьянина въ хозяйственныхъ и жилыхъ постройкахъ,—въ домѣ, дворѣ и надворныхъ строеніяхъ. Отсюда вытекали два весьма важныхъ послѣдствія, сильно ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода. Если крестьянинъ садился на застроенный уже участокъ, т.-е. получалъ готовыя, господскія постройки, онъ обязанъ былъ при уходѣ заплатить «пожилое» или «похоромное»—плату за пользованіе дворомъ, установленную Судебникомъ 1497 года въ 1 рубль за 4 года въ мѣстахъ полевыхъ и въ полтину въ мѣстахъ лѣсныхъ (не менѣе 94 и 47 рублей на наши деньги). Таково было одно послѣдствіе потребности въ хозяйственныхъ постройкахъ. Другое имѣло мѣсто тогда, когда крестьянинъ садился на пустой участокъ и обязывался его застроить. Въ этомъ случаѣ онъ получалъ отъ землевладѣльца льготу, т.-е. облегченіе въ уплатѣ оброковъ, въ отбываніи барщины и во взносѣ государевыхъ податей. Льгота давалась на извѣстный срокъ и, конечно, обязывала крестьянина не уходить въ теченіе довольно продолжительнаго времени съ арендованнаго участка. Часто для приведенія хозяйства въ исправное состояніе, «на дворовое строеніе и для пашни» крестьянинъ получалъ также «подмогу» отъ землевладѣльца, т.-е. опредѣленную денежную сумму, которая, можетъ быть, сначала и не подлежала возврату, погашалась фактомъ возведенія должныхъ построекъ, но, во всякомъ случаѣ, до окончанія этихъ строительныхъ работъ привязывала крестьянина къ землевладѣльцу, ограничивала свободу его перехода.

Экономическая природа земледѣлія простирала еще дальше свое воздѣйствіе на свободу крестьянскаго перехода. Кромѣ обстройки участка крестьянинъ для веденія полевого хозяйства нуждался еще въ другихъ предметахъ, требовавшихъ затраты капитала. Не имѣя послѣдняго, онъ прибѣгалъ къ займамъ у того же землевладѣльца. О заемномъ житѣ, т.-е. хлѣбѣ, и «серебрѣ», т.-е. деньгахъ, на крестьянахъ очень часто читаемъ въ духовныхъ грамотахъ XV вѣка. Рядъ актовъ того же столѣтія говоритъ, кромѣ того, объ «издѣльномъ серебрѣ», «деньгахъ въ селѣхъ въ ростѣхъ» и «ростовомъ серебрѣ». Изслѣдователи справедливо проводятъ разграничительную черту между разными видами займа. Дѣло въ томъ, что «заемное жито и серебро» сплошь и рядомъ было, выражаясь терминомъ того времени, «ссудой», т.-е. срочнымъ безпроцентнымъ займомъ, иногда даже «безкабальнымъ», т.-е. не закрѣпленнымъ «заемной кабалой», документомъ, по нашему векселемъ: по истеченіи срока, на который давалась ссуда, крестьянинъ возвращалъ только занятый капиталъ, не уплачивая процентовъ. Лишь при просрочкѣ уплаты ссуда превращалась въ процентный долгъ. Термины «ростовое серебро», «деньги въ селѣхъ въ ростѣхъ» указываютъ на другой видъ займа,—на заемъ, сопровождающійся уплатой процентовъ. Особой разновидностью процентнаго займа является та, ко-

торая характеризуется выраженіемъ «издѣльное серебро». Въ толкованіи этого послѣдняго термина не всѣ изслѣдователи сходятся: по мнѣнію однихъ, это—неуплаченный своевременно крестьяниномъ и потому подлежащій отработкѣ оброкъ; по другому объясненію, это—заемъ подъ будущую работу вмѣсто процентовъ. Вѣрно именно второе толкованіе, потому что въ одномъ документѣ 1450 года сказано, что «на то серебро дѣлаютъ дѣло», да и другое названіе такого серебра—«деньги въ пашнѣ». И ссуда, и процентный долгъ, и издѣльное серебро, несомнѣнно, привязывали крестьянина къ его кредитору—землевладѣльцу; мѣшали первому уйти отъ послѣдняго, потому что, по свидѣтельствамъ источниковъ, крестьяне, отказываясь изъ-за землевладѣльцевъ, должны были «серебро заплатить». Мало того: неисправность въ уплатѣ долга могла привести крестьянина въ болѣе сильную зависимость отъ землевладѣльца. Судебникъ 1497 года предписывалъ выдавать неисправнаго должника кредитору «головою до искупа», т.-е. до отработки долга *). И это, дѣйствительно, примѣнялось на практикѣ по отношенію къ неисправнымъ должникамъ крестьянамъ, какъ показываетъ одно дошедшее до насъ «судное дѣло» 1530 года.

Задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ уже во второй половинѣ XV вѣка вызвала къ жизни новую форму крестьянскаго перехода,—такъ называемый крестьянскій «вывозъ», состоявшій въ томъ, что какой-либо землевладѣлецъ, обладавшій значительными денежными средствами, платилъ за крестьянина, по соглашенію съ послѣднимъ, его долги тому лицу, на землѣ котораго крестьянинъ сидѣлъ, и увозилъ крестьянина на свою землю, причемъ, разумѣется, перевезенный обязывался вернуть или отработать новому своему кредитору уплаченныя имъ за него деньги: «занялъ есми у такого-то лица столько-то денегъ и тѣ есми деньги платилъ старому своему государю, а за ростъ мнѣ у него (т.-е. у новаго кредитора) работать».

Стѣсненія крестьянскаго перехода въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время не ограничивались приведенными сейчасъ случаями. Эти случаи обнимаютъ собою всѣ главныя, основныя условія закрѣпленія. Но къ числу условій, содѣйствовавшихъ закрѣпощенію крестьянъ, принадлежали еще «старина», приписка къ тяглу и, наконецъ, спеціальныя, частныя ограниченія и стѣсненія, исходившія отъ правительственной власти. Необходимо анализировать и такія вторичныя, менѣе важныя условія.

Старина, или старожильство, какъ основаніе стѣсненія крестьянскаго перехода, стала признаваться правительствомъ только къ концу

*) Обыкновенно должникъ, выданный головою до искупа, подвергался правежу, т.-е. его били палкой по ногамъ на площади, пока кто-нибудь изъ жалости не платилъ за него долга, обязывая выкупленнаго работать на себя. Но, конечно, и кредиторъ могъ заставить должника, не подвергая его правежу, на себя работать.

изучаемаго періода: въ первой половинѣ XV вѣка еще позволялось перезывать въ другія имѣнія «тутошнихъ старожильцевъ». Признаками старины признавались прежде всего давность жительства крестьянина за извѣстнымъ землевладѣльцемъ, а также рожденіе за кѣмъ-либо въ крестьянствѣ и переходъ отъ одного владѣльца въ собственность другого на основаніи какой либо сдѣлки, — данной, купчей, мѣновной, рядной записи (акту передачи въ приданое), наконецъ по наслѣдству. Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ мало-по-малу устанавливается мысль, что крестьяне составляютъ необходимую принадлежность имѣнія. Утвержденію такой мысли содѣйствовала, главнымъ образомъ, задолженность крестьянъ; вслѣдствіе ихъ задолженности имѣнія отчуждались вмѣстѣ съ крестьянскимъ серебромъ, т.-е. съ долгами, лежавшими на крестьянахъ, а слѣдовательно и съ самими должниками, «со крестьяны», какъ прямо говорятъ акты отчужденія земель. Когда такимъ образомъ жизнь выработала понятіе о крестьянахъ-старожильцахъ, какъ необходимой принадлежности имѣнія, землевладѣльцы на судѣ при искахъ о крестьянахъ стали указывать на незаконность вывоза старинныхъ крестьянъ, стали требовать ихъ возвращенія себѣ. И требованія эти обыкновенно удовлетворялись. Такъ принципъ давности, проистекавшій изъ той же задолженности, влекъ крестьянина въ крѣпостное состояніе.

Въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей XIV и XV вѣковъ постоянно попадаются условія касающіяся людей черныхъ, данныхъ, письменныхъ, численныхъ или числяковъ и тяглыхъ. Все это— выраженія синонимическія. Князья обязываются въ древнѣйшихъ грамотахъ этихъ людей «блюсти сообща», потомъ «промежи себя не пріимать въ свои удѣлы» и «въ службу не пріимати». Такимъ образомъ письменные или данные люди, приписанные къ тяглу, т.-е. платящіе подати и отбывающіе повинности, не лишаются прямо свободы перехода, но эта свобода стѣсняется посредствомъ взаимнаго уговора князей не принимать ихъ въ свои удѣлы изъ чужихъ. Этого мало: обыкновенно и въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго княжества совершались частичныя стѣсненія перехода тяглыхъ людей: правда, весьма часто землевладѣльцамъ разрѣшалось перезывать на свои земли всѣхъ крестьянъ и тяглыхъ и нетяглыхъ; но нерѣдко встрѣчались въ этомъ отношеніи важныя ограниченія,—именно запрещалось перезывать къ себѣ данныхъ и письменныхъ людей. Въ сущности эти постановленія касались тѣхъ же старожильцевъ, потому что записанными въ тягло оказывались въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ именно они. Слѣдовательно, основнымъ источникомъ прикрѣпленія на основѣ приписки къ тяглу въ концѣ концовъ надо считать опять-таки задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ, подъ вліяніемъ которой, какъ мы видѣли, сложилась и идея старожильства.

Наконецъ, въ видѣ совершенно исключительныхъ льготъ князья

жаловали иногда землевладѣльцамъ право не выпускать крестьянъ изъ за себя: по грамотамъ второй половины XV вѣка такое право было, напр., дано великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ Троицкому-Сергіеву монастырю по отношенію къ его вотчинамъ въ двухъ уѣздахъ—Бѣжецкомъ и Углицкомъ.

Въ предшествующемъ изложеніи передъ нами послѣдовательно и постепенно выступили на видъ всѣ отдѣльныя новообразованія, постепенно подготовлявшія закрѣпощеніе крестьянъ. Сводя въ одно цѣлое эти новообразованія, отыскивая изъ генетическую основу, ту главную силу, которая ихъ создала, мы видимъ, что этой силой является господствовавшая на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси отрасль промышленности,—земледѣліе при сохраненіи натуральнаго хозяйства.

Переходя отъ гражданскихъ правъ черныхъ людей къ ихъ правамъ *политическимъ*, слѣдовало бы прежде всего остановиться на утратѣ ими одного важнаго права,—участвовать въ вѣчѣ, т.-е. на уничтоженіи вѣча. Но въ интересахъ простого удобства изложенія освѣщеніе этого вопроса лучше отложить до того времени, когда предметомъ нашего вниманія будетъ политическій строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время. Теперь достаточно отмѣтить лишь то, что уничтоженіе вѣча было важнымъ шагомъ въ направленіи, сейчасъ отмѣченномъ,—въ направленіи къ закрѣпощенію. Политическія права смѣнялись постепенно обязанностями. За черными людьми осталось лишь право раскладки и сбора податей черезъ выборныхъ земскихъ старостъ и сотскихъ съ цѣловальниками, т.-е. присяжными (отъ выраженія «цѣловать крестъ»), и право участія этихъ же выборныхъ старостъ и добрыхъ людей на судѣ княжескихъ намѣстниковъ, освященное и Судебникомъ 1497 года.

Главною *обязанностью* черныхъ людей въ удѣльное время было несеніе тягла, т.-е. уплата податей и отбываніе повинностей на князя. Но на ряду съ этимъ черные люди служили и на войнѣ: въ княжескихъ договорахъ упоминается «московская рать»; въ жалованной грамотѣ Василія Темнаго Троицкому-Сергіеву монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ береговою службою, т.-е., вѣроятно, зарождавшеюся уже тогда службой на берегу Оки для охраны страны отъ внезапнаго нападенія татаръ. Однако, военная служба черныхъ людей отличалась отъ болѣе регулярной и постоянной службы людей служилыхъ, составлявшихъ главное ядро военнаго ополченія того времени: недаромъ въ договорахъ и 1388 года, и 1472 встрѣчаемъ условіе «черныхъ людей, гостей и суконниковъ въ службу не пріимати». Намѣчались, значитъ, юридическія разграниченія между будущими сословіями и въ отношеніи обязанностей.

Чтобы закончить изученіе состава и юридическаго положенія свободнаго сельскаго населенія, остается характеризовать бобылей, захребетниковъ, подворниковъ, подсусѣдниковъ и половниковъ. Но бобыли

появились лишь подъ конецъ періода, нехарактерны для изучаемаго времени и немногочисленны въ первой половинѣ XVI вѣка, почему о нихъ удобнѣе говорить уже въ слѣдующій періодъ, а всѣ остальныя названныя сейчасъ состоянія были уже опредѣлены и характеризованы при изученіи соціальнаго строя вольныхъ городскихъ общинъ.

То же надо сказать и о полусвободныхъ закладняхъ. Остается прибавить, слѣдовательно, лишь нѣсколько замѣчаній о холопахъ въ удѣльной сѣверовосточной Россіи. Состояніе холоповъ въ это время стало подвергаться замѣтной дифференціаціи сравнительно съ кіевской Русью: появились новыя группы, по своему значенію приближавшіяся къ людямъ полусвободнымъ и вполнѣ свободнымъ. Изъ такихъ группъ особенно важны двѣ,—люди кабальные и холопы докладные. Кабальными людьми назывались лица, сдѣлавшія заемъ и обязавшіяся особымъ письменнымъ актомъ «служилой кабалой» за проценты по этому займу «служить» кредитору «по вся дни во дворѣ» его. Докладными холопами назывались холопы, «давшіеся на ключъ, а по ключу и въ холопи», т.-е. продавшіеся въ неволю для службы въ ключникахъ или приказчикахъ. Юридическая природа обоихъ этихъ состояній точнѣе опредѣлилась лишь въ послѣдующее время, въ періодъ существованія Московскаго государства, почему детальный ихъ анализъ будетъ произведенъ позднѣе. Но и въ числѣ холоповъ полныхъ можно наблюдать въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи дѣленіе на нѣсколько группъ. «Полными» назывались въ данное время на сѣверовостокѣ такіе же вполнѣ несвободные люди, которые въ кіевскій періодъ назывались холопами «обельными», а въ Новгородѣ носили наименованіе «одерноватыхъ». Среди нихъ прежде всего выдѣлялись «большіе» холопы, т.-е. княжескіе и боярскіе приказные люди,—ключники, посельскіе, тіуны. Остальная масса рядовыхъ холоповъ носила названіе холоповъ «меньшихъ». Кромѣ того, выдѣлились еще особыя группы такъ называемыхъ «ордынцевъ» и «дѣлюевъ». Ордынцами назывались плѣнные, выкупленные въ Ордѣ великимъ княземъ московскимъ и поселенные на княжескихъ земляхъ. Дѣлюи, по всей вѣроятности, были предками дѣловыхъ людей, т.-е. холопами, работавшими на барской пашнѣ или занимавшимися ремеслами, но сначала обыкновенно жившими на господскомъ дворѣ, а не особо. Источниками холопства были рожденіе въ холопствѣ, женитьба на рабѣ или замужество за раба, продажа, обращеніе въ рабство за долги. Что касается юридическаго положенія полныхъ холоповъ, то оно мало измѣнилось сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Личность холоповъ признавалась весьма слабо: правда, духовенство настаивало на ея признаніи, и человѣкъ, убившій чужого холопа, подвергался отвѣтственности, но убійство собственнаго раба было попрежнему ненаказуемо: уставная Двинская грамота прямо говоритъ, что если господинъ ударитъ своего холопа такъ, что онъ умретъ («огрѣшится, а случится смерть»), то намѣстники за это не

судятъ и за вину ничего не берутъ. Но холопъ могъ владѣть имуществомъ, если господинъ допускалъ это: до насъ дошла отъ XV вѣка дарственная запись одного холопа; въ одной закладной 1529 года можно наблюдать любопытный фактъ общаго займа господина съ рабами; обычай признавалъ за холопами даже право на земельные участки, данные имъ господиномъ, и по этимъ участкамъ они имѣли право вступать въ обязательства даже со своимъ собственнымъ господиномъ. Замѣтимъ, что въ литературѣ высказано мнѣніе, будто холопы владѣли землей сообща и передѣляли періодически ее между собою, подобно крестьянамъ при современномъ мірскомъ или общинномъ землевладѣніи. Но, подобно тому какъ слѣдовъ мірского землевладѣнія не найдено въ удѣльное время у крестьянъ, ихъ нечего искать и у холоповъ. Дѣло въ томъ, что указанное мнѣніе опирается на текстъ одного акта XVI вѣка, гдѣ сказано, что въ имѣніи есть людскіе, т.-е. холопскіе, дворы, «а пашня содного», т.-е. вмѣстѣ, не подѣлена. Но этотъ текстъ нельзя объяснить въ смыслѣ мірского землевладѣнія у холоповъ, потому что въ одномъ завѣщаніи начала XVI вѣка трое половниковъ оказываются работающими на одной пашнѣ съ холопомъ; половники здѣсь наемные рабочіе, обрабатывающіе господскую пашню; такъ же работалъ, очевидно, и холопъ, почему у нихъ и была «пашня содного». О барской пашнѣ говоритъ, очевидно, и текстъ завѣщанія, на которомъ пытаются обосновать мнѣніе о формѣ холопскаго землевладѣнія, подобной нынѣшнему мірскому землевладѣнію. Наконецъ, надо замѣтить, что холопы, будучи объектами гражданскаго права, игнорируемыми правомъ государственнымъ, не несли въ удѣльное время тягла: княжескіе договоры XIV и XV вѣковъ прямо говорятъ: дань «на полныхъ холопѣхъ не взяти».

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о юридическомъ положеніи лицъ мужского пола, принадлежавшихъ къ различнымъ соціальнымъ группамъ. Необходимо теперь сказать нѣсколько словъ о юридическомъ положеніи женщины. О женщинѣ-рабѣ говорить нечего, потому что она юридически ничѣмъ не отличалась отъ холопа. Свободная женщина имѣла всѣ гражданскія права—личныя и имущественныя. Ея имущественныя права даже расширились сравнительно съ кіевскимъ періодомъ: тогда какъ прежде ея права наслѣдованія были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ограничены—рѣчь идетъ о классѣ смердовъ,—теперь эти ограниченія отпали. Имущество жены считалось отдѣльнымъ отъ имущества мужа; допускались даже гражданскія сдѣлки по имуществу между мужемъ и женой. Однако безъ согласія мужа жена не имѣла права продавать свое приданое. Но, вообще говоря, было бы ошибочно считать свободную женщину удѣльной Руси лицомъ съ ограниченной правоспособностью: ея юридическое положеніе было почти во всемъ равно съ положеніемъ мужчины, а честь ея ограждалась даже сильнѣе, чѣмъ честь мужчины.

Сводя теперь къ одной краткой формулѣ все сказанное объ устройствѣ общества въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время, можно выразить совершившіяся тогда перемѣны въ соціальныхъ отношеніяхъ слѣдующимъ образомъ: *классовое расчлененіе общества достигло большей опредѣленности, сословное также сдѣлало значительные успѣхи сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, хотя и не достигло законченности, не сложилось; наблюдаются при этомъ постепенно усиливающаяся тенденція къ крѣпостничеству и дифференціація несвободныхъ состояній, сближающая послѣднія съ свободнымъ населеніемъ посредствомъ образованія промежуточныхъ соціальныхъ группъ.*

Въ предшествующемъ изложеніи неоднократно указывалась генетическая связь соціальнаго строя удѣльной сѣверо-восточной Руси съ экономическими условіями ея жизни; неоднократно отмѣчались также параллельныя явленія въ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Все это избавляетъ насъ теперь отъ обязанности устанавливать причинное отношеніе соціальныхъ порядковъ изучаемаго времени къ явленіямъ хозяйственнымъ и дѣлаетъ излишними дальнѣйшія доказательства того, что историческій процессъ, только что бывшій предметомъ нашего изученія, не является чѣмъ-либо единичнымъ, исключительнымъ, чисто индивидуальнымъ, а напротивъ, отражаетъ въ себѣ общіе законы соціальнаго развитія.

Зависимость общественнаго строя отъ экономическихъ условій, главнымъ образомъ отъ господствующей отрасли народнаго труда, выступаетъ и въ данный періодъ чрезвычайно ясно и выпукло. На сѣверо-востокѣ удѣльной Руси создался своеобразный сравнительно съ кіевскимъ періодомъ и вольными городами хозяйственный типъ земледѣльческой страны, сохранявшей устои натуральнаго хозяйства. Подъ вліяніемъ этого хозяйственнаго типа страны сложились, какъ мы видѣли, и оригинальныя соціальныя отношенія, въ очень многомъ несходныя съ общественнымъ строемъ вольныхъ городовъ, часто даже прямо противоположныя имъ. Посмотримъ теперь, какъ описанное сочетаніе экономическихъ и соціальныхъ силъ отразилось на политическомъ устройствѣ.

Глава четвертая.

Политическій строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время.

Изучая колонизацію, народное хозяйство и соціальный строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время, мы постоянно наблюдали, съ одной стороны, явленія болѣе раннія, типическія, характерныя для даннаго періода, съ другой—болѣе позднія новообразованія, зарожденіе грядущихъ отношеній и порядковъ, переходъ къ слѣдующему періоду. Такіе же два ряда явленій обнаруживаются и при изслѣдованіи политическаго строя: удѣльный порядокъ сначала сложился и вылился въ

опредѣленныя формы, затѣмъ сталъ разлагаться. И то и другое подлежитъ теперь нашему изученію. Прежде всего необходимо, конечно, опредѣлить типическія, характерныя черты удѣльнаго порядка въ политическомъ отношеніи.

Первая изъ этихъ чертъ это—*паденіе вѣча.* Причины этого явленія заключаются прежде всего въ перемѣнѣ того положенія, какое занимали общественныя группы, составлявшія въ кіевскій періодъ главный элементъ на вѣчевой сходкѣ. Крестьянское населеніе было мало заинтересовано практически въ сохраненіи вѣча, потому что лишено было большею частью фактической возможности посѣщать вѣчевыя собранія. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что земледѣліе, вызывая у крестьянъ потребность въ капиталѣ, ставило сельское населеніе въ сильную зависимость отъ наиболѣе богатыхъ капиталистовъ, какими и были именно князья. Такимъ образомъ народная масса была равнодушна къ вѣчу, тѣмъ болѣе, что, какъ и въ Новгородѣ, она видѣла въ князѣ естественнаго своего защитника и покровителя противъ аристократическихъ замашекъ и притязаній боярства. Городское населеніе было несравненно болѣе заинтересовано въ сохраненіи вѣчевого строя, потому что всегда могло присутствовать на вѣчѣ и направлять его рѣшенія. Но прежде всего городское населеніе было на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси экономически-ничтожной величиной, такъ какъ торговля и обрабатывающая промышленность были слабо развиты, а какъ земледѣльцы посажане тонули въ массѣ сельскаго населенія, среди котораго они составляли едва замѣтное меньшинство. А затѣмъ далеко не всѣ горожане были солидарны между собою: мы знаемъ, что пригороды въ отношеніи къ вѣчу старшаго города занимали такое же подчиненное положеніе, какъ и села съ деревнями: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ»—таковъ былъ древній обычай. Понятно, что эта зависимость не могла нравиться пригородамъ, въ которыхъ къ тому же были слабы и вѣчевыя привычки. И потому сѣверо-восточные князья «самовластцы», начиная съ Андрея Боголюбскаго, бросаютъ старые вѣчевые города, Ростовъ и Суздаль, и переселяются въ пригородъ, Владиміръ-на-Клязьмѣ. Послѣдній часъ вѣчевого строя пробилъ въ области Оки и верхней Волги послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, во время шумной и кровопролитной усобицы 1174—1176 годовъ. Когда былъ убитъ Андрей, бояре и ростовцы выбрали князьями его племянниковъ, сыновей давно умершаго его старшаго брата Ростислава, Мстислава и Ярополка. Но пригороды—Владиміръ-на-Клязьмѣ и Переяславль-Залѣсскій—признали княземъ Михаила, брата Андреева. Сначала побѣда склонилась на сторону Ростиславичей, но потомъ Михаилъ и его братъ Всеволодъ съ помощью владимірцевъ и переяславцевъ восторжествовали, и Михаилъ сѣлъ во Владимірѣ, а Всеволодъ въ Переяславлѣ. Когда черезъ годъ умеръ Михаилъ, ростовцы опять было

призвали Мстислава Ростиславича, но были окончательно разбиты Всеволодомъ. Позднѣе весьма рѣдко встрѣчаются упоминанія о вѣчѣ и то большею частью въ смыслѣ возстанія: два раза говорится о вѣчѣ простыхъ людей на бояръ въ Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, одинъ разъ упомянуто вѣче на татаръ въ Ростовѣ; въ Муромѣ однажды вѣче вмѣшалось въ княжескія усобицы. Но все это были отдѣльные отголоски старины, историческіе обломки, лишенные жизненнаго значенія и смысла: вѣче умерло навсегда и окончательно.

Совершенно другой была судьба второго носителя верховной власти въ кіевскій періодъ—*князя*. Прежде чѣмъ опредѣлить кругъ дѣятельности князей, необходимо познакомиться съ порядкомъ княжескаго владѣнія въ удѣльный періодъ и съ междукняжескими отношеніями.

Одной изъ отличительныхъ чертъ очередного порядка княжескаго владѣнія въ кіевской Руси былъ, какъ мы убѣдились въ свое время, кочевой характеръ его, подвижность князей, постоянные переходы изъ города въ городъ, перемѣны одного княжества на другое. Княжеское владѣніе того времени въ значительной мѣрѣ уподоблялось такимъ образомъ господствовавшему тогда среди массы населенія вольному или захватному землепользованію. Въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время землевладѣльческіе порядки опредѣлились точнѣе, отлились въ болѣе законченныя формы, потеряли въ значительной мѣрѣ прежній подвижной характеръ. Соотвѣтственно этому исчезло и кочеваніе князей: они усѣлись на мѣстѣ, органически связали себя съ извѣстными княжествами. Первые признаки такой осѣдлости наблюдаются въ концѣ XII вѣка: Андрей Боголюбскій носилъ званіе великаго, т.-е. старшаго, князя во всей русской землѣ и однако онъ не перешелъ изъ Владиміра въ Кіевъ, а остался на сѣверѣ, распоряжаясь только по своему усмотрѣнію кіевскимъ столомъ. Такъ же поступилъ и его братъ Всеволодъ III Большое Гнѣздо. Оба они возвысили Владиміръ до значенія перваго города Руси. Но и послѣ нихъ князья, получая великое княжество Владимірское, обыкновенно не переѣзжали во Владиміръ, оставались въ своихъ прежнихъ княжествахъ, владѣя и Владимірской землей; такъ Ярославъ Ярославичъ Тверской, сдѣлавшись по смерти Александра Невскаго великимъ княземъ владимірскимъ, лишь иногда пріѣзжалъ во Владиміръ, обыкновенно же жилъ въ Твери; преемникъ Ярослава на владимірскомъ столѣ, Василій Ярославичъ Костромской, тоже не покинулъ Костромы для Владиміра.

Въ наслѣдованіи великаго княжества Владимірскаго князья въ теченіе всего XIII вѣка слѣдовали старому порядку родового старшинства; правда, Всеволодъ III нарушилъ—было это старшинство, передавъ Владиміръ не старшему своему сыну Константину, а второму—Юрію, но послѣ сраженія при Липицѣ въ 1216 году Константинъ возстановилъ свои права, и только послѣ его смерти великимъ княземъ владимірскимъ сдѣлался Юрій; Юрію, погибшему въ битвѣ съ тата-

рами на рѣкѣ Сити, наслѣдовалъ во Владимірѣ по старшинству слѣдующій братъ, Ярославъ, преемникомъ котораго былъ въ свою очередь послѣдній сынъ Всеволода Святославъ. Внуки и правнуки Всеволода III также соблюдали старшинство: сначала во Владимірѣ сѣлъ старшій внукъ Всеволода, Александръ Ярославичъ Невскій, потомъ его братъ Ярославъ Тверской, далѣе Василій Костромской, младшій изъ Всеволодовыхъ внуковъ, затѣмъ старшій правнукъ Дмитрій Александровичъ, послѣ котораго владимірскій столъ занималъ его братъ Андрей, второй сынъ Александра Невскаго. Такимъ образомъ порядокъ княжескаго владѣнія главнымъ, старшимъ городомъ оставался до начала XIV вѣка прежнимъ. Но это былъ единственный уцѣлѣвшій остатокъ старины въ княжескомъ владѣніи.

Въ наслѣдованіи младшихъ волостей уже въ XIII вѣкѣ, какъ и позднѣе, до конца періода, наблюдается другое явленіе,—торжество одного изъ второстепенныхъ началъ, часто уничтожавшихъ еще въ кіевской Руси дѣйствіе господствовавшаго очереднаго порядка владѣнія,—именно начала *отчины* или *вотчины*, т.-е. передачи волости по завѣщанію отъ отца сыновьямъ. Такъ, напр., вотчиной потомства старшаго изъ Всеволодовичей, Константина, сдѣлалось Ростовское княжество: послѣ смерти Константина здѣсь княжилъ его старшій сынъ Василько, которому въ свою очередь наслѣдовалъ его сынъ Борисъ; или вотъ порядокъ наслѣдованія рязанскаго стола въ XIII и XIV вѣкахъ: въ началѣ XIII вѣка здѣсь княжилъ Ингварь Игоревичъ, потомъ Олегъ Ингваревичъ, далѣе Романъ Ольговичъ, а затѣмъ Ѳедоръ Романовичъ, у котораго не осталось потомства, почему въ Рязани сталъ княжить его двоюродный братъ Константинъ Романовичъ; Константину наслѣдовалъ его сынъ Василій, умершій бездѣтнымъ, такъ что Рязанскій столъ достался его двоюродному брату Ивану Ярославичу; послѣдній передалъ этотъ столъ своему сыну Ивану Ивановичу Короткому, преемникомъ котораго былъ въ свою очередь сынъ его Олегъ Ивановичъ-современникъ Дмитрія Донского. Количество примѣровъ можно было бы увеличить при желаніи до какихъ угодно предѣловъ; факты постоянно говорятъ намъ о господствѣ вотчиннаго начала въ наслѣдованіи княжескихъ столовъ, такъ что надо безъ колебанія признать это начало утвердившимся гораздо прочнѣе, чѣмъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія, существовавшій въ кіевскій періодъ и допускавшій на практикѣ, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ часто встрѣчавшихся исключеній. Такъ какъ княжескія вотчинныя владѣнія получили названіе *удѣловъ*, то и весь порядокъ княжескаго владѣнія на сѣверо-востокѣ Россіи въ XIII—XV вѣкахъ принято именовать *удѣльнымъ*. И здѣсь сказалось отмѣченное уже выше господство земледѣлія и развитіе вотчинной формы частнаго землевладѣнія: и то и другое привязывало князей къ опредѣленной мѣстности, потому что земледѣліе заставляло ихъ затрачивать нерѣдко весьма значительные ка-

питалы на ссуды крестьянамъ и заботиться о населенности и плодородіи земли, а принципъ частновладѣльческой вотчины, полной наслѣдственной собственности съ правами землевладѣльца пользоваться и распоряжаться ею по усмотрѣнію, давалъ готовую юридическую схему отношеній князя къ его княжеству.

Чтобы покончить съ вопросомъ о порядкѣ княжескаго владѣнія русской землей въ удѣльный періодъ, остается отмѣтить еще одно необходимое послѣдствіе этого порядка, логически вытекавшее изъ самой его природы: такъ какъ удѣлы наслѣдовались, по завѣщанію отца, всѣми сыновьями, то отсюда неизбѣжно происходила необыкновенная дробность дѣленія на удѣлы, увеличивавшаяся съ каждымъ поколѣніемъ. Такъ при сыновьяхъ Всеволода III его владѣнія распались на пять удѣловъ: Владимірскій, Ростовскій, Переяславль-Залѣсскій, Юрьево-Польскій, Стародубскій, а при его внукахъ удѣловъ было уже 12: Юрьево-Польскій и Стародубскій остались недѣлимыми, а Владимірскій раздѣлился на Владимірскій, Суздальскій, Костромской и Московскій; Ростовскій—на собственно-Ростовскій, Ярославскій и Углицкій; наконецъ, Переяславскій распался на собственно-Переяславскій, Тверской и Дмитрово-Галицкій. Позднѣе, въ XIV и XV вѣкахъ, дробленіе продолжалось и нерѣдко доходило до крайностей: напр., Ростовское княжество распалось тогда на Ростовское и Бѣлозерское, а Бѣлозерское въ свою очередь раздѣлилось на Кемское, Судское, Сугорское, Ухтомское, Шелешпальское, Анджожское, Вадбольское и т. д.; изъ Ярославскаго выдѣлились удѣлы Моложскій, Сицкой, Заозерскій, Прозоровскій, Кубенскій, Курбскій, Новленскій, Юхотскій, Бохтюжскій, Пошехонскій.

Говоря о *взаимныхъ отношеніяхъ* князей въ началѣ удѣльнаго періода, до XIV вѣка, необходимо различать фактъ отъ права: князья сильные часто фактически распоряжались въ чужихъ княжествахъ и даже вмѣшивались въ дѣло замѣщенія княжескихъ столовъ, какъ то дѣлали, напр., Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Большое Гнѣздо, иногда Ярославъ Всеволодовичъ и Александръ Невскій, но юридически положеніе великаго князя владимірскаго въ то время было нисколько не болѣе опредѣленнымъ и регулированнымъ, чѣмъ то можно было сказать о кіевскомъ князѣ въ древнѣйшей Россіи. Факты показываютъ, что въ XIII вѣкѣ князья были независимы другъ отъ друга въ дѣлѣ управленія внутренняго и во внѣшнихъ отношеніяхъ, и считались между собой только старшинствомъ происхожденія, т.-е. опредѣляли взаимныя отношенія лишь на основѣ кровной, не-государственной. Такъ, когда Андрей Боголюбскій, будучи недоволенъ Ростиславичами, которыхъ онъ посадилъ въ Кіевской землѣ, пригрозилъ имъ изгнаніемъ оттуда, то младшій изъ нихъ Мстиславъ объявилъ, что они не «подручники», т.-е. не подданные Андрея, а почитаютъ его только какъ отца. Или: въ 1229 году Юрій Всеволодовичъ, видя, что его братъ Ярославъ Переяславскій и племянники Василько, Всеволодъ и Влади-

міръ Константиновичи собираются начать войну противъ него, устроилъ съѣздъ всѣхъ этихъ князей во Владимірѣ и помирился съ ними; они назвали его при этомъ «отцомъ и господиномъ», но не государемъ. Наконецъ, по лѣтописи, Батый сказалъ Ярославу Всеволодовичу, занявшему по старшинству Владимірскій столъ: «будь ты старшій между всѣми князьями въ русскомъ народѣ»; и здѣсь подъ старшинствомъ нельзя разумѣть чего-либо отличнаго отъ родового старшинства, потому что ханъ не снабдилъ Ярослава никакими особенными полномочіями. Лучшимъ подтвержденіемъ юридической самостоятельности князей служитъ договорный принципъ т.-е. правило, въ силу котораго междукняжескія отношенія регулировались договорами, гдѣ князья являлись совершенно равноправными сторонами.

Чтобы изобразить положеніе князя въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи во всей полнотѣ, мы должны были бы теперь остановиться на вопросѣ о кругѣ дѣятельности князей. Рѣшеніе этого вопроса удобнѣе, однако, отложить до болѣе поздняго времени, разсмотрѣвъ сначала организацію управленія во всѣхъ подробностяхъ: только тогда дѣйствительная роль князя, какъ правителя, выступитъ для насъ со всей ясностью. Лучше всего при этомъ начать снизу, съ тѣхъ органовъ управленія, которые теперь именуются областными или мѣстными, и затѣмъ уже постепенно подниматься вверхъ, изучая послѣдовательно учрежденія, называемыя въ настоящее время центральными, и, наконецъ, верховныя учрежденія.

Основными единицами *областного дѣленія* въ удѣльной Руси были *уѣздъ*, *станъ* и *волость*. Древнѣйшее изъ этихъ названій, несомнѣнно, послѣднее. Мы видѣли, что «волостью» или «землей» еще въ кіевскій періодъ называлась область, тянувшая въ административномъ отношеніи къ городу. Въ изучаемое нами теперь время значеніе термина «волость» сильно съужается: такъ называется уже не вся область извѣстнаго города, а обыкновенно лишь часть этой области, болѣе мелкое дѣленіе. Область же, тянувшая къ городу, получила названіе уѣзда—безъ сомнѣнія по той причинѣ, что областные правители, жившіе въ городахъ,—древнѣйшіе посадники, называвшіеся въ удѣльное время намѣстниками,—уѣзжали въ эту область для отправленія функцій, связанныхъ съ ихъ должностью. Станомъ называлось обыкновенно такое дѣленіе, въ которомъ не было постояннаго правителя, а намѣстникъ или его приказчикъ (тіунъ) лишь временно пріѣзжалъ и останавливался тамъ для исполненія своихъ обязанностей. Мѣсто этой временной остановки, а затѣмъ и самая область, къ этому мѣсту тянувшая, и стали называться станомъ. Что касается относительныхъ размѣровъ становъ, волостей и уѣздовъ, то они были различны: иногда станы приблизительно равнялись волостямъ, иногда включали въ себѣ нѣсколько волостей, иногда, наоборотъ, волость была больше стана, бывшаго ея частью, болѣе мелкимъ подраздѣленіемъ; уѣздъ обыкно-

венно былъ самымъ крупнымъ областнымъ дѣленіемъ, но иногда и волости носили названіе уѣздовъ. Встрѣчается иногда и дѣленіе уѣздовъ на *половины*, происшедшее, повидимому, оттого, что бывали случаи порученія извѣстнаго города съ его областью не одному намѣстнику, а двоимъ, которые и дѣлили уѣздъ на половины, а затѣмъ это дѣленіе по традиціи, по рутинѣ оставалось и позднѣе. Бывало, что уѣзды дѣлились на трети и чети или четверти. Наконецъ, и въ удѣльное время и особенно въ слѣдующій періодъ попадаются еще термины «засада» и «осада», обозначающіе также извѣстное областное дѣленіе иногда болѣе мелкое, чѣмъ уѣздъ, иногда крупнѣе послѣдняго и всегда не совпадающее съ нимъ. Можно предполагать, что этими терминами означались округа, въ которыхъ «засѣли» или «осѣли» въ древнее время первоначальные поселенцы, что, другими словами, засады или осады имѣли значеніе первоначальныхъ колонизаціонныхъ районовъ. Не замѣтно, чтобы эти дѣленія въ удѣльный періодъ были административными, чтобы во главѣ ихъ стояли какія-либо власти. Повидимому, если такъ когда-либо раньше и было, то уже утратилось въ изучаемое нами время.

Переходя отъ областныхъ дѣленій къ органамъ областной администраціи, необходимо прежде всего остановиться на *вѣдомствѣ* важнѣйшихъ изъ нихъ—*намѣстниковъ* (въ уѣздахъ) и *волостелей* (въ волостяхъ). Мы будемъ имѣть въ виду при этомъ сначала только *типическія*, характерныя для начала и середины изучаемаго періода явленія, оставляя пока въ сторонѣ тѣ существенныя измѣненія, которыя въ данномъ отношеніи были произведены къ концу удѣльнаго времени. Обратимъ прежде всего вниманіе на *финансовую* компетенцію намѣстниковъ и волостелей. Въ нашей исторической литературѣ до недавняго времени большой популярностью пользовалось мнѣніе, что намѣстники удѣльнаго періода пользовались въ предѣлахъ территоріи, имъ подчиненной, всею полнотою княжеской власти. Но чѣмъ дальше подвигается впередъ детальное изученіе древне-русскаго управленія, тѣмъ болѣе укрѣпляется убѣжденіе въ томъ, что такой полнотой власти намѣстники не обладали. Это прежде всего и, быть можетъ, даже въ наибольшей мѣрѣ относится къ финансовой компетенціи намѣстниковъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что, такъ сказать нормативно-финансовая дѣятельность—установленіе новыхъ налоговъ и пошлинъ и дарованіе податныхъ льготъ—выходила уже изъ круга вѣдѣнія областной администраціи. Далѣе: еще въ концѣ XI вѣка, т.-е. въ кіевскій періодъ, мы наблюдали появленіе на Руси особыхъ «данниковъ», собиравшихъ прямые налоги того времени; слѣдовательно уже историческіе предшественники удѣльныхъ намѣстниковъ, посадники, были отстранены отъ одной изъ важнѣйшихъ функцій финансоваго управленія; это же приходится повторить и о намѣстникахъ, такъ какъ и въ удѣльный періодъ мы постоянно встрѣчаемся съ особыми

«данщиками», тожественными, очевидно, съ болѣе древними данниками. Наконецъ, какъ увидимъ въ свое время, распредѣленіе населенія по окладнымъ единицамъ и раскладка податей производились также еще въ началѣ удѣльнаго періода особыми спеціальными органами управленія. Спрашивается: что же остается изъ всей обширной области государственнаго хозяйства на долю намѣстниковъ? Древнѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ духовной грамотѣ московскаго великаго князя Семена Гордаго 1353 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «а хто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, дають княгинѣ моей прибытка половину». Итакъ, полученіе «прибытка» и передача половины этого прибытка князю—вотъ въ чемъ состояли финансовыя функціи намѣстника въ XIV вѣкѣ. Прибытокъ, какъ показываютъ позднѣйшія уставныя грамоты, а также и только что изложенныя соображенія, слагался, во-первыхъ, изъ корма намѣстника, получаемаго имъ прямо отъ населенія, во-вторыхъ, изъ нѣкоторыхъ торговыхъ пошлинъ, въ-третьихъ, изъ пошлинъ судебныхъ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ свадебныхъ пошлинъ. За недостаткомъ данныхъ, трудно судить, насколько до конца XV вѣка были точно фиксировины размѣры всѣхъ этихъ доходовъ; вѣроятнѣе всего, кормъ не былъ точно опредѣленъ—не даромъ и позднѣе при вступленіи намѣстника въ должность давали «кто что принесетъ»,—но судебныя, торговыя и свадебныя пошлины, надо думать, рано получили числовое опредѣленіе, потому что слѣды этого можно наблюдать, какъ намъ извѣстно, уже въ кіевскій періодъ, напр., въ «Русской Правдѣ». Извѣстно также, что въ XV и XVI вѣкахъ кормы намѣстниковъ собирались не ими непосредственно, а старостами, которые и передавали ихъ по принадлежности. Такъ какъ старостамъ въ болѣе древнее время соотвѣтствовали сотскіе, несомнѣнно, какъ скоро увидимъ, имѣвшіе отношеніе къ сбору налоговъ, то слѣдуетъ думать, что это ограниченіе намѣстничьей власти не было позднѣйшимъ фактомъ, а относилось и къ началу удѣльнаго періода.

Такимъ образомъ уже въ началѣ удѣльнаго періода и тѣмъ болѣе въ его серединѣ, до XV вѣка, финансовая компетенція намѣстниковъ не была всеобъемлюща, можно даже сказать, что предѣлы ея не были особенно широки.

Несравненно обширнѣе были *судебная власть* намѣстниковъ. Говоря вообще, можно признать эту власть въ извѣстной территоріи совершенно неограниченной: намѣстникъ судилъ въ городѣ и станахъ, къ нему тянувшихъ, по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія, гражданскимъ и уголовнымъ даже, вѣроятно, и по тѣмъ преступленіямъ, которыя теперь называютъ государственными. До конца XV вѣка незамѣтно ограниченій судебной власти намѣстниковъ въ этомъ отношеніи. Такъ называемый «докладъ» князю, т.-е. перенесеніе дѣла по собственной волѣ намѣстника на княжескій судъ, былъ вовсе не обяза-

теленъ, и не былъ опредѣленъ сколько-нибудь точно кругъ дѣлъ, подлежавшихъ докладу: все зависѣло тутъ отъ усмотрѣнія самого намѣстника. Конечно, одна изъ тяжущихся сторонъ могла принести по всякому дѣлу жалобу князю на приговоръ намѣстника и даже начать всякое дѣло непосредственно передъ княземъ, минуя намѣстника, потому что не былъ установленъ порядокъ инстанцій. Чтобы завершить характеристику судебной власти намѣстниковъ, надо прибавить къ сказанному, что въ волостяхъ гдѣ управляли волостели, въ дворцовыхъ селахъ, гдѣ были свои дворцовые волостели и посельскіе, и въ вотчинахъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ—духовныхъ и свѣтскихъ—намѣстникамъ принадлежалъ судъ обыкновенно только по самымъ важнымъ, такъ называемымъ «губнымъ» дѣламъ (отъ слова «губить»), именно по дѣламъ о душегубствѣ (убійствѣ), разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ (т.-е. кражѣ, при которой воръ пойманъ на мѣстѣ преступленія). Иногда здѣсь юрисдикція намѣстниковъ была даже уже, касалась только дѣлъ о душегубствѣ. Сами волостели, посельскіе, землевладѣльцы и ихъ приказчики были изъяты изъ подсудности намѣстниковъ и судились непосредственно у самого князя или у кого онъ прикажетъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Второстепенное значеніе имѣютъ другія функціи намѣстниковъ. Сюда относятся, во-первыхъ, нѣкоторыя дѣла, получившія впослѣдствіи названіе «разрядныхъ», и во-вторыхъ, немногочисленныя и несложныя полицейскія обязанности. Что касается разрядныхъ дѣлъ, то прежде всего надо указать здѣсь на снаряженіе людей на военную службу, а затѣмъ на назначеніе намѣстниками тіуновъ, доводчиковъ, праветчиковъ, пошлинниковъ и пятенщиковъ. Всѣ эти лица, значеніе которыхъ будетъ скоро выяснено, были «людьми» намѣстника, т.-е. назначались имъ изъ числа его собственныхъ холоповъ и дѣйствовали по его порученіямъ. Они служили не государству, а своему господину. Изъ полицейскихъ обязанностей существовали только такія, которыя возникали по спеціальному каждый разъ распоряженію князя; таковы: починка строеній на ямахъ, т.-е. почтовыхъ станціяхъ, отмѣрка земли къ тѣмъ же ямамъ, чистка дорогъ и починка и постройка мостовъ, исполненіе судебныхъ рѣшеній князя и его ближайшихъ помощниковъ. Ни одного изъ этихъ дѣлъ намѣстникъ не предпринималъ по собственной иниціативѣ. Это была самая слабая и наименѣе развитая, вполнѣ рудиментарная отрасль его дѣятельности.

Волостель былъ совершенно подобенъ намѣстнику, только его власть распространялась на одну лишь волость, въ которой притомъ, какъ было сказано выше, губныя дѣла вѣдалъ не волостель, а намѣстникъ.

Ближайшими помощниками намѣстниковъ и волостелей были ихъ *тіуны*, вершившіе по ихъ порученію судъ и получавшіе съ населенія кормъ и извѣстную долю въ судебныхъ пошлинахъ.

Судебно-полицейское значеніе имѣли *доводчики* и *праветчики* или *пристава*, иногда называвшіеся также *подвойскими*. Доводчики ставили къ суду отвѣтчиковъ или давали ихъ на поруки, т. е. обязывали явиться на судъ и требовали поручительства нѣсколькихъ лицъ въ этой явкѣ. Праветчики, пристава или подвойскіе наблюдали за порядкомъ во время судоговоренія и исполняли судебныя рѣшенія. Они получали поборы, соотвѣтствовавшіе по значенію кормамъ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, особыя пошлины за исполненіе своихъ спеціальныхъ обязанностей—«хоженое», если порученіе имъ давалось въ городѣ, и «ѣздъ», если приходилось ѣхать въ уѣздъ, станъ или волость. и, наконецъ, долю въ нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинахъ.

Помощниками намѣстниковъ и волостелей въ финансовыхъ дѣлахъ были назначаемые ими изъ своихъ людей *пошлинники* и *пятенщики;* первые собирали всѣ вообще пошлины, поступавшіе въ пользу областной администраціи, вторые собирали спеціальную пошлину, взимавшуюся при продажѣ лошадей,—такъ называемое «пятно», получившее свое названіе отъ того, что продававшуюся лошадь «пятнали», т. е. налагали на нее клеймо. Кто стремился обойти это правило и уклониться отъ уплаты пятна, тотъ подвергался особому штрафу, называвшемуся «пропятенье» и собиравшемуся также пятенщикомъ.

Намъ нечего прибавлять къ сказанному отчасти теперь, отчасти при изученіи кіевскаго періода о вѣдомствѣ и значеніи данщиковъ и мытниковъ: оно оставалось неизмѣннымъ въ удѣльный періодъ сравнительно съ болѣе раннимъ временемъ

Чтобы заключить рѣчь о характерныхъ, типичныхъ чертахъ областного управленія въ удѣльной сѣверо-восточной Руси, остается сказать нѣсколько словъ объ участіи въ этомъ управленіи выборныхъ отъ населенія,—старостъ или сотскихъ, десятскихъ и добрыхъ людей. Сотскихъ, которые хронологически предшествовали старостамъ, нѣкоторые изслѣдователи склонны выводить изъ татарскаго вліянія, которому приписываютъ также при этомъ и образованіе волостной тяглой организаціи—волости или сотни. Едва-ли однако можно согласиться съ такимъ взглядомъ, потому что сотскіе и десятскіе существовали и въ кіевской Руси и въ Новгородѣ совершенно независимо отъ татарскаго вліянія и гораздо раньше татарскаго ига. Они были представителями верви, волости, міра, общины. Мы видѣли уже, что сотскіе или старосты и добрые люди раскладывали и собирали намѣстничьи, волостелинскіе и тіуновы кормы, а также поборы праветчиковъ и доводчиковъ; они же производили раскладку и сборъ другихъ податей. Они несомнѣнно участвовали также въ судѣ намѣстниковъ и волостелей, были свидѣтелями всего, здѣсь происходящаго, слѣдили за правильностью процесса и интересами сторонъ, были носителями юридическаго обычая. Что такъ было съ начала удѣльнаго періода,—это видно изъ упоминанія о нихъ въ одномъ судномъ дѣлѣ XIV вѣка. Наконецъ,

сотскіе или старосты и десятскіе вѣдали нѣкоторыя полицейскія дѣла: они вывозили крестьянъ въ черныя волости съ соблюденіемъ установленныхъ условій, оберегали населеніе «отъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ» и т. д.

Таковы были, насколько то позволяютъ разсмотрѣть наши источники, средства управленія въ областяхъ удѣльной Руси до XV вѣка. Посмотримъ теперь, что имъ въ то же время соотвѣтствовало въ удѣльныхъ центрахъ, гдѣ сидѣли сами князья, или, употребляя современное выраженіе, въ *центральномъ управленіи.*

Связующимъ звеномъ между изложеніемъ областного управленія и характеристикой управленія центральнаго можетъ служить изображеніе порядковъ завѣдыванія дѣлами въ стольномъ городѣ съ ближайшими тянувшими къ нему станами. Къ сожалѣнію, мы можемъ судить объ этихъ порядкахъ только по управленію Москвой и московскими станами въ XIV и XV вѣкахъ.

Всѣ сыновья московскаго великаго князя владѣли Москвой послѣ смерти отца сообща и держали въ ней каждый своего намѣстника или судью. Фактически судилъ и управлялъ великій князь, который только дѣлился доходомъ отъ суда съ братьями, а когда великаго князя въ Москвѣ не было, его функціи цѣликомъ переходили къ его намѣстнику, который въ отличіе отъ судей или намѣстниковъ удѣльныхъ князей назывался «большимъ намѣстникомъ». Мы видимъ, что эти порядки указываютъ на полную въ то время неразличимость центральнаго и мѣстнаго управленія и на совершенную парализованность власти намѣстника въ присутствіи князя.

Присмотрѣвшись ближе къ составу и характеру ближайшихъ помощниковъ князя въ его дѣятельности, мы поймемъ безъ труда причины такой неразличимости двухъ сферъ администраціи. Въ числѣ ближайшихъ княжескихъ сотрудниковъ прежде всего бросаются въ глаза лица, извѣстныя намъ уже въ кіевской Руси: таковы дворскій или дворецкій, казначей, печатникъ, стольникъ. О характерѣ и значеніи этихъ должностныхъ лицъ намъ уже приходилось говорить при изученіи кіевскаго періода: то были хозяйственные слуги князя, которымъ, помимо ихъ непосредственныхъ хозяйственныхъ обязанностей, князь временно поручалъ то или другое дѣло, имѣвшее государственное значеніе. То же надо сказать и о другихъ, новыхъ сотрудникахъ удѣльнаго князя: ловчій, сокольничій, конюшій, чашникъ были также органами дворцоваго хозяйственнаго управленія, для которыхъ главнымъ, основнымъ дѣломъ, почти исключительно занимавшимъ ихъ вниманіе, было завѣдываніе бобровниками, псарями, сокольниками, лошадьми, конюхами, пчелами, питіями. Временными и случайными порученіями были поэтому тѣ или иныя государственныя дѣла, которыми они иногда занимались. Это выражалось и въ актахъ, исходившихъ отъ княжеской власти, напр., въ жалованныхъ грамотахъ: даруя

землевладѣльцамъ право суда въ ихъ имѣніяхъ, князь удѣльнаго времени оговаривалъ обыкновенно, что самого землевладѣльца или его приказчика судитъ онъ самъ, князь, или кому онъ прикажетъ. Здѣсь прямо и ясно указывается на полную неопредѣленность въ составѣ центральнаго управленія и на совершенную неорганизованность его вѣдомства: если сегодня князь «приказывалъ» извѣстное дѣло дворецкому, то завтра онъ могъ его же приказать казначею, ловчему, конюшему и т. д. На это не было никакихъ правилъ. Правда, въ XV вѣкѣ вмѣсто выраженія «сужу азъ, князь, или кому прикажу» встрѣчается обыкновенно другое: «сужу азъ, князь, или мой боярин̆ъ введеный», но отъ этого не произошло никакой перемѣны. Въ самомъ дѣлѣ: что такое боярин̆ъ введеный? Думали, что это—областные помѣстники, получавшіе свои города съ уѣздами въ кормленіе и называвшіеся такъ въ отличіе отъ бояръ путныхъ, вѣдавшихъ разныя отрасли дворцоваго хозяйства или такъ называемые «пути». Но если бы это толкованіе было вѣрно, то пришлось бы намѣстниковъ поставить рангомъ выше, чѣмъ дворецкаго, казначея и управителей путей, потому что введеные бояре назывались также боярами «большими». Притомъ источники показываютъ, что иногда введеными боярами назывались и начальники «путей». Это послѣднее наблюденіе привело къ другому мнѣнію, по которому введеными боярами какъ разъ и назывались начальники путей—сокольничій, ловчій, чашникъ, стольникъ, конюшій, а также дворецкій и казначей. Но, не отрицая, что всѣ эти лица причислялись къ боярамъ введенымъ, надо, однако, замѣтить, что ограниченіе ими одними состава бояръ введеныхъ противорѣчитъ источникамъ: до насъ дошла, напр., одна грамота XV вѣка, гдѣ бояриномъ введенымъ названъ костромской намѣстникъ, не завѣдывавшій никакимъ путемъ. Онъ былъ, однако, несомнѣнно, большимъ боярином̆ъ, потому что принадлежалъ къ знатнымъ литовскимъ выходцамъ. Кажется, точнѣе будетъ сказать, что введенымъ или большимъ бояриномъ назывался вообще всякій бояринъ, который, живя въ Москвѣ, принадлежалъ къ кругу обычныхъ совѣтниковъ князя; онъ могъ или управлять путемъ, или служить воеводой во время походовъ, или быть намѣстникомъ въ Москвѣ или въ другихъ городахъ, или не имѣть никакого спеціальнаго порученія. Онъ потому и назывался введенымъ, что былъ введенъ въ думу или княжескій совѣтъ. Если это объясненіе вѣрно, то оно какъ нельзя лучше показываетъ намъ, какая неопредѣленность царила въ XIV и XV вѣкахъ въ центральномъ управленіи: между отдѣльными боярами введеными, кругъ которыхъ былъ довольно широкъ, не были распредѣлены и разграничены вѣдомства, все опредѣлялось временными и случайными порученіями князя.

Въ сущности единственнымъ зародышемъ центральнаго учрежденія въ удѣльное время была *боярская дума*. Существуетъ два мнѣнія о значеніи удѣльной думы: по одному, дума въ то время была учреж-

деніемъ, ограничивавшимъ княжескую власть, участіе въ ея засѣданіяхъ было правомъ бояръ, вытекавшимъ изъ ихъ права свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, соотвѣтственно чему и кругъ вѣдомства удѣльной думы распространялся на всѣ предметы управленія; согласно другому взгляду, дума не имѣла въ то время ограничивающаго княжескую власть характера, члены думы были лишь свидѣтелями, скрѣплявшими своимъ присутствіемъ акты верховной власти, «свѣдоками», «послухами»; соотвѣтственно этому и составъ думы опредѣлялся не правами извѣстныхъ лицъ быть ея членами, а усмотрѣніемъ князя, и лишь позднѣе, подъ вліяніемъ разграниченія вѣдомствъ дворцоваго управленія, составъ думы дѣлается болѣе постояннымъ, въ нее призываются начальники отдѣльныхъ «путей» на ряду съ дворецкимъ, казначеемъ и печатникомъ, компетенція думы, простираясь обыкновенно на дѣла, превышавшія вѣдомство одной отрасли дворцоваго управленія, часто опредѣлялась обстоятельствами и волей князя, который нерѣдко притомъ рѣшалъ дѣло безъ участія своего совѣта. Что касается вѣдомства думы, то наши источники вполнѣ подтверждаютъ изложенное сейчасъ воззрѣніе, отрицающее строгую опредѣленность его. Ограничимся однимъ примѣромъ: возьмемъ жалованныя грамоты. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ ихъ, выданный князьями безъ всякаго участія думы. И на ряду съ этимъ въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются исключенія, видно участіе думы или въ очень незначительномъ, или въ сравнительно довольно широкомъ по тому времени составѣ: напр., отъ самаго начала XV в. до насъ дошла жалованная грамота рязанскаго великаго князя Олега Ивановича Солотчинскому монастырю, гдѣ сказано: «а пожаловалъ есмь столникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашникомъ своимъ Григорьемъ Яковлевичемъ»; здѣсь всего двое думцевъ были свидѣтелями княжескаго пожалованія; а данная тѣмъ же княземъ во второй половинѣ XIV в. Ольгову монастырю жалованная грамота указываетъ, что князь совершилъ актъ пожалованія, «сгадавъ» съ владыкой (т.-е. епископомъ) и съ девятью боярами, изъ которыхъ одинъ чашникъ, а другой окольничій. Итакъ вѣдомство не было опредѣленнымъ. Но не былъ опредѣленнымъ, какъ показываютъ и эти факты и рядъ другихъ, и составъ боярскаго совѣта въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи. Нельзя даже сказать, что *обычными* совѣтниками князя были начальники путей. Съ этой оговоркой слѣдуетъ присоединиться такимъ образомъ ко второму изложенному сейчасъ взгляду на удѣльную думу. Первый взглядъ совершенно не выдерживаетъ критики.

Итакъ учрежденій въ собственномъ смыслѣ слова не было и въ удѣльныхъ центрахъ. Это выступитъ для насъ съ еще большею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на личную дѣятельность князя.

Наиболѣе ясные слѣды нѣкотораго выдѣленія вѣдомства или, по крайней мѣрѣ, обычной дѣятельности князя изъ общей сферы дѣйствій

подчиненныхъ ему органовъ управленія наблюдаются въ области финансовъ. Мы видѣли, что прежде князь не только устанавливалъ налоги, но и самъ ихъ собиралъ, отправляясь на полюдье. Въ удѣльный періодъ полюдье исчезаетъ, князь передаетъ сборъ налоговъ подчиненнымъ органамъ и себѣ оставляетъ только, такъ сказать, нормативно-финансовую дѣятельность, установленіе податей и повинностей, дарованіе финансовыхъ льготъ и т. п. Это—несомнѣнный признакъ зарождающагося выдѣленія сферы верховнаго управленія. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать также выдѣленіе, нельзя предполагать, что оно было проведено хоть сколько-нибудь систематически, планомѣрно. Напротивъ, надо думать, что князь принималъ постоянное, ежедневное участіе въ текущихъ дѣлахъ финансоваго управленія, даже самыхъ мелкихъ. Правда, матеріала у насъ мало, но позднѣйшіе факты ставятъ внѣ сомнѣнія, что ни одинъ расходъ не производился безъ вѣдома князя, и, вѣроятно, о всякомъ поступившемъ доходѣ ему докладывали.

Несравненно ближе къ старинамъ, кіевскимъ преданіямъ стояла судебная власть князя. Можно прямо сказать, что не было такого судебнаго дѣла, по которому нельзя было бы обратиться непосредственно къ князю, въ первой инстанціи. На этотъ счетъ не существовало никакихъ не только законодательныхъ постановленій, но и обычаевъ: все зависѣло отъ удобства и отъ усмотрѣнія тяжущихся. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи этого положенія, причемъ замѣтимъ, что примѣры эти относятся даже къ концу удѣльнаго періода. Въ 1506 г. углицкій удѣльный князь Дмитрій Ивановичъ рѣшилъ поземельный споръ Троицкаго Сергіева монастыря съ Семеномъ Бородатымъ: князь самъ «обыскалъ своимъ обыскомъ» и «по тому обыску» монастырскаго посельскаго «оправилъ», а Бородатаго обвинилъ. Во второй половинѣ XV в. великій князь Иванъ III самъ разбиралъ дѣла о крестьянскомъ выходѣ отъ одного землевладѣльца къ другому. Въ 1519 г. поземельную тяжбу Спасо-Евѳиміева монастыря съ Матвѣемъ Судимантовымъ разбирали бояре въ Москвѣ, «да сказали мнѣ великому князю, и азъ велѣлъ боярамъ старцевъ Спаскаго монастыря въ тѣхъ земляхъ оправити, а Матвѣя Судимантова велѣлъ обвинити да и грамоту правую на Матвѣя въ тѣхъ земляхъ велѣлъ дати». Жалованныя грамоты князей различнымъ лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ на земли, которыми они давно уже владѣли или только что пріобрѣли, имѣютъ такое же юридическое значеніе, какъ современные нотаріальные акты объ укрѣпленіи правъ на имущество: для такого укрѣпленія не было еще спеціальнаго учрежденія, его вѣдалъ самъ князь. Такъ, завѣщаніе вдовы нижегородскаго князя княгини Маріи, относящееся къ первой половинѣ XV в., было утверждено въ 1484 г. великимъ княземъ Иваномъ III лично, какъ видно изъ приписки, что великій князь утвердилъ этотъ документъ, «коли былъ въ Суздалѣ». Наконецъ, мы ошиблись бы, если бы предполо-

жили, что существовалъ какой-либо установленный порядокъ инстанцій и опредѣленный кругъ дѣлъ или извѣстные признаки, дѣлавшіе необходимымъ перенесенія рѣшенія въ центръ изъ области. Мало того: даже въ томъ случаѣ, когда судья чувствовалъ себя не въ силахъ рѣшить дѣло, затруднялся рѣшеніемъ, онъ не зналъ, къ кому собственно онъ обратится съ «докладомъ» по дѣлу; въ этомъ отношеніи характерно одно замѣчаніе въ уцѣлѣвшемъ судномъ дѣлѣ XV в.: «судья рекся доложити государя великаго князя *или* человѣка старѣйшаго». Лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ личный судъ князя былъ обязателенъ, неизбѣженъ и не могъ быть замѣненъ судомъ другого лица. Такъ, въ первой половинѣ XV в. великому князю принадлежалъ обязательный третейскій судъ въ случаѣ, если его судьи и судьи удѣльнаго князя «ся сопрутъ», т.-е. не сойдутся въ рѣшеніи какихъ-либо дѣлъ и не придутъ къ соглашенію о выборѣ третейскаго судьи. Мы уже отмѣчали, что привилегированные землевладѣльцы и ихъ приказчики были подсудны князю, но не исключительно ему одному: онъ могъ поручить этотъ судъ своему боярину введеному.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что такія дѣла, какъ назначеніе различныхъ должностныхъ лицъ, повышеніе въ должностяхъ, наконецъ, объявленіе войны и заключеніе мира зависѣли отъ князя, не обходились безъ его участія, но и здѣсь господствовала значительная неопредѣленность: князь то одинъ рѣшалъ эти дѣла, то совѣтовался съ боярами. Законодательства въ собственномъ смыслѣ этого слова въ XIII, XIV и въ теченіе большей части XV вѣка не было, и зародыши его, какими въ извѣстной степени можно считать жалованныя грамоты и указныя грамоты князей областнымъ властямъ, опять-таки слагались не подъ исключительнымъ вліяніемъ князя, не были всегда актами его единоличной воли.

Изложенныя наблюденія и сдѣланныя на основаніи ихъ общія заключенія въ достаточной степени характеризуютъ средства управленія въ удѣльный періодъ. Безъ сомнѣнія, тутъ было нѣкоторое движеніе сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчаются частичныя перемѣны, но все это было чрезвычайно еще слабо; въ общемъ, надо признать средства управленія неупорядоченными и неорганизованными, учрежденій въ настоящемъ смыслѣ этого слова попрежнему не существовало.

Посмотримъ теперь, какова была *цѣль* государственнаго союза въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи? Ставились ли тогда сознательно и реально, какъ конечная цѣль управленія, общественные интересы, интересы общаго блага, или, напротивъ, идея общаго блага не было, а господствовало понятіе личнаго интереса, какъ то было и раньше, въ древнѣйшей Россіи? Эти вопросы заставляютъ насъ войти въ болѣе близкое знакомство съ самой техникой управленія съ его подробно-

стями. Основнымъ понятіемъ, проникавшимъ всю систему удѣльнаго управленія сверху до низу, было понятіе о кормленіи или прибыткѣ. Это давно и хорошо выяснено въ нашей исторической литературѣ и потому не нуждается въ особенно подробномъ развитіи и обоснованіи. Ограничимся поэтому лишь указаніемъ на два особенно-характерныхъ примѣра: въ грамотѣ костромскому намѣстнику 1499 года великій князь Иванъ III, уничтожая должность второго костромского намѣстника, мотивируетъ эту мѣру прямо тѣмъ, что двоимъ намѣстникамъ тамъ «сытымъ быть не съ чего»; въ извѣстной уже намъ «записи что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ», относящейся къ XV вѣку, сказано между прочимъ, что когда въ Москвѣ судитъ большой намѣстникъ великаго князя, то судья князя удѣльнаго «за нимъ придетъ, *своего прибытка смотритъ*». Болѣе яснаго выраженія личнаго, матеріальнаго интереса, какъ основной цѣли управленія и суда въ глазахъ администраторовъ и судей того времени, нельзя себѣ и представить. Вотъ первое доказательство того, что понятіе объ общемъ благѣ, какъ цѣли государственнаго союза, заслонялось тогда далеко преобладавшимъ надъ нимъ понятіемъ о личномъ интересѣ, какъ основномъ мотивѣ правительственныхъ дѣйствій.

Гораздо болѣе новыхъ элементовъ, хотя еще далеко не ясно выраженныхъ, наблюдается въ судопроизводствѣ того времени. Здѣсь понятіе объ общемъ благѣ, какъ цѣли отправленія правосудія, стало понемногу расти и выдвигаться впередъ. Мы видѣли, что въ кіевскій періодъ такого понятія почти совершенно не существовало, что поэтому роль органовъ судебной власти была тогда пассивной, формальной: они присутствовали при тяжбѣ истца съ отвѣтчикомъ и, не провѣряя приводимыхъ доказательствъ, безусловно имъ вѣрили, разъ соблюдена была извѣстная форма. Въ изучаемое нами время въ сѣверовосточной Руси, какъ и въ вольныхъ городахъ, судьи начинаютъ постепенно выходить изъ прежняго пассивнаго состоянія, начинаютъ играть временами, въ извѣстные моменты судебнаго процесса, болѣе дѣятельную роль. Это будетъ ясно, если мы познакомимся съ подробностями судопроизводства. Необходимо при этомъ различать, съ одной стороны, досудебныя дѣйствія, съ другой—самый судъ. И то и другое имѣло свои особенности въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи въ удѣльный періодъ намѣтилось въ главныхъ чертахъ позднѣйшее различіе между «судомъ», т.-е. обвинительнымъ, гражданскимъ судопроизводствомъ, и «сыскомъ» или «розыскомъ», т.-е. судопроизводствомъ слѣдственнымъ, уголовнымъ.

Досудебныя дѣйствія въ гражданскихъ дѣлахъ слагались изъ жалобы, призыва на судъ и производства слѣдствія, т.-е. подбора надлежащихъ доказательствъ, подысканія основаній для обвиненія. Жалобы приносились, конечно, самимъ истцомъ. Но что касается призыва на судъ, то въ этомъ отношеніи наблюдается большая новость:

истецъ потерялъ право самъ доставлять на судъ отвѣтчика, самоуправно, безъ участія властей, ставить его передъ судебнымъ трибуналомъ. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ XV вѣка одна изъ сторонъ жалуется на другую, что та отняла предметъ спора «безъ суда и *безъ пристава*». Отсюда видно, что призывать на судъ можно было только черезъ приставовъ. Вотъ первый случай перехода судьи отъ чисто пассивной къ активной роли. Этимъ, однако, и ограничивался такой переходъ въ области досудебныхъ дѣйствій въ гражданскомъ процессѣ, потому что подборъ доказательствъ тутъ производился всегда самимъ истцомъ, безъ всякаго участія судебной власти.

Несравненно болѣе дѣятельнымъ является судья въ досудебныхъ актахъ при уголовномъ процессѣ. Первымъ — и притомъ новымъ, прежде не существовавшимъ — актомъ здѣсь была явка, т.-е. извѣщеніе властей и окольныхъ людей, сосѣдей, о случившемся: такъ по одному дѣлу о грабежѣ истцу было отказано на томъ основаніи, что онъ не явилъ о немъ никому; въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года требуется явка при татьбѣ. Далѣе: если даже не было истца, власти сами начинали слѣдствіе по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что и въ уголовномъ судопроизводствѣ, какъ и въ гражданскомъ, призывать на судъ обвиняемаго можно было только черезъ посредство пристава. Но, что особенно важно, производство слѣдствія въ уголовныхъ дѣлахъ уже не находилось всецѣло въ рукахъ истца: судья поручалъ своимъ людямъ изслѣдованіе обстоятельствъ преступленія.

Самый судъ — гражданскій и уголовный — состоитъ, какъ извѣстно, въ разсмотрѣніи судебныхъ доказательствъ и въ произнесеніи приговора. Въ гражданскихъ дѣлахъ первымъ и самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ считалось признаніе одною изъ тяжущихся сторонъ несправедливости своихъ притязаній. Если такого признанія не послѣдовало, судья переходилъ къ разсмотрѣнію документовъ, причемъ сразу вступаетъ передъ нашими глазами совершенно новый элементъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, — элементъ активнаго участія судьи въ дѣлѣ: судья опредѣляетъ степень достовѣрности документовъ, оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія подлинности и юридической формы: «воззривъ на грамоту, судья ее похвалилъ», читаемъ въ одномъ судебномъ дѣлѣ XV в. Надо при этомъ замѣтить, что документы могли оспариваться противной стороной, которая могла оспаривать также и свидѣтельскія показанія, — третій видъ судебныхъ доказательствъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Всѣ названные три вида доказательствъ не были такимъ образомъ формальными: путемъ ихъ провѣрки по существу судья искалъ матеріальной истины. Переходомъ отъ такого рода доказательствъ къ доказательствамъ формальнымъ, наличность которыхъ исключала возможность провѣрки и требовала безусловнаго довѣрія, являются такъ называемые «старожильцы» или

«знахари», люди, давно живущіе въ данной мѣстности и знающіе мѣстныя фактическія обстоятельства и отношенія; старожильцы или знахари призывались на судъ въ поземельныхъ тяжбахъ, для указанія границъ между спорными владѣніями, и по своему юридическому значенію близко подходили къ послухамъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Все, что̀ сейчасъ сказано о судѣ по гражданскимъ дѣламъ, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о существенныхъ перемѣнахъ въ судопроизводствѣ удѣльнаго періода сравнительно съ кіевскимъ: элементъ общаго блага усилился и рѣзче выразился сравнительно съ прошлымъ. Но необходимо тотчасъ же оговориться: онъ далеко не восторжествовалъ окончательно, потому что вслѣдъ за тѣмъ, какъ исчерпывались всѣ матеріальныя доказательства, въ случаѣ, если дѣло ими не рѣшалось, наступала очередь для древнихъ, формальныхъ доказательствъ, не подлежавшихъ спору и повѣркѣ и ставившихъ судью въ пассивное положеніе, заставлявшихъ его автоматически склонять вѣсы правосудія въ ту сторону, въ какую заставитъ ихъ склониться соблюденіе извѣстной формы, отнюдь не гарантирующее достиженія матеріальной истины: если не послѣдовало признанія одною изъ сторонъ несправедливости своихъ притязаній, если не было документовъ или они были недостаточны, если свидѣтельскія показанія не рѣшали дѣла, то присуждалось «поле» или судебный поединокъ, видъ старинаго суда Божія. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще, особенно въ поземельныхъ искахъ, поле замѣнялось другимъ видомъ суда Божія— присягой.

И на судѣ по дѣламъ уголовнымъ первымъ и главнымъ доказательствомъ было собственное признаніе подсудимаго. За отсутствіемъ такового выдвигалось на первый планъ поличное и слѣды преступленія, установленные слѣдствіемъ и подлежавшіе оспариванію и повѣркѣ. То же надо сказать о третьемъ видѣ доказательствъ—свидѣтельскихъ показаніяхъ. Затѣмъ наступила очередь смѣшанныхъ, переходныхъ видовъ судебныхъ доказательствъ, сочетавшихъ въ себѣ признаки старые — формальные съ новыми, содѣйствующими выясненію существа дѣла. Таковы — послушество, повальный обыскъ и пытка. Въ послушествѣ, т.-е. въ свидѣтельствѣ одного или нѣсколькихъ лицъ о хорошемъ поведеніи, добросовѣстности и честности подсудимаго, совершились, однако существенныя перемѣны, указывающія на упадокъ этого доказательства: во-первыхъ, ссылка на послуховъ является уже необязательной; въ одномъ судебномъ дѣлѣ читаемъ: «вѣдомо то дѣло людямъ добрымъ, волостнымъ, но на нихъ ся не шлемъ»; во-вторыхъ, въ Судебникѣ Ивана III послухъ уже почти то же, что̀ свидѣтель — очевидецъ, — онъ говоритъ о томъ, что самъ видѣлъ, и единственнымъ остаткомъ его прежняго значенія является возможность судебнаго съ нимъ поединка той стороны, противъ которой онъ свидѣтельствуетъ. Историческимъ преемникомъ послушества былъ по-

вальный обыскъ — опросъ сосѣдей о добромъ поведеніи обвиняемаго, замѣнявшійся пыткой въ томъ случаѣ, когда обвиняемый былъ «прирочный человѣкъ съ доводомъ», т.-е. рецидивистъ. Наконецъ, и въ уголовномъ судопроизводствѣ имѣло мѣсто чисто формальное доказательство — очистительная присяга отвѣтчика, примѣнявшаяся, по Судебнику 1497 года, тогда, когда не было другихъ доказательствъ.

Итакъ, второе доказательство того, что въ удѣльной сѣверовосточной Россіи сильно еще было понятіе о личномъ интересѣ, какъ цѣли государственнаго союза, почерпается изъ изслѣдованія порядковъ судопроизводства, причемъ, однако, здѣсь замѣтны уже и зародыши, иногда довольно значительные идеи объ общемъ благѣ. Что такіе зародыши все-таки имѣли второстепенное значеніе, это слѣдуетъ изъ того факта, что фискальный, денежный интересъ оставался весьма важнымъ на судѣ. Каждое судебное дѣйствіе было непремѣнно связано съ платежемъ, судья и его помощники ничего не дѣлали даромъ, изъ всего извлекали выгоду, получали судебныя пошлины. Такъ, съ виноватаго отвѣтчика намѣстникъ или волостель получалъ «противень вполы истцова» (т.-е. половину суммы иска), а съ виноватаго истца 2 алтына; въ случаѣ примиренія сторонъ, онѣ платили судьѣ также или по гривнѣ съ каждаго рубля суммы, въ какую оцѣненъ искъ, или «противень вполы истцова»; такой же платежъ существовалъ при судебномъ поединкѣ; затѣмъ установлены были особыя пошлины при межевыхъ тяжбахъ, при самосудѣ, пошлина въ $2^1/_2$ алтына съ «правой грамоты отъ печати», т.-е. за выдачу выигравшей дѣло сторонѣ грамоты, дававшей ей право требовать исполненія приговора въ свою пользу, и т. д.

Судебныя пошлины вводятъ насъ уже въ сферу финансовъ, изученіе организаціи которыхъ можетъ служить третьимъ доказательствомъ того, что понятіе о государствѣ, какъ союзѣ, имѣющемъ въ виду интересы общаго блага, было чрезвычайно слабо развито. Само собою разумѣется, что никакъ нельзя предполагать существованіе сколько-нибудь организованной финансовой системы въ удѣльный періодъ: не существовало ни смѣты доходовъ и расходовъ, ни стройной системы прямого и косвеннаго обложенія. Первоначально потребности князя, его вольныхъ и невольныхъ слугъ удовлетворялись, главнымъ образомъ, насчетъ хозяйственныхъ доходовъ съ княжескихъ земель, т.-е. натуральныхъ, отчасти и денежныхъ, оброковъ съ крестьянскаго населенія этихъ земель. Но скоро такихъ оброковъ стало не хватать для удовлетворенія названныхъ потребностей, и потому къ нимъ прибавились другіе, спеціальные сборы: сюда, прежде всего относятся появившіяся, по крайней мѣрѣ съ конца XIV-го вѣка, казначеевы, дьячьи и подъяческія пошлины, поступавшія въ вознагражденіе казначеевъ, дьяковъ и подъячихъ, которые завѣдывали сборомъ оброковъ и записывали поступленіе послѣднихъ въ великокняжескую казну;

затѣмъ, въ награду вольнымъ слугамъ стали поступать кормы всякаго рода. Но кромѣ потребностей князя и его слугъ, существовали еще другія потребности, не столько личнаго, сколько уже общественнаго характера. Первая изъ такихъ потребностей—это необходимость внѣшней защиты княжества. Отсюда вытекали повинность «городового дѣла», постройки укрѣпленій, и повинность «посошная», т.-е. обязанность ставить извѣстное число «воевъ» съ каждой сохи. Еще въ кіевскій періодъ князь, какъ извѣстно, собиралъ въ свою пользу дань. Съ татарскимъ игомъ появилась особая татарская дань или «ордынскій выходъ», сдѣлавшійся дополнительнымъ доходомъ княжеской казны послѣ сверженія владычества татаръ. Въ XIV вѣкѣ наблюдаются первые слѣды такъ называемыхъ «полоняничныхъ денегъ», т.-е. денегъ, предназначенныхъ для выкупа плѣнныхъ, попавшихъ къ татарамъ, но сначала это былъ не налогъ, а просто проявленіе личной благотворительности князей и митрополитовъ, удѣлявшихъ часть своихъ средствъ на освобожденіе соотечественниковъ изъ неволи, и даже подъ конецъ удѣльнаго періода окладъ полоняничныхъ денегъ не подвергся точному опредѣленію. Наконецъ, еще въ началѣ XIII вѣка появилась повинность, носившая названіе «повоза» и состоявшая въ обязанности поставлять подводы для княжескихъ гонцовъ и вообще должностныхъ лицъ. Но тутъ не было никакой организаціи: подводы не заготовлялись заранѣе на извѣстныхъ пунктахъ, а ставились каждый разъ тогда, когда къ этому настояла нужда. Съ татарскимъ игомъ эта подводная повинность осложнилась «ямомъ», особымъ налогомъ на поддержаніе почтовыхъ учрежденій въ Ордѣ, а въ XIV вѣкѣ и князья собираютъ въ свою казну также «ямъ», который затѣмъ смѣшивается съ подводной повинностью.

Мы видимъ такимъ образомъ, что прямые налоги возникаютъ постепенно, сообразно росту новыхъ отдѣльныхъ потребностей, что они не составляютъ стройной системы и не отливаются въ опредѣленный окладъ. Во всемъ этомъ чрезвычайно ясно выступаютъ на первый планъ личные интересы и потребности, выгоды правителей, за которыми остаются совершенно незамѣтными интересы общаго блага.

Это становится еще болѣе яснымъ, если обратить вниманіе на единицу обложенія. Древнѣйшей окладной единицей былъ, какъ извѣстно, «дымъ» или «домъ», т.-е. отдѣльное хозяйство, причемъ въ какой-либо анализъ этого хозяйства, въ его оцѣнку, разумѣется, не входили. Но уже въ кіевскій періодъ на ряду съ «дымомъ» или «домомъ» выступаетъ еще другая окладная единица—«рало» или плугъ. Послѣдующему времени, когда восторжествовало земледѣліе, выпало на долю нѣсколько развить и видоизмѣнить именно эту послѣднюю единицу, совершенно естественную при господствѣ земледѣлія. На мѣсто плуга становится соха, которая, по всѣмъ признакамъ, на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси, какъ и въ области вольныхъ городовъ, является единицей рабочей

силы, приравнивается извѣстному числу конныхъ земледѣльческихъ работниковъ. Только соха здѣсь гораздо крупнѣе, чѣмъ въ вольныхъ городскихъ общинахъ: она равняется не тремъ коннымъ работникамъ, а приблизительно тридцати двумъ. Это видно изъ одного документа, въ которомъ «одноколецъ», т.-е. владѣлецъ одной «колышки» или телѣги, приравнивается $^1/_{32}$ сохи. Такъ какъ часто вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчается соха, состоящая изъ 32 вытей, то, очевидно, выть равняется однокольцу или одному конному рабочему, какъ и новгородская обжа. Итакъ, соха состояла въ удѣльное время изъ 32 конныхъ работниковъ. Для всякаго ясно, насколько несовершенно такое опредѣленіе окладной единицы, какъ мало соотвѣтствуетъ оно реальной доходности отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. При опредѣленіи окладной единицы имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, интересы казны и возможная простота обложенія, а не благо населенія.

Наконецъ, и въ организаціи косвеннаго обложенія красной нитью проходитъ одна господствующая мысль: собрать въ княжескую казну возможно больше денегъ, не упустить ни малѣйшаго къ тому случая, игнорируя интересы промышленности и торговли. Въ удѣльной Руси въ буквальномъ почти смыслѣ нельзя было ступить шагу, не заплативъ какой-либо пошлины. У насъ уже шла рѣчь о пошлинахъ судебныхъ. Кромѣ судебныхъ пошлинъ, были еще свадебныя: «выводная куница», когда невѣсту выдавали замужъ за предѣлы извѣстной области, и «свадебное за убрусъ» при такомъ брачномъ союзѣ, когда оба брачущіеся жили въ предѣлахъ даннаго уѣзда или волости. Но самыми многочисленными и обременительными были, несомнѣнно, внутреннія таможенныя пошлины, дѣлившіяся на два разряда —проѣзжія, собиравшіяся при провозѣ товаровъ по дорогамъ и рѣкамъ, и торговыя, которыя брались при самой торговлѣ и дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ куплю-продажу. Къ проѣзжимъ пошлинамъ относились, во-первыхъ, мыто — «сухое», при провозѣ товаровъ сухимъ путемъ, и «водяное» — при провозѣ ихъ водой; мыто сухое называлось также "подужнымъ» (съ возовъ) и «полозовымъ» съ саней, а водяное мыто носило еще названія «посаженнаго» (съ длины судна), «шестового» или «носового» и «побережнаго»; второй проѣзжей пошлиной была «головщина» или «костки» съ лицъ, сопровождавшихъ товары; при возвращеніи обратно тѣмъ же путемъ платили особую пошлину—«задніе калачи»; наконецъ, существовала еще мостовщина, собиравшаяся при переѣздѣ черезъ мосты, и перевозъ—при переправахъ черезъ рѣки. Еще разнообразнѣе были торговыя пошлины: привозъ товара на продажу влекъ за собой уплату замыта, при объявленіи товара властямъ платилась явка, при наймѣ лавокъ и амбаровъ на гостиномъ дворѣ брали гостиное, анбарное и полавочное, при вывозѣ товаровъ изъ гостинаго двора поворотную или дворовую пошлину, при складкѣ товаровъ свальное, при взвѣшиваніи—вѣсчее-пудовое, контарное, рукольную

и подъемную пошлины, при мѣрѣ товара помѣрное и покоречное, при клейменіи продажныхъ лошадей—пятно, при привязываніи продажнаго скота — роговое и привязную пошлину, при отвозѣ проданнаго товара узолки или узольцовое, при самой продажѣ, наконецъ, платились тамга, осминичее и порядное. Остается только удивляться, какъ при такомъ косвенномъ обложеніи могла происходить какая-нибудь, хотя бы самая незначительная торговля.

Есть, наконецъ, еще одна отрасль правительственныхъ дѣйствій въ XIII, XIV и даже отчасти въ XV вѣкахъ, которая указываетъ на столь-же слабое пониманіе цѣли государственнаго союза въ то время.— это внѣшнія предпріятія князей, ихъ войны и договоры. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сѣверо-восточные князья руководились здѣсь своекорыстными, узкими разсчетами, не ставя себѣ никакихъ широкихъ общественныхъ и государственныхъ задачъ. Нечего, конечно, и говорить о княжескихъ усобицахъ: въ нихъ тщетно было бы искать общихъ началъ и общественныхъ побужденій. Но даже и большая часть внѣшнихъ войнъ лишена была всякаго общественнаго элемента. Напримѣръ, двѣ войны съ Литвой при Димитріи Донскомъ были вызваны чисто личными интересами князей: Ольгерда призывалъ врагъ московскаго великаго князя Михаилъ Александровичъ тверской, противъ котораго Дмитрій Донской поднималъ, въ свою очередь, кашинскаго князя Василія. Нѣкоторое общественное значеніе имѣли лишь оборонительныя войны,—борьба Александра Невскаго въ Новгородѣ со шведами (Невская битва 1240 г.) и съ ливонскими рыцарями во Псковѣ (Ледовое побоище 1242 г.), постоянная защита восточныхъ предѣловъ страны отъ мордвы и т. д. Даже въ отношеніяхъ къ татарамъ, покорившимъ Русь въ XIII в., долгое время князья пренебрегали общенародными интересами и не гнушались пользоваться татарской силой для борьбы со своими личными соперниками, причемъ татары, по своему обычаю, разоряли и грабили страну. Въ отмѣнѣ татарскихъ баскаковъ (намѣстниковъ), достигнутой Иваномъ Калитой, трудно видѣть что-либо, кромѣ стремленія великаго князя московскаго быть свободнѣе у себя дома. Только идея освобожденія отъ татарскаго ига была отраженіемъ національныхъ интересовъ, результатомъ образованія великорусской народности, но первое реальное проявленіе этой идеи, какъ извѣстно, относится лишь къ концу XIV вѣка, когда въ 1380 г. ополченіе русскихъ князей разбило татаръ на Куликовомъ полѣ.

Послѣ характеристики цѣли государственнаго союза въ удѣльный періодъ, поскольку она выражалась въ политической дѣйствительности, мы должны освѣтить вопросъ о *субъектѣ власти* въ то время, иначе вопросъ о томъ, было ли государство удѣльнаго періода союзомъ личнаго или общественнаго господства, т.-е. былъ ли князь носителемъ власти, какъ отдѣльное лицо само по себѣ, или какъ пред-

ставитель всего общественнаго союза? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, несомнѣнно, можетъ быть данъ только въ одномъ смыслѣ: удѣльный князь владѣлъ своимъ княжествомъ, какъ личной собственностью, и вовсе не былъ въ своей дѣятельности представителемъ общественнаго союза какъ цѣлаго. Это находитъ себѣ наиболѣе ясное выраженіе въ княжескихъ «духовныхъ грамотахъ» и въ междукняжескихъ договорахъ. Изъ этихъ документовъ видно, что, во-первыхъ, каждое княжество трактуется какъ «вотчина», т.-е. наслѣдственная собственность князя, и, во-вторыхъ, обладаніе княжествомъ юридически приравнивается къ владѣнію всякой другой недвижимостью и даже движимостью. Шапки, шубы, кафтаны, цѣпи, посуда,—все это завѣщается и дѣлится князьями удѣльнаго періода между ихъ наслѣдниками совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и территорія княжества. Эта послѣдняя дробится на части сообразно числу наслѣдниковъ, нерѣдко черезполосныя между собою. Самый актъ завѣщанія — духовная грамота—есть документъ частнаго, гражданскаго права, что̀ подтверждается и тѣмъ, что на ней подписывались свидѣтели, обыкновенно митрополитъ и бояре. Предшествующее изложеніе содержитъ въ себѣ, наконецъ, совершенно достаточное количество матеріала, показывающаго, что самое управленіе носило хозяйственный, частно-владѣльческій характеръ, а это наблюденіе также подтверждаетъ общій выводъ объ удѣльномъ княжествѣ, какъ союзѣ личнаго господства, и о князѣ, какъ личномъ носителѣ власти, не имѣвшемъ совершенно идеи о своихъ функціяхъ, какъ общественномъ служеніи.

Все сказанное выше о политическомъ строѣ сѣверо-восточной Россіи удѣльнаго періода относится лишь къ типическимъ, господствующимъ, наиболѣе характернымъ явленіямъ изучаемаго времени. На ряду съ ними постепенно складывались новообразованія, подготовлявшія будущее, какъ мы то наблюдали и въ экономической жизни и въ соціальныхъ отношеніяхъ. Всѣ политическія новообразованія коренятся въ одномъ основномъ процессѣ, — въ процессѣ такъ называемаго «собиранія Руси». Къ изученію этого процесса мы и должны теперь обратиться.

Среди удѣльныхъ княжествъ сѣверо-восточной Руси въ XIV вѣкѣ возвышается въ особенности одно—Московское. Москва впервые упоминается въ 1147 году. Ея основаніе, какъ города, одни изслѣдователи приписываютъ экономическимъ причинамъ, другіе — военнымъ. Никто, однако же, не отвергаетъ того факта, что въ Москвѣ сходились всѣ дороги съ сѣвера, востока и запада, и что черезъ Москву шла единственная дорога изъ бассейна Оки и верхней Волги въ южное Поднѣпровье. А если это такъ, то, не отрицая важнаго стратегическаго значенія Москвы, какъ ключа ко всей области русскаго сѣверовостока, нельзя въ то же время не признать, что она была важнымъ торговымъ пунктомъ. Такимъ образомъ наличность основныхъ эконо-

мическихъ вліяній не подлежитъ сомнѣнію. Постояннымъ стольнымъ городомъ особаго удѣльнаго князя Москва становится, однако, лишь въ послѣдней четверти XIII столѣтія, когда тамъ сѣлъ младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ, родоначальникъ московскихъ князей. Уже сынъ Даніила Юрій началъ борьбу за великокняжескій владимірскій столъ съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ. Юрію удалось добиться въ Ордѣ казни Михаила, но онъ самъ былъ убитъ тамъ сыномъ Михаила Дмитріемъ Грозныя Очи, и хотя Дмитрій, по повелѣнію хана, былъ за это казненъ, но все-таки великокняжеская Владимірская область осталась пока за тверскими князьями, такъ что въ первой своей борьбѣ съ Тверью Москва потерпѣла неудачу. Гораздо плодотворнѣе для Москвы была вторая борьба—другого Даниловича, Ивана Калиты, съ великимъ княземъ тверскимъ Александромъ Михайловичемъ въ первой половинѣ XIV вѣка. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Твери были убиты татарскіе послы, Калита взялъ войско отъ хана, выгналъ Александра и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Съ тѣхъ поръ великокняжеское достоинство и Владимірская область сдѣлались почти постояннымъ достояніемъ московскихъ князей. Пріобрѣтя юридически господство надъ всей сѣверо-восточной Русью, московскіе князья стали добиваться и фактическаго преобладанія при помощи двухъ средствъ: во-первыхъ, «примысловъ», т.-е. покупокъ и завоеваній отдѣльныхъ княжествъ; во-вторыхъ, подчиненія другихъ сѣверовосточныхъ князей—великихъ и удѣльныхъ — московскому великому князю по договорамъ и завѣщаніямъ: договоры опредѣляли какъ отношенія къ другимъ княжествамъ, такъ и отношенія между великимъ княземъ московскимъ и его братьями—удѣльными князьями отдѣльныхъ княжествъ, выдѣлившихся въ составѣ Московскаго княжества, а завѣщанія касались почти исключительно отношеній между московскимъ великимъ княземъ и удѣльными князьями московскихъ удѣловъ. Важнѣйшіе примыслы были слѣдующіе: Иванъ Калита—первый собиратель Руси—купилъ Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ; Василій I купилъ Муромъ, Тарусу и Нижегородское княжество; Иванъ III присоединилъ въ концѣ XV вѣка Новгородъ, Тверь и нѣкоторые болѣе мелкіе удѣлы; Василій III—послѣдній собиратель Руси — Псковъ и Рязань. Вообще, благодаря примысламъ, размѣры Московскаго княжества за два столѣтія увеличились въ 30 разъ. Договоры сначала вполнѣ отражали въ себѣ самостоятельность отдѣльныхъ князей, но постепенно московскіе князья провели въ нихъ новыя условія, подчинявшія имъ другихъ князей. Такихъ условій было три: во-первыхъ, удѣльные князья обязывались ни съ кѣмъ не вступать въ сношенія и не заключать договоровъ безъ вѣдома и согласія великаго князя московскаго; это условіе обозначалось выраженіями: «не канчивати и не ссылатися» или «кто великому князю другъ, тотъ и удѣльному другъ, а кто врагъ великому князю, тотъ и удѣльному врагъ»; во-вторыхъ, удѣльные

князья не должны были сноситься съ татарскимъ ханомъ помимо великаго князя московскаго и обязаны были платить ордынскую дань лишь черезъ посредство великаго князя, — «Орды не знати»; наконецъ, въ-третьихъ, удѣльные князья должны были являться на войну по первому требованію великаго князя: «сядетъ великій князь на коня, ино и удѣльнымъ садиться на коней; когда самъ онъ не пойдетъ, а ихъ пошлетъ, то имъ идти безъ ослушанья». Наконецъ, власть великаго князя московскаго росла и по завѣщаніямъ. Составляя свою духовную грамоту, каждый московскій великій князь передавалъ старшему своему сыну бо́льшую долю, чѣмъ младшимъ, причемъ чѣмъ ближе было къ концу періода, тѣмъ рѣзче становилось это несоотвѣтствіе, т.-е. тѣмъ больше получалъ старшій наслѣдникъ. По духовной грамотѣ Дмитрія Донского въ концѣ XIV вѣка, великое княжество Московское было раздѣлено между пятью сыновьями завѣщателя, причемъ старшій Василій получилъ не менѣе трети всей территоріи, потому что въ каждую 1.000 руб. ордынской дани вносилъ 342 руб., т.-е. болѣе трети; по завѣщанію Василія II Темнаго 1462 года, старшій наслѣдникъ, великій князь Иванъ III, получилъ 16 городовъ, а остальные четверо тоже 16; доля старшаго выросла такимъ образомъ до половины; Иванъ III въ 1504 году далъ старшему сыну 90 городовъ, а четверо младшихъ получили всѣ вмѣстѣ лишь 26 городовъ, причемъ старшій изъ 1.000 руб. ордынской дани платилъ 717 руб., т.-е. около $^3/_4$. Въ завѣщаніи Ивана III видны и другіе признаки усиленія власти старшаго князя: только онъ получаетъ право чеканить монету, и ему переходятъ выморочные удѣлы младшихъ братьевъ.

Такимъ образомъ примыслы, договоры и завѣщанія совокупнымъ своимъ дѣйствіемъ привели къ тому, что въ концѣ удѣльнаго періода сѣверовосточная Русь оказалась собранной воедино, сложилась въ такъ называемое Московское государство, но этотъ процессъ образованія новаго политическаго организма происходилъ вовсе не подъ вліяніемъ перемѣнъ въ политическомъ сознаніи, не подъ вліяніемъ зарожденія идеи о государствѣ, какъ союзѣ общественнаго господства, имѣющемъ въ виду интересы общаго блага,—такой идеи еще не было: она образовалась лишь вслѣдъ затѣмъ, какъ политическая дѣйствительность создала для нея реальный фундаментъ. Примыслы, договоры и завѣщанія были актами гражданскаго, частнаго права, и потому можно сказать, что Московское государство создалось на почвѣ старыхъ условій, выросло изъ удѣльной вотчины благодаря хозяйственной дѣятельности князя - пріобрѣтателя, хозяина своего удѣла.

Безъ сомнѣнія, однако, всѣ князья удѣльнаго періода на сѣверовостокѣ Россіи были въ большей или меньшей степени хозяевами-пріобрѣтателями, и если въ этой пріобрѣтательской дѣятельности мо-

сковскіе князья опередили другихъ, то на это должны существовать свои особыя, спеціальныя причины, которыя помогали московскимъ князьями въ ихъ хозяйственныхъ усиліяхъ и воспитывали въ нихъ пріобрѣтательскія наклонности. Причины дѣйствительно были налицо, и коренились онѣ въ хозяйственныхъ обстоятельствахъ. Намъ приходилось уже констатировать чрезвычайно выгодное положеніе Москвы на перепутьи между сѣверо-востокомъ и югомъ удѣльной Россіи, направлявшее черезъ нее торговое движеніе. Москва рѣка, кромѣ того была важной торговой артеріей, открывавшей возможность торговаго движенія въ предѣлахъ самой сѣверо-восточной Руси и потому обогащавшей и усиливавшей московскихъ князей. Наконецъ, Московское княжество со всѣхъ сторонъ было ограждено отъ внѣшнихъ опасностей, заслонялось отъ вражескихъ нападеній сосѣдями,—Новгородомъ, Псковомъ, Рязанью, Нижнимъ-Новгородомъ,—принимавшими на себя всегда первые и самые страшные удары. Это создавало приливъ въ Московскую область массы населенія и тѣмъ увеличивало могущество ея князей. Дѣйствуя въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, обезпечивавшихъ успѣхъ и закалявшихъ въ суровой хозяйственной борьбѣ, московскіе великіе князья одержали верхъ надъ всѣми своими соперниками и встрѣтились еще съ однимъ общимъ условіемъ, окончательно закрѣпившимъ объединеніе Россіи подъ ихъ властью: среди трудовъ хозяйственныхъ, во время соціальныхъ перемѣнъ, подъ шумъ усобицъ медленно и постепенно слагалось и къ концу удѣльнаго періода вполнѣ сложилось новое племя,—великорусская народность. Оно должно было политически объединиться и объединилось подъ властью московскихъ князей.

Собираніе Руси имѣло великія и многообразныя послѣдствія для разныхъ отраслей правительственной дѣятельности.

Эти послѣдствія обнаруживаются прежде всего въ отношеніи власти и общаго положенія самого московскаго великаго князя. Трудно съ достаточною опредѣленностью сказать, насколько организовалась и отлилась въ болѣе прочныя формы собственная правительственная дѣятельность великаго князя къ концу удѣльнаго періода. Мы видѣли, что еще раньше финансовая дѣятельность князей удѣльнаго времени складывалась на дѣлѣ иначе, чѣмъ въ кіевскій періодъ. Если взять теперь другую важную отрасль правительственной дѣятельности,—судъ, въ которомъ до конца XV вѣка роль князя, какъ было уже нами указано, оставалась попрежнему совершенно неопредѣленной, то въ этой сферѣ придется отмѣтить для конца изучаемаго періода кое-какіе зародыши большей опредѣленности въ непосредственной дѣятельности самого великаго князя. Судебникъ 1497 года довольно ясно различаетъ двѣ области судебной дѣятельности главы государства: одна—судъ во второй инстанціи, наступающій тогда, когда «котораго жалобника а непригоже управити», другая — судъ въ первой инстан-

ціи, это собственно «судъ великаго князя и дѣтей великаго князя»; характерно при этомъ то, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ не предполагается непремѣнно личное участіе великаго князя въ разборѣ дѣла: дѣло вершится тѣмъ, «кому великій князь велитъ»; это какъ общее правило—новость. Остаткомъ старины надо считать то обстоятельство, что по *всѣмъ* дѣламъ безъ исключенія истцы могли обращаться непосредственно къ суду самого великаго князя. Повидимому, компетенція различныхъ возникшихъ въ это время судебныхъ учрежденій сложилась именно такимъ образомъ, что великій князь направлялъ просителей, лично къ нему обращавшихся, къ опредѣленнымъ лицамъ, которымъ поручался разборъ дѣла; извѣстная повторяемость однородныхъ порученій образовала традицію, обычай, и такъ естественно слагалось опредѣленное въ извѣстной мѣрѣ судебное вѣдомство отдѣльнаго лица, а затѣмъ и учрежденія.

Гораздо замѣтнѣе перемѣны во внѣшнемъ положеніи московскаго великаго князя, являвшіяся также непосредственнымъ послѣдствіемъ собиранія Руси.

Прежде всего зарождается обычай вѣнчанія на великое княжество или торжественнаго коронованія, смѣнившаго собою прежній обрядъ посаженія князя на столъ. Въ 1498 году Иванъ III вѣнчалъ на великое княженіе своего внука Дмитрія Ивановича, причемъ самой характерной чертой этого вѣнчанія было возложеніе на Дмитрія шапки Мономаха и бармъ, заимствованное, какъ, повидимому, и нѣкоторыя другія подробности обряда, изъ Византіи, но не изъ чина коронованія византійскихъ императоровъ, а изъ чина хиротоніи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ Византійской имперіи. Безъ сомнѣнія, вѣнчаніе указывало на болѣе высокія понятія о великокняжеской власти, чѣмъ то было прежде.

Тѣ же высокія понятія о власти великаго князя выражаются затѣмъ въ титулѣ московскаго государя. Иванъ III во вторую половину своего княженія величалъ себя не просто «Иваномъ государемъ великимъ княземъ», а гораздо сложнѣе и пышнѣе: «Іоаннъ, Божіею милостію государь и великій князь всея Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Пермскій, Югорскій, Болгарскій и иныхъ». Тотъ же пышный титулъ съ нѣкоторыми новыми добавленіями усвоилъ и его сынъ и преемникъ Василій III.

Наконецъ, подъ вліяніемъ новаго взгляда на великокняжескую власть мѣняется придворная обстановка московскаго великаго князя: въ концѣ XV в. строится новый, роскошный по тому времени каменный дворецъ, устанавливаются сложныя и пышныя придворныя церемоніи, образуется придворный этикетъ.

Такъ измѣнились дѣятельность и внѣшнее положеніе самого государя. Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли подъ вліяніемъ собиранія Руси въ подчиненныхъ великому князю органахъ управле-

нія, суда и законодательства. Основаніемъ этихъ перемѣнъ было то, что̀ вновь стало слагаться въ областной администраціи.

Характеръ кормленія, столь свойственный намѣстникамъ и волостелямъ, постепенно переставалъ соотвѣтствовать интересамъ общества и государства: общество, по мѣрѣ усложненія житейскихъ отношеній, стало нуждаться въ такихъ органахъ власти, которые ближе входили бы въ интересы населенія, а не обращали бы все свое вниманіе на собственные доходы; правительство, съ ростомъ государственныхъ потребностей, не могло удовлетвориться кормленщиками, которые «*своего* прибытка смотрѣли», почти не заботясь о прибыткѣ государственномъ. И вотъ съ конца XV вѣка власть и значеніе намѣстниковъ и волостелей подвергаются постепенному ограниченію, мѣстами даже и вполнѣ уничтожаются. Прежде всего правительство рядомъ уставныхъ грамотъ точно опредѣляетъ, подвергаетъ отверженію размѣры кормовъ и поборовъ, идущихъ съ населенія въ пользу намѣстниковъ и волостелей: такъ, намѣстникъ сталъ получать въ видѣ корма на Рождество Христово съ каждой сохи полоть мяса или 2 алтына, 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, бочку овса или 10 денегъ, возъ сѣна или 2 алтына, на Петровъ день—барана или 8 д. и 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, на Пасху—полоть мяса и 10 хлѣбовъ. Вслѣдъ за ограниченіемъ произвола кормленщиковъ въ ихъ поборахъ съ населенія правительство сдѣлало второй шагъ въ дѣлѣ лишенія ихъ прежней полноты власти: оно раздѣлило всѣхъ намѣстниковъ на два разряда,—одни остались при прежнихъ обширныхъ судебныхъ полномочіяхъ или, какъ говорили тогда, имѣли «судъ съ правдою», «держали кормленіе съ боярскимъ судомъ», другіе были сильно ограничены въ своихъ судебныхъ функціяхъ,—имѣли «судъ безъ правды», «держали кормленіе безъ боярскаго судна». Въ нашей исторической литературѣ не достигнуто согласіе въ объясненіи этихъ выраженій; обыкновенно, впрочемъ, судъ съ правдою не отожествляютъ съ боярскимъ судомъ и кормленіе безъ боярскаго суда не сближаютъ съ судомъ безъ правды, а боярскій судъ понимаютъ въ смыслѣ суда по дѣламъ о холопствѣ. Если бы даже и эти толкованія были вѣрны, все-таки не подлежало бы, значитъ, сомнѣнію сокращеніе судебной компетенціи нѣкоторыхъ намѣстниковъ. Но, какъ показываетъ Судебникъ Ивана III, боярскимъ судомъ назывался не только судъ о холопствѣ, но судъ по всѣмъ дѣламъ, производившійся боярами, находившимися въ Москвѣ, т.-е. лицами, принадлежавшими къ составу центральной администраціи; это видно изъ сопоставленія того мѣста Судебника, гдѣ говорится: «а съ великаго князя суда и съ дѣтей великаго князя суда имати на виноватомъ по тому же, какъ съ *боярскаго суда*, съ рубля по 2 алтына, кому князь великій велитъ»,—со словами «а имати *боярину и діаку* въ судѣ отъ рублеваго дѣла боярину на виноватомъ 2 алтына, а діаку 8 денегъ». Бояре и дьяки въ Москвѣ судили по всевозможнымъ дѣ-

ламъ. Слѣдовательно, и намѣстники съ боярскимъ судомъ судили по всѣмъ дѣламъ. Если въ Судебникѣ особо упоминается о подсудности только имъ, а не намѣстникамъ безъ боярскаго суда, дѣлъ о холопствѣ, то лишь потому, что по этому пункту существовало особое сомнѣніе въ практикѣ. Намѣстники съ боярскимъ судомъ имѣли право не только производить слѣдствіе и вести судоговореніе, но и постановлять приговоръ и выдавать «правыя грамоты», документы, обезпечивавшіе права той стороны, которая оказалась на судѣ правой, и дававшіе ей право требовать исполненія приговора: это и называлось «судомъ съ правдой». Напротивъ, намѣстники безъ боярскаго суда не судили ни по какимъ дѣламъ, производили лишь слѣдствіе, а дѣла разбирались и вершились до конца въ Москвѣ: это и называлось «судомъ безъ правды». Такъ сильно къ концу XV в. ограничена была судебная компетенція нѣкоторыхъ намѣстниковъ и волостелей: отживавшія учрежденія постепенно теряли свое значеніе.

Дѣло не ограничилось всѣмъ этимъ: въ первой половинѣ XVI вѣка сдѣланы были двѣ важныхъ попытки дальнѣйшаго стѣсненія власти всѣхъ намѣстниковъ и даже частичнаго ихъ уничтоженія. Мы разумѣемъ здѣсь появленіе городовыхъ приказчиковъ и учрежденіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками. Въ XVI вѣкѣ въ цѣломъ рядѣ городовъ все чаще и чаще по мѣрѣ приближенія къ половинѣ столѣтія встрѣчаются вмѣсто намѣстниковъ городовые приказчики. Какъ показываетъ самое названіе, это были органы хозяйственнаго происхожденія, совершенно подобные приказчикамъ и посельскимъ, вѣдавшимъ всегда отдѣльныя княжескія имѣнія и села. Городовые приказчики представляли собою, слѣдовательно, органъ хозяйственнаго управленія, перенесенный въ болѣе обширное, чѣмъ прежде, территоріальное цѣлое. Оригинальной чертой ихъ было то, что они выбирались дѣтьми боярскими извѣстнаго уѣзда изъ своей среды. Насъ не должна, однако, смущать эта примѣсь выборнаго начала: она вовсе не превращала городового приказчика въ органъ мѣстнаго самоуправленія, потому что онъ зависѣлъ всецѣло не отъ избирателей, которые ни въ чемъ его не могли контролировать, а отъ центральнаго правительства: выбирая городового приказчика, дѣти боярскія извѣстнаго уѣзда исполняли ту же наложенную на нихъ правительствомъ функцію, какую выполняли крестьяне, выбирая своихъ земскихъ старостъ,—они просто ручались за благонадежность выбраннаго. Въ вознагражденіе за свою службу городовые приказчики получали уже не кормъ, а помѣстья. Вѣдомство ихъ, прежде всего, касалось финансовъ: они разверстывали повинности по сохамъ, правили подати; подобно намѣстникамъ, городовые приказчики вѣдали и судъ. Несостоятельность системы кормленій еще сильнѣе и рѣзче выразилась при введеніи губныхъ учрежденій. Губныя грамоты, т.-е. правительственные акты, учреждавшіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками въ различныхъ отдѣльныхъ обла-

стяхъ, становятся намъ извѣстными съ 1539 года и констатируютъ фактъ умноженія разбоевъ, убійствъ и кражъ, безсилія намѣстниковъ, волостелей и спеціально посылаемыхъ изъ Москвы «обыщиковъ» справиться съ ними и ходатайствъ со стороны населенія о позволеніи поставить изъ своей среды особыхъ выборныхъ лицъ для полицейскаго надзора и суда по важнѣйшимъ уголовнымъ («губнымъ» отъ «губить») дѣламъ. Органами губного управленія были губные старосты, губные цѣловальники (=присяжные: они «цѣловали крестъ», т.-е. присягали), сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе. Старосты выбирались непремѣнно изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, остальные изъ всѣхъ классовъ общества, но выборы всѣхъ органовъ губного управленія производились всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ. Сотскіе (надъ каждыми 100 дворами), пятидесятскіе (надъ 50-ю) и десятскіе (надъ 10-ю) вѣдали исключительно полицейскій надзоръ: осматривали и записывали всѣхъ пріѣзжихъ, «обыскивали въ правду» о ихъ состояніи и благонадежности и т. д. На обязанности старостъ и цѣловальниковъ лежали слѣдствіе, судъ и наказаніе разбойниковъ, убійцъ и воровъ («татей»). Дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ особый выборный секретарь — губной дьякъ. Такимъ образомъ самая важная отрасль судебной дѣятельности отошла изъ вѣдомства кормленщиковъ.

Начавшаяся ликвидація старинныхъ органовъ областного управленія и усложненіе государственныхъ задачъ, явившееся слѣдствіемъ собиранія Руси, отразились и на положеніи и организаціи центральныхъ учрежденій. Прежняя непостоянная по составу и отличавшаяся неопредѣленностью вѣдомства боярская дума не могла справиться съ новыми задачами. Она не исчезла безслѣдно, остаткомъ ея была такъ называемая ближняя дума, совѣтъ «самъ третей у постели», слѣды котораго становятся явственными при Василіи III: и въ эту ближнюю думу, какъ и въ старую удѣльную, великій князь призывалъ тѣхъ, кого хотѣлъ, и совѣщался съ ними по вопросамъ, имъ самимъ выбраннымъ. Однако, новыя государственныя потребности вызвали къ жизни уже въ XV вѣкѣ боярскую думу болѣе постояннаго состава и болѣе опредѣленнаго вѣдомства. Вѣдомство опредѣлилось, главнымъ образомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ новыхъ политическихъ условій, хотя, конечно, и отмѣченныя нами въ свое время перемѣны въ хозяйственныхъ и соціальныхъ условіяхъ оказали свое воздѣйствіе: опредѣляя вкратцѣ это вѣдомство, надо сказать, что оно по преимуществу слагалось изъ дѣлъ, выходившихъ изъ узкой сферы княжескаго хозяйства, охватывало болѣе сложныя проблемы экономической жизни, соціальнаго строя, политическаго устройства. Составъ думы опредѣлился также болѣе точно и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ соціальныхъ отношеніяхъ: когда появился классъ служилыхъ князей, то боярство стало разслаиваться на двѣ группы по знатности происхожденія, и это выразилось въ образованіи двухъ

первыхъ думныхъ чиновъ, — бояръ и окольничихъ. Менѣе знатныя, даже совсѣмъ неродовитыя, но способныя къ новой административной работѣ лица составили третій думный чинъ, впослѣдствіи обозначенный названіемъ «думные дворяне». Въ первой половинѣ XVI в. думные дворяне именовались обыкновенно «дѣтьми боярскими, которыя живуть въ думѣ»; первые извѣстія о нихъ относятся къ тридцатымъ годамъ XVI столѣтія, но несомнѣнно они были и раньше: такимъ сыномъ боярскимъ, живущимъ (т.-е. присутствующимъ) въ думѣ, былъ, напр., при Василіи III извѣстный Иванъ Никитичъ Берсень-Беклемишевъ, которому за его «непригожія рѣчи» о великомъ князѣ и его матери отрѣзали языкъ. Наконецъ, въ XV вѣкѣ образуется и четвертый думный чинъ—думные дьяки, не имѣвшіе, впрочемъ, въ изучаемое время эпитета «думный», а называвшіеся «введеными» или «большими». Дьяки были письмоводителями въ думѣ, записывали ея рѣшенія и передавали ихъ подчиненнымъ органамъ для исполненія. Въ рѣшеніи и обсужденіи дѣлъ они прямого участія не принимали. Скопленіе въ боярской думѣ ряда новыхъ дѣлъ слишкомъ обременяло думу, и это было одной изъ существенныхъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни новыя подчиненныя думѣ учрежденія,—приказы.

Первыя опредѣленныя извѣстія о приказахъ относятся къ княженію Василія III, но приказы несомнѣнно возникли еще въ XV вѣкѣ. Слѣды ихъ существованія замѣтны уже въ Судебникѣ 1497 года. Здѣсь говорится о судѣ бояръ и окольничихъ съ дьяками, т.-е. о судѣ коллегіальномъ по составу. Что эти коллегіальныя судебныя присутствія были именно центральными учрежденіями, приказами,— это видно изъ двухъ мѣстъ Судебника: во-первыхъ, изъ того, гдѣ сказано: «а котораго жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю»,—*сказати* великому князю могъ только боярин или окольничій, жившій въ Москвѣ; во-вторыхъ, то же видно изъ словъ, что вѣдомаго лихого человѣка надо «велѣти казнити смертною казнью тіуну великаго князя московскому»: *московскій* тіунъ могъ получить приказаніе казнить преступника лишь отъ бояръ, жившихъ въ Москвѣ. Итакъ, приказы существовали еще въ XV вѣкѣ. Какъ же они возникли и какіе изъ нихъ существовали до половины XVI вѣка?

Намъ уже извѣстно, что до XV вѣка отдѣльныя порученія по дѣламъ центральнаго управленія давались различнымъ дворцовымъ слугамъ, вѣдавшимъ особыя отрасли княжескаго дворцоваго хозяйства, главнымъ образомъ дворецкому и казначею. По мѣрѣ скопленія въ ихъ рукахъ массы порученій имъ оказалось трудно съ ними справляться, и потому для помощи имъ даны были дьяки (секретари) и подъячіе (писцы). Повторяемость извѣстныхъ порученій повела къ образованію обычнаго круга дѣлъ, вѣдаемыхъ дворецкимъ и казначеемъ съ находившимися при нихъ дьяками и подъячими. Такъ образовались въ своемъ составѣ и вѣдомствѣ два древнѣйшихъ приказа —

Дворцовый, названный потомъ приказомъ Большого дворца, и Казенный. Первое упоминаніе о Большомъ дворцѣ въ дошедшихъ до насъ документахъ относится къ 1512 году, а о Казнѣ къ 1537 г., но оба приказа упоминаются подъ этими годами какъ уже давно сложившіяся учрежденія. Въ концѣ XV вѣка, повидимому, изъ стольнича пути выдѣлился Житный приказъ, впослѣдствіи подъ названіемъ Житнаго двора сдѣлавшійся подраздѣленіемъ приказа Большого дворца. Большой дворецъ вѣдалъ въ изучаемое время только тѣ дворцовыя села и волости, которыя входили въ составъ старинной вотчины московскихъ князей. Дворцовыя земли вновь присоединенныхъ удѣловъ вѣдались особыми дворцовыми приказами для каждаго изъ нихъ: таковы приказы Тверского дворца, Дмитровскаго дворца, Новгородскаго дворца, во главѣ которыхъ стояли особые дворецкіе. Житный приказъ завѣдывалъ приходомъ и расходомъ хлѣбныхъ запасовъ. Казенный приказъ вѣдалъ всю денежную и не денежную казну, сборъ налоговъ, даже, повидимому, раздачу земель въ помѣстья. Судъ не былъ сосредоточенъ въ одномъ приказѣ, а входилъ въ функціи всѣхъ ихъ, отчего происходила, конечно, большая путаница въ подсудности, такъ что полной опредѣленности вѣдомства приказовъ не существовало.

Но въ рукахъ думы, какъ мы видѣли, скоплялось все большее число новыхъ государственныхъ дѣлъ, требовавшихъ ея рѣшенія. Необходимо было поручить разработку этихъ дѣлъ и собираніе потребныхъ свѣдѣній и справокъ особымъ административнымъ органамъ. Такъ какъ ближе всего къ этимъ дѣламъ стояли дьяки, присутствовавшіе въ думѣ, то подъ ихъ начальствомъ и образовались нѣкоторые новые приказы. Трудно сказать, какіе именно приказы этого рода сложились до половины XVI вѣка; мы имѣемъ совершенно опредѣленныя свѣдѣнія только объ одномъ изъ нихъ—Разрядѣ, первое извѣстіе о которомъ относится къ 1535 году. Разрядъ или Разрядный приказъ вѣдалъ военное дѣло, всѣхъ служилыхъ людей и былъ, кромѣ того, канцеляріей боярской думы и государя.

Наконецъ, преобразованія въ областномъ управленіи—именно учрежденіе губныхъ старостъ — повели къ появленію перваго судебнаго приказа — Разбойнаго; уже въ 1539 году упоминаютъ «бояре, которымъ разбойныя дѣла приказаны». Разбойный приказъ вѣдалъ контроль органовъ губного управленія,—провѣрялъ присылаемые изъ губныхъ учрежденій протоколы слѣдствія и суда, а также списки, точно обозначавшіе доходы губныхъ старостъ. Сюда шелъ докладъ по дѣламъ, которыя не могли рѣшить губные старосты съ цѣловальниками. Наконецъ, нѣкоторыя дѣла поступали изъ губныхъ учрежденій въ Разбойный приказъ на ревизію, т.-е. губные старосты съ цѣловальниками производили только слѣдствіе, записывали въ протоколъ показанія сторонъ и свидѣтелей, а приговоръ постановлялся уже самимъ приказомъ.

Наконецъ, къ концу изучаемаго періода стали подвергаться нѣкоторымъ существеннымъ перемѣнамъ самый характеръ, направленіе и смыслъ правительственной дѣятельности: на очередь стали ставиться болѣе общія задачи, начала мелькать идея общаго блага, какъ цѣли государственнаго союза. Это отразилось въ финансовой организаціи, въ законодательствѣ и во внѣшней политикѣ.

Въ финансовой организаціи обращаетъ на себя вниманіе составленіе новыхъ писцовыхъ книгъ. Первыя переписи на Руси были, какъ извѣстно, произведены татарами въ XIII в. Затѣмъ онѣ стали производиться время отъ времени удѣльными князьями въ ихъ княжествахъ. Съ объединеніемъ Руси является мысль о производствѣ новой *общей* переписи съ цѣлью ввести во всей странѣ одинаковую окладную единицу—московскую соху. Иванъ III посылаетъ писцовъ для составленія писцовыхъ книгъ на Бѣлоозеро, въ Тверь съ ея удѣлами, въ Звенигородъ и т. д. Въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка производится уже обширная общая перепись, для которой посылаются «большіе писцы». Обычный типъ писцовой книги этого времени сводится къ тому, что послѣ обозначенія уѣзда и волости перечисляются села и деревни, дворы въ каждомъ селѣ или деревнѣ, затѣмъ поименно взрослое мужское рабочее населеніе дворовъ и, наконецъ, количество окладныхъ единицъ, падающихъ на данное имѣніе: «пашни соха», «двѣ сохи», «полсохи» и т. д. Размѣръ запашки, сѣнокосовъ, лѣсовъ и другихъ угодій еще не означается. Какъ ни несовершенны такія хозяйственно-статистическія описанія, самый фактъ ихъ существованія и распространенія по всей странѣ весьма знаменателенъ. Этимъ не ограничились перемѣны въ финансовой организаціи: при Иванѣ III на мѣсто прежней несистематизированной подводной повинности организуется ямская гоньба. По нѣкоторымъ дорогамъ, число которыхъ къ половинѣ XVI вѣка постепенно увеличивается, учреждаются «ямы», т.-е. почтовыя станціи. Каждымъ ямомъ завѣдывали 2 или 3 ямщика, которымъ населеніе доставляло подводы и кормъ. Право пользованія ямскими подводами и кормомъ опредѣлялось для каждаго проѣзжавшаго по казенной надобности особой подорожной. Ямская гоньба служила исключительно для удовлетворенія государственныхъ потребностей, но болѣе упорядоченная ея организація все-таки явленіе новое и важное. Неизвѣстно, существовало ли при Иванѣ III и Василіи III особое центральное учрежденіе для управленія ямской гоньбой,—Ямской приказъ,—но несомнѣнно былъ уже въ Москвѣ особый ямской дьякъ.

Мы видѣли, что до XV вѣка въ сущности не было законодательства. Княжескіе указы и жалованныя грамоты обращены были къ отдѣльнымъ лицамъ и имѣли значеніе только по отношенію къ этимъ отдѣльнымъ лицамъ. Идея общей нормы, общаго законодательнаго устава вырабатывается чрезвычайно медленно и постепенно: отъ по-

становленій, обращенныхъ къ отдѣльнымъ лицамъ, князья въ XV вѣкѣ переходятъ къ законодательнымъ актамъ, имѣющимъ отношеніе къ отдѣльнымъ областямъ; таковы уставныя грамоты, — Бѣлозерская 1488 года, Онежская 1536 года и т. д.; наконецъ, въ 1497 году появилось общее законодательство для всей сѣверо-восточной Руси — Судебникъ Ивана III, въ которомъ «уложилъ великій князь съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ». Этотъ законодательный памятникъ не охватывалъ еще всесторонне общественную жизнь и гражданскія отношенія, — Судебникъ 1497 г. былъ исключительно процессуальнымъ уложеніемъ, т.-е. опредѣлялъ правила и порядокъ судебнаго процесса, судоустройство и судопроизводство, почти не касаясь уголовнаго, гражданскаго и государственнаго права. Тѣмъ не менѣе появленіе общаго законодательства свидѣтельствовало о нѣкоторомъ зарожденіи идеи законности, обезпечивающей общее благо.

Наконецъ, съ собираніемъ Руси, съ политическимъ объединеніемъ великорусскаго племени прежніе личные, частные мотивы внѣшней политики отступаютъ на второй планъ передъ новыми, національными задачами. Первымъ наиболѣе яркимъ выраженіемъ такого направленія внѣшней политики является сверженіе татарскаго ига Иваномъ III въ 1480 году. Защита территоріи страны и обезпеченіе благосостоянія населенія ставятся затѣмъ какъ цѣли внѣшнихъ отношеній къ ханамъ казанскимъ и крымскимъ: охрана южныхъ и восточныхъ предѣловъ страны отъ крымскихъ и казанскихъ татаръ и походы на Казань привлекаютъ особенное вниманіе московскихъ великихъ князей. Наконецъ, въ отношеніи къ Литвѣ ставится на очередь задача объединенія всей русской народности подъ властью великаго князя московскаго. Это притязаніе выражается въ титулѣ «государя всея Руси», который принимаютъ Иванъ III и Василій III при дипломатическихъ сношеніяхъ съ литовскими великими князьями, и въ прямыхъ требованіяхъ отъ послѣднихъ возвратить московскому великому князю его «отчину», Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ и другія западно-русскія земли, наконецъ, въ войнахъ съ Литвой при Иванѣ III и Василіи III: первому, какъ извѣстно, удалось завладѣть послѣ войны сѣверскими княжествами,— Одоевскимъ, Оболенскимъ, Новосильскимъ и другими, расположенными между Окой и Днѣпромъ, а Василій III завоевалъ у Литвы Смоленскъ.

Изучая политическій строй сѣверо-восточной Россіи въ удѣльное время, мы познакомились такимъ образомъ съ цѣлымъ рядомъ явленій первостепенной важности. Мы послѣдовательно наблюдали осѣдлость князей, установленіе преемственности столовъ въ прямой нисходящей линіи—отъ отца къ сыну, паденіе вѣча, кормленный характеръ областнаго управленія, полную неорганизованность управленія центральнаго, господство понятія о личной выгодѣ въ государственныхъ отношеніяхъ

и идеи о княжествѣ какъ личной собственности князя. Все это были типическія, характерныя, господствующія черты политическаго строя изучаемаго періода. Онѣ находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ экономическихъ и соціальныхъ условій: уже колонизація русскаго сѣверо-востока намѣтила въ главныхъ чертахъ предѣлы наиболѣе крупныхъ княжествъ; господство натуральнаго хозяйства содѣйствовало удѣльной замкнутости; преобладаніе земледѣлія, привязавъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ къ мѣсту экономическими и соціальными узами, сдѣлало осѣдлыми и князей и заставило ихъ вслѣдствіе стремленія оправдать собственныя затраты на хозяйственныя нужды княжества передавать это послѣднее своимъ дѣтямъ; хозяйственная зависимость крестьянъ отъ князя-вотчинника и слабость городскихъ торговъ и промысловъ повели къ паденію вѣча; отсутствіе стройной общественной организаціи и господство натуральнаго хозяйства произвели и принципъ кормленія, и неорганизованность средствъ управленія: наконецъ, преобладаніе земледѣлія при сохраненіи натурально-хозяйственной системы поддерживало прежнія примитивныя понятія о цѣли государственнаго союза и о субъектѣ власти.

Какъ въ экономической жизни и въ соціальныхъ отношеніяхъ, такъ и въ политическомъ строѣ мы наблюдали затѣмъ крупныя перемѣны, знаменовавшія собою начало перехода къ совершенно новымъ порядкамъ. Процессы хозяйственнаго объединенія и сословной организаціи общества на ряду съ экономическими преимуществами московскаго центра повели къ собиранію Руси, а непосредственнымъ результатомъ такого собиранія явилось новое положеніе московскаго государя, преобразованія въ областномъ и центральномъ управленіи, въ финансахъ и законодательствѣ; наконецъ, выступили на первый планъ новыя задачи внѣшней политики.

Такова въ главныхъ чертахъ связь политическихъ явленій изучаемаго періода между собою, съ одной стороны, и съ экономическими и соціальными явленіями, съ другой. Если обратить теперь вниманіе на то, что принципіально-новаго съ соціальной точки зрѣнія даетъ изученіе политическаго строя удѣльной сѣверо-восточной Россіи, то придется отмѣтить, что это принципіально-новое заключается въ намѣчающемся въ данный періодъ соотношеніи между областнымъ, центральнымъ и верховнымъ управленіемъ: областное управленіе, наиболѣе близкое къ народной массѣ, оказывается наиболѣе чувствительнымъ къ новымъ хозяйственнымъ и соціальнымъ отношеніямъ, и потому перемѣны въ немъ намѣчаются яснѣе и опредѣленнѣе; меньше *непосредственныхъ* воздѣйствій со стороны экономическихъ и соціальныхъ факторовъ наблюдается въ сферѣ центральнаго управленія, испытывающаго на себѣ очень сильное вліяніе перемѣнъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ; наконецъ, верховное управленіе организуется всего позднѣе и слабѣе подъ непосредственнымъ вліяніемъ измѣненій въ област-

ной и центральной администраціи. Наконецъ, всѣ эти сложные и важные политическіе процессы отражаются на понятіи о цѣли государственнаго союза и о субъектѣ власти, хотя эти понятія въ то же время измѣняются наиболѣе туго и сначала въ очень незначительной степени. Повѣрка этихъ наблюденій и выводовъ при помощи конкретнаго матеріала, относящагося къ политической исторіи позднѣйшихъ эпохъ, составитъ одну изъ основныхъ задачъ послѣдующаго нашего изложенія.

Глава пятая.

Церковь и духовенство.

Общій выводъ, получившійся у насъ въ свое время при изученіи исторіи церкви, какъ учрежденія, и духовенства, какъ общественной группы, въ древнѣйшій, кіевскій періодъ русской исторіи, заключался въ томъ, что церковный строй и организація духовенства всецѣло сложились тогда подъ вліяніемъ политическихъ потребностей и интересовъ, отразили на себѣ политическое устройство страны. Сейчасъ мы убѣдимся, что этотъ общій выводъ справедливъ и по отношенію къ удѣльному періоду.

Вліяніе политическихъ условій сказалось, прежде всего, въ отношеніи русской церкви къ константинопольскому патріарху. Мы видѣли, что въ кіевскій періодъ русская церковь не была автокефальной, самостоятельной, что и выражалось въ поставленіи кіевскихъ митрополитовъ греческимъ патріархомъ въ Константинополѣ и притомъ обыкновенно изъ грековъ въ правѣ патріарха судить митрополита и разбирать дѣла по апелляціи на приговоры послѣдняго. Константинопольскіе патріархи пытались и въ удѣльное время поддержать эти традиціи, и до 1461 года имъ это въ значительной степени удавалось: митрополиты поставлялись въ Константинополѣ и чаще всего изъ грековъ или южныхъ славянъ. Причина этого—ясна: она заключалась въ политической слабости сѣверо-восточныхъ русскихъ князей. Но съ ростомъ политическаго могущества великихъ князей московскихъ стало неизбѣжно слабѣть и подчиненіе русской церкви византійскому патріарху: въ сущности право суда надъ митрополитомъ и разбора дѣлъ по апелляціи на его приговоры было довольно рано утрачено патріархомъ, обратилось въ пустую фикцію, въ форму, лишенную реальнаго содержанія; затѣмъ все болѣе частыми становятся факты поставленія въ митрополиты русскихъ, такъ что, когда по смерти митрополита Ѳеогноста въ 1354 году былъ посвященъ въ митрополиты въ Константинополѣ русскій—св. Алексѣй, то греки при этомъ сочли необходимымъ сдѣлать оговорку, что Алексѣй поставленъ въ видѣ исключенія, а впредь митрополиты на Руси должны быть непремѣнно изъ грековъ; оговорка, впрочемъ, осталась совершено безрезультатной: ми-

трополиты изъ русскихъ появлялись на каѳедрѣ, несмотря на эту говорку, все чаще и чаще. Константинопольскій патріархъ тѣмъ менѣе могъ противится тенденціи русской церкви къ автокефальности, что его епархія уменьшалась въ размѣрахъ и бѣднѣла, и онъ становился въ матеріальную зависимость отъ русской церкви: со временъ митрополита св. Петра (1308—1326 годы) русская церковь стала приносить константинопольскому патріарху добровольные дары. Наконецъ, въ 1461 году, по смерти митрополита Іоны, безъ всякихъ сношеній съ Константинополемъ былъ поставленъ, по повелѣнію великаго князя, митрополитъ Ѳеодосій, такъ что съ этого времени русская церковь сдѣлалась автокефальной, независимой отъ константинопольскаго патріарха. Эта автокефальность нашла себѣ выраженіе въ торжественномъ поставленіи митрополитовъ по особому чину, сходному съ чиномъ поставленія греческаго патріарха. Въ первый разъ торжественно поставленъ былъ на митрополію митрополитъ Симонъ при Иванѣ III въ 1495 году.

Политическими причинами обусловливались и переселеніе кіевскаго митрополита на сѣверо-востокъ, и неоднократно производившіяся въ теченіе удѣльнаго періода попытки раздѣленія русской митрополіи на двѣ и даже на три митрополіи, совершенно независимыя одна отъ другой. Послѣдняго вопроса мы коснемся, впрочемъ, позднѣе, при изученіи исторіи западной и юго-западной Руси въ удѣльное время, а теперь обратимъ вниманіе лишь на переселеніе кіевскаго митрополита въ сѣверовосточную Русь. Когда, во время нашествія Батыя, кіевскій митрополитъ Іосифъ, пропалъ безъ вѣсти, то новый митрополитъ Кириллъ III не остался въ Кіевѣ, но не имѣлъ постоянной резиденціи, а переѣзжалъ изъ сѣвернаго политическаго центра Владиміра на-Клязьмѣ въ возвысившійся на юго-западѣ Галичъ и обратно, большую часть времени проводя, однако, во Владимірѣ. Преемникъ Кирилла III митрополитъ Максимъ сначала также переѣзжалъ изъ города въ городъ, пока, наконецъ, въ 1300 году не поселился окончательно во Владимірѣ, причемъ кіевская епархія не получила особаго архіерея, а управлялась митрополичьимъ намѣстникомъ изъ духовныхъ лицъ. Въ 1305 году умеръ митрополитъ Михаилъ. Великій князь тверской Михаилъ Ярославичъ, владѣвшій тогда Владиміромъ, выставилъ кандидатуру на митрополичью каѳедру игумена Геронтія, имѣя, конечно, въ виду создать въ лицѣ его покорнаго исполнителя своей воли. Но эта кандидатура столкнулась съ другой: южный, галицкій великій князь Юрій Львовичъ просилъ поставить для Галича особаго митрополита Петра. Константинопольскій патріархъ, не желая дѣлить митрополію, но имѣя въ то же время въ виду хоть сколько-нибудь удовлетворить желаніямъ Юрія, поставилъ его кандидата митрополитомъ всея Руси. Но тверскіе великіе князья остались недовольными этимъ, и митрополиту Петру, положеніе котораго во Владимірѣ

сдѣлалось поэтому очень труднымъ, пришлось искать себѣ политической опоры въ другомъ мѣстѣ. Такую опору онъ нашелъ во врагахъ тверскихъ князей—князьяхъ московскихъ, особенно въ Иванѣ Калитѣ. Петръ очень часто ѣздилъ въ Москву, живалъ въ ней подолгу и, склоняясь на просьбы Калиты, завѣщалъ похоронить себя въ Москвѣ, чѣмъ и было подготовлено перенесеніе сюда митрополичьей резиденціи, совершившееся при преемникѣ св. Петра Ѳеогностѣ въ 1328 году.

Въ половинѣ XIII вѣка во всей Россіи—южной и сѣверной—было 16 епархій; къ концу періода однѣ епархіи закрывались, открывались другія (какъ Пермская, Сарайская, находившаяся въ ханской столицѣ Сараѣ; съ 1454 года, когда фактически она была уничтожена, сарайскій епископъ переѣхалъ въ Крутицы и сталъ какъ бы викаріемъ митрополита). Потомъ общее число епархій дошло до 18-ти, изъ которыхъ 9 было въ сѣверной Россіи и 9 въ южной. Титулъ архіепископа носили архіереи новгородскіе, суздальскіе и ростовскіе.

Дворъ митрополита и архіереевъ вообще, а также церковное управленіе отражали на себѣ свѣтскіе придворные и административные порядки изучаемой эпохи: у митрополита были свои бояре, отроки, стольники, конюшіе и т. д., свой полкъ съ особымъ воеводой. Судъ по духовнымъ дѣламъ принадлежалъ большею частью духовнымъ лицамъ—протопопамъ и архимандритамъ, но для суда надъ церковными людьми по дѣламъ гражданскимъ существовали у архіереевъ свѣтскіе слуги—десятинники, завѣдывавшіе десятинами, т.-е. округами, состоявшими изъ нѣсколькихъ приходовъ, волостели, управлявшіе отдѣльными церковными волостями, и посельскіе, вѣдавшіе села. Десятинники завѣдывали также сборомъ разныхъ податей съ духовенства въ пользу архіереевъ. Соборные протопопы въ большихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ) имѣли нѣкоторую власть надъ причтами приходскихъ церквей. Но и здѣсь, какъ и въ управленіи государствомъ, было мало порядка, опредѣленности и постоянства: большею частью давались лишь отдѣльныя временныя порученія, постоянное же вѣдомство отдѣльныхъ органовъ церковнаго управленія слагалось чрезвычайно медленно.

Монашество, какъ религіозно-нравственное явленіе, и причины его распространенія будутъ выяснены въ свое время, при изученіи духовной культуры сѣверо-восточной Россіи въ удѣльный періодъ. Теперь мы отмѣтимъ только нѣкоторые важнѣйшіе факты, касающіеся монастырей, какъ учрежденій. Общее число монастырей къ концу удѣльнаго періода было не менѣе, если не болѣе, двухсотъ. Въ удѣльное время сложились два основныхъ типа монастырей: господствующимъ типомъ были монастыри общежительные, въ которыхъ предполагались полный отказъ монаховъ отъ частной собственности и особаго хозяйства, совмѣстная жизнь, господство устава, до мелочныхъ подробностей регламентирующаго и образъ жизни, и исполненіе рели-

гіозныхъ обязанностей; менѣе распространены были необщежительные монастыри, пустынножительные скиты, когда каждый монахъ жилъ и даже молился особо за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, и строгой регламентаціи не существовало. Монастыри второго типа распространены были только на сѣверѣ, къ сѣверу отъ Волги, почему и обитатели ихъ получили названіе «заволжскихъ старцевъ». Монастыри были мужскіе или женскіе, а иногда и общіе — мужскіе и вмѣстѣ женскіе. Церковно-административное положеніе большихъ и малыхъ монастырей было неодинаково: малые монастыри находились въ подчиненіи не только мѣстной епархіальной власти, но иногда и большимъ монастырямъ, тогда какъ эти послѣдніе нерѣдко становились въ независимое положеніе къ мѣстному епископу и подчинялись непосредственно митрополиту, т.-е. дѣлались митрополичьими ставропигіальными монастырями. Такъ, въ концѣ XV в. Іосифъ Санинъ, основатель Іосифова Волоколамскаго монастыря, добился изъятія своего монастыря изъ-подъ власти архіепископа новгородскаго, и монастырь былъ подчиненъ, по его настояніямъ, прямо митрополиту.

Основнымъ памятникомъ церковнаго законодательства считался попрежнему греческій «Номоканонъ» или «Кормчая книга». Надо, однако, замѣтить, что и въ удѣльный, какъ и въ древнѣйшій, періодъ нормы византійскаго каноническаго права, изложенныя въ «Кормчей», далеко не вполнѣ подходили къ русской дѣйствительности и потому подвергались въ наиболѣе существенныхъ своихъ чертахъ дополненіямъ и измѣненіямъ. Измѣненія и дополненія находятся въ ханскихъ ярлыкахъ, въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ великихъ и удѣльныхъ князей и въ соборныхъ приговорахъ или постановленіяхъ духовенства. Первый изъ ханскихъ ярлыковъ (= грамотъ) — это ярлыкъ Менгу-Темира, данный, всего вѣроятнѣе, въ 1279 году. Кромѣ провозглашенія общаго принципа вѣротерпимости, огражденія религіи, церкви и ея служителей отъ всякаго рода хулы и оскорбленій, ярлыкъ Менгу-Темира заключаетъ въ себѣ податныя льготы духовенству: духовенство освобождается отъ дани, пошлинъ и повинностей; церковные слуги и холопы свободны также отъ исполненія повинностей; земли, принадлежащія церковнымъ учрежденіямъ, объявляются неприкосновенными. Другіе ханскіе ярлыки дополнили финансовыя льготы льготами судебными, предоставивъ духовенству право суда надъ церковными людьми по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ. Не трудно замѣтить, что ханскіе ярлыки въ сущности не создавали ничего новаго, а формулировали письменно тѣ нормы обычнаго права, которыя давно уже существовали и развивались на Руси. Можно, однако, думать, что духовенство далеко не удовлетворялось этими обычными привилегіями и ставило себѣ задачей ихъ возможно большее расширеніе. Выраженіемъ такихъ стремленій явились такъ называемые церковные уставы св. Владиміра и Ярослава, недостовѣрность которыхъ была уже указана

и доказана на основаніи спеціальной литературы въ первой части нашего труда, посвященной исторіи кіевской Руси. Такимъ образомъ названные сейчасъ церковные уставы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ памятникамъ церковнаго законодательства, хотя они и включались въ «Кормчую»: это—памятники церковно-политической, клерикальной идеологіи, попытки построить идеалъ церковнаго строя, какъ онъ представлялся наиболѣе крайнимъ сторонникомъ господствующаго положенія церкви въ человѣческомъ обществѣ. Такой идеалъ, однако же, совершенно не подходилъ къ реальнымъ условіямъ русской общественной и государственной жизни удѣльнаго періода, и чѣмъ далѣе развивалась эта жизнь по мѣрѣ приближенія къ концу періода, тѣмъ рѣшительнѣе и рѣзче выступало на видъ это несоотвѣтствіе. Вотъ почему идеалъ не былъ осуществленъ, и даже тѣ обширныя привилегіи, которыя нашли себѣ выраженіе въ ханскихъ ярлыкахъ и въ раннихъ жалованныхъ грамотахъ князей, подверглись сильнымъ ограниченіямъ въ позднѣйшихъ княжескихъ уставахъ. Мы имѣемъ, напр., уставную грамоту великаго князя Василія Дмитріевича, данную митрополиту Кипріану въ 1404 году. Здѣсь финансовыя льготы сильно ограничены: люди, живущіе въ митрополичьихъ владѣніяхъ, обязываются платить ордынскій выходъ, т.-е. татарскую дань, ставить лошадей на ямы, платить тамгу при торговыхъ операціяхъ (за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями) и служить на войнѣ въ митрополичьемъ полку. Кромѣ того, митрополитъ лишенъ права ставить въ священники и діаконы служилыхъ и тяглыхъ людей, а сынъ священника, отдѣлившійся отъ отца, объявляется уже человѣкомъ великаго князя. Изъ собственно-церковныхъ постановленій замѣчательны, во-первыхъ, «правило» владимірскаго собора 1274 года, во-вторыхъ, постановленія митрополитовъ св. Петра и Фотія о вдовыхъ священникахъ и, въ-третьихъ, рѣшенія собора 1503 года по вопросамъ о преслѣдованіи еретиковъ и о церковныхъ земляхъ. Владимірскій соборъ 1274 года имѣлъ въ виду уничтожить симонію при замѣщеніи церковныхъ должностей; установлена была общая плата епископу въ 7 гривенъ за возведеніе вмѣстѣ въ діаконы и въ священники, а остальные поборы—плата за назначеніе священниковъ на опредѣленное мѣсто и за поставленіе въ игумены («посошное» — отъ игуменскаго посоха) — были отмѣнены; кромѣ того, запрещено было духовенству заставлять нищихъ, жившихъ при церквахъ, работать на причтъ и епископа. Надо, впрочемъ, замѣтить, что бо́льшая часть этихъ рѣшеній такъ и осталась въ области благихъ пожеланій. Митрополиты св. Петръ и Фотій совершенно запретили вдовымъ священникамъ совершать таинство и требовали отъ нихъ постриженія въ монастырь, если они хотятъ сохранить за собою право священнослуженія. Наконецъ, соборъ 1503 г. высказался за строгое, безпощадное преслѣдованіе еретиковъ, за пытки, ссылки и казни ихъ, и

торжественно подтвердилъ право церковныхъ учрежденій владѣть земельнымъ имуществомъ.

Духовенство удѣльной Руси находилось въ сильнѣйшей зависимости отъ государства и общества. Низшее духовенство, согласно канонамъ, выбиралось прихожанами, но этотъ выборъ все чаще и чаще становился фикціей, превращаясь въ простую санкцію воли мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; эти послѣдніе нерѣдко позволяли себѣ при этомъ большія злоупотребленія: напр., добивались отъ епископовъ поставленія въ священники своихъ холоповъ и пользовались этимъ, чтобы извлекать для себя лишніе доходы. Положеніе епископовъ и митрополитовъ по отношенію къ князьямъ было подчиненнымъ, и это подчиненіе постепенно увеличивалось по мѣрѣ усиленія великихъ князей московскихъ. Митрополиты св. Петръ и особенно св. Алексѣй посвящали очень много времени чисто-государственнымъ дѣламъ, содѣйствуя возвышенію Москвы. Послѣ смерти св. Алексѣя, Дмитрій Донской заставилъ поставить въ митрополиты нѣкоего Михаила-Митяя, который правилъ сначала митрополіей безъ посвященія, потому что Донской не хотѣлъ допустить къ себѣ Кипріана, поставленнаго константинопольскимъ патріархомъ изъ митрополитовъ галицкихъ въ митрополиты всея Руси. Затѣмъ Митяй отправился для посвященія въ Константинополь, но въ дорогѣ умеръ. Бывшій въ свитѣ Митяя Пименъ выставилъ себя въ Константинополѣ кандидатомъ великаго князя, и патріархъ его посвятилъ въ митрополиты. Но великій князь не принялъ его и призналъ митрополитомъ Кипріана, однако, не надолго: когда во время нашествія на Москву татарскаго хана Тохтамыша Кипріанъ ушелъ въ Тверь, то Дмитрій Донской прогналъ его и опять призвалъ Пимена. Этотъ эпизодъ наглядно показываетъ, въ какой зависимости отъ великихъ князей московскихъ находились еще въ XIV вѣкѣ русскіе митрополиты. Позднѣе, въ XV и XVI вѣкахъ, зависимость еще болѣе увеличилась: митрополиты Зосима и Симонъ были поставлены, въ сущности, по приказанію Ивана III, выборъ же ихъ соборомъ епископовъ былъ простой формальностью; Василій III назначилъ въ митрополиты Варлаама, но потомъ, недовольный его стремленіемъ къ самостоятельности, лишилъ его каѳедры и возвелъ въ санъ митрополита болѣе угодливаго человѣка — игумена Іосифова Волоколамскаго монастыря Даніила; борьба боярскихъ партій въ малолѣтство Грознаго сильно отражалась на замѣщеніи митрополичьей каѳедры: такъ какъ митрополитъ Даніилъ былъ сторонникомъ Бѣльскихъ, то Шуйскіе лишили его каѳедры и возвели въ митрополиты Іоасафа; но и Іоасафъ перешелъ на сторону Бѣльскихъ и потому послѣ новаго торжества Шуйскихъ былъ удаленъ ими и замѣненъ Макаріемъ. Простые епископы уже со временъ Василія Темнаго назначались прямо изъ Москвы.

Такова была дѣйствительность. Нельзя, однако же, сказать, чтобы

все духовенство съ ней безпрекословно мирилось. Большинство, конечно, покорно склонялось передъ ней и, что особенно характерно, къ этому большинству принадлежали такъ называемые «іосифляне», послѣдователи и ученики волоколамскаго игумена Іосифа Санина. Но самъ Іосифъ иначе смотрѣлъ на отношенія церкви къ государству: онъ, правда, поддерживалъ единодержавіе московскихъ великихъ князей и желалъ вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла, но и единодержавіе, и это вмѣшательство онъ разсматривалъ, какъ средства, орудія въ рукахъ церкви для достиженія ея собственныхъ цѣлей,—для преслѣдованія еретиковъ и обезпеченія церкви земельными богатствами. По этой теоріи, государство должно было служить орудіемъ церкви, а не наоборотъ.

Вопросъ о церковныхъ земляхъ приводитъ насъ уже къ изученію матеріальнаго обезпеченія церкви и духовенства. Монастырскія, архіерейскія и церковныя вотчины составляли, несомнѣнно, главный источникъ содержанія духовенства въ удѣльный періодъ. Но на ряду съ этимъ существовалъ, конечно, и рядъ другихъ источниковъ. По мѣрѣ распространенія и утвержденія христіанства прихожане стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ содержаніи духовенства: помимо платы за требы, поступавшей отъ отдѣльныхъ прихожанъ по преимуществу натурой, разными деревенскими продуктами, духовенство обыкновенно получало отъ прихода ругу, т.-е. особый сборъ, состоявшій также въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ изъ натуральныхъ продуктовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь устраивалась княземъ или крупнымъ вотчинникомъ или помѣщикомъ и находилась подъ его покровительствомъ, руга поступала причту отъ покровителя. Но регулярныя отчисленія изъ княжескихъ доходовъ въ пользу церкви, повидимому, уже не производились. Что касается архіерейскихъ доходовъ, то мы о нихъ уже говорили отчасти, указывая на доходы отъ поставленія священнослужителей. Но кромѣ того во время архіерейскихъ поѣздокъ по епархіи духовенство приносило дары и доставляло «подъѣздъ» на содержаніе архіерея со свитой, а также подводы. За церковный судъ духовенствомъ и мірянами платились въ пользу архіереевъ судебныя пошлины. Наконецъ, всѣ церкви епархіи вносили архіерею особую дань, петровскіе и рождественскіе сборы. Основное начало кормленія, столь характерное для политическаго строя удѣльной эпохи, господствовало, слѣдовательно, и въ церковномъ устройствѣ.

Чтобы закончить рѣчь о церкви какъ учрежденіи, остается указать въ заключеніе, что христіанство, еще въ древнѣйшій періодъ распространившееся между всѣми племенами восточныхъ славянъ, въ изучаемое время стало пріобрѣтать послѣдователей и среди инородцевъ. Самымъ выдающимся дѣятелемъ по распространенію христіанства между инородцами былъ въ концѣ XIV вѣка св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. Св. Питиримъ началъ проповѣдь христіан-

ства въ Великой Перми (среднемъ и отчасти сѣверномъ Пріуральѣ); дѣло его довершилъ въ 1462 г. четвертый епископъ Пермскій Іона. Въ XVI в. св. Трифонъ вятскій просвѣтилъ христіанствомъ вогуловъ и остяковъ.

Глава шестая.

Духовная культура сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI вѣка.

Изслѣдуя духовную жизнь русскаго общества въ кіевскій періодъ и въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльнаго времени, мы слѣдовали, какъ помнитъ внимательный читатель, такому порядку изложенія: сначала мы знакомились съ нравственнымъ состояніемъ, общества, затѣмъ съ религіозными его чувствами и воззрѣніями, находящимися въ столь тѣсной связи съ господствующею въ обществѣ моралью, далѣе переходили къ чувствованіямъ эстетическимъ, поскольку они отражались въ искусствѣ и литературѣ, потомъ характеризовали умственное состояніе общества—запасъ и систему научныхъ знаній и философскихъ воззрѣній, наконецъ, дѣлались попытки опредѣлить господствующія личности и психическіе типы, чѣмъ выяснялась волевая организація общества. Мы убѣдились при этомъ, что всѣ проявленія духовной культуры—и нравы, и обычаи, и религія, и искусство, и литература, и наука, и философія—являются въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ именно этой волевой организаціи общества, господства въ немъ извѣстныхъ типовъ или характеровъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что такая психологическая характеристика обществъ служитъ связующимъ звеномъ между процессами реальной жизни—экономическими, соціальными и политическими—и фактами духовной культуры: реальныя условія—хозяйственныя, общественныя, государственныя—создаютъ извѣстную психологическую организацію общества, преобладаніе опредѣленныхъ характеровъ, а эти господствующіе характеры наряду съ другими, менѣе вліятельными, но все же существующими, опредѣляютъ духовную культуру во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ.

Эти заключенія, являющіяся результатомъ предшествующаго изложенія, даютъ намъ теперь право нѣсколько измѣнить порядокъ изученія духовной культуры: мы начнемъ теперь съ того, чѣмъ кончали,—съ психологической характеристики общества; это тѣмъ болѣе удобно, что нравственное состояніе общества неразрывными узами связано съ господствомъ въ немъ опредѣленныхъ психическихъ типовъ, людей извѣстнаго духовнаго склада.

Намъ уже извѣстно, что въ кіевскій періодъ русское общество отличалось полной психической неорганизованностью, отсутствіемъ сколько-нибудь цѣльныхъ, сложившихся личностей и характеровъ. Мы убѣдились затѣмъ, что въ вольныхъ городахъ дѣло не осталось

въ прежнемъ положеніи, что тамъ появились люди довольно опредѣленнаго, ясно выраженнаго духовнаго склада. Это же слѣдуетъ сказать о сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что главная масса русскаго народа и въ это время оставалась психически неорганизованной, что на ней всецѣло отражались и ею вполнѣ овладѣвали мимолетныя впечатлѣнія, которыя нерѣдко противорѣчили одно другому и приводили часто къ взаимно-противоположнымъ дѣйствіямъ. Но среди этого хаоса все болѣе замѣтными по мѣрѣ приближенія къ концу періода становятся болѣе или менѣе сложившіеся характеры, стройные, цѣльные и связные психическіе организмы. На первый планъ выдвигаются прежде всего *эгоистическіе характеры*.

Въ самомъ дѣлѣ: присмотритесь внимательнѣе къ личностямъ московскихъ великихъ князей. Чѣмъ руководились они въ своей дѣятельности, какія чувства и побужденія лежали, такъ сказать, на днѣ ихъ души, опредѣляли всѣ прочія особенности ихъ психической природы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: основными чувствами собирателей Руси были чувства эгоистическія, ихъ коренными побужденіями являлись всегда побужденія грубо понятаго личнаго интереса. Московскіе великіе князья, подобно судьямъ того времени, постоянно только и дѣлали, что «своего прибытка смотрѣли»: корыстолюбіе составляло одну изъ наиболѣе отличительныхъ ихъ чертъ. Недаромъ первый собиратель Руси, великій князь Иванъ Даниловичъ, получилъ прозваніе Калиты, т.-е. мѣшка съ деньгами; недаромъ въ два столѣтія московскіе Даниловичи путемъ «примысловъ», т.-е. покупокъ и захватовъ, увеличили свой удѣлъ въ 30 разъ. Не въ меньшей степени, чѣмъ корыстолюбіе, склонность къ стяжательству, имъ было свойственно другое низшее, элементарное эгоистическое чувство,—рабское чувство страха. Трусливость и, какъ результатъ ея, коварство, склонность дѣйствовать изъ-за угла всего яснѣе видны въ дѣйствіяхъ того же перваго собирателя Руси, Ивана Калиты, и въ поведеніи одного изъ послѣднихъ ея собирателей, Ивана III. Калита не рѣшается на открытую и честную борьбу съ Александромъ тверскимъ, а клевещетъ на него хану, приводитъ татаръ, съ помощью ихъ прогоняетъ Александра, потомъ интригуетъ противъ него въ Ордѣ и, наконецъ, добивается его убійства тамъ. Иванъ III разыгрываетъ ненужную и унизительную комедію съ новгородцами изъ-за того, какъ они будутъ называть его,—«государемъ» или «господиномъ»; эта комедія ему нужна только для того, чтобы придраться къ новгородцамъ, найти предлогъ для новыхъ насилій. Онъ трепещетъ передъ татарскимъ ханомъ Ахматомъ, собирается даже бѣжать отъ него на сѣверъ, бросаетъ свое войско, выведенное противъ татаръ, и уѣзжаетъ въ Москву, наконецъ, несмотря на негодованіе народа и рѣзкіе упреки ростовскаго архіепископа Вассіана, бѣжитъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ съ береговъ Угры, гдѣ стоялъ противъ Ахмата,—къ Боровску. И—что̀ осо-

бенно замѣчательно—при такой силѣ и напряженности низшихъ, элементарныхъ эгоистическихъ чувствъ, приближающихся по своей природѣ къ слѣпымъ, животнымъ инстинктамъ,—мы тщетно стали бы искать въ психическомъ складѣ московскихъ князей эгоистическихъ чувствъ высшаго порядка, болѣе сложныхъ, чѣмъ страхъ и корыстолюбіе,—напр., самоуваженія, чувства собственнаго достоинства, честолюбія или хотя бы чувства новизны, жажды новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній. Униженіе передъ сильнымъ, заносчивость и высокомѣріе по отношенію къ слабѣйшему, коварство, предательство и обманъ равныхъ по силѣ и значенію—вотъ обычный образъ дѣйствій всѣхъ потомковъ Даніила. Сказанное сейчасъ лучше всего свидѣтельствуетъ и о слабости этическихъ чувствъ и моральныхъ побужденій у изучаемыхъ личностей: преданные узкимъ задачамъ, не выходившимъ изъ тѣсной сферы грубо понятыхъ личныхъ интересовъ, великіе князья московскіе естественно не ощущали ни малѣйшей потребности въ выработкѣ какого-либо нравственнаго идеала, идеала житейской правды и въ дѣятельномъ его осуществленіи. Они шли по дорожкѣ, проторенной предками, дѣйствовали по традиціи, по рутинѣ, такъ, какъ «повелось изстарины». Они были почтительны къ старшимъ, цѣнили память своихъ дѣдовъ и отцовъ, но тутъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда настоящей горячности чувства, чего-либо, что хотя бы немного возвышалось надъ уровнемъ посредственности и умѣренности. Этой традиціонностью и умѣренностью окрашены были, наконецъ, общественныя и религіозныя чувства московскихъ князей. Калитѣ и его потомкамъ была, конечно, свойственна набожность, строгое и мелочное выполненіе многочисленныхъ обрядностей, но всѣ эти внѣшнія формы не были согрѣты настоящимъ внутреннимъ проникновеніемъ искренно и глубоко вѣрующихъ людей. Въ своей политической дѣятельности московскіе князья вовсе не задавались широкими планами и не одушевлялись общими идеями: они жадно, но вмѣстѣ и осторожно пріобрѣтали себѣ княжество за княжествомъ, волость за волостью, село за селомъ, новыя же политическія понятія были имъ совершенно чужды и выросли незамѣтно для нихъ самихъ изъ самого процесса собиранія Руси, да и выросли-то очень мало, какъ мы убѣдились въ свое время.

Эгоистъ съ XIV вѣка и является типической фигурой въ психологической жизни русскаго общества, господствуетъ въ этой жизни и задаетъ ей основной тонъ. Ясно, какими реальными условіями было подготовлено это преобладаніе людей эгоистическаго склада: господство земледѣлія повело, какъ намъ уже извѣстно, къ юридическому отверженію отношеній человѣка къ землѣ, подчеркнуло необходимость пріобрѣтательства; тотъ же основной экономическій фактъ вызвалъ новыя формы труда—крестьянскую аренду съ ссудой или подмогой отъ землевладѣльца: опять подчеркнута необходимость капитала; да-

лѣе: положеніе землевладѣльца при господствѣ земледѣлія преисполнено всякаго рода опасностей: можно ожидать стихійныхъ бѣдствій, неурожая, неуплаты оброка, отказа крестьянъ возвратить ссуду, крестьянскаго побѣга и т. д., и т. д.; получается атмосфера постояннаго, непреходящаго страха. Не одни экономическія, но и соціальныя условія дѣйствуютъ въ томъ же направленіи: въ изучаемую эпоху слагаются классы съ ихъ противоположными интересами, а это питаетъ отчужденіе и эгоизмъ. Наконецъ, и политическій строй вырабатываетъ людей эгоистическаго склада: принципъ кормленія, проникающій весь государственный строй сверху до низу, какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ развитію того же духа стяжанія; слабая организованность средствъ управленія, господство личной выгоды въ понятіи о цѣли государственнаго союза и идея принадлежности власти отдѣльному лицу, какъ таковому, а не какъ представителю всего общественнаго союза.—все это далеко не обезпечивало смѣлой и свободной личной дѣятельности, вызывало необходимость осторожности, хитрости, робости, безъ которыхъ не могло быть вѣрнаго и прочнаго успѣха. Если прибавить ко всему этому господство натуральнаго хозяйства, изолировавшаго отдѣльныхъ лицъ и создававшаго на всемъ пространствѣ страны приблизительно одинаковыя житейскія условія, то будетъ вполнѣ понятно, почему преобладали въ то время чистые эгоисты, и какъ этотъ психическій типъ распространился по всей странѣ.

Такіе результаты получились бы безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ лишь въ томъ случаѣ, если бы хозяйственный бытъ, соціальныя отношенія и политическій строй удѣльнаго періода находились въ состояніи застоя. Мы знаемъ, что на дѣлѣ было не то, что всѣ элементы общественной жизни находились въ движеніи, непрерывно развивались, что происходила борьба, подчасъ очень оживленная и горячая. Вотъ почему по мѣрѣ приближенія къ концу періода психологическое состояніе общества становится сложнѣе, наряду съ эгоистами появляются люди иныхъ душевныхъ свойствъ.

Кто привыкъ къ власти издавна или кто побѣдилъ въ борьбѣ за власть и пользуется ею какъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, тотъ невольно проникается властными замашками, выдвигаетъ на первый планъ свою личность, свое самолюбіе и честолюбіе. Зародыши феодализма въ соціальныхъ отношеніяхъ, широта политическихъ правъ удѣльныхъ князей, наконецъ, привычки бояръ участвовать въ правительственной дѣятельности князя своими совѣтами создавали именно атмосферу, во многомъ благопріятную развитію чувства собственнаго достоинства, самолюбія, честолюбія, властности, однимъ словомъ—высшихъ или болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ или, что то же, чувствъ индивидуалистическихъ. А преобладаніе такихъ чувствъ должно было постепенно вызвать къ жизни типъ настоящаго индивидуалиста. Мы далеки отъ намѣренія утверждать, что этотъ типъ уже сложился

вполнѣ въ сѣверо-восточной Руси XV и начала XVI вѣка, но нельзя тѣмъ не менѣе отрицать, что тогда существовала нѣкоторая индивидуалистическая струя, и что начали даже слагаться въ извѣстную систему отдѣльные элементы индивидуалистическаго типа. Слабые зародыши такихъ элементовъ наблюдаются у представителя воззрѣній старинаго удѣльнаго боярства, отодвинутаго на второй планъ въ боярской думѣ, при дворѣ и въ администраціи нахлынувшими въ Москву служилыми, бывшими великими и удѣльными, князьями,—рѣчь идетъ о Берсенѣ Беклемишевѣ. Онъ, между прочимъ, выражалъ недовольство тѣмъ, что великій князь Василій III «не любитъ встрѣчи», т.-е. возраженія ему въ думѣ, «опаляется» на возражающихъ: однажды, когда Берсень говорилъ въ думѣ о смоленскомъ походѣ въ духѣ неугодномъ великому князю, послѣдній прямо его выгналъ, сказавъ: «пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси». Привычка къ власти и горькое чувство личной обиды сквозятъ въ этихъ «непригожихъ» рѣчахъ Берсеня, за которыя онъ потомъ лишился языка. Но еще съ большей ясностью выступаютъ индивидуалистическіе элементы въ характерахъ двухъ политическихъ противниковъ—Іосифа Санина и Вассіана Патрикѣева. Князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, въ монашествѣ старецъ Вассіанъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ выказалъ свой непокорный, властный характеръ еще при Иванѣ III, по приказанію котораго оба—отецъ и сынъ—за свое «высокоумничанье» были пострижены въ монастырь. Но и превратившись въ старца Вассіана, онъ не отказался отъ старыхъ стремленій, всю жизнь боролся за власть. Вассіанъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Нила Сорскаго въ его воззрѣніяхъ на монашество и отношеніе къ еретикамъ. Трудно сказать, насколько глубоко и искренне проникся князь-инокъ возвышенными взглядами своего учителя, съ которыми мы сейчасъ ближе познакомимся, но одно несомнѣнно: Вассіанъ не удовлетворился ими, а пошелъ дальше, придалъ ученію «заволжскихъ старцевъ» политическую окраску, выкинулъ знамя борьбы за права боярства противъ самовластныхъ замашекъ московскихъ государей. Старецъ Вассіанъ «высокоумничалъ» такимъ образомъ нисколько не менѣе князя Василія Патрикѣева. Не менѣе властнымъ былъ и характеръ Іосифа Санина: воспитавшись въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго, игумена-хозяина, Іосифъ съумѣлъ очень скоро обогатить основанный имъ Волоколамскій монастырь и сдѣлаться серьезной общественной величиной. Поссорившись съ новгородскимъ архіепископомъ, въ епархіи котораго находился его монастырь, Іосифъ добился передачи монастыря въ непосредственное вѣдѣніе митрополита и поставилъ его подъ особое покровительство великаго князя. Мы знаемъ уже, что онъ настойчиво поддерживалъ единодержавіе и власть московскихъ великихъ князей, но дорожилъ этимъ лишь какъ средствомъ для установленія авторитета господствующихъ преданій въ церкви. Основное положеніе монастырскаго устава

Іосифа гласитъ, что первая монашеская добродѣтель—безусловное, слѣпое послушаніе; каждый шагъ монаха былъ строго регулированъ; критики и сомнѣній не допускалось; не даромъ одинъ изъ учениковъ Іосифа говорилъ: «всѣмъ страстемъ мати мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе». Волоколамскій игуменъ былъ суровый и неограниченный владыка не только надъ тѣломъ монаховъ, которое онъ жестоко истязалъ за малѣйшее нарушеніе устава, но и надъ духомъ, который былъ скованъ множествомъ мелочныхъ предписаній, и для усмиренія котораго Іосифъ Санинъ не отступалъ, по его собственному выраженію, даже отъ «благопремудростнаго и благонаученнаго коварства». Конечно, это еще не вполнѣ сложившійся индивидуалистъ, но всѣ почти существенные элементы его уже на лицо.

Но страшныя времена и жестокіе нравы всегда вызываютъ противъ себя реакцію. Не каждый въ силахъ настолько закалиться въ житейской борьбѣ, чтобы подчинить все свое духовное существованіе такимъ элементарнымъ мотивамъ, какъ страхъ и корыстолюбіе. А вѣдь только торжество такихъ мотивовъ, только чистый эгоизмъ и сулилъ побѣду: вѣдь даже зарождающіеся индивидуалисты не были побѣдителями. Берсень и Вассіанъ Патрикѣевъ были прямо побѣжденными, да и Іосифу Санину не удалось осуществить свой клерикальный идеалъ, изъ его проектовъ имѣли успѣхъ лишь тѣ, которые были дѣйствительно по плечу торжествующему чистому эгоизму. И вотъ явились побѣжденные, люди съ инымъ, даже прямо противоположнымъ эгоистическому душевнымъ складомъ, психологическіе антиподы эгоистовъ,—характеры этическіе. Въ процессѣ образованія, im Werden, такой характеръ можно наблюдать въ личности св. Сергія Радонежскаго. Онъ, какъ извѣстно, былъ совершенно лишенъ любви къ стяжанію, пріобрѣтательскихъ инстинктовъ и вожделѣній: онъ провозгласилъ и примѣнилъ на дѣлѣ идеалъ бѣдности и труда. Правда, къ концу его игуменства дѣло значительно измѣнилось, монастырь, имъ основанный,—Троицкая Сергіева лавра—сталъ богатѣть, но это только потому, что св. Сергій не въ силахъ былъ противиться внѣшнимъ вліяніямъ. Св. Сергію не было свойственно чувство страха,—оно переродилось у него въ смиреніе; отсюда удаленіе отъ міра, иночество, отсюда же и примиреніе съ существующими порядками и даже освященіе ихъ: такъ, св. Сергій налагаетъ отлученіе на тѣхъ, кто не слушается великаго князя московскаго, содѣйствуетъ Дмитрію Донскому въ его борьбѣ съ Дмитріемъ суздальскимъ. Но самымъ яркимъ представителемъ этическаго типа былъ въ изучаемый періодъ одинъ изъ сѣверныхъ пустынножителей-монаховъ, глава заволжскихъ старцевъ, Нилъ Сорскій. Это была чисто-нравственная натура, выработавшая себѣ возвышенный идеалъ святой жизни и неустанно проводившая этотъ идеалъ въ дѣйствительность. Въ вѣкъ религіознаго формализма, господства обряда надъ внутреннимъ смысломъ религіи, въ вѣкъ не-

критическаго, слѣпого отношенія къ различнымъ, часто совершенно неканоническимъ книгамъ и преданіямъ, въ вѣкъ крайней религіозной нетерпимости, неумолимой жестокости къ еретикамъ и обогащенія монастырей громадными земельными имуществами Нилъ съумѣлъ возвыситься до настоящаго пониманія сущности христіанства, проникся сознаніемъ необходимости самостоятельнаго религіознаго мышленія на строго-провѣренной почвѣ истинно-каноническихъ книгъ, усвоилъ себѣ высокую идею христіанскаго всепрощенія по отношенію къ заблуждающимся, проповѣдывалъ идеалъ простой и скромной, трудовой монашеской жизни, проникнутой стремленіемъ къ религіозному созерцанію и нравственному самосовершенствованію. По монастырскому уставу Нила Сорскаго, главная задача инока—«мысленное дѣланіе, сердечное и умное храненіе», т.-е. именно религіозное созерцаніе и нравственное очищеніе. Главное вовсе не аскетизмъ, понимаемый въ смыслѣ физическаго изнуренія и бичеванія,—въ этомъ отношеніи нужна только умѣренность въ пищѣ, воздержность,—главное—внутреннее духовное самоусовершенствованіе человѣка. Этотъ подвигъ нравственнаго совершенствованія человѣка долженъ быть, по возвышенному взгляду Нила Сорскаго, разумно-сознательнымъ. Понятно, что при такихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ Нилъ не могъ и не хотѣлъ считаться съ дѣйствительностью, не желалъ и не въ состояніи былъ поступиться хотя бы чѣмъ-либо въ своемъ нравственномъ идеалѣ, чтобы сдѣлать его удобопримѣнимымъ къ жизни. И потому въ тѣхъ случаяхъ, когда Нилу приходилось вступать въ непосредственное соприкосновеніе съ практическими задачами времени, онъ неизмѣнно терпѣлъ неудачу: это случилось въ отношеніи къ двумъ вопросамъ: во-первыхъ, по вопросу о преслѣдованіи еретиковъ, во-вторыхъ, по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи. Нилъ стоялъ за полное прощеніе еретиковъ, во всякомъ случаѣ былъ противъ ихъ казни и былъ горячимъ противникомъ обогащенія монастырей землями, но совершенно безуспѣшно: въ обоихъ вопросахъ побѣда, какъ намъ уже извѣстно, осталась за его противниками, іосифлянами, учениками Іосифа Санина. Такъ, этическіе характеры, зародившись въ удѣльной Руси, оказались отлученными отъ жизни, стали сильно страдать отъ господствующихъ житейскихъ порядковъ. Это и заставило Нила Сорскаго и его учениковъ удалиться отъ міра, но не фиктивно, а реально: они не пошли въ тогдашніе большіе и богатые монастыри, въ которыхъ, по позднѣйшему свидѣтельству Ивана Грознаго, «точію одѣяніемъ были иноцы, а мірская вся совершалися», а удалились за Волгу, въ сѣверные лѣса, болота и пустыни, «дебри непроходимыя и дрязги великія», и стали устраивать тамъ уединенные отшельничьи скиты.

Нилъ Сорскій происходилъ изъ боярскаго рода. Но средніе и низшіе слои современнаго ему общества, конечно, еще сильнѣе страдали отъ суровой дѣйствительности, и если инертная, безразличная и

психически-неорганизованная, грубая масса мирилась съ этой дѣйствительностью, и изъ нея вырабатывались постепенно такіе же эгоисты, какіе господствовали въ соціальныхъ верхахъ, то отдѣльныя болѣе чуткія натуры и здѣсь стали слагаться въ этическіе характеры. Только люди этическаго склада, вышедшіе изъ народной массы, оказались болѣе рѣзкими протестантами противъ житейскихъ порядковъ, чѣмъ былъ Нилъ Сорскій, дошли до крайностей, иногда впадали даже въ полное отрицаніе. Такими отрицателями были два еретика пятидесятыхъ годовъ XVI вѣка—Матвѣй Башкинъ и Ѳеодосій Косой. Оба они въ сущности уже выходятъ изъ хронологическихъ предѣловъ изучаемаго періода, но ихъ личности и ихъ идеи и чувства были созданы, несомнѣнно, условіями конца удѣльнаго времени, и потому еретическія ихъ ученія найдутъ себѣ мѣсто въ послѣдующемъ изложеніи; мы увидимъ тогда, что оба они были людьми несомнѣнно этическаго склада, потому что неустанно искали идеала житейской правды и въ этомъ полагали главную, если не единственную, цѣль своей жизни.

Итакъ, усложненіе реальной жизни повело къ психологической дифференціаціи общества, къ выдѣленію изъ аморфной, безформенной въ духовномъ отношеніи массы болѣе или менѣе цѣльныхъ, сложившихся и притомъ разнообразныхъ характеровъ. Этотъ основной фактъ отразился многоразличными послѣдствіями въ разныхъ сферахъ духовной культуры русскаго общества удѣльнаго времени.

Прежде всего онъ сказался въ *нравственномъ состояніи общества*. Конечно, и здѣсь было очень много остатковъ старины, проявленій грубыхъ, элементарныхъ инстинктовъ и привычекъ. Симонія, принужденіе епископами нищихъ, жившихъ при церквахъ, къ работѣ въ архіерейскихъ вотчинахъ, праздная и роскошная жизнь въ монастыряхъ, распущенность въ отношеніяхъ между полами, времяпровожденіе характеризуемое въ одной современной *проповѣди*, какъ «всегда наслажденіе и упитаніе, всегда игры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистые»,—все это признаки настоящаго полуживотнаго состоянія, столь характернаго для кіевской еще Руси. Но господство эгоистовъ, особенно сильное въ высшихъ слояхъ общества, повліяло на нравы. Это особенно ярко отразилось на положеніи женщины высшаго, отчасти и средняго круга. Пока общество не было организовано въ психическомъ отношеніи, супружеская вѣрность цѣнилась не особенно высоко, но эгоистъ, у котораго такъ силенъ инстинктъ собственности, причисляетъ и женщину къ предметамъ своего полнаго обладанія и въ ревнивой заботѣ о ея цѣломудріи запираетъ ее въ теремъ, создаетъ затворничество женщинъ. Въ нашей исторической литературѣ склонны были приписывать затворничество женщинъ татарскому вліянію, но стоитъ только вспомнить, что подобное явленіе господствовало и въ средневѣковой Европѣ въ рыцарскомъ быту, чтобы понять, что дѣло тутъ вовсе не въ та-

тарскомъ вліяніи, а именно въ извѣстной системѣ чувствъ и взглядовъ, созданной реальными условіями времени. Конечно, нельзя отрицать: съ *нашей* точки зрѣнія затворничество женщинъ и нелѣпость, и очень плохая гарантія цѣломудрія, но въ то время оно было знаменательнымъ признакомъ перемѣны въ нравахъ, протестомъ противъ половой распущенности. Этого мало: наличность въ обществѣ другихъ характеровъ — этическихъ и отчасти индивидуалистическихъ— отклонила равподѣйствующую разныхъ психологическихъ вліяній, указывающую уровень нравственныхъ понятій, существующихъ въ обществѣ, еще дальше отъ примитивныхъ воззрѣній на право и справедливость. Мы видѣли въ свое время, что «Русская Правда» понимала преступленіе почти всегда какъ исключительно-матеріальный вредъ,— «обиду», если преступленіе относилось къ лицу, и «пагубу», если оно касалось имущества; отсюда проистекала и такса штрафовъ и вознагражденій, установленная обычнымъ правомъ кіевскаго періода. Въ изучаемое время, какъ показываетъ «Судебникъ» 1497 года, взглядъ на преступленіе существенно измѣнился: оно стало считаться не только матеріальнымъ убыткомъ, но и зломъ нравственнымъ, и потому денежные выкупы и штрафы замѣняются тѣлесными наказаніями и смертной казнью. Многіе изслѣдователи въ тѣлесныхъ наказаніяхъ опять склонны видѣть результатъ татарскаго вліянія, но совершенно напрасно: въ жизни каждаго народа наступаетъ такой моментъ, когда тѣлесныя наказанія удовлетворяютъ нравственное чувство, соотвѣтствуютъ господствующимъ понятіямъ о правѣ и справедливости. Конечно, такія воззрѣнія далеки отъ нашихъ взглядовъ, но, вѣдь, нельзя все-таки не признать, что тѣлесныя наказанія и казнь, помимо той важной общей идеи о преступленіи какъ злѣ нравственномъ, которая въ нихъ отражается, имѣютъ преимущество передъ денежными выкупами уже по той одной причинѣ, что устраняютъ неравенство въ положеніи бѣдныхъ и богатыхъ, столь рѣзко выраженное при господствѣ денежныхъ взысканій за преступленія: богачу ничего не стоило заплатить штрафъ и выкупъ, а бѣднякъ совершенно разорялся и терялъ свободу; тѣлесное же наказаніе и казнь съ одинаковой силой постигали людей разнаго имущественнаго достатка.

Тѣ же три элемента—традиціи историческаго прошлаго, господство людей эгоистическаго склада и зарожденіе этическихъ характеровъ— выступаютъ на видъ и въ *религіозной жизни* сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI в. Историческимъ прошлымъ было завѣщано изучаемому періоду двоевѣріе, безпорядочная смѣсь язычества съ христіанствомъ. Такое двоевѣріе въ очень значительной степени сохранилось и теперь и отчасти также переродилось въ рядъ грубыхъ суевѣрій. Мы наблюдали уже въ вольныхъ городахъ XV вѣка вѣру въ скорый конецъ міра; она существовала и на сѣверовостокѣ Россіи того же времени. О сильномъ распространеніи вѣры въ колдовство

свидѣтельствуютъ поученія владимірскаго епископа XIII вѣка—Серапіона. Великая княгиня Соломонія, первая супруга Василія III, колдовала съ цѣлью имѣть дѣтей и возбудить любовь къ себѣ со стороны охладѣвшаго къ ней великаго князя. Особенной любовью въ обществѣ пользовались преисполненные суевѣрій апокрифы и гадательныя книги. Простой перечень ихъ легко даетъ понять, какъ много занималось общество удѣльнаго времени гаданіями, недостовѣрными преданіями и разсказами. Изъ апокрифовъ особенно извѣстны были «Исповѣдь Евы»—разсказъ ея о грѣхопаденіи, сказанія объ Іудѣ, «Хожденіе Богородицы по мукамъ» и «Видѣніе апостола Павла», трактующія о о мученіи грѣшниковъ, адѣ и раѣ. Большимъ распространеніемъ пользовались гадательныя книги, какъ «Громникъ», «Молніянникъ», «Сносудецъ», «Зелейникъ», «Чаровникъ», «Рафли», «Аристотелевы врата», «Луцидаріусъ». Послѣдняя изъ этихъ книгъ—переводъ съ нѣмецкаго—содержитъ въ себѣ разговоръ учителя съ ученикомъ о явленіяхъ природы, составленный на основаніи различныхъ средневѣковыхъ преданій и апокрифовъ. Эта склонность къ гаданіямъ и суевѣріямъ, будучи въ значительной мѣрѣ остаткомъ старины, не являлась однако же простымъ переживаніемъ, безсмысленнымъ обломкомъ прошлаго, не приспособленнымъ къ текущей жизни: напротивъ, она поддерживалась въ сильнѣйшей степени тѣмъ чувствомъ страха, которое составляетъ одну изъ основныхъ стихій эгоистическихъ характеровъ. Еще сильнѣе сказалось это чувство страха въ религіозномъ формализмѣ, все болѣе утверждавшемся въ изучаемый періодъ: обрядъ—вотъ что казалось большинству главнымъ въ религіи; и въ самомъ дѣлѣ: если «мнѣніе—второе паденіе», то лучше не думать и не разсуждать на религіозныя темы, а соблюдать формы, исполнять обряды и быть спокойнымъ, неподвижнымъ въ своемъ эгоистическомъ квіетизмѣ. Такова психологическая основа религіознаго формализма. Но появились, какъ мы видѣли, въ XV и XVI вѣкѣ новые люди, для которыхъ моральный идеалъ, идеалъ житейской правды составлялъ все въ жизни. Отъ нихъ пошла свѣжая струя и въ религіи. Таковъ былъ Нилъ Сорскій, стоявшій, какъ мы знаемъ, за внутреннее пониманіе христіанства, цѣнившій въ религіи главнымъ образомъ нравственное содержаніе. Другіе, по естественной реакціи религіозному формализму, пошли гораздо дальше Нила и впали въ ересь. Таковы были жидовствующіе, въ значительномъ количествѣ существовавшіе и въ Москвѣ, Матвѣй Башкинъ, игуменъ Троицкаго-Сергіева монастыря Арсеній, бѣжавшій въ Литву и впослѣдствіи совершенно отрекшійся отъ ереси, и Ѳеодосій Косой. Основныя черты еретическаго ученія Башкина сводятся къ слѣдующему: во-первыхъ, онъ отвергалъ таинство причащенія, утверждалъ, что причащаются не тѣла и крови Іисуса Христа, а хлѣба и вина; во-вторыхъ, подъ церковью онъ разумѣлъ собраніе вѣрующихъ; въ-третьихъ, онъ отвергалъ иконопочитаніе, признавалъ, что иконы то же,

что идолы; наконецъ, въ-четвертыхъ, Башкинъ требовалъ критическаго отношенія къ источникамъ религіознаго познанія: безусловно-достовѣрными онъ признавалъ только Евангеліе и творенія апостоловъ и отвергалъ авторитетъ сочиненій св. отцовъ и постановленій вселенскихъ соборовъ. Не трудно замѣтить, что ересь Башкина носила на себѣ типическія черты раціоналистическаго сектантства, критики религіозной традиціи на основѣ разума. Изъ другого начала исходилъ въ своемъ ученіи бѣглый холопъ Ѳеодосій Косой: онъ критиковалъ традицію съ точки зрѣнія непосредственнаго чувства, былъ представителемъ духовнаго, мистическаго сектанства, которое источникомъ религіознаго познанія признаетъ сліяніе съ Божествомъ въ мистическомъ экстазѣ, непосредственное откровеніе, въ этомъ экстазѣ получаемое. Общественное положеніе Ѳеодосія Косого придало его воззрѣніямъ рѣзкую соціальную окраску, характеръ отрицанія всѣхъ существующихъ учрежденій: онъ высказывался противъ собственности, за общность имущества, противъ войны и противъ какихъ бы то ни было властей. Эти еретическія ученія были торжественно осуждены на соборахъ 1553—54 годовъ.

Психологическая дифференціація общества повела далѣе—къ развитію эстетическихъ чувствъ, къ новымъ явленіямъ въ сферѣ *искусства*. Если искусство кіевскаго періода сводилось по преимуществу къ заимствованіямъ иностранныхъ образцовъ, къ механической смѣси чужеземныхъ и туземныхъ вліяній, то въ удѣльное время на сѣверо-востокѣ Россіи, какъ и въ вольныхъ городахъ, наблюдаются наряду съ продолжающимися заимствованіями со стороны нерѣдко удачныя попытки болѣе или менѣе самостоятельной и оригинальной переработки этихъ заимствованій. Иностранные образцы давала теперь уже не Византія, а главнымъ образомъ Востокъ и Италія. Оригинальное творчество на основѣ восточныхъ мотивовъ наблюдается прежде всего въ русскомъ орнаментѣ XIII, XIV и XV вѣковъ, въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ рукописей. По словамъ одного изъ глубочайшихъ знатоковъ древнерусскаго искусства, въ этомъ орнаментѣ выразились «сила фантазіи», «стремленіе создать игривое впечатлѣніе»; заставки и заглавныя буквы представляли собою «затѣйливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, съ птицами, у которыхъ иногда человѣческія головы, съ звѣрями, хвостъ которыхъ извивается вѣткою, оканчивающеюся листкомъ, особенно съ драконами и змѣями, которые изъ своей пасти выпускаютъ вѣтку, а своимъ хвостомъ перевиваютъ звѣрей и другихъ чудовищъ, наконецъ съ человѣческими фигурами, руки и ноги которыхъ вплетены въ эти перевивы изъ ремней и змѣиныхъ хоботовъ».

Тѣ же первые шаги оригинальной работы наблюдаются и въ иконописаніи. Прежде всего растетъ количество извѣстій объ отдѣльныхъ иконописцахъ: извѣстно, что митрополитъ св. Петръ «извыче икон-

ному художеству»; затѣмъ въ XIV вѣкѣ въ Москвѣ упоминаются иконописцы Захарій, Діонисій, Іосифъ, Николай, Гойтанъ, Семенъ, Иванъ; въ XV в. въ Ростовѣ были извѣстны иконописцы Діонисій, Тимоѳей, Ярецъ, Коня, а въ Москвѣ Долматъ и особенно знаменитый Андрей Рублевъ, разсматривая произведенія котораго, невольно сближаешь ихъ по художественному типу съ работами г. В. Васнецова; наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. иконописаніемъ занимались Ѳеодосій Денисьевъ и московскіе митрополиты Симонъ и Варлаамъ. Но дѣло не ограничивалось только количественнымъ ростомъ производительности въ иконописаніи,—стала слагаться вслѣдъ за извѣстной уже намъ новгородской школой иконописанія новая школа—московская. Въ ней было, несомнѣнно, еще много примитивнаго, хотя и меньше, чѣмъ въ новгородской иконописи: преобладали главнымъ образомъ двѣ краски—желтая (охра) и зеленая (празелень); тѣни отличались еще рѣзкостью, зданія—простотой, причемъ арки и архитектурныя линіи проводились отъ руки, безъ помощи линейки и циркуля. На ряду съ этимъ наблюдаются, однако же, и новые, удачные пріемы: складки на одеждѣ изображены большею частью вполнѣ реально, зданія представлены въ перспективѣ, въ лицахъ есть нѣкоторые элементы жизненности.

Въ архитектурѣ, какъ и въ кіевскій періодъ, продолжалось заимствованіе иностранныхъ художественныхъ образцовъ, накопленіе сырого матеріала; особенно много заимствованій сдѣлано было изъ Италіи и съ Востока. Но кромѣ механическаго накопленія архитектурнаго матеріала замѣчается и нѣкоторая своеобразная его переработка; особенно такой переработкѣ подвергаются традиціи предшествующаго періода. Московская архитектура конца удѣльнаго времени характеризуется соединеніемъ преданій новгородскихъ и владимірскихъ и вмѣстѣ видоизмѣненіемъ этихъ преданій: лѣпныя украшенія въ Москвѣ встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ во Владимірѣ, усваиваются новыя формы—церковная глава въ видѣ луковицы съ удлиненнымъ верхомъ и стрѣльчатыя очертанія арокъ и порталовъ. Изслѣдователи исторіи русскаго искусства большею частью склонны видѣть въ луковичныхъ куполахъ и въ стрѣльчатыхъ аркахъ восточное вліяніе. Быть можетъ, это и такъ, но нельзя не замѣтить, что почва для такого вліянія подготовлена была мѣстными условіями: по крайней мѣрѣ, куполъ въ видѣ луковицы удобенъ въ томъ отношеніи, что на немъ не задерживаются зимніе и лѣтніе атмосферическіе осадки, столь обильные въ средней Россіи. Внѣшняя исторія важнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ изучаемаго періода сводится къ слѣдующему ряду фактовъ: въ 1475—1478 годахъ Аристотель Фіоравенти построилъ Успенскій соборъ, въ 1484—1489 гг. сооруженъ былъ псковскими мастерами въ томъ же стилѣ Благовѣщенскій соборъ, въ 1491 г. Маркъ Фрязинъ построилъ Грановитую палату; архитектур-

ному искусству Алевиза принадлежитъ постройка новаго каменнаго дворца—низа нынѣшнихъ теремовъ въ Кремлѣ (верхъ надстроенъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ) — въ 1499 — 1508 годахъ и Архангельскаго собора въ 1504—1509 годахъ; наконецъ, итальянецъ Соларіо построилъ кремлевскія стѣны.

Наконецъ, опять-таки наряду съ старинными преданіями много новаго на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси наблюдается въ *литературѣ и наукѣ*.

Несомнѣнное обогащеніе—количественное и качественное—наблюдается, прежде всего, въ области богословской литературы. Это сказывается очень ясно уже въ литературѣ переводной. Намъ извѣстно, что еще кіевская Русь была знакома съ такими переводными сборниками поученій, какъ «Златоструй» и «Измарагдъ». Первыя редакціи этихъ сборниковъ, образовавшіяся еще въ кіевскій періодъ, были унаслѣдованы и въ удѣльное время, продолжали попрежнему читаться. Но дѣло этимъ далеко не ограничилось: на удѣльномъ сѣверо-востокѣ Россіи сложились новыя редакціи этихъ сборниковъ, причемъ если относительно «Златоструя» можно установить прямое перенесеніе новой болгарской редакціи на русскую почву, то «Измарагдъ» во второй его редакціи носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды туземныхъ дополненій и передѣлокъ. Мотивы многихъ новыхъ поученій, внесенныхъ въ «Измарагдъ», даже если допустить, что они всецѣло заимствованы изъ южно-славянскихъ источниковъ, несомнѣнно отражаютъ на себѣ текущую злобу дня русской дѣйствительности: расширенъ отдѣлъ поученій о семейной жизни, замѣтно отрицательное отношеніе къ войнѣ (ср. ученіе Башкина), особенно сильно осуждается богатство (ср. ересь Косого), сильно обличаются мистическія вѣрованія, особенно много настиваютъ на необходимости уваженія къ священнослужителямъ. Очевидно, новыя религіозныя движенія наложили свою печать на вторую редакцію «Измарагда». Обиліе въ XV вѣкѣ переводныхъ богословскихъ произведеній, заимствованныхъ изъ южно-славянскихъ странъ, является вообще результатомъ оживленія и углубленія религіозной мысли, которая начала работать болѣе или менѣе самостоятельно и оригинально. Такъ, въ изучаемое время появились на Руси другіе сборники поученій, какъ «Маргаритъ», «Златая цѣпь» и «Златая Матица», затѣмъ аскетическія произведенія Василія Великаго, Исаака Сирина, аввы Дороѳея, полемическія сочиненія противъ латинянъ Григорія Паламы, Нила Кавасила и т. д. Не менѣе любопытно и то, что въ переводной богословской литературѣ начинаетъ обнаруживаться сильная струя западнаго вліянія: во второй половинѣ XV в., по заказу новгородскаго архіепископа Геннадія, Дмитрій Герасимовъ перевелъ съ латинскаго пасхалію, разныя сочиненія противъ еврейства и трактатъ противъ мірянъ, вступающихся въ дѣла церкви; переводили для Геннадія также доминиканецъ Веніаминъ и какой-то

Юрій; наконецъ, во второй четверти XVI в. въ Москвѣ Максимъ Грекъ также обогатилъ русскую богословскую литературу нѣкоторыми переводами съ латинскаго.

Если въ переводной богословской литературѣ современная русская дѣйствительность отразилась многими важными своими сторонами, то это не въ меньшей степени относится и къ попыткамъ оригинальнаго творчества въ богословіи и церковномъ поученіи. Даже въ самой формѣ богословскихъ и церковноучительныхъ произведеній удѣльнаго періода наряду со старымъ механическимъ заимствованіемъ изъ византійскихъ авторитетовъ и со слѣпымъ подражаніемъ этимъ авторитетамъ можно наблюдать стремленіе къ самостоятельности и оригинальности. Чрезвычайно характерной въ этомъ отношеніи является проповѣдническая дѣятельность епископа владимірскаго, суздальскаго и нижегородскаго Серапіона (ум. въ 1275 г.). Темою его первыхъ поученій было разъясненіе религіозно-нравственнаго значенія татарскаго ига какъ Божія наказанія за грѣхи. Въ этихъ проповѣдяхъ еще очень много византійскихъ традицій, слѣпо воспринятыхъ: такъ, напр., удержана традиціонная схема обличаемыхъ проповѣдникомъ людскихъ пороковъ, установленная византійской церковноучительной литературой. Но уже здѣсь сказывается непосредственное чутье дѣйствительности: горечь порабощенія изображена яркими красками, въ которыхъ слышится настоящій, непритворный крикъ души. Еще менѣе слѣдовъ византійскаго вліянія замѣтно въ позднѣйшихъ проповѣдяхъ Серапіона, гдѣ разбираются вопросы объ испытаніи вѣдьмъ посредствомъ холодной воды и о ихъ сожженіи, а также о выкапываніи изъ земли погребенныхъ утопленниковъ и удавленниковъ, которые, по народному повѣрью, могли вредить урожаю и благопріятной для сельскаго хозяйства погодѣ. Самыя темы, очевидно, подсказаны проповѣднику жизнью. Отношеніе къ нимъ проповѣдника также своеобразно: онъ, напр., признаетъ вѣдовство за дѣйствительный фактъ, высказывается даже за убіеніе вѣдьмъ и требуетъ только дѣйствительныхъ доказательствъ ихъ вѣдовства, не признавая таковымъ испытаніе посредствомъ холодной воды. Прибѣгая ко многимъ образамъ въ своемъ изложеніи, пользуясь то вопросительной, то драматической формой, восклицаніями, сравненіями, противопоставленіями, Серапіонъ и тутъ не искусственно подражаетъ чужеземнымъ образцамъ, а развиваетъ свои мысли необыкновенно просто, безъ строго обдуманнаго плана, такъ, чтобы найти ближайшій путь къ сердцу и уму слушателя изъ народа. Уже сказанное сейчасъ о проповѣдяхъ Серапіона указываетъ, что главной темой русской богословской литературы продолжало оставаться нравственное поученіе. Это можно подтвердить рядомъ другихъ примѣровъ: отъ удѣльнаго періода сохранилось не мало поученій, въ родѣ «Слова къ судіямъ», «Слово о судіяхъ и властителехъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ»; въ на-

чалѣ XV вѣка Матвѣй, епископъ сарайскій, въ своемъ поученіи къ владѣльцамъ проповѣдывалъ о необходимости доброты по отношенію къ рабамъ, митрополитъ Даніилъ произносилъ проповѣди противъ пировъ, противъ нарядовъ и изнѣженности высшихъ слоевъ общества и т. д. Но наряду съ этимъ въ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго періода опять-таки подъ вліяніемъ новыхъ явленій въ религіозной жизни появляется несуществовавшая прежде догматически-богословская литература. По свидѣтельству Іосифа Санина, «нынѣ и въ домахъ, и на дорогахъ, и на рынкахъ всѣ—иноки и міряне—съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ». Особенно-важными памятниками этого интереса къ религіозной догматикѣ являются «Посланіе инока Саввы на жидовъ и на еретиковъ», «Посланіе Ѳедора Жидовина», но главное — «Просвѣтитель» Іосифа Санина, нѣкоторыя сочиненія Максима Грека, а также «Истины показаніе» и «Многословное посланіе» Зиновія Отенскаго. Если первыя три названныхъ сейчасъ произведенія представляютъ собою или труды компилятивные, или лишенные настоящей критики, принимающіе безъ повѣрки апокрифическій матеріалъ, то сочиненія Максима Грека и Зиновія Отенскаго отличаются уже большимъ критицизмомъ, опираются на каноническія книги, строго отдѣляемыя отъ апокрифовъ. Образуется такимъ образомъ извѣстная привычка къ религіозной метафизикѣ, слагаются пріемы и традиціи догматическаго богословія. Отраженіемъ такихъ догматическихъ интересовъ является и «Толковая Палея»—изложеніе библейской исторіи въ духѣ и направленіи противномъ іудейству.

Какъ ни велика, однако, была еще роль чисто-церковной литературы, было бы большой ошибкой приписывать ей исключительное господство. Правда, сюда можно еще, пожалуй, отнести литературу паломничествъ, но она только отчасти отличается церковнымъ характеромъ, притомъ попрежнему чисто обрядовымъ, внѣшне-религіознымъ, и все чаще переходитъ въ литературу простыхъ путеводителей. Таковы слѣдующія произведенія: въ XIV в. «Хожденіе» архимандрита Агрефенія и «Странствованіе» Игнатія Смольнянина, въ XV—«Ксеносъ, глаголемый Странникъ» іеромонаха Зосимы, «Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда» неизвѣстнаго автора, путешествіе гостя Василія и путешествіе іеромонаха Варсонофія. Надо притомъ замѣтить, что къ концу періода, съ паденіемъ Константинополя въ 1453 году, интересъ къ паломничеству слабѣетъ, потому что утверждается мнѣніе о превосходствѣ и большей чистотѣ русскаго православія сравнительно съ вѣрованіями грековъ; параллельно этому русскія святыни начинаютъ казаться важнѣе, чѣмъ святыни Константинополя и даже Іерусалима.

Оставляя совершенно область церковной литературы, мы должны отмѣтить количественный ростъ *беллетристики* на удѣльномъ сѣверо-востокѣ Россіи сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Впрочемъ, и

здѣсь надо, прежде всего, установить связующее звено между церковной литературой и беллетристикой: такимъ звеномъ были отмѣченные уже нами при изученіи религіознаго состоянія общества апокрифы, являющіеся не чѣмъ инымъ, какъ религіознымъ эпосомъ, поэзіей религіи. Уже въ нихъ замѣтенъ основной интересъ, руководившій въ то время читателями беллетристическихъ произведеній,—жажда занимательности сюжета, то, что̀ можно назвать простымъ любопытствомъ. Но, кромѣ апокрифовъ, было много и чисто-беллетристическихъ произведеній. Старая переводная беллетристика кіевскаго періода не только была всецѣло унаслѣдована изучаемымъ временемъ, но и подвергалась дополненіямъ и передѣлкамъ, свидѣтельствующимъ объ интересѣ къ ней читающей публики: такъ, къ первой половинѣ XV вѣка сложилась вторая редакція заимствованной изъ Болгаріи «Александріи» со многими добавленіями къ древнему тексту, причемъ изслѣдователи предполагаютъ, что эта вторая редакція выработалась изъ первой черезъ рядъ посредствующихъ, теперь намъ неизвѣстныхъ ступеней; въ XIV вѣкѣ появилась новая редакція «Александріи» — сербская; умножилось число списковъ «Троянской войны» и «Повѣсти о Девгеніи Акритѣ». Всѣ новыя передѣлки названныхъ сейчасъ произведеній отличаются одной общей чертой,—усиленіемъ фантастическаго элемента, придававшаго разсказу несравненно болѣе занимательности, чѣмъ могли дать первыя редакціи. Та же погоня за интересными по своей фантастичности сюжетами замѣтна и въ переводахъ повѣстей, неизвѣстныхъ кіевской Руси: таковы «Сказаніе объ Индіи богатой» или объ «Индѣйскомъ царствѣ» и «Повѣсти о Соломонѣ». Въ первомъ пресвитеръ Іоаннъ, будто бы управлявшій Индіей, описываетъ греческому императору Мануилу чудеса своего царства. Вторыхъ былъ цѣлый рядъ: такова «Повѣсть о Соломонѣ и Давидѣ», находящаяся въ связи съ нѣмецкимъ сказаніемъ о «Соломонѣ и Морольфѣ», затѣмъ «Притча царя Соломона о царѣ Китоврасѣ»—чудесномъ существѣ, днемъ повелѣвавшемъ людьми, а ночью звѣрями, «Сказаніе о премудрости царя Соломона и о южской царицѣ и о философѣхъ», «Суды Соломоновы». Въ концѣ XV в. была переведена съ нѣмецкаго «Повѣсть о мутьянскомъ (=молдавскомъ) воеводѣ Дракулѣ»; этотъ Дракула отличался неимовѣрной жестокостью и коварствомъ, и характеръ его рисуется въ повѣсти ужасными красками: онъ—настоящее олицетвореніе діавола. Во всѣхъ названныхъ произведеніяхъ мы тщетно стали бы искать особыхъ художественныхъ достоинствъ, психологическаго анализа, реализма, характеровъ и типовъ: фабула и внѣшняя занимательность—все для авторовъ и читателей; самое большее, что̀ обращаетъ на себя ихъ вниманіе, кромѣ фабулы,—это назиданіе, нравственное поученіе. Тѣмъ не менѣе характерно уже это стремленіе въ занимательности сюжета, прежде столь слабое. Отмѣченными сейчасъ чертами отличается и оригиналь-

ная русская «Исторія кіевскаго гостя Басарги и сына его Борзосмысла» (иначе «Мудросмысла» или «Добросмысла»); эта исторія повѣствуетъ о томъ, какъ Басарга съ сыномъ попали къ царю Несмѣяну, какъ Борзосмыслъ отгадалъ три загадки царя, убилъ послѣдняго, обратилъ всѣхъ его подданныхъ въ христіанство и царствовалъ надъ ними до своей смерти. Особое положеніе занимаетъ «Слово» или «Моленіе Даніила Заточника». Прежде «Слово» признавалось произведеніемъ XII вѣка, причемъ нѣкоторые изслѣдователи склонны были считать его сочиненіемъ остроумнаго придворнаго, княжескаго шута, но новѣйшія работы по изученію отдѣльныхъ редакцій «Слова Даніила Заточника» привели къ тому выводу, что оно составлено въ 20-хъ или 30-хъ годахъ XIII вѣка и адресовано новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, впослѣдствіи великому князю владимірскому, отцу Александра Невскаго; авторъ—сосланный на Лачъ-озеро за трусость княжескій дружинникъ. «Слово Даніила Заточника» въ его первоначальной редакціи оказывается въ достаточной мѣрѣ продуманнымъ произведеніемъ, обнаруживающимъ въ авторѣ и нѣкоторое образованіе, и пониманіе человѣческаго сердца, и весьма замѣчательное остроуміе. Все это сдѣлало «Слово» очень популярнымъ въ древнерусской литературѣ и породило множество его передѣлокъ, новыхъ редакцій, сильно пополнявшихъ и измѣнявшихъ основной текстъ.

Мы видѣли выше, что апокрифы служили по своему характеру связующимъ звеномъ между богословской литературой и беллетристикой. Такимъ же переходнымъ моментомъ между изящной литературой и *литературой исторической* являются житія святыхъ. Въ отношеніи назидательности житія можно считать именно отчасти беллетристическими произведеніями, но наряду съ этимъ въ нихъ былъ и несомнѣнный историческій элементъ, не всегда, впрочемъ, достаточно сильный. Литература житій ознаменовалась на сѣверо-востокѣ Россіи въ удѣльное время переводами нѣсколькихъ греческихъ патериковъ и западно-европейскаго «Житія блаженнаго Августина». Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ оригинальнымъ памятникомъ этой литературы былъ Патерикъ Печерскій, т.-е. собраніе житій святыхъ Кіево-Печерскаго монастыря. Основаніе Патерику было положено еще въ кіевскій періодъ, но какъ цѣльный сборникъ онъ—произведеніе первой половины XIII вѣка, составившееся, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ епископа владимірскаго и суздальскаго Симона и монаха Печерскаго монастыря Поликарпа. Всѣ житія, включенныя въ Печерскій Патерикъ, проникнуты свѣжей, наивной, дѣтской вѣрой, заставляющей составителей дорожить каждымъ воспоминаніемъ, каждой фактической мелочью, касающейся того или другого святого; поэтому здѣсь нѣтъ риторики, и фактическій матеріалъ отличается богатствомъ. Это—еще житія стараго типа, въ которыхъ историческій элементъ имѣетъ первостепенное значеніе. Не то позднѣе. Въ XIV и XV вѣкахъ лите-

ратура житій отмѣчена особенно дѣятельностью митрополита Кипріана, переработавшаго въ новомъ стилѣ житіе св. Петра, и очень плодовитыхъ агіографовъ Пахомія Логоѳета, Епифанія Премудраго и Пахомія серба. У всѣхъ этихъ писателей на первомъ планѣ риторика; до какой степени они увлекались риторическими прикрасами, можно усмотрѣть изъ того, что Епифаній Премудрый для описанія нравственныхъ качествъ св. Сергія Радонежскаго подобралъ 18 эпитетовъ, а св. Стефана Пермскаго характеризовалъ даже 25-ю различными эпитетами. Цѣль риторическихъ житій — исключительно назиданіе, историческая же истина, фактическое содержаніе не только отступаетъ на второй планъ, но, можно сказать, совсѣмъ теряетъ значеніе въ глазахъ агіографовъ. Для составленія житія святого, фактическія обстоятельства жизни котораго были неизвѣстны, достаточно было одного его имени: жизнеописаніе составлялось по традиціи,—изъ разсказа о монашескихъ подвигахъ и аскетическихъ порывахъ съ молодости, затѣмъ изъ біографіи одноименнаго греческаго святого заимствовались фактическія подробности: напр., разсказъ о сокрушеніи языческихъ идоловъ Авраамiемъ ростовскимъ заимствованъ изъ греческаго житія Авраамія Затворника, для житія св. Меркурія смоленскаго подробности взяты изъ греческаго житія св. Меркурія кесарійскаго, источникомъ житія св. Никиты Столпника переяславскаго послужило греческое житіе св. великомученика Никиты и т. д.

Собственно-историческая литература распадается на три отдѣла,— отдѣльныя сказанія, лѣтописи и хронографы. Изъ отдѣльныхъ сказаній, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе сказанія, соединенныя съ татарскимъ нашествіемъ и игомъ: сказанія о Калкскомъ побоищѣ, о Батыевѣ нашествіи, о Мамаѣ (откуда Задонщина), Тохтамышѣ и Тамерланѣ. Эти сказанія не представляютъ собою ничего существенно новаго по характеру, литературнымъ пріемамъ и тенденціямъ, сравнительно съ болѣе древними; чувства ужаса, скорби, горечи, обиды, униженія волновали и составителей старинныхъ повѣстей о половецкихъ набѣгахъ, и въ разсказахъ о татарахъ выразились лишь рѣзче, сильнѣе; моралистическая тенденція — взглядъ на бѣдствія отъ татаръ, какъ на наказаніе за грѣхи—общa повѣствованіямъ и кіевскаго и удѣльнаго періодовъ. Гораздо больше новыхъ элементовъ наблюдается въ другой группѣ сказаній, въ тѣхъ именно, которыя посвящены паденію вольныхъ городовъ, Новгорода и Пскова: это—политическіе памфлеты, имѣющіе въ виду проведеніе и утвержденіе идеи московскаго единодержавія.

Лѣтописи велись на удѣльномъ сѣверо-востокѣ въ очень многихъ городахъ: не говоря уже о дошедшихъ до насъ въ сохранившихся лѣтописныхъ сводахъ многихъ отдѣльныхъ извѣстіяхъ мѣстнаго происхожденія, объ этомъ свидѣтельствуютъ извѣстіе епископа Симона въ Печерскомъ Патерикѣ о «лѣтописцѣ старомъ ростовскомъ» и уцѣ-

лѣвшій до нашего времени «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго», составленный въ началѣ XIII вѣка. Продолжалось также, по примѣру кіевской Руси, соединеніе первообразныхъ лѣтописей въ лѣтописные своды, но здѣсь сказалась рѣзкая новая черта,—объединительная московская тенденція, выразившаяся, разумѣется, не сразу, а подготовленная исподоволь. Первыя попытки составленія общерусскаго лѣтописнаго свода, «великаго лѣтописанія», исходятъ отъ митрополита; изслѣдователи предполагаютъ существованіе двухъ такихъ обширныхъ компиляцій,—одной въ началѣ XIV в., другой въ его концѣ. Около 1423 года въ канцеляріи митрополита изъ этихъ первоначальныхъ сводовъ, изъ мѣстныхъ лѣтописей, хронологическихъ сборниковъ, произведеній духовной литературы, грамотъ, посланій, юридическихъ актовъ и произведеній народной словесности былъ составленъ первый законченный общерусскій лѣтописный сводъ, такъ называемый «Владимірскій полихронъ». Это было произведеніе, совершенно лишенное какой бы то ни было политической тенденціи. Въ 1448 году въ Новгородѣ былъ составленъ на основаніи «Владимірскаго полихрона» другой сводъ, отличающійся преобладаніемъ новгородскихъ извѣстій,— это извѣстная теперь «Новгородская 4-я лѣтопись». Этотъ сводъ перерабатывался въ Новгородѣ въ послѣдующее время, а во второй половинѣ XV и въ первой четверти XVI вѣка въ Москвѣ возникло нѣсколько передѣлокъ «Владимірскаго полихрона» съ добавленіемъ данныхъ, заимствованныхъ изъ свода новгородскаго. Такъ послѣдовательно сложились части извѣстныхъ теперь лѣтописей двухъ Софійскихъ, Воскресенской и Никоновской. Въ Москвѣ сводному лѣтописному разсказу придана была и объединительная политическая тенденція отразившая на себѣ процессъ собиранія Руси. Впрочемъ, эта тенденція далеко не единственная въ лѣтописаніи удѣльнаго періода: напр., есть лѣтописи, отражающія противоположные взгляды, смѣющіеся надъ походомъ Ивана III на Ахмата, надъ бѣгствомъ великой княгини Софіи отъ татаръ и т. д.

Чрезвычайно важное, какъ показатели новыхъ интересовъ, явленіе представляютъ собою хронографы. Это не что иное, какъ первыя русскія руководства по всеобщей исторіи, свидѣтельствующія своимъ содержаніемъ о постепенномъ расширеніи историческаго кругозора древнерусскихъ читателей. Старѣйшей формой хронографа былъ такъ называемый «Еллинскій и Римскій лѣтописецъ», составленный въ XV вѣкѣ. Въ 1512 году появилась вторая редакція этой компиляціи,—собственно «Хронографъ».

Уже въ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ замѣтны политическіе мотивы и тенденціи. То же мы видѣли сейчасъ въ отдѣльныхъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время. Помимо всего этого появилась, однако, и спеціальная *политическая литература*. Два основныхъ вопроса волновали политическихъ писа-

телей того времени; во-первыхъ, вопросъ о положеніи и значеніи верховной власти, власти великаго князя московскаго; во-вторыхъ, вопросъ о правѣ монастырей владѣть земельными богатствами и о правѣ монаховъ быть политическими совѣтниками государей. По отношенію къ этимъ вопросамъ политическіе писатели удѣльнаго періода дѣлятся на двѣ враждебныхъ одна другой группы: одна можетъ быть названа іосифлянской, хотя она во многомъ отступила отъ клерикализма Іосифа Санина, поставивъ на первый планъ власть великаго князя безъ ея подчиненія церковному авторитету; другая вышла, главнымъ образомъ, изъ среды заволжскихъ старцевъ, хотя опять-таки пошла дальше своего учителя Нила Сорскаго, не задававшагося политическими темами, имѣвшаго въ виду лишь религіозно-нравственные вопросы и задачи.

Іосифлянская группа политическихъ писателей, унаслѣдовавъ давно уже проводившуюся духовенствомъ идею о богоустановленности власти и усвоивъ представленія о томъ, что Константинополь палъ вслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха во флорентійской уніи, и что истинное благочестіе сохранилось только на Руси, развила изъ этихъ основъ цѣлую стройную и сложную теорію значенія, задачъ и цѣлей православнаго русскаго царства. Въ византійской литературѣ,—напр., въ сочиненіяхъ Меѳодія Патарскаго, Льва Премудраго, въ такъ называемыхъ видѣніяхъ пророка Даніила—было немало мистическихъ пророчествъ о судьбѣ Царьграда. Въ числѣ этихъ пророчествъ было одно, въ которомъ говорилось, что «родъ русыхъ» (ξανθὸν γένος) побѣдитъ всего Измаила и овладѣетъ Седмихолмымъ. Этотъ «родъ русыхъ» у русскихъ книжниковъ, составлявшихъ сказанія о паденіи Царьграда, замѣненъ былъ «родомъ русскихъ». Затѣмъ, въ 1492 г. во вновь составленной на восьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра пасхаліи великій князь Иванъ III названъ былъ новымъ царемъ Константиномъ, а Москва—новымъ Константинополемъ. Подобныя представленія почерпались также изъ византійскаго сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, передававшаго о томъ, какъ греческій императоръ Левъ отправилъ въ Вавилонъ пословъ, чтобы взять знаменіе отъ трехъ отроковъ, не сгорѣвшихъ въ пещи, и добыть вещи Навуходоносора; послѣ многихъ опасностей послы принесли ему царскій скипетръ и шапку Мономаха. Эта легенда пополнялась другой – такъ называемой «Исторіей властодержцевъ отъ Ноя»: отъ Ноя здѣсь выводился Августъ, потомкомъ миѳическаго брата котораго Пруса объявлялся нашъ Рюрикъ, отъ Рюрика же произошелъ Владиміръ Святой, который послѣ войны съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ получилъ отъ него часть животворящаго креста и царскій вѣнецъ. Послѣ брака Ивана III съ Софіей Палеологъ эти мотивы соединились съ новымъ элементомъ,—указанной сейчасъ теоріей преемства Москвы отъ Константинополя въ дѣлѣ охраны православія. Еще въ 60-хъ

годахъ XV в. правительство проводило такую теорію въ особо составленной брошюрѣ «Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню». Однимъ изъ литературныхъ предшественниковъ «Слова на латыню» было извѣстное уже намъ «Посланіе инока Саввы на жидовъ и на еретики», гдѣ великій князь Василій Васильевичъ названъ «потвердникомъ благочестія». Въ «Словѣ» онъ именуется «богошественнымъ поспѣшникомъ истинѣ, высочайшимъ исходатаемъ благовѣрія, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ божественнаго закона, истинныя вѣры православія, боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси». Но наиболѣе яркимъ выраженіемъ политической теоріи русскаго царства были составленныя въ XVI в. три посланія старца псковского Елеазарова монастыря Филоѳея—одно къ великому князю Василію III, другое къ дьяку Мунехину, третье къ царю Ивану IV, написанныя почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Основная идея посланій выражена такъ: «два Рима пали, третій (т.-е. Москва) стоитъ, а четвертому не быть». Здѣсь говорится, по собственнымъ словамъ автора, «о православномъ царствѣ пресвѣтлѣйшаго и великостольнѣйшаго государя нашего, единственнаго во всей поднебесной христіанскаго царя, браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ, св. вселенской и апостольской церкви, которая просіяла вмѣсто церкви римской и константинопольской и утвердилась въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ и которая одна во всей вселенной и лучше солнца свѣтится. Всѣ другія христіанскія царства исчезли совершенно и соединились въ одно царство нашего государя».

Такова была теорія московскаго православія и самодержавія, отстаивавшаяся политическими писателями іосифлянской партіи. Тѣ же іосифляне, по примѣру своего учителя, горячо защищали право монастырей владѣть землей. Такъ, въ самомъ началѣ XVI вѣка было составлено «Слово кратко» въ защиту монастырскихъ имуществъ, приписываемое нѣкоторыми извѣстному переводчику при новгородскомъ архіепископѣ Геннадіи бывшему доминиканцу Веніамину. Здѣсь проводится идея неотчуждаемости церковныхъ имѣній, обосновываемая ученіемъ о святости права собственности и неотъемлемости имущества, посвященнаго Богу. Насильственное лишеніе церкви ея имущества приравнивается къ святотатству, наказываемому отлученіемъ отъ церкви, анаѳемой, эпитиміей и лишеніемъ погребенія.

Страстный тонъ іосифлянской публицистики служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что идеи, ею отстаиваемыя, встрѣчали сильное сопротивленіе, что была политическая литература иного направленія. Какъ было уже сказано, она вышла изъ среды заволжскихъ старцевъ. Самымъ замѣчательнымъ политическимъ памфлетомъ этого направленія является такъ называемая «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа», составленная въ первой половинѣ 50-хъ годовъ XVI вѣка. Политическая теорія «Бесѣды» прямо противоположна

іосифлянской, противорѣчитъ ей рѣшительно во всѣхъ пунктахъ. Вотъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ, доказывающихъ это: «царемъ и великимъ княземъ достоитъ изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою збирати и всякія дѣла дѣлати милосердно съ своими князи и съ боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки»; «подобаетъ инокомъ пріимати годовая урочная милостыня, всему иноческому и священническому и нищенскому чину, а вотчинъ и волостей со христіаны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати»; «аще гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ, ту милости Божія нѣсть».

Изъ сказаннаго видно, какимъ важнымъ и новымъ явленіемъ была на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси политическая публицистика. Она была отраженіемъ того усложненія реальныхъ отношеній, хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ, которое такъ характерно для конца удѣльнаго періода и которое черезъ посредство психологической организаціи общества повліяло на всѣ элементы духовной культуры.

Остается только указать на состояніе *научныхъ знаній*. Безъ сомнѣнія, и здѣсь наблюдаются какъ наслѣдіе старины, такъ и зародыши новыхъ, болѣе правильныхъ научныхъ идей. Остаткомъ прошлаго надо признать то обстоятельство, что попрежнему пользовались еще значительнымъ авторитетомъ среди читателей «Физіологъ» и сочиненіе Козьмы Индикоплова. Но потребность въ болѣе обширныхъ, основательныхъ и, главное, дѣйствительно научныхъ познаніяхъ по естественнымъ наукамъ была настолько велика и настоятельна, что количество пособій по естествознанію стало быстро расширяться. Такъ пріобрѣлъ значеніе извѣстный уже намъ «Луцидаріусъ», въ которомъ отразились естественно-научныя знанія средневѣкового европейскаго запада. Далѣе: съ цѣлью толкованія непонятныхъ словъ и выраженій составленъ былъ такъ называемый «Азбуковникъ»; онъ скоро превратился въ цѣлую энциклопедію, главнымъ образомъ по естествознанію. Въ концѣ XIV вѣка была переведена съ греческаго поэма греческаго писателя VII вѣка Георгія Писиды, содержавшая въ себѣ описаніе явленій природы. Въ XV столѣтіи переведены географія Помпонія Мелы и нѣсколько астрономическихъ и астрологическихъ книгъ. Но и все это мало удовлетворяло любознательныхъ людей того времени: въ различныхъ сборникахъ XV и XVI вѣковъ все чаще и чаще попадаются отдѣльныя переводныя статьи по естествознанію,— напримѣръ, о шарообразности земли, о громѣ и молніи и т. д. Однимъ словомъ, наблюдается постепенное, хотя и медленное, расширеніе и углубленіе знаній о природѣ.

Слабѣе развитъ былъ интересъ къ другимъ наукамъ. Впрочемъ, и здѣсь нельзя отрицать постепенное усиленіе вниманія читающей публики къ серьезному знанію: такъ, были переведены въ XV вѣкѣ ариѳметика и риторика. Содержаніе старинныхъ, переведенныхъ съ греческаго «Пчелъ» стало подвергаться немаловажнымъ измѣненіямъ и

дополненіямъ. Такъ, въ одной «Пчелѣ» XIV—XV вѣковъ трактуются, между прочимъ, важные вопросы «о власти и княженьи», «о ученьи и бесѣдѣ», «о любомудріи и о ученьи», «о законѣ». Во всемъ этомъ нельзя не видѣть возрастающаго интереса къ серьезному знанію.

Глава седьмая.

Литература по исторіи сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ.

Всякій, начинающій изученіе исторіи сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ, обязанъ, прежде всего, обстоятельно познакомиться съ недавно вышедшимъ первымъ выпускомъ «Курса русской исторіи проф. Ключевскаго. Другимъ общимъ пособіемъ являются соотвѣтствующія части «Очерковъ по исторіи русской культуры» г. Милюкова.

Естественныя условія сѣверо-восточной Россіи могутъ быть характеризованы по трудамъ г. Воейкова и Сибирцева, названнымъ уже въ первой части нашего «Обзора». Въ частности для исторіи колонизаціи нѣтъ сводной, обобщающей работы, кромѣ очерка въ названномъ сейчасъ трудѣ г. Милюкова, и потому наиболѣе подходящими первоначальными пособіями для ея изученія могутъ служить труды по мѣстной исторіи, напр. г. Борзаковскаго «Исторія Тверского княжества», г. Пловайскаго «Исторія Рязанскаго княжества», г. Корсакова «Меря и Ростовское княжество .

Въ этихъ же сочиненіяхъ собранъ нѣкоторый матеріалъ по исторіи экономическаго быта, при изученіи которой первоначальными пособіями могутъ также служить книги Аристова «Промышленность древней Руси» и пишущаго эти строки, «Городъ и деревня въ русской исторіи» и «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.». Въ частности для исторіи землевладѣнія можно на первую очередь выдвинуть труды Неволина (Полное собраніе сочиненій, томъ IV), г. Рождественскаго «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.», Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» и проф. Горчакова «О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода». Третій томъ «Древностей русскаго права» г. Сергѣевича также трактуетъ о исторіи хозяйства и землевладѣнія въ удѣльное время (см. мою рецензію на эту книгу въ журналѣ «Правда» за 1904 г., № 1).

Соціальныя отношенія слѣдуетъ изучать по соотвѣтствующимъ главамъ «Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи» Градовскаго, по книгамъ Бѣляева «Крестьяне на Руси», г. Дьяконова «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», г. Лаппо-Данилевскаго «Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ» и по первому тому «Русскихъ юридическихъ древностей», г. Сергѣевича, а также по чрезвычайно важнымъ статьямъ г. Ключевскаго «Происхожденіе крѣпостного

права въ Россіи» (въ «Русской Мысли» за 1885 годъ), «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи» (тамъ же за 1886 годъ) и г. Павлова-Сильванскаго «Закладничество-патронатъ» (въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества» томъ IX, вып. 1, 2), «Иммунитетъ въ удѣльной Руси» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за 1900 г., № 12) и «Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси» (тамъ же за 1901 годъ).

Основными, стоящими на первой очереди при изученіи сочиненіями по политической исторіи удѣльнаго сѣверо-востока надо признать слѣдующія: Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», Чичерина «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей» (въ «Опытахъ по исторіи русскаго права»), г. Сергѣевича «Русскія юридическія древности», томъ II, г. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси», Градовскаго «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи», г. Дьяконова «Городовые приказчики» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 г., № 1), г. Милюкова «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства», Осокина «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи». Дмитріева «Исторія судебныхъ инстанцій», г. Дювернуа «Источники права и судъ въ древней Россіи».

По исторіи церкви особенно важны «Исторія русской церкви», томъ II, первая половина—г. Голубинскаго, «Исторія русской церкви» митрополита Макарія, томы III, IV, V и VI, и «Руководство къ русской церковной исторіи» г. Знаменскаго.

Общія пособія по исторіи искусства и литературы — прежнія: «Исторія русскаго искусства» г. Новицкаго и «Исторія русской литературы» г. Пыпина. Кромѣ того, по исторіи литературы можно выдвинуть на первую очередь изученія еще слѣдующія сочиненія: г. Шахматова «Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв.» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 г., №№ 9 и 11, и за 1901 г., № 11), г. Соболевскаго «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.», г. Дьяконова «Власть московскихъ государей».

Послѣ изученія названныхъ трудовъ можно обращаться къ источникамъ, въ нихъ указаннымъ, а затѣмъ уже наступаетъ очередь изученія другихъ спеціальныхъ сочиненій.

Цѣна 1 рубль.

2020075366